ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 11-12
НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1932

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая. — К предстоящему 50-летию со дня смерти К. Маркса 1

Из подготовительных работ к «К критике политической экономии». (Из неопубликованных экономических рукописей К. Маркса) 8

А. Леонтьев. — К рукописи Маркса 41

Я. Мушперт. — О предмете «Капитала» 63

М. Каммари и П. Юдин. — Тов. Сталин о разработке Лениным материалистической диалектики 95

Н. Бобровников. — Преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей 118

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СПИНОЗЫ

М. Савельев. — К юбилею Спинозы 146

М. Митин. — Спиноза и диалектический материализм 153

И. Луппол. — Историческое значение философии Спинозы 180

РАБОТЫ СЕМИНАРОВ ИКП

Е. Ситковский.—К вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания 190

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Брушлинский. — О книге Филиппа Франка «Закон причинности и его границы» 208

В. Б. — О книге Дунина-Борковского «Спиноза по прошествии 300 лет» 227

Н. Веселов. — «Научные основы селекции и эволюционное учение» — проф. В. Ф. Нафтали 230

Тематический указатель статей, помещенных в журнале «ПЗМ» за 1932 г. I

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ № 11—12 1932 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — К предстоящему 50-летию со дня смерти К. Маркса (1). Из подготовительных работ к «К критике политической экономии» (Из неопубликованных экономических рукописей К. Маркса) (8). **А. Леонтьев** — К рукописи Маркса (41). **Я. Мушперт**—О предмете «Капитала» (63). **М. Каммари и П. Юдин**—Тов. Сталин о разработке Лениным материалистической диалектики (95). **Н. Бобровников** — Преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей (118). К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СПИНОЗЫ. **М. Савельев** — К юбилею Спинозы (146). **М. Митин** — Спиноза и диалектический материализм (153). **И. Луппол** — Историческое значение философии Спинозы (180). РАБОТЫ СЕМИНАРОВ ИКП. **Е. Ситковский** — К вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания (190). КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. **В. Брушлинский** — О книге Филиппа Франка «Закон причинности и его границы» (208). **В. Б.** — О книге Дунина-Борковского «Спиноза по прошествии 300 лет» (227). **Н. Веселов** — «Научные основы селекции и эволюционное учение» — проф. **В. Ф. Натали** (230). **Тематический указатель статей, помещенных в журнале «П. З. М.» в 1932 г.** (237).

К предстоящему 50-летию со дня смерти К. Маркса

В марте 1933 г. исполняется 50 лет со дня смерти Карла Маркса. Полстолетия прошло, как умер великий творец коммунистического учения, основоположник научного социализма и организатор борьбы за пролетарскую революцию. За этот срок, незначительный срок с точки зрения всей истории человечества, учение Маркса овладело миллионами пролетариев и угнетенных мира, стало составной частью их повседневной жизни и борьбы.

На могиле Маркса в 1883 г. друг и соратник его Фридрих Энгельс говорил: «Как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории... Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием сверхстоимости здесь все внезапно осветилось и стало ясным, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках... Маркс сделал открытия в каждой области, которую он исследовал, а таких областей было немало. Он сделал самостоятельные открытия даже в области математики.

Таков он был, как ученый. Но это не охватывало и половины его личности...

Маркс прежде всего был революционером. Истинным призванием его было содействовать разрушению капиталистического общества и созданных им государственных учреждений. Содействовать освобождению современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения».

Современный пролетариат, порожденный развитием капиталистического способа производства в середине XIX в., сложился в самостоятельный класс. С первых шагов своего формирования как класса (еще будучи классом «в себе») пролетариат выступает на борьбу за свои интересы против капитализма. Больше того, Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» писал, что «при каждом крупном восстании горожан вспыхивало самостоятельное движение того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата» (изд. Института Маркса—Энгельса, 1931 г., стр. 37).

Но эта борьба, как правило, носила стихийный характер, была направлена на удовлетворение требований текущего дня, добивалась тех или иных частичных улучшений в условиях труда, зарплаты, добивалась тех или иных частичных уступок у правительств в области законодательства.

Борьба рабочих против буржуазии не носила до конца последовательного характера. Задачи текущей борьбы не увязывались с ее конечными результатами — с пролетарской революцией, с диктатурой пролетариата, с полным уничтожением о с н о в капиталистического способа производства, с построением социалистического общества.

«Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса возникали и соответствующие теории: утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)» (Энгельс, там же, стр. 37).

Позднее, в XIX веке, возникает ряд революционных заговорщических организаций, создаются бланкистские теории внезапного свержения буржуазного строя путем тайного заговора и т. д. и т. п.

Много прекрасных героических страниц в эту эпоху пролетариат вписал в историю борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства. Но этой борьбе нехватало главного: научного понимания истинных законов развития капитализма и законов классовой борьбы; нехватало цельного единого мировоззрения, которое бы соединило в единую стройную систему всю историю человечества, весь опыт всей революционной борьбы, недоставало мировоззрения, которое, критически переработав все достижения культуры и науки, взяло бы из этого лучшее и поставило бы на службу классовым интересам пролетариата, недоставало собственной науки пролетариата, его осознанной и научно обоснованной идеологии; нехватало научной пролетарской программы, стратегии и тактики пролетарской борьбы, недоставало мощной организующей революционной силы п а р т и и р а б о ч е г о к л а с с а.

Эта великая задача — выработка строго научного мировоззрения пролетариата и создание его партии — выпала на долю Карла Маркса. На

третьем с'езде комсомола в 1920 г. Ленин говорил: «И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставил без внимания. Все то, что человеческой мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли» (т. XXV, изд. 2-е, стр. 387).

Марксизм по своему содержанию является в первую очередь выводом из законов капитализма, из законов классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Но «по своей теоретической форме» (Энгельс) марксизм есть продукт всей истории предшествующего развития человеческого познания. «Как всякая новая теория, социализм должен был примкнуть к порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко в материальных экономических факторах» (Энгельс).

Такими ближайшими предшественниками марксизма и его историческими источниками являлись английская политическая экономия, немецкая классическая философия и французский социализм.

Маркс и Энгельс гениально продолжили и завершили эти идейные течения XVIII—XIX вв. Марксизм вылился в строго научное материалистическое мировоззрение. Ленин неоднократно говорил, что марксизм — цельное мировоззрение, вылитое из единого куска стали, из которого нельзя из'ять ни одной его части, нельзя отойти, оставаясь верным пролетариату, ни от одного из принципиальных положений.

Маркс создал величайший из всех когда-либо бывших философских учений — диалектический материализм. Философский материализм Маркса и Энгельса преодолевает всю непоследовательность старого материализма. Коренным пороком старого материализма были — созерцательность, недейственность, неумение взглянуть на мир как на развивающийся процесс. Старый материализм не умел подойти к познанию мира с точки зрения человеческой практики. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — до фейербаховского включительно — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность, рассматривается только в форме об'екта или в форме созерцания, а не как чувственно человеческая деятельность, не в форме практики, не суб'ективно» (Маркс, «Тезисы о Фейербахе»). Великое приобретение классической немецкой идеалистической философии — гегелевскую диалектику — Маркс и Энгельс критически преодолели, поставив ее с го-

ловы на ноги. Изучив законы природы и общества, на основе всего этого они создали материалистическую диалектику.

«Маркс и я были единственными, которые из немецкой идеалистической философии спасли сознательную диалектику, перенеся ее в материалистическое понимание природы и истории» — писал Энгельс в предисловии к «Анти-Дюрингу».

Маркс и Энгельс материалистическое понимание природы перенесли, последовательно продолжили его, распространили на общественные явления. «Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, почти полстолетия, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно, показывали, как надо проводить тот же материализм в области общественных наук, беспощадно отметая, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, приобрести «новое» направление и т. д.» (Ленин, т. XIII, стр. 275).

Продолжив философский материализм в области общественных явлений, Маркс дал единственно научное об'яснение истории развития человеческого общества.

Марксизм учит, что классовая борьба является движущей силой исторического процесса во всех классовых общественно-экономических формациях. Буржуазные экономисты и историки знали о существовании классов, старались даже дать их историческое об'яснение и вскрыть экономическую анатомию классов.

Но только лишь Марксу удалось дать действительно научное об'яснение классового общества и борьбы классов. Маркс открыл и конкретно исследовал как историю, так и экономическую анатомию классов в отличие от буржуазных историков и экономистов с исключительной научной точностью и гениальным предвидением путей, перспектив и развития классового общества. Маркс доказал, и история целиком подтвердила это, что 1) классы возникли лишь на определенной исторической ступени развития общества; 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что диктатура пролетариата является переходным периодом от капитализма к коммунизму.

Величие Маркса не только в том, что он был гениальным ученым, великим творцом науки рабочего класса. Маркс был прежде всего революционером, практически участвуя в великой борьбе рабочего класса за его окончательное освобождение. Маркс был руководителем и вождем рабочего движения в ряде стран и в первую очередь в Германии. Маркс был организатором и вождем первого Международного об'единения рабочих. Он был вдохновителем и вождем Парижской коммуны 1871 г.

Одним из коренных положений марксизма является учение о единстве теории и практики.

Маркс всей своей деятельностью, как ученый и революционер, прекрасно показал, как надо понимать это единство. Он неоднократно говорил, что каждый шаг действительно революционного движения дороже сотни лучших надуманных программ.

Учение Маркса еще при жизни его приобрело всемирную известность. Маркс видел, как дело его жизни, его учение, становится достоянием миллионов рабочего класса. Он имел счастье видеть, как теория, овладевая массами, становится величайшей материальной силой. К концу его жизни рабочее движение после ряда жесточайших поражений вновь приняло широкие размеры, в каждой стране возникали революционные пролетарские партии. В отличие от эпохи I интернационала эти партии носили более выдержанный классовый характер, носили более массовый характер. В основу своих программ пролетарские партии положили принципы, выработанные Марксом. Маркс и Энгельс с исключительным вниманием следили за жизнью и борьбой этих партий, критикуя их, исправляя ошибки, помогая итти вперед.

Маркс создал не только пролетарское учение — теорию научного социализма, Маркс не только указал истинные пути победы рабочего класса. Он создал учение о стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата и успешно осуществлял его на практике. В «Коммунистическом манифесте» он писал: «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущее движение». Маркс всесторонне анализировал успехи борьбы рабочего класса, всесторонне и тщательно изучал условия этих успехов, каждый раз конкретно-исторически выявляя союзников и врагов его. Одним из великих политических стратегических и тактических положений Маркса является учение о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства. В 1856 г. Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны».

Маркс в революции видел величайшую творческую силу. В эпоху революции история ускоряет свой ход. Революционные эпохи неимоверно насыщаются творчеством масс. Из недр рабочего класса поднимаются миллионы талантливых политиков, организаторов и государственных деятелей. Революции, говорил Маркс, локомотивы истории. 20 лет равняются одному дню в великих исторических событиях, «хотя после этого и могут снова наступить дни, в которых сконцентрируется 20 лет» — писал он Энгельсу в 1863 г.

Революционное движение рабочего класса целиком впитало в себя учение Маркса. После Маркса и Энгельса это учение в новых исторических условиях, в новую эпоху развития капитализма — в эпоху империализма, нашло свое дальнейшее развитие в учении их гениальнейшего последователя, в учении Ленина.

В своей известной статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса», написанной в марте 1913 г., Ленин писал следующие пророческие строки: «после появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший

триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха». Говоря о трех великих эпохах, Ленин имел в виду, во-первых, эпоху, начиная с появления «Коммунистического манифеста», революции 1848 г. вплоть до Парижской коммуны, когда марксизм появляется на историческую сцену, отстаивает свое существование, развивает исключительное богатство своего революционного содержания, но не является еще господствующим в рабочем движении; во-вторых, эпоху так называемого «мирного» развития капитализма (1872 — 1904 гг.), когда «диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет его врагов переодеваться марксистами», когда старый либерализм оживает в виде социалистического оппортунизма; и наконец третий период — эпоху империализма, эпоху скачкообразного революционного развития, эпоху «величайших мировых бурь». Империалистическая война 1914 г., победа пролетарской революции в России, укрепление диктатуры пролетариата на одной шестой земного шара, гигантские, всемирно исторического масштаба, победы пролетариата в деле построения социализма, мировое значение итогов первой пятилетки, развал капиталистического хозяйства и приближение нового тура революций и войн подтверждают пророческий прогноз Ленина, означают невиданный в истории триумф учения Маркса и Энгельса, гениального продолжателя марксизма новой эпохи—Ленина, и его величайшего из соратников и лучшего ученика — Сталина, продолжающего и развивающего учение ленинизма.

Ленин подошел к марксизму не как к догме, а как к руководству к действию. Изучая с такой же тщательностью и глубиной, с таким же гениальным проникновением диалектику об'ективного мира, Ленин нашел полное подтверждение учения марксизма в новых закономерностях, которые давала эпоха империализма. Ленин восстановил подлинную чистоту марксистского учения на основе решительной борьбы с оппортунизмом, центризмом во II интернационале. Ленин обогатил марксизм и развил его дальше решительно во всех основных его вопросах.

Эпоха Ленина явилась эпохой полного торжества учения Маркса и Энгельса. Капитализм вступил в последнюю фазу своего развития. Пролетариат выступил на борьбу за окончательную победу над капитализмом и победил в величайшей стране, равной одной шестой земного шара.

Пятнадцать лет пролетарской диктатуры с исключительной силой на практике подтвердили всю правоту и гениальность учения Маркса—Энгельса—Ленина.

Марксизм-ленинизм стал величайшей и несокрушимой силой, имеющей за собой такой силы аргумент, как победоносное строительство социализма. Пролетариат Советского союза победоносно завершил выполнение пятилетнего плана. Выполнение пятилетки является торжеством учения марксизма-ленинизма. На смену капитализму как анархическому способу производства пришел новый общественный строй — социалистический. Пролетариат уничтожил анархию капиталистического производства, на место капиталистиче-

ской монополии и существующей наряду с ней конкуренции он выдвинул плановое социалистическое производство, которое окончательно уничтожит эксплоатацию человека человеком.

Марксизм-ленинизм, восторжествовавший целиком, и теоретически и практически, в великом строительстве социалистического общества, идет к полному своему торжеству на всем земном шаре. Зреют новые волны пролетарской революции. Капиталистический мир ведет новые империалистические войны: война Японии против Китая, война между Боливией и Парагваем.

В нашу величайшую эпоху марксизм-ленинизм свое блестящее развитие находит в работах т. Сталина. Все новое, сложное, что дает современная эпоха, с исключительной глубиной и гениальностью, с точки зрения марксистского метода, с точки зрения диалектики Маркса—Ленина анализируется в работах Сталина и решениях нашей партии и Коминтерна.

50-ю годовщину со дня смерти великого основателя научного социализма — Карла Маркса — пролетариат Советского союза отмечает затем, чтобы это учение еще больше, еще глубже продвинуть — до самых широких масс рабочего класса и колхозников, чтобы еще больше и глубже проникнуть в это великое создание человеческого гения, еще дальше и глубже понять закономерности нашей эпохи, чтобы еще сильней вооружить себя на окончательную победу над капитализмом и на полную победу социализма во всем мире.

Из подготовительных работ к „К критике политической экономии“

(Из неопубликованных экономических рукописей Маркса)

Публикуемая рукопись относится к подготовительным работам Маркса к «Критике политической экономики». В одном из своих писем, говоря о «К критике», Маркс указывает, что эта работа явилась результатом пятнадцатилетнего труда. В предисловии к «Критике» Маркс, сообщая план своего исследования в целом и характеризуя содержание первого выпуска, содержащего первые две главы (1. Товар и 2. Деньги или простое обращение), пишет: «Весь материал лежит предо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе. Дальнейшая систематическая обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств».

Результаты долголетних занятий Маркса политической экономией, предшествовавших выпуску им «К критике», сохранились как в виде большого количества тетрадей, в которых Маркс конспектировал прорабатываемую литературу, зачастую снабжая цитаты и изложение прочитанных книг более или менее обширными собственными замечаниями и рассуждениями, так и в виде ряда рукописей, содержащих в себе изложение, написанное самим Марксом, и представляющих собою упоминаемые в предисловии к «Критике» монографий. Среди этих монографий последняя по времени написания представляет собой ряд тетрадей, текст которых был написан между январем 1857 г. и первой половиной 1859 г. В состав этой монографии входит прежде всего семь тетрадей (общим об'емом свыше 40 печатных листов), пронумерованных Марксом римскими цифрами, от I до VII. Первая тетрадь сверх того обозначена Марксом буквами АС. Содержание этих тетрадей в общем представляет собой связное целое. Оно охватывает главным образом круг проблем первого тома «Капитала»: стимость, деньги, превращение денег в капитал, производство прибавочной стоимости, производительный и непроизводительный труд, накопление капитала, первоначальное накопление и т. д. Далее, в этих рукописях рассматривается ряд проблем, впоследствии составивших содержание второго и третьего томов «Капитала»: производство и обращение, основной и оборотный капитал, воспроизводство капитала, превращение прибавочной стоимости в прибыль, падение нормы прибыли, купеческий капитал, кредит и процент и т. д. Помимо этих семи тетрадей в состав этой же монографии входят еще три тетради, обозначенные Марксом при помощи литер: B^{I}, B^{II} и M, общим об'емом около 10 печатных листов. Содержание первых двух тетрадей, обозначенных буквой В, посвящено главным образом проблеме денег; помимо того, в одной из этих тетрадей находятся: 1) составленное Марксом оглавление к одной из его цитатных тетрадей и 2) составленный Марксом же

подробный конспект всей серии тетрадей 1857 — 1859 гг., озаглавленный «Referate zu meinen eigenen Heften». Тетрадь М содержит «Введение к критике политической экономии», о котором Маркс упоминает в предисловии к «К критике» и которое увидало свет лишь через двадцать лет после смерти Маркса

Настоящая рукопись представляет собою первую половину тетради 1 (иначе АС).

Институт Маркса — Энгельса — Ленина.

К. Маркс, тетрадь 1 (АС). 1857 г.

II. Глава о деньгах

Alfred Darimon. De la Réforme des Banques. Paris. 1856.

[*Альфред Даримон. О реформе банков. Париж. 1856*].

«Все зло происходит от преобладающей роли благородных металлов, которую упорно сохраняют за ними в сфере обращения и обмена» (1,2).

[Он] начинает с мероприятий, которые французский банк принял в октябре 1855 г., чтобы приостановить усиливающееся сокращение своей наличности (3). [Он] хочет показать в статистической таблице положение этого банка в течение последних шести месяцев, предшествовавшим октябрьским мероприятиям. С этой целью [он] сопоставляет его запас металла в слитках в течение каждого из этих шести месяцев с «колебаниями портфеля», т. е. с числом произведенных банком учетных операций (имеющихся в его портфеле бумаг, векселей). Цифры, показывающие стоимость находящихся во владении банка обеспечений, выражают, по Даримону, «большую или меньшую нужду, которую публика испытывает в его услугах, или, что сводится к тому же, потребности обращения» (2). Что сводится к тому же? Нисколько. Если бы количество пред'явленных к учету векселей было тождественно с «потребностями обращения», денежного обращения в собственном смысле, то оборот банкнот должен был бы определяться количеством учтенных векселей. Однако, это движение в среднем большей частью не только не протекает параллельно, но часто — в противоположном направлении. Количество учтенных векселей и его колебания выражают потребности кредита, между тем, как количество обращающихся денег определяется совершенно иными влияниями. Чтобы притти к каким-либо выводам относительно обращения, Даримон должен был бы прежде всего, наряду с рубриками запаса металла в слитках и учтенных векселей, поставить рубрику о сумме находящихся в обращении банкнот. В самом деле, для того, чтобы говорить о потребностях обращения, нужно было очевидно сначала констатировать действительные колебания обращения. Отсутствие этого звена, столь необходимого для сравнения, сразу выдает как беспомощный диллетантизм, так и намеренное смешение потребностей кредита с потребностями денежного обращения, смешение, на котором в сущности покоится вся тайна прудоновской премудрости. ([Это напоминает] таблицу смертности, где на одной странице фигурируют заболевания, а на другой—смертные случаи, но были бы забыты данные о рождаемости). Обе рубрики (см. стр. 3), которые дает Даримон, рубрика металлического запаса банка с апреля по сентябрь—с одной стороны, движение его портфеля—с другой, ничего не выражают, кроме тавтологического факта, не требующего такого обилия статистических иллюстраций—[а именно], что по мере того, как банку пред'являлись векселя с целью получения от него металла, портфель банка наполнялся векселями, а в его подвале убывал металл. И даже эта тавтология, которую Даримон хочет доказать своей таблицей, в ней ясно не выражена. Таблица показывает, наоборот, что с 12 апреля по 13 сентября 1855 г. металлический запас банка

понизился приблизительно на 144 миллиона, между тем, как бумаги в его портфеле поднялись приблизительно на 101 миллион. Таким образом, убыль металлического запаса превосходит рост учтенных бумаг на 43 млн. Идентичность обоих движений не удается показать общим [1]) итогом за 6 месяцев. Более детальное сопоставление цифр показывает нам и другие несоответствия.

Металлический запас банка		Учтенные банком бумаги	
12 апреля	432.614.797 франк.	12 апреля	322.904.313
10 мая	420.914.028 „	10 мая	310.744.925

Иными словами: с 12 апреля по 10 мая металлический запас банка сократился на 11.700.769, в то время как сумма обеспечений возросла на 12.159.388, т. е. увеличение обеспечений превосходит уменьшение металлического запаса почти на ½ миллиона (458.619.000 фр.). Обратное явление, но в гораздо более выразительном размере обнаруживается, если сопоставить май и июнь.

Металлический запас банка		Учтенные банком бумаги	
10 мая	420.914.028	10 мая	310.744.925
14 июня	407.769.813	14 июня	310.369.439

Таким образом с 10 мая по 14 июня металлический резерв уменьшился на 13.144.215 франков. Возросли ли в том же размере его обеспечения? Наоборот, они за то же время сократились на 375.496 франков. Следовательно, здесь мы имеем дело не только с количественным несоответствием между величиной падения, на одной стороне, и величиной повышения, на другой. Сама обратная пропорциональность обоих движений исчезла. Огромное падение на одной стороне сопровождается сравнительно слабым падением на другой.

Металлический запас банка		Учтенные банком бумаги	
14 июня	407.769.813	14 июня	310.369.439
12 июля	314.629.614	12 июля	381.699.256

Сопоставление июньских и июльских цифр показывает уменьшение металлического запаса на 93.140.199 и увеличение обеспечений на 71.329.717, т. е. уменьшение металлического запаса на 21.810.482 франка превосходит увеличение портфеля.

Металлический запас банка		[Учтенные банком бумаги]	
		12 июля	381.699.256
12 июля	314.629.614		
9 августа	338.784.444	9 августа	458.689.605

Мы видим повышение на обеих сторонах—на стороне металлического запаса на 24.154.830, на стороне портфеля более значительное —на 66.990.349.

Металлический запас банка		(Учтенные банком бумаги)	
9 августа	338.784.444	9 августа	458.689.605
13 сентября	288.645.333	[13 сентября]	431.390.562

Падение металлического запаса на 50.139.111 франков сопровождается здесь падением обеспечений на 27.299.047 франков. (В декабре 1855 г., несмотря на рестриктивные мероприятия французского банка, его кассовая наличность снова уменьшилась на 24 миллиона).

[1]) Точнее: разбивается (scheitert).—Ред.

Соус, пригодный для гусака, годится и для гусыни. Истины, вытекающие из последовательного сопоставления каждого из 6 месяцев, обладают той же претензией на достоверность, как и истины, вытекающие из сопоставления обоих конечных пунктов, сделанного Даримоном. А что показывает сопоставление? Истины, которые друг друга уничтожают. Дважды наблюдался рост портфеля при падении металлического запаса, но при этом падение последнего не достигало размеров роста первого (апрель—май и июнь—июль). Дважды—падение металлического резерва, сопровождаемое падением портфеля, но при этом падение последнего не покрывает падения первого (май—июнь и август—сентябрь), наконец,—увеличение металлического запаса и увеличение портфеля, но при этом первое не покрывает второго. Падение на одной стороне, увеличение на другой; падение на обеих сторонах; увеличение на обеих сторонах, т. е. все, что угодно, но только не постоянная закономерность, только не обратная пропорциональность; нет даже взаимодействия, ибо падение портфеля не может быть причиной падения металлического запаса, а увеличение портфеля—причиной увеличения металлического резерва. Обратная пропорциональность и взаимодействие не подтверждается даже изолированным сравнением первого месяца с последним, которое производит Даримон. Поскольку увеличение портфеля на 101 миллион не покрывает уменьшения металлического запаса на 144 миллиона, то остается возможность, что между увеличением на одной стороне и уменьшением на другой нет никакой причинной связи. Статистическая иллюстрация не дает ответа, а наоборот, возбуждает ряд перекрещивающихся вопросов, вместо одной загадки—целая уйма. Загадочность действительно исчезает, как только г-н Даримон присоединяет к своим рубрикам металлического запаса и портфеля «учтенных бумаг» рубрику банкнотного обращения и вкладов. Оказывается, что превышение роста портфеля над падением металлического запаса об'ясняется тем, что одновременно возросли металлические вклады, или тем, что часть выданных при учете банкнот не была обменена на металл, а осталась в обращении, или, наконец, тем, что эти банкноты, не поступив в обращение, немедленно поступили обратно в виде вкладов или в порядке оплаты просроченных векселей. Падение металлического запаса, сопровождающееся менее значительным падением портфеля, об'ясняется тем, что из банка были затребованы вклады, или тем, что банку были пред'явлены к размену на металл банкноты, и его собственным учетным операциям был нанесен ущерб со стороны лиц, затребовавших вклады или разменявших банкноты. Наконец, менее значительное падение металлического запаса, сопровождавшееся менее значительным падением портфеля, об'ясняется теми же причинами (мы совершенно оставляем в стороне отлив для замещения серебряных денег в стране, так как Даримон этого не включает в круг своего рассмотрения). Но эти рубрики, которые таким образом об'ясняли бы друг друга, доказали бы также нечто такое, что вовсе не должно было быть доказано, [а именно], что удовлетворение растущих коммерческих потребностей банка вовсе не обуславливает неизбежно увеличение оборота его банкнот, что уменьшение или увеличение этого оборота не соответствует увеличению или сокращению металлического фонда, что банк не контролирует массы средств обращения и т. д., словом, такие выводы, которые отнюдь не согласуются с взглядами г-на Даримона. Спеша крикливо изложить свое предвзятое мнение — противоположность между металлической основой банка, представленный его металлическим запасом, и потребностями обращения, которые, по его мнению, представлены в портфеле, он вырывает из необходимости общего контекста две рубрики, которые в таком изолированном виде теряют всякий смысл, или, в лучшем случае, опровергают его. Мы остановились на этом факте для того, чтобы выяснить на

данном примере, какую ценность представляют статистические и положительные иллюстрации прудонистов. Экономические факты, вместо того, чтобы подтверждать их теории, лишь доказывают неумение прудонистов владеть фактами, чтобы уметь пользоваться ими. Их манера играть фактами показывает в свою очередь генезис их теоретической абстракции.

Последуем за Даримоном далее. Когда французский банк увидел, что его металлический запас уменьшился на 144 миллиона, а портфель возрос на 101 миллион, он 4 и 18 октября 1855 г. принял ряд мер для защиты своего подвала от своего портфеля. Банк последовательно повысил учетный процент с 4 до 5, затем с 5 до 6% и сократил срок принимаемых к учету векселей с 90 до 75 дней. Иными словами: банк ухудшил условия, при которых он предоставляет свой металл и распоряжение торговли. Что это доказывает? «То, что,— говорит Даримон,— банк, организованный на современных началах, т. е. на основе господства золота и серебра, отказывает публике в услугах как раз в тот момент, когда публика больше всего в них нуждается». Нужны ли были г-ну Даримону его цифры, чтобы доказать, что рост производства [1]) в той же мере удорожает услуги банка, в какой мере спрос пред'являет банку свои требования и обгоняет его? И разве те господа, которые представляют в отношении к банку «публику», не придерживаются той же «приятной житейской привычки»? Разве филантропы-хлеботорговцы, которые пред'являют векселя банку для получения банкнот, разменивают эти банкноты на банковское золото, затем обменивают банковское золото на заграничный хлеб с тем, чтобы потом продать этот хлеб за деньги французскому населению, разве они исходили из той мысли, что так как публика сейчас больше всего нуждается в хлебе, то их долг—отпускать хлеб по дешевым ценам; или они, наоборот, прибегали к помощи банка, чтобы использовать рост хлебных цен, народную нужду, несоответствие спроса и предложения? А разве банк должен быть из'ят из действия этого всеобщего экономического закона? Что за чушь! Но, быть может, современная организация банков приносит с собой необходимость накопления золота в столь большом количестве, что золото, которое в случае нужды в хлебе могло бы быть применено самым полезным для нации образом, осуждено на бездействие, что капитал, который должен был бы пройти прибыльные производственные превращения, делается непроизводительной и гнилой базой обращения? В этом случае речь шла бы таким образом о том, что при современной организации банков непроизводительный металлический запас все еще превосходит свой необходимый минимум, так как экономия золота и серебра в рамках обращения еще не сведена к его экономическому пределу. Дело идет о больших или меньших количествах—на той же основе. Однако, вопрос был бы низведен с социалистических высот в плоскость буржуазного практицизма, в каковой плоскости мы его и застаем у большинства английских буржуазных противников английского банка. Какое падение! Или же речь идет не о большей или меньшей экономии металла при помощи банкнот и других банковских приемов, а о полном отказе от металлической базы? Но тогда опять-таки статистическая басня не дает нужного нравоучения. Если банку при каких бы то ни было условиях приходится в случае нужды вывозить благородные металлы за границу, то он должен их предварительно накопить, а для того, чтобы заграница приняла их в обмен на свои товары, необходимо, чтобы их господство было закреплено.

Отлив благородного металла из банка, по мнению Даримона, был вызван неурожаем и необходимостью ввести из-за границы хлеб. Он забывает про недостаточный сбор шелка и необходимость массовой закупки шелка в Китае.

[1]) Дословно: предложение (Zufuhr).—**Ред.**

Даримон говорит далее: многочисленные крупные операции, совпавшие с последними месяцами парижской промышленной выставки. Он опять забывает про крупные спекулятивные операции за границей, которые проводили Crédit Mobilier и его соперники, чтобы, как говорит Исаак Перейр, показать, что французский капитал отличается от других капиталов своим космополитическим характером, точно так же, как французский язык—от других языков; кроме того, про непроизводительные расходы, вызванные восточной войной. Заем в 750 миллионов. Таким образом, с одной стороны—крупный внезапный прорыв в двух важнейших отраслях французского производства; с другой стороны—необычное применение французского капитала на заграничных рынках в предприятиях, которые отнюдь не создавали непосредственного эквивалента и, быть может, частично лишь покроют свои издержки производства. Для того, чтобы, с одной стороны, покрыть путем ввоза сокращение отечественной продукции, а с другой — усиленное инвестирование в заграничных предприятиях, для этого требовались не знаки обращения, служащие для обмена эквивалентов, а сами эквиваленты, не деньги, а капитал. Сокращение французского отечественного производства во всяком случае не было эквивалентом для приложения французского капитала за границей. Предположим теперь, что французский банк не покоился на металлической базе, и что заграница готова была принять французский эквивалент или капитал в любой форме, а не только в специфической форме благородных металлов. Разве банк не был бы точно так же вынужден повысить условия своего учета как раз в тот момент, когда «публика» больше всего прибегала к его услугам? Банкноты, при помощи которых банк учитывает векселя этой публики—не что иное, как чеки (Anweisungen) на золото и серебро. Согласно нашим предположениям они были чеками на национальный запас продуктов и на рабочую силу, могущую быть непосредственно использованной; первый ограничен, а вторая может увеличиваться лишь в очень точных пределах и в определенные периоды. С другой стороны—бумажный станок неистощим и действует как бы мановением волшебного жезла. Одновременно с тем, как неурожай хлеба и шелка сильно сократили национальное богатство, непосредственно пригодное к обмену, заграничные вложения в железнодорожных и горных предприятиях закрепили то же самое непосредственно пригодное к обмену богатство в такой форме, которая не создает непосредственного эквивалента, а, следовательно, на данный момент поглощает его без всякой компенсации! Непосредственно пригодное для обмена, для обращения и вывоза за границу национальное богатство, таким образом, условно сократилось. На другой стороне—неограниченный рост требований к банку (Bankanweisungen). Непосредственный результат: повышение цен на продукты, сырье и труд. С другой стороны—падение цены банкнот (Bankanweisungen). Банк не умножил мановением волшебного жезла национального богатства, а только обесценил собственные бумаги, посредством весьма обычной операции. С этим обесценением наступил внезапный застой в производстве. Да, нет же,—кричит прудонист. Наша новая банковская организация не удовлетворилась бы отрицательной заслугой—отменить металлическую основу, а все прочее оставить по-старому. Она создала бы совершенно новые условия производства и обмена, а значит, вступила бы в действие при совершенно новых предпосылках. Разве в свое время возникновение современных банков не революционизировало условий производства? Разве без концентрации кредита, осуществленной банками, без государственной ренты, которую они создали в противоположность земельной ренте,—а тем самым финансы в противоположность земельной собственности, доход с денег (moneyed interest) в противоположность доходу с земли (landed interest)—разве без этого нового института обращения могла бы возникнуть современная крупная промышленность, акционер-

ные предприятия и т. д., бесчисленные виды ценных бумаг, которые в равной мере являются как продуктами, так и условиями функционирования современной торговли и промышленности?

Тут мы подошли к основному вопросу, который уже не связан с исходным пунктом. Этот вопрос в общем виде заключается в следующем: возможно ли путем изменений орудия обращения—организации обращения—революционизировать существующие производственные отношения и соответствующие им отношения распределения? Спрашивается далее: может ли быть предпринято подобное преобразование (Transformation) обращения, не затрагивая существующих производственных отношений и покоящихся на них общественных отношений? Если каждое подобное преобразование обращения само в свою очередь предполагает изменение прочих производственных условий и общественные перевороты, то, естественно, заранее отпадает учение, которое предлагает всякие фокусы в сфере обращения, чтобы, с одной стороны, избежать насильственного характера перемен, а с другой стороны, хочет сами эти перемены сделать не предпосылкой, а наоборот, постепенным результатом перестройки обращения. [Выяснения] ошибочности этой основной предпосылки было бы достаточно, чтобы показать неправильное понимание внутренней связи между условиями производства, распределения и обращения. Историческая инстанция, указанная выше, не может, конечно, быть решающей, так как современные кредитные учреждения были в равной мере как следствием, так и причиной концентрации капитала; они образуют лишь один из моментов последней, а концентрация собственности ускоряется в той же степени недостаточным развитием обращения (как в древнем Риме), как и облегченным обращением. Следовало бы затем исследовать, или, вернее, поставить общий вопрос, могут ли различные культурные формы денег—металлические, бумажные, кредитные, рабочие деньги (последние как социалистическая форма) достичь того, что от них требуют, если не устранить самого производственного отношения, выраженного в категории денег; и не является ли опять-таки самоуничтожающимся требованием стремиться путем формального изменения какого-либо отношения избавиться (sich wegsetzen) от его существенных условий? Различные формы денег могут больше соответствовать отдельным ступеням общественного производства, устранять недостатки, с которыми другие формы не в состоянии справиться; но никакие формы, пока они остаются формами денег, и пока деньги остаются существенным отношением производства, не может устранить внутренне присущих отношению денег противоречий, а может лишь выражать их в той или иной форме. Ни одна форма наемного труда, хотя одна из них может справиться с недостатками другой, не в состоянии справиться с общим злом наемного труда. Один рычаг, быть может, лучше преодолевает сопротивление неподвижной материи, чем другой. Но каждый из них основан на сохранении сопротивления. Этот общий вопрос об отношении обращения к остальным производственным отношениям, разумеется, может быть поставлен лишь в конце. Заранее кажется подозрительным, что Прудон и его сподвижники даже не ставят его в его чистой форме, а лишь отделываются при случае декламацией на этот счет. Где этот вопрос затрагивается, следует каждый раз пристально присмотреться.

Уже из того, как Даримон приступает к делу, видно, что он полностью отождествляет денежное обращение и кредит, что экономически неправильно. (Даровой кредит, заметим мимоходом, есть лишь лицемерно-мещанская и трусливая форма для положения: «собственность, это—кража». Вместо того, чтобы рабочие о т о б р а л и у капиталистов капитал, капиталисты должны быть вынуждены о т д а т ь его рабочим). К этому также следует еще вернуться.

По существу разбираемой темы Даримон пришел лишь к тому выводу, что банки, торгующие кредитом, подобно тому, как купцы торгуют товаром или рабочие—трудом, продают его дороже, когда спрос повышается по сравнению с предложением, т. е. что они затрудняют публике пользование своими услугами в тот самый момент, когда она больше всего в них нуждается. Мы видели уже, что банк вынужден так поступать, независимо от того, выпускает ли он разменные или неразменные банкноты.

Образ действий французского банка в октябре 1855 г. послужил поводом для «неистовых воплей» (стр. 4) и «большого спора» между ним и представителями публики. Даримон резюмирует или пытается резюмировать эту дискуссию. На этом мы остановимся здесь лишь попутно, ибо его резюме обнаруживает слабость обоих противников, их беспрестанные скачки, нащупывание внешних причин. Каждый из обоих бойцов ежеминутно роняет свое оружие и ищет нового оружия. У обоих дело не доходит до ударов, не только потому, что они постоянно меняют оружие, которым должны сражаться, но также и потому, что, столкнувшись на одном месте, они тотчас же убегают на другое.

(С 1806 по 1855 гг. учетный процент во Франции не достигал 6%, а в течение 50 лет оставался неизменным трехмесячный срок платежа по торговым векселям).

Слабость, с которой банк защищается у Даримона, и его собственное неправильное представление видны, например, из следующего места его фиктивного диалога.

Противник банка говорит: «Благодаря вашей монополии, вы являетесь распределителем и регулятором кредита. Когда вы проявляете суровость, то дисконтеры не только вам подражают, но и превосходят вас по суровости... Ваши мероприятия вызвали застой в делах» (5).

Банк отвечает и притом «смиренно»: «А что же мне, по-вашему, было делать? — смиренно говорит банк. — Чтобы обезопасить себя от заграницы, я должен обезопасить себя от своих сограждан... Прежде всего я должен предотвратить отлив звонкой монеты, без которой я ничего не значу и ничего не могу поделать» (5).

Банку приписывается нелепость. Его заставляют уклониться от вопроса и прибегнуть к общей фразе, для того, чтобы иметь возможность ответить ему также общей фразой. В этом диалоге банк разделяет иллюзию Даримона насчет того, что благодаря своей монополии банк действительно регулирует кредит. На самом же деле сила банка начинается лишь там, где кончается сила частных дисконтеров, т. е. в тот момент, когда и его собственная сила уже чрезвычайно ограничена. Пусть банк при спокойном состоянии денежного рынка, когда всякий учет по 2½% на один момент остановится на 5%, тогда дисконтеры, вместо того, чтобы подражать ему, вырвут у него все операции из-под носа. Нигде это не обнаруживалось более наглядно, нежели в истории английского банка со времени закона 1844 г., который, в отношении учетных операций и т. д., превратил банк в подлинного соперника частных банкиров. Чтобы обеспечить себе известную долю и притом возрастающую долю учетных операций, английский банк постоянно был вынужден снижать процент, доводя его не только до уровня частных банков, но даже ниже. Таким образом, его «регулирование кредита» следует принимать cum grano salis, между тем, как Даримон свое суеверное представление о безусловном контроле банка на денежном рынке делает исходным пунктом.

Вместо того, чтобы критически исследовать условия действительной власти банка над денежным рынком, он тотчас цепляется за фразу, что наличность для банка—это все, что банк должен предотвратить ее отлив за границу. Один из профессоров Collége de France (Шевалье) возражает: «Зо-

лото и серебро—такие же товары, как и все другие. Металлический запас банка годится лишь для вывоза за границу в критические моменты в целях закупок». Банк отвечает: «Металлические деньги—не такой же товар, как все другие; они—орудие обмена и в силу этого титула они пользуются привилегией предписывать законы всем прочим товарам». Здесь Даримон прерывает бойцов: «Следовательно, этой привилегии, которой пользуются золото и серебро—быть единственно подлинными орудиями обращения и обмена—нужно приписать не только теперешний кризис, но вообще все периодические торговые кризисы». Чтобы справиться со всеми неприятностями кризисов, «достаточно было бы того, чтобы золото и серебро стали такими же товарами, как и остальные, или, точнее говоря, чтобы все товары стали средствами обмена на тех же правах (au même titre), как золото и серебро; чтобы продукты действительно обменивались на продукты» (5—7).

Как плоско поставлен здесь спорный вопрос! Поскольку банк выпускает чеки (Anweisungen) на металлические деньги (банкноты) и долговые обязательства на капитал, подлежащие оплате в золоте или серебре (депозиты), то он, само собой разумеется, лишь до известного момента может созерцать и переносить уменьшение своего металлического запаса, не реагируя на это. Это не имеет никакого отношения к теории металлических денег. К теории кризисов Даримона мы еще вернемся.

В главе «Краткая история кризисов обращения» г-н Даримон опускает английский кризис 1809—1811 гг. и ограничивается тем, что отмечает лишь назначение комиссии по слиткам в 1810 г., а, говоря о 1811 г., опять замалчивает подлинный кризис (начавшийся в 1809 г.), упоминая лишь о принятии палатой общин резолюций комиссии по слиткам [относительно того], «что высокие цены на слитки—признак обесценения банкнот», «что обесценение банкнот по отношению к слиткам вызвано не обесценением бумажных денег, а вздорожанием слитков» и о памфлете Рикардо, в котором выставляется противоположное утверждение, из чего выводом должно быть, что «наиболее совершенный вид денег—это бумажные деньги» (стр. 22, 23). Кризисы 1809 и 1811 гг. в данном случае тем важны, что банк выпускал тогда неразменные банкноты и, следовательно кризисы ни в коем случае не вытекали из разменности банкнот на золото (металл) и, стало быть, нельзя было задержать кризис путем отмены размена. Даримон ловко обходит эти факты, опровергающие его теорию кризисов. Он цепляется за афоризм Рикардо, который с существом вопроса, затронутого в памфлете—об обесценении банкнот не имеет ничего общего. Он игнорирует тот факт, что учение Рикардо о деньгах с его ложными предпосылками о том, будто банк контролирует количество находящихся в обращении банкнот, будто количество средств обращения определяет цены, между тем, как, наоборот, цены определяет количество средств обращения и т. д.—опровергнуто целиком. Во времена Рикардо еще не было детальных исследований относительно явлений денежного обращения. Это мимоходом.

Золото и серебро—такие же товары, как и все другие. Золото и серебро—не такие же товары, как все другие; как всеобщее орудие обмена, они—привилегированные товары и они низводят (degradieren) другие товары именно в силу этой привилегии. Таков конечный анализ, к которому Даримон сводит антагонизм. Отмените привилегию золота и серебра, низведите их до степени всех прочих товаров—решает Даримон в последнем счете. Тогда вы не будете иметь специфических бед, связанных с золотыми и серебряными деньгами, или разменными на золото и серебро банкнотами. Этим вы отмените все беды. Или, наоборот, предоставьте всем товарам ту монополию, которой теперь обладают исключительно золото и серебро. Сохраните папу, но сделайте каждого человека папой. Отмените деньги, превратив всякий

товар в деньги и присвоив ему специфические свойства денег. Но здесь спрашивается как раз, не заключается ли в самой постановке вопроса его нелепость и не вытекает ли из самих условий задачи невозможность ее разрешения. Ответ часто может заключаться лишь в критике самого вопроса и самый вопрос часто может быть разрешен лишь путем отрицания вопроса. Подлинный вопрос заключается в следующем: не вызывает ли сама буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена? Не создает ли она неизбежно особого эквивалента для всех стоимостей? Одна форма этого орудия обмена или этого эквивалента может быть более удобной, более подходящей, связанной с меньшими затруднениями, чем другая. Однако, затруднения, вытекающие из существования особого орудия обмена, особого, но вместе с тем всеобщего эквивалента, должны были бы вновь создаться при всякой форме, хотя бы различным образом. Конечно, через этот вопрос Даримон отважно перескакивает. Отмените деньги и не отменяйте их! Отмените ту исключительную привилегию, которой обладают золото и серебро благодаря своей исключительности в качестве денег, но сделайте все товары деньгами, т. е. дайте им всем свойство, которое может существовать лишь в силу исключительности.

Действительно, при отливах металла обнаруживается одно противоречие, которое Даримон столь же поверхностно понимает, как и преодолевает. Обнаруживается, что золото и серебро не являются такими же товарами, как и все другие, и современная политическая экономия внезапно с ужасом отмечает, что она временами снова возвращается к предрассудкам меркантильной системы. Английские экономисты пытаются разрешить трудность при помощи разграничения. В моменты таких монетарных кризисов, говорят они, требуется не золото и серебро, как деньги, не золото и серебро, как монета, а золото и серебро, как капитал. Они забывают добавить: капитал, но капитал только в определенной форме золота и серебра. Если бы капитал мог быть вывезен в любой форме, то откуда происходит отлив (efflux) именно этих товаров, в то время, как большинство других обесцениваются из-за недостатка сбыта (efflux)?

Возьмем определенные примеры: отлив металла вследствие неурожая внутри страны какого-нибудь основного продукта (напр., хлеба), из-за неурожая заграницей, вызывающего вздорожание импортного предмета широкого потребления (напр., чая); отлив металла вследствие неурожая решающих видов промышленного сырья (хлопок, шерсть, шелк, лен); отлив металла, обусловленный чрезмерным импортом (вызванного спекуляцией, войной и т. д.). В случае неурожая внутри страны замещение кратковременного или длительного сокращения какого-нибудь продукта (хлеб, чай, хлопок, лен и пр.) вдвойне истощают нацию. Часть приложенного капитала или труда не воспроизведена; это—действительное сокращение производства. Часть воспроизведенного капитала должна быть оставлена, чтобы заткнуть эту дыру, и притом такая часть, которая не стоит в простой арифметической пропорции к сокращению, так как цены на дефицитный продукт на мировом рынке, вследствие уменьшения предложения и повышения спроса, растут и должны расти. Необходимо точно выяснить, чем бы отличались подобные кризисы, если отвлечься от денег, и какую определенность деньги приносят в рамки данных отношений (основные случаи, это—недород хлеба или сверхимпорт. Война разумеется сама собой, так как в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала).

Случай недорода хлеба. Если рассматривать данную нацию по отношению к другим нациям, то ясно, что ее капитал (а не только ее подлинное богатство) уменьшился; это так же ясно, как и то, что крестьянин,

у которого сгорело тесто и который вынужден купить хлеб у пекаря, обеднел в размере стоимости покупки. Что касается положения внутри страны, то кажется, будто повышение цены хлеба ведет к тому, что, поскольку речь идет о стоимости, все остается по-старому. При этом приходится лишь отвлечься от того, что произведение уменьшившегося количества хлеба на повышенную цену при подлинных недородах никогда не равняется произведению нормального количества хлеба на меньшую цену. Положим, что в Англии произведен лишь один квартер и что этот квартер стоит столько же, сколько прежде стоили 30 миллионов квартеров пшеницы. В этом случае — не считая того, что у нации не будет средств на воспроизводство как труда, так и хлеба—если мы обозначим необходимое для воспроизводства 1 квартера рабочее время через *a*, то *a*, помноженное на 30 миллионов рабочих дней (издержки производства), обменивается на 1, помноженную на *a* рабочих дней (продукт); производительная сила капитала данной нации уменьшилась бы во много миллионов раз, и сумма стоимостей, находящихся в стране, также уменьшилась бы, ибо каждый рабочий день обесценился бы в 30 миллионов раз. Каждая доля капитала представляет теперь только 1/30.000.000 своей прежней стоимости, своего эквивалента в издержках производства, хотя в приведенном случае номинальная стоимость национального капитала не сократилась бы (не считая обесценения земли), так как уменьшение стоимости прочих продуктов было бы вполне возмещено повышением стоимости этого квартера пшеницы. Повышение цены пшеницы в *a*×30.000.000 раз было бы выражением подобного же обесценения всех остальных продуктов. Впрочем, подобное разграничение внешнего и внутреннего [рынка] совершенно иллюзорно. Каково отношение между нацией, страдающей от недорода хлеба, и другой нацией, у которой она закупает хлеб, таково же отношение между каждым индивидом этой нации и арендатором или хлеботорговцем. Избыточная сумма, которую он должен употребить на закупку хлеба, есть прямое уменьшение его капитала, средств, которыми он располагает.

Чтобы не запутывать вопроса несущественными обстоятельствами, следует предположить нацию, у которой существует свободная торговля хлебом. Если бы даже ввозной хлеб был так же дешев, как хлеб внутреннего производства, нация все же обеднела бы в размере капитала, невоспроизведенного арендаторами. Однако, при допущенной нами предпосылке, нация всегда ввозит такое количество хлеба, какое можно ввезти при нормальной цене. Рост ввоза предполагает, таким образом, рост цены.

Повышение цены на хлеб равняется падению цены всех других товаров. Повышение издержек производства (выраженных в цене), по которым добывается квартер хлеба, равно уменьшению производительности капитала, который существует во всех других формах. Излишку, который употребляется на закупку хлеба, должно соответствовать уменьшение закупок всех других товаров и уже поэтому—падение их цен. Как при наличии, так и при отсутствии металла или каких-либо иных денег нация оказалась бы в состоянии кризиса, который охватил бы не только хлеб, но и все другие отрасли производства, так как не только сократились бы отчасти их производительность и упала бы цена их продукции, по сравнению со стоимостью, определяемой нормальными издержками производства, но так как и все контракты, обязательства и т. д. также основаны на средних ценах продуктов. Так, например, в счет уплаты государственного долга должно быть внесено *x* шефелей зерна, но издержки производства этих *x* шефелей в определенной пропорции возросли. Таким образом, совершенно независимо от денег, в стране наступил бы всеобщий кризис. Если отвлечься не только от денег, но и от меновой стоимости продуктов, наступило бы обесценение продуктов,

и производительность нации упала бы, между тем, как все ее экономические отношения основаны на средней производительности ее труда.

Таким образом, кризис, обусловленный неурожаем хлебов, отнюдь не создан отливом металла, хотя и может обостриться из-за попыток воспрепятствовать этому отливу.

Во всяком случае нельзя сказать вместе с Прудоном, будто кризис проистекает от того, что только благородные металлы, в противоположность другим товарам, обладают подлинной стоимостью, ибо повышение хлебных цен означает при более близком рассмотрении лишь то, что приходится давать больше золота и серебра в обмен на определенное количество зерна, т. е. что цена золота и серебра упала по сравнению с ценой зерна. Золото и серебро, таким образом, обесцениваются по отношению к зерну так же, как прочие товары, от этого их никакая привилегия не спасает. Обесценение золота и серебра по сравнению с зерном идентично с повышением цены на зерно. (Это не совсем правильно. Квартер зерна повышается с 50 до 75 [1]) шиллингов, т. е. на 50%, на хлопчатобумажные товары упали на 80 [2]). Серебро упало по сравнению с хлебом лишь на 50%, а хлопчатобумажные товары (вследствие сокращения спроса и т. д.) на 80% [3]) по сравнению с серебром. То есть падение цены всех прочих товаров определило рост цен на хлеб. Имеет место, однако, и обратное явление. Так, например, за последние годы, когда хлебные цены временами поднимались на 10%, продукты промышленности не падали в цене в той же пропорции, как золото по отношению к хлебу. Это обстоятельство, однако, сначала не нарушает общего положения). Нельзя сказать также, что золото обладает привилегией благодаря тому, что в форме монеты его количество точно и аутентично определено. Талер (серебром) при всех условиях остается талером. Но точно так же и шефель пшеницы остается шефелем, а аршин полотна—аршином.

Обесценение большинства товаров (включая труд) и вытекающий отсюда, в случае значительного неурожая хлебов, кризис нельзя наивно приписать вывозу золота, так как обесценение и кризис имели бы место и в том случае, если бы золото вовсе не вывозилось и не ввозилось бы зерна из-за границы. Кризис сводится просто к закону спроса и предложения, который в национальном масштабе, как известно, действует несравненно резче и сильнее по отношению к предметам первой необходимости, нежели по отношению ко всем товарам во всех остальных сферах. Не вывоз золота—причина хлебного кризиса, а хлебный кризис—причина вывоза золота.

Если рассматривать золото и серебро сами по себе, то можно утверждать, что лишь в двух направлениях они могут влиять со своей стороны на кризис и обострять его симптомы: 1) поскольку вывоз золота был бы затруднен в силу условий металлического покрытия, которыми связаны банки; поскольку мероприятия, которые банк принимает против этого вывоза золота, имеют вредное обратное действие на обращение внутри страны; 2) поскольку вывоз золота становится необходимым из-за того, что другие нации согласны принимать капитал лишь в форме золота, а не в какой-либо иной форме.

Затруднение № 2 может остаться в силе даже по устранении затруднения № 1. Английский банк испытал подобное затруднение именно в тот период, когда он получил законное право на выпуск неразменных банкнот. Банкноты упали по сравнению с золотом в слитках, но также упала монетная цена золота по сравнению с ценой золота в слитках. По отношению

---

[1]) В оригинале списка — 100. — **Ред.**
[2]) В оригинале 100. — **Ред.**
[3]) В оригинале — 100. — **Ред.**

к банкнотам золото стало товаром особого сорта. Можно сказать, что банкноты оставались еще зависимыми от золота постольку, поскольку они номинально представляли определенное количество золота, на которое они фактически не могли быть разменены. Золото осталось их знаменателем, хотя по закону банкноту нельзя было разменять в банке на это количество золота. Не подлежит никакому сомнению (?) (это не относится непосредственно к данному вопросу и подлежит исследованию в дальнейшем), что пока бумажные деньги получают наименование от золота (т. е., например, банкнота в 5 фунтов стерлингов есть бумажный представитель 5 соверенов), разменность банкноты на золото остается для нее экономическим законом, существует ли этот закон политически или нет.

Банкноты английского банка и в период 1799—1819 гг. продолжали утверждать, что они представляют стоимость определенного количества золота. Как же иначе проверить это утверждение, как не путем выяснения того, действительно ли банкнота распоряжается таким-то количеством золота в слитках? С того момента, как за банкноту в 5 фунтов стерлингов уже нельзя было получить стоимость слитка, равного 5 соверенам, банкнота была обесценена, хотя она и была неразменной. Равенство стоимости банкноты и стоимости определенного количества золота, обозначенного на банкноте, тотчас же вступало в противоречие с фактическим неравенством между банкнотой и золотом. Таким образом, спор среди англичан, которые сохраняют золото в качестве знаменателя банкноты, вращается, в сущности, не вокруг разменности банкнот на золото, — которая есть лишь практическое равенство, которое теоретически об'явлено в наименовании банкноты, а вокруг того, как обеспечить эту разменность, следует ли обеспечить эту разменность путем законодательных ограничений, поставленных банку, или же предоставить его самому себе. Сторонники последнего взгляда утверждают, что эта разменность в эмиссионном банке, дающем ссуды под векселя, банкноты которого имеют, стало быть, обеспеченный возврат, в общем гарантирована, и что их противники все равно никогда не добиваются чего-либо большего, чем эта средняя обеспеченность. Последнее — факт. Этим средним уровнем, между прочим, не приходится пренебрегать. Средние вычисления должны составлять основу банков, как и всех страховых обществ и т. д. С этой стороны в качестве образца справедливо приводятся прежде всего шотландские банки. Строгие «бульонисты» говорят со своей стороны, что они принимают разменность всерьез, что необходимость этой разменности дана самим наименованием банкноты, что обязательство банка о размене и сохраняет ее разменной и составляет препятствие против чрезмерной эмиссии, что их противники являются скрытыми сторонниками неразменности. Между этими двумя сторонами имеются промежуточные оттенки, множество всяких ничтожеств. Наконец, защитники неразменности, решительные «антибульонисты», сами того не зная, являются скрытыми защитниками разменности, подобно тому, как их противники — неразменности, ибо они сохраняют наименование банкноты, т. е. делают мерилом полноценности своих банкнот практическое приравнение банкноты определенного наименования к определенному количеству золота. В Пруссии существуют бумажные деньги с принудительным курсом (обратный приток их обеспечен постольку, поскольку известная доля налогов должна быть уплачена бумажками). Эти бумажные талеры не являются чеками на серебро, по закону не обмениваются никаким банком на серебро и т. д. Они выпускаются не коммерческим банком в виде ссуд под векселя, а выплачиваются правительством при оплате им своих расходов. Однако, наименование выражено в серебре. Бумажный талер утверждает, будто он представляет ту же стоимость, как и серебряный талер. Если бы сильно поколебалось

доверие к правительству, или же если бы бумажные деньги выпускались в больших количествах, нежели требуется для потребностей оборота, то на практике бумажный талер перестал бы стоять на одном уровне с серебряным талером и был бы обесценен, ибо он упал бы ниже стоимости, которая показана в его наименовании. И без этих обстоятельств он обесценился бы также в том случае, если бы возникла особая потребность в серебряной монете или в серебре, напр., для вывоза, что поставило бы серебро в привилегированное положение по сравнению с бумажным талером. Следовательно, разменность на золото и серебро есть практическое мерило стоимости любых бумажных денег, которые получают свое наименование от золота и серебра [независимо от того], будут ли банкноты разменными по закону или нет. Номинальная стоимость только как тень следует за своим телом, а совпадают ли они друг с другом, должна показать действительная разменность (способность к обмену) последнего. Падение реальной стоимости ниже номинальной стоимости есть обесценение. Подлинное сосуществование, замещаемость (sich vertauschen) есть разменность. При неразменных банкнотах разменность обнаруживается не в кассе банка, а в повседневном обмене между бумажными деньгами и металлическими деньгами, наименование которых они носят. В сущности, разменность разменных банкнот уже тогда под угрозой, когда она подтверждается не повседневным обменом во всех частях страны, а крупными экспериментами, производимыми у кассы банка. В Шотландии бумажные деньги в деревне даже предпочитаются металлическим; Шотландия до 1845 г., когда ей был навязан английский закон 1844 г., конечно, пережила все английские социальные кризисы, а некоторые кризисы — даже в более сильной степени, так как очистка земли (clearing of the land) проводилась здесь еще более беззастенчиво. Несмотря на это, Шотландия не знала ни настоящих денежных кризисов (то, что в виде исключения некоторые банки обанкротились, так как они легкомысленно предоставляли кредиты, сюда не относится), ни обесценения банкнот, ни жалоб, ни расследований того, достаточна ли масса обращающихся денег или нет и т. д. Пример Шотландии важен здесь тем, что показывает, с одной стороны, каким образом денежная система может быть полностью урегулирована на нынешней социальной основе, с устранением всех тех зол, которые оплакивает Даримон, не оставляя нынешней социальной базы, более того [это имеет место], в то время, как ее противоречия, антагонизм, противоположность классов и т. д. достигают еще более высокой степени, чем в какой-либо иной стране. Характерно, что как Даримон, так и его покровитель, написавший предисловие — Эмиль Жирарден, который свое практическое мошенничество дополняет теоретическим утопизмом, ищут антипода (Gegensatz) монопольных банков, как-то английский банк и французский банк, не в Шотландии, а в Соединенных Штатах, где банковская система вследствие требуемой государственной привилегии свободна лишь номинально, где нет свободной конкуренции банков, а существует федеральная система монопольных банков. И действительно, шотландская банковская и денежная система,— опаснейший подводный камень для иллюзий фокусников обращения. Про золотые или серебряные деньги (там, где нет законной двойной основы денег) [1]) не говорят, будто они обесцениваются всякий раз, когда изменяется их относительная стоимость по сравнению со всеми другими товарами. Почему же нет? Ибо они сами составляют свой знаменатель, ибо их титул не есть титул какой-либо стоимости, т. е. они не оцениваются при помощи какого-нибудь третьего товара, а выражают лишь доли своей собственной материи, 1 соверен равняется такому-то количеству золота такого-то веса. Таким образом, золото

[1]) Т. е. биметализма.—Ред.

номинально не может быть обесценено не потому, что только оно выражает подлинную стоимость, а потому, что оно в качестве денег выражает вовсе не стоимость, а определенное количество своей собственной материи; их собственная количественная определенность начертана на их челе. (Впоследствии следует выяснить подробнее) является ли в конечном счете этот отличительный признак золотых и серебряных денег имманентным свойством всяких денег. Введенные в заблуждение этой номинальной невозможностью обесценения (Depreziation) металлических денег, Даримон и компания видят лишь одну сторону, которая прорывается в кризисах: вздорожание (Appreziation) золота и серебра по отношению почти ко всем остальным товарам; они не видят другой стороны — обесценения золота и серебра или денег по отношению ко всем остальным товарам (за исключением быть может труда, но не всегда), в периоды так называемого «процветания», в периоды временного всеобщего повышения цен [1]). Так как это обесценение металлических денег (и всех видов денег, покоящихся на них) всегда предшествует их вздорожанию, то они должны были бы поставить проблему наоборот: [проблему] периодически повторяющегося обесценения денег (на их языке — отменить привилегии товаров по отношению к деньгам). В последней формулировке задача тотчас же свелась бы к тому, чтобы прекратить (auflösen) повышение или падение цен. Последнее [означает]: уничтожить цены. А эта [задача означает]: отменить меновую стоимость. А эта проблема [означает: отменить также] обмен, как он соответствует буржуазной структуре общества. Эта последняя проблема: экономически революционизировать буржуазное общество. Тогда с самого начала обнаружилось бы, что недугов буржуазного общества нельзя излечить ни фокусами в области обращения, ни «преобразованием банков», ни созданием рациональной «денежной системы».

Таким образом, разменность — обязательная по закону или нет — остается необходимостью для любых денег, титул которых делает их знаком стоимости, т. е. приравнивает их к известному количеству какого-нибудь третьего товара. Приравнивание включает уже противопоставление, возможное неравенство; разменность включает свою противоположность, неразменность, вздорожание включает обесценение, как сказал бы Аристотель. Предположим, например, что соверен назывался бы уже не совереном, что является почетным названием x—ой доли унции золота (счетное название) подобно тому, как метр обозначает определенную длину, а что он называется x часов рабочего времени. $\frac{1}{x}$ унции золота в сущности не что иное, как материализованная, овеществленная $\frac{1}{x}$ часа рабочего времени. Но золото это — прошедшее рабочее время, определенное рабочее время. Его титул сделал бы его масштабом определенное количество труда вообще. Фунт золота должен был тогда подлежать размену на x часов рабочего времени, он должен иметь возможность купить их в любой момент; как только он мог бы купить их больше или меньше, то тем самым он был бы переоценен или обесценен; в последнем случае исчезла бы его разменность. Не рабочее время, воплощенное в продуктах, а необходимое в данный момент рабочее время — вот что определяет стоимость. Возьмем самый фунт золота: пусть он будет продуктом 20 рабочих часов. Положим, что в силу тех или иных обстоятельств впоследствии потребуется 10 часов для производства фунта золота. Фунт золота, наименование которого показывает, что он =

[1]) В оригинале списка — повышения денег. — Ред.

= 20 рабочим часам, равнялся бы теперь лишь 10 рабочим часам, так как 20 часов = 2 фунтам золота. 10 часов труда фактически обмениваются на 1 фунт золота; значит 1 фунт золота не может больше обмениваться на 20 рабочих часов. Золотые деньги с плебейским титулом: *X рабочих часов* были бы подвержены большим колебаниям, чем какие-либо иные деньги и в особенности, чем современные золотые деньги; ибо золото по отношению к золоту не может ни подыматься ни падать (оно всегда равно самому себе), а это зато содержащееся в определенном количестве золота прошедшее рабочее время должно беспрестанно падать или подниматься по отношению к живому рабочему времени данного момента. Чтобы сохранить его разменность, пришлось бы сохранить неизменной производительность рабочего часа. В силу всеобщего экономического закона, по которому издержки производства постоянно падают, а живой труд постоянно становится производительнее, и, стало быть, овеществленное в продуктах рабочее время постоянно обесценивается,— неизбежной судьбой этих золотых рабочих денег было бы постоянное обесценение. Чтобы помочь беде, можно было бы сказать, что не золото должно получить наименование в рабочих часах, а — как предлагал Вейтлинг, до него англичане, после него французы, в том числе Прудон и К°,— чтобы это наименование получили бумажные деньги, простой знак стоимости. Рабочее время, воплощенное в самих бумажках, при этом столь же мало принималось бы в соображение, как и стоимость бумаги, из которой изготовлена банкнота. Эти бумажки были бы лишь представителями рабочего времени, подобно тому, как те бумажки являются представителями золота или серебра. Если бы повысилась производительность рабочего часа, то возросла бы покупательная сила бумажки, являющейся его представителем, и наоборот; совершенно так же, как теперь за 5 ф. банкноту можно купить большее или меньшее количество предметов, смотря по тому, возрастает или падает относительная стоимость золота по сравнению с другими товарами. В силу того же закона, по которому золотые рабочие деньги подвергались бы постоянному обесценению, бумажные рабочие деньги постоянно были бы переоценены (Appreziation). Но это и есть то, что нам нужно: рабочий возрадовался бы росту производительности своего труда, между тем, как он теперь пропорционально росту производительности создает чужое обогащение и свое собственное обесценение (Entwertung). Так говорят социалисты. Однако, к несчастью, возникают некоторые небольшие сомнения. Прежде всего: если мы допускаем деньги, хотя бы только в виде часовых бонов, то мы должны предположить и накопление этих денег, а также контракты, обязательства, твердое обложение и т. д., которые оплачивались бы этими деньгами. Накопленные бумажки постоянно возрастали бы в цене, и таким образом, с одной стороны, рост производительности труда пошел бы на пользу нетрудовым элементам, а с другой стороны, тяготы, установленные ранее заключенными договорами, шли бы в ногу с ростом производительности труда. Падение и повышение стоимости золота или серебра не имело бы никакого значения, если бы мир мог в любой момент начать жить заново и если бы заключенные обязательства об уплате определенного количества золота не имели бы более продолжительной жизни, чем колебания стоимости золота. Так здесь обстоит дело относительно часового бона и производительности трудочаса.

Вопрос, подлежащий здесь исследованию — это разменность часового бона. К той же цели мы придем, если сделаем небольшое отклонение. Хотя это и преждевременно, но следует кое-что сказать о заблуждениях, которые лежат в основе часового бона; это даст нам возможность заглянуть в ту глубокую тайну, которая связывает прудоновскую теорию обращения с его общей теорией — теорией относительно определения стоимости. Ту же связь

мы находим, например, у Брэя и Грэя. Лежит ли здесь в основе что-либо верное — мы выясним впоследствии (предварительно заметим еще мимоходом: если рассматривать банкноты только как чеки на золото и серебро, то их никогда нельзя выпускать на сумму, превышающую то количество золота, которое они должны заменять, не обесценив их. Если я выдаю 3 чека по 15 ф. ст. трем различным кредиторам на одни и те же 15 ф. ст. золотом, то каждый чек в сущности представляет собой чек на 15/3 ф. ст. = 5 ф. ст. Таким образом, каждая из этих банкнот уже заранее была бы обесценена до 33⅓%).

Стоимость (реальная меновая стоимость) всех товаров (включая труд) определяется их издержками производства, иными словами — рабочим временем, требующимся для их изготовления. Цена есть эта их меновая стоимость, выраженная в деньгах. Следовательно, замена металлических денег (и заимствовавших от них свое наименование бумажных или кредитных денег) рабочими деньгами, которые получали бы свое наименование непосредственно в рабочем времени, уравняла бы реальную стоимость (меновую стоимость) товаров и их номинальную стоимость, цену, денежную стоимость. Уравнение реальной стоимости и номинальной стоимости, стоимости и цены. Но это было бы достигнуто лишь при той предпосылке, что стоимость и цена лишь номинально различны. Но это отнюдь не так. Определяемая рабочим временем стоимость товаров есть лишь их средняя стоимость. Это—средняя, которая выступает как внешняя абстракция, поскольку она вычисляется как средняя цифра для определенной эпохи, например, фунт кофе — 1 шилл., если средняя цена на кофе выводится, скажем, за 25 лет; но которая весьма реальна, если ее познают вместе с тем как движущую силу и принцип движения тех колебаний, которым подвергаются товарные цены в течение определенной эпохи. Эта реальность имеет не только важное теоретическое значение: она составляет основу коммерческой спекуляции, вычисления вероятностей, которое исходит как из средних цен, которые берутся как центр колебаний, так и из средне-высоких и средне-низких цен или колебаний цен вверх или вниз от этого центра. Рыночная стоимость товара всегда отличается от этой средней стоимости его, она стоит всегда или выше или ниже ее. Рыночная стоимость выравнивается с реальной стоимостью путем своих постоянных колебаний, никогда не путем уравнения с реальной стоимостью, как с чем-то третьим, а через постоянное неравенство с самой собой, не через абстрактное тождество, как сказал бы Гегель, а через постоянное отрицание отрицания, т. е. самой себя, как отрицания реальной стоимости. Что сама реальная стоимость в свою очередь независимо от господства над колебаниями рыночной цены (отвлекаясь от нее, как от закона этих колебаний) сама себя отрицает и постоянно ставит реальную стоимость товара в противоречие с ее собственным определением, снижает или повышает реальную стоимость наличных товаров — это я уже показал в своем памфлете против Прудона, и здесь незачем на этом останавливаться подробнее. Таким образом цена отличается от стоимости не только как номинальное от реального, не только благодаря обозначению в золоте и серебре, но и благодаря тому, что стоимость выступает как закон тех движений, которые проходит цена. Но они всегда различны и никогда не совпадают или же совпадают лишь совершенно случайно, в виде исключения. Цена товара стоит всегда или выше или ниже стоимости товара, а стоимость товара существует в свою очередь лишь в движениях товарных цен вверх и вниз. Спрос и предложение всегда определяют товарные цены; они никогда не совпадают или совпадают лишь случайно; издержки же производства, со своей стороны, определяют колебания спроса и предложения. Золото или серебро, в которых выражается

цена товара, его рыночная стоимость, есть в свою очередь определенная мера материализованного рабочего времени. При предположении, что издержки производства товара и издержки производства золота и серебра остаются неизменными, рост или падение рыночной цены товара не означает ничего иного, кроме того, что товар = x рабочего времени, постоянно стоит или выше или ниже своей средней стоимости, определяемой рабочим временем. Первая основная иллюзия (сторонников) часовых бонов состоит в том, что, уничтожая номинальное различие между реальной стоимостью и рыночной стоимостью, между меновой стоимостью и ценой, т. е. выражая стоимость не в определенном овеществлении рабочего времени, скажем в золоте и серебре, а в самом рабочем времени — они также устраняют действительное различие и противоречие между ценой и стоимостью. Тогда само собой понятно, как одно лишь введение часового бона устраняет всякие кризисы, все недостатки буржуазного производства. Денежная цена товаров равняется их реальной стоимости; спрос равняется предложению; производство равняется потреблению; деньги одновременно отменяются и сохраняются; достаточно лишь констатировать рабочее время, продуктом которого является товар, и которое овеществлено в товаре, чтобы создать соответствующий ему двойник в виде знака стоимости, денег, часовых бонов. Таким образом, всякий товар был бы непосредственно превращен в деньги, а золото и серебро со своей стороны были бы низведены до уровня прочих товаров.

Не требуется подробного доказательства того, что противоречие между меновой стоимостью и ценой, различие между определенными величинами и их средней величиной не уничтожается тем, что уничтожают лишь номинальное различие между тем и другим, т. е. вместо того, чтобы сказать 1 ф. хлеба стоит 8 пенсов, станут говорить, что 1 ф. хлеба равняется $\frac{1}{x}$ рабочего часа. Наоборот, если 8 пенсам равняется $\frac{1}{x}$ часа и если рабочее время, которое материализовано в фунте хлеба, больше или меньше чем $\frac{1}{x}$ рабочего часа; так же как и разница между стоимостью и ценой, благодаря тому, что мера стоимости была бы вместе с тем элементом, в котором выражается цена, никогда не позволило бы выступить открыто тому различию, которое скрыто в цене, выраженной в золоте, или в серебре. Возникло бы бесконечное уравнение. $\frac{1}{x}$ рабочего часа (содержащаяся в 8 пенсах или выраженная в боне) больше или меньше чем $\frac{1}{x}$ рабочего часа (содержащегося в фунте хлеба).

Часовой бон, который представляет среднее рабочее время, никогда не соответствовал бы действительному рабочему времени и никогда не мог бы быть разменным на последнее; т. е. овеществленное в каком-нибудь товаре рабочее время никогда не могло бы распоряжаться (kommandieren) равным себе количеством рабочих денег и наоборот; напротив, каждое колебание рыночных стоимостей выражалось бы более или менее [в том же роде] как и теперь, в повышении или падении их цен, выраженных в золоте или серебре.

Постоянное обесценение товаров — если брать более продолжительные периоды — по отношению к часовым бонам, о котором мы говорили выше, проистекало из закона растущей производительности труда, из тех нарушений (Störungen) самой относительной стоимости, которые производятся ее

собственным внутренним принципом — рабочим временем. Неразменность часовых бонов, о которой мы говорим теперь, есть не что иное, как другое выражение различия [1]) между реальной стоимостью и рыночной стоимостью, между меновой стоимостью и ценой. Часовой бон представлял бы в противоположность ко всем товарам идеальное рабочее время, которое обменивалось бы то на большее, то на меньшее количество действительного рабочего времени, и которое получало бы в боне обособленное собственное существование, которое соответствовало бы этому неравенству. Всеобщий эквивалент, средство обращения и мерило стоимостей [2]) снова противостояло бы последним [в качестве чего-то] индивидуализированного, подчиняющегося собственным законам, отчужденного, т. е. со всеми свойствами нынешних денег, но не выполняя их услуг. Однако путаница достигла бы несравненно большей высоты вследствие того, что средством (Medium), при помощи которого сравнивались бы товары, эти овеществленные количества рабочего времени, был бы не третий товар, а их собственная мера стоимости, само рабочее время. Товар *A*, овеществление 3 часов рабочего времени равняется 2 часовым бонам; товар *B*, овеществление также 3 часов труда, равняется 4 часовым бонам. Это противоречие в сущности выражено в денежных ценах, но лишь в скрытом виде. Различие между ценой и стоимостью, между товаром, измеренным при помощи рабочего времени, продуктом которого он является, и продуктом того рабочего времени, на которое [этот товар] обменивается, это различие требует [наличия] третьего товара, как меры, в которой выражается действительная меновая стоимость товара. Так как цена не равна стоимости, то элемент, определяющий стоимость — рабочее время — не может быть тем элементом, в котором выражаются цены, ибо рабочее время должно было бы выражаться одновременно как определяющее и неопределяющее, как равное и неравное самому себе. Так как рабочее время как мера стоимости существует лишь идеально, то оно не может служить материей сравнения цен. (Здесь вместе с тем становится ясным, как и почему отношение стоимости получает в деньгах материальное и особенное существование. Об этом подробнее дальше). Различие цены и стоимости требует, чтобы стоимости как цены измерялись другим масштабом, а не своим собственным. Цена в отличие от стоимости есть неизбежно денежная цена. Здесь выступает [то обстоятельство], что номинальное различие между ценой и стоимостью обусловлено их реальным различием.

Товар *A* равен 1 ш. (т. е. равен $\frac{1}{x}$ серебра); товар *B* равен 2 ш. (т. е. $\frac{2}{x}$ серебра). Отсюда товар *B* равен удвоенной стоимости товара *A*. Отношение стоимости *A* и *B* выражается пропорцией, в которой оба они обмениваются на определенное количество третьего товара [в данном случае], серебра; не на отношение стоимости.

Каждый товар (продукт или орудие производства) равняется овеществлению определенного рабочего времени. Его стоимость, т. е. отношение, в котором этот товар обменивается на другие товары, или в котором другие товары обмениваются на него, равняется реализованному в нем количеству рабочего времени. Если товар, например = 1 часу рабочего времени, то он обменивается на всякий другой товар, представляющий собой продукт 1 часа

---

[1]) Дословно: неразменности (Inkonvertibilität). — **Ред.**

[2]) В оригинале описка: товаров (Waren) вместо стоимостей (Werten). — **Ред.**

рабочего времени. (Все эти рассуждения при том предположении, что меновая стоимость равна рыночной стоимости; реальная стоимость равна цене). Стоимость товара есть нечто отличное от самого товара. Стоимостью (меновой стоимостью) товар является только в обмене (действительном или представляемом); стоимость есть не только способность товара к обмену вообще, но это — его специфическая пригодность к обмену [1]). Стоимость есть одновременно показатель отношения, в котором товар обменивается на другие товары и показатель отношения, в котором товар в производстве уже обменялся с другими товарами (материализированным рабочим временем); стоимость есть количественно определенная пригодность товара к обмену. Товары, например, аршин хлопчатой ткани и мера растительного масла, если рассматривать их в качестве ткани и масла, разумеется различны, обладают различными свойствами, измеряются различными мерами, они несоизмеримы. Но как стоимости все товары качественно равны и лишь количественно различны, стало быть, они все измеряют и замещают друг друга (обмениваются, разменны друг на друга) в определенных количественных пропорциях. Стоимость — это их общественное отношение, их экономическое качество. Книга, обладающая определенной стоимостью, и каравай хлеба, обладающий той же стоимостью, обмениваются друг на друга, представляют собой одну и ту же стоимость лишь в различном материале. Как стоимость товар одновременно — эквивалент для всех других товаров в определенной пропорции. Как стоимость товар есть эквивалент; как эквивалент он лишен [2]) всех своих природных свойств; он уже не находится ни в каком качественном отношении к другим товарам; он — всеобщая мера, всеобщий представитель и всеобщее средство обмена всех других товаров. Как стоимость товар есть д е н ь г и. Но так как товар или точнее продукт или орудие производства отличен от себя как стоимости, то он как стоимость отличен от себя как продукта. Его свойство как стоимости не только может, но и должно приобрести существование, отличное от его природного существования. Почему? Так как товары, как стоимости, лишь количественно отличны друг от друга, то каждый товар должен быть качественно отличным от своей собственной стоимости. Поэтому его стоимость должна также обладать качественно отличным от него существованием, и в действительном обмене эта отделимость должна стать действительным разделением, потому что естественное различие (Verschiedenheit) товаров должно притти в противоречие с их экономической эквивалентностью; то и другое может существовать наряду друг с другом только благодаря тому, что товар приобретает двойное существование — наряду со своим естественным существованием — чисто экономическое, в котором он — простой знак, символ [3]) производственного отношения, простой знак своей собственной стоимости. Как стоимость каждый товар делим на равные части; в своем естественном бытии — нет. Как стоимость товар всегда остается одним и тем же, сколько бы метаморфоз и форм существования он ни прошел; в действительности товары обмениваются лишь потому, что они неравны и отвечают различным группам [4]) потребностей. Как стоимость товар — всеобщ, как действительный товар — особенное. Как стоимость он всегда пригоден к обмену; в действительном обмене он обладает этим свойством, лишь если он отвечает определенным условиям. Мера пригодности к обмену товара как стоимости определяется самим товаром; меновая стоимость выражает именно то отношение, в котором этот

---

[1]) Дословно: обмениваемость (Austauschbarkeit). — **Ред.**
[2]) Дословно: в нем стерты (sind ausgelöscht). — **Ред.**
[3]) Дословно: буква (Buchstabe). — **Ред.**
[4]) Дословно: система (System). — **Ред.**

товар замещает другие товары; в действительном обмене товар способен к обмену лишь в таких количествах, которые связаны с их природными свойствами и которые соответствуют потребностям обменивающихся лиц. (Словом, все свойства, которые были перечислены как особые свойства денег, представляют собой свойства товара, как меновой стоимости; продукт, как стоимость в отличие от стоимости, как продукта). (Меновая стоимость товара, как нечто существующее особо[1], наряду с самим товаром — это деньги; [это] — форма, в которой все товары приравниваются, сравниваются, измеряются, в которой все товары растворяются, то, что растворяется во всех товарах; всеобщий эквивалент). Ежеминутно, при расчетах, ведении книг и т. д. мы превращаем товары в знаки стоимости, фиксируем их просто как меновые стоимости, отвлекаясь от их вещества и от всех их естественных свойств. Этот метаморфоз на бумаге и в уме производится просто путем абстракции; но в действительном обмене необходимо действительное опосредствование, нужно средство, чтобы осуществить (bewerkstelligen) эту абстракцию. По своим природным свойствам товар не обладает ни постоянной способностью к обмену, ни способностью к обмену с любым другим товаром, в его естественном равенстве с собой; но как с чем-то неравным себе, как с чем-то отличным от себя, определенным как меновая стоимость. Мы должны сначала перевести (umsetzen) товар в себе в меновую стоимость, чтобы затем сравнивать и обменивать эту меновую стоимость с другими. В самой примитивной меновой торговле, когда два товара обмениваются один на другой, каждый товар сначала приравнивается какому-либо знаку, который выражает его меновую стоимость, так например, у негров западно-африканского побережья = x слитков (bars). Один товар равен 1 слитку; другой равен 2 слиткам. В таком соотношении они и обмениваются. Товары сначала в уме и устно[2]) превращаются в слитки, прежде чем они обмениваются друг на друга. Они оцениваются, прежде чем они обмениваются, а чтобы оценить их, они должны быть поставлены в определенные количественные соотношения друг к другу. Для того, чтобы привести их в такие количественные соотношения и сделать их самоизмеримыми, они должны приобрести одинаковое наименование (единицу).

(Слиток обладает лишь воображаемым существованием, как вообще отношение лишь путем абстракции может получить особое воплощение, может быть в свою очередь индивидуализировано). Чтобы покрыть при обмене излишек одной стоимости над другой, для уравнения баланса, при самой примитивной меновой торговле, как и в настоящее время в международной торговле, необходима уплата в деньгах.

Продукты (или деятельности) обмениваются лишь как товары; товары в свою очередь существуют в обмене лишь как стоимости; лишь как таковые. Чтобы определить количество хлеба, которое я могу получить в обмен за аршин холста, я сначала приравниваю аршин холста его меновой стоимости, т. е. — $\frac{1}{x}$ рабочего времени. Точно так же я приравниваю фунт хлеба его меновой стоимости — $\frac{1}{x}$ или $\frac{2}{x}$ и т. д. рабочего времени. Я полагаю каждый товар равным чему-то третьему, т. е. неравным самому себе. Это третье, нечто отличное от обоих [товаров], так как оно выражает отношение, существует сначала только в уме, в представлении, как и вообще отношения могут быть только мыслимы (gedacht), если их хотят зафикси-

[1]) Дословно: как особенное существование (als besondere Existenz). — **Ред.**
[2]) Дословно: на языке (in der Sprache). — **Ред.**

ровать, в отличие от суб'ектов, которые находятся в этих отношениях. Благодаря тому, что продукт (или деятельность) становится меновой стоимостью, он не только превращается в определенное количественное отношение,—в относительное число,—а именно, в число, которое выражает, какое количество других товаров ему равно, является его эквивалентом, или в какой пропорции он является эквивалентом других товаров,— но вместе с тем он должен претерпеть качественное превращение, он должен быть переведен (umgesetzt) в другой элемент с тем, чтобы оба товара стали именованными (benannte) величинами, [измеряемыми] одной и той же единицей, т. е. стали бы соизмеримы. Товар сначала должен быть переведен в рабочее время, т. е. в нечто качественно от него отличное (качественно отличное 1) ибо товар не есть рабочее время как таковое, а есть материализованное рабочее время; рабочее время не в форме движения, а [в состоянии] покоя; не как процесс, а как результат; 2) ибо он есть не овеществление рабочего времени вообще, которое существует лишь в представлении (которое в свою очередь есть лишь отделенный от своего качества, различающийся лишь количественно труд), а определенный результат определенного труда, определенного естественными условиями, качественно отличного от других видов труда), — чтобы затем быть сравнимаемым в качестве определенного количества рабочего времени, определенного количества труда с другими количествами рабочего времени, другими количествами труда. Для простого сравнения — оценки продуктов — для идеального определения их стоимости достаточно произвести это превращение[1], в уме (превращение, в котором продукт существует лишь как выражение количественного производственного отношения). При сравнении товаров этой абстракции достаточно; при действительном обмене абстракция должна быть в свою очередь овеществлена, символизирована, реализирована посредством [какого-либо] знака. Необходимость этого возникает [по следующим причинам]: 1) Как мы уже сказали, оба подлежащих обмену товара превращаются в уме в однородные (gemeinsame) количественные отношения, в меновые стоимости и таким образом оцениваются друг по отношению к другу. Если же они должны быть действительно обменены, то их естественные свойства вступают в противоречие с их определением как меновых стоимостей и лишь именованных чисел. Они не могут быть делимы по произволу и т. д. 2) При действительном обмене особые товары всегда обмениваются на особые товары, и пригодность к обмену всякого товара, как и пропорция, в которой он может быть обменен, зависят от условий места и времени и т. д. Но превращение товара в меновую стоимость не означает приравнивания его определенному другому товару, а выражает этот товар как эквивалент, выражает то отношение, в котором он способен обмениваться на другие товары. Это приравнивание, которое в уме производится сразу, реализуется в действительности лишь в известных пределах, определяемых потребностями, и притом лишь последовательно. (Например, я обмениваю доход в сто талеров по мере возникновения потребностей поочередно на целый ряд товаров, сумма которых равна меновой стоимости 100 талеров). Следовательно, чтобы сразу реализовать товар как меновую стоимость и придать ему всеобщую действенность меновой стоимости, недостаточно обмена его на какой-нибудь особый товар. Товар должен быть обменен на третий предмет, который сам в свою очередь есть не особый товар, а — символ товара, взятого как товар, символ самой меновой стоимости товара, который стало быть представляет скажем рабочее время как таковое; например — кусок бумаги или кожи, который представляет некую долю рабочего времени.

[1], Дословно: трансформацию (Transformation).— **Ред.**

(Такой символ предполагает всеобщее признание; он может быть лишь общественным симзолом; он в сущности выражает лишь общественное отношение). Этот символ выражает доли рабочего времени, меновую стоимость в таких долях, путем простой арифметической комбинации которых возможно выразить все соотношение меновых стоимостей; этот символ, этот материальный знак меновой стоимости, есть продукт самого обмена, а не развития какой-либо априорной идеи. Действительно [товар], употребляющийся в качестве посредника обмена, лишь постепенно превращается в деньги, в символ; после того, как это произошло, данный товар может быть заменен в свою очередь символом самого себя. Он становится теперь осознанным (bewusst) знаком меновой стоимости.

Таким образом процесс попросту заключается в следующем. Продукт становится товаром, т. е. попросту моментом обмена. Товар превращается в меновую стоимость. Чтобы приравнить товар самому себе как меновой стоимости, он обменивается на знак, представляющий меновую стоимость как таковую. В качестве подобной символической меновой стоимости товар затем может быть обменен в определенных пропорциях на каждый другой товар. Благодаря тому, что продукт становится товаром, а товар — меновой стоимостью, он приобретает, сначала в уме, удвоенное (doppelt) существование.

Это идеальное раздвоение приводит (и должно привести) к тому, что в действительном обмене товар выступает двояко: как естественный продукт, с одной стороны, и как меновая стоимость — с другой. Т. е. его меновая стоимость получает материально оторванное (getrennt) от него существование.

Таким образом, выражение [1]) продукта в меновой стоимости необходимо приводит к тому, что меновая стоимость получает оторванное, отдельное от продукта существование. Меновая стоимость, отделившаяся от товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар, есть деньги. Все свойства товара, как меновой стоимости, выступают как отличный от него предмет, как отделившаяся от естественной формы его существования социальная форма существования в деньгах. (Это следует далее показать, перечислив обычные свойства денег). (Материал, в котором выражается этот символ, отнюдь не безразличен, какие бы разнообразные виды его не встречались в истории. Развитие общества вырабатывает вместе с символом также все более соответствующий ему материал, от которого оно затем снова стремится отделаться; символ, — если он не произволен, — ставит известные условия материалу, в котором он представляется. Так, например, знаки, обозначающие слова, имеют свою историю, алфавит и т. д.) Таким образом, меновая стоимость продукта порождает деньги наряду с продуктом. Поэтому подобно тому, как невозможно уничтожить осложнения и противоречия, вытекающие из существования денег наряду с особыми товарами, путем изменения формы денег (хотя можно избежать трудностей, связанных с менее совершенной формой последних, при помощи более совершенной формы денег), точно так же невозможно уничтожить самые деньги, пока меновая стоимость остается общественной формой продукта. Необходимо ясно понимать это, чтобы не ставить перед собой неразрешимых задач и знать, в каких пределах денежные реформы и преобразования обращения могут видоизменить производственные отношения и покоящиеся на них общественные отношения.

Свойства денег как 1) меры товарного обмена, 2) средства обмена, 3) представителя товаров (поэтому как предмета договоров), 4) как всеобщего товара наряду с особенными товарами — попросту вытекают из их

[1]) Точнее: определение (Bestimmung). — **Ред.**

определения как отделившейся от самих товаров и овеществленной меновой стоимости. Свойства денег как универсального товара по отношению ко всем остальным товарам, как воплощения их меновой стоимости, делают деньги вместе с тем реализованной и всегда могущей быть реализованной формой капитала, всегда имеющей силу, форму проявления капитала — свойство, которое выступает при отливах металла; которое обусловливает, что исторически капитал выступает прежде всего лишь в форме денег; которое, наконец, об'ясняет связь между деньгами и процентной ставкой и их влияние на последнюю.

Чем более производство развивается таким образом, что каждый производитель ставится в зависимость от меновой стоимости его товара, т. е. чем в большей степени продукт становится действительно меновой стоимостью, а последняя — непосредственным об'ектом производства, тем более должны развиваться денежные отношения и противоречия, которые имманентны денежному отношению, отношение продукта к самому себе, как к деньгам. Потребность в обмене и превращение продукта в чистую меновую стоимость идет вперед в той же мере, как и разделение труда, т. е. вместе с общественным характером производства. Но в той же мере, как возрастает последний, возрастает власть денег, т. е. закрепляется меновое отношение, как внешняя по отношению к производителям и независимая от них сила. То, что первоначально выступало как средство к развитию производства, становится чуждым для производителей отношением. В той же степени, в какой производители становятся зависимыми от обмена, обмен становится как будто независимым от них и углубляется пропасть между продуктом, как продуктом и продуктом, как меновой стоимостью. Эти противоположности и противоречия не созданы деньгами; наоборот, развитие этих противоречий и противоположностей создает кажущуюся трансцендентальной власть денег. (Развить подробнее влияние превращения всех отношений в денежные отношения: натурального налога — в денежный налог, ренты натурой в денежную ренту, [замена] воинской повинности (Kriegsleistung) наемными войсками, вообще [превращение] всех личных повинностей — в денежные, [превращение] патриархального, рабского, крепостного, цехового труда в чисто наемный труд).

Продукт становится товаром; товар становится меновой стоимостью; меновая стоимость товара есть имманентное ему денежное свойство; это его денежное свойство отделяется от товара в качестве денег, приобретает всеобщее, отделенное от всех особенных товаров и естественных форм их существования, обособленное социальное существование; отношение продукта к самому себе, как к меновой стоимости, становится его отношением к существующим наряду с ним деньгам, или [отношением] всех продуктов к существующим вне их всех деньгам. Подобно тому, как действительный обмен продуктов порождал их меновую стоимость, так их меновая стоимость порождает деньги.

Ближайший вопрос, который теперь возникает, заключается в следующем. Не скрывает ли в себе заранее существование денег наряду с товарами противоречия, которые даны вместе с самим этим отношением?

Во-первых. Тот простой факт, что товар имеет двойное существование, прежде всего как определенный продукт, который идеально содержит (в скрытом виде содержит) свою меновую стоимость в своей естественной форме, и затем как воплотившаяся (manifestierter) меновая стоимость (деньги), которая сбросила всякую связь с естественной формой бытия продукта,— это двойственное отличное существование должно развиться в различие, различие в противоположность и в противоречие. Это же противоречие между особенной природой товара, как продукта, и его всеобщей природой, как меновой стоимости, которое порождало необходи-

мость полагать его двояко, во-первых, как определенный товар, во-вторых, как деньги, — противоречие между особыми естественными свойствами товара и его всеобщими общественными свойствами заранее содержит возможность того, что эти обе различных формы существования товара не обратимы [1]) друг в друга. Способность товара к обмену существует как вещь наряду с ним в деньгах, как нечто от него отличное, не являющееся уже более непосредственно тождественным [с товаром]. Как только деньги находятся рядом с товаром, как внешняя вещь, способность товара к обмену на деньги связывается с внешними условиями, которые могут наступить или нет; [товар] отдан во власть внешних условий. При обмене спрос на товар имеет место из-за его естественных свойств, из-за потребностей, об'ектом которых он является. Наоборот, спрос на деньги имеет место лишь из-за их меновой стоимости, лишь как на меновую стоимость. Поэтому может ли товар быть переведен в деньги, может ли он быть обменен на деньги, может ли товар быть заменен его меновой стоимостью, — это зависит от обстоятельств, которые не имеют ничего общего с товаром, как с меновой стоимостью, и независимы от него. Способность товара к обмену (Umsetzbarkeit) зависит от природных свойств продукта; у денег эта способность совпадает с их существованием в качестве символизированной меновой стоимости. Таким образом, становится возможным, что товар в его определенной форме, как продукт не может быть обменен и приравнен с его всеобщей формой, как деньги.

Благодаря тому, что способность товара к обмену существует вне его, как деньги, она становится чем-то отличным от товара, чем-то чуждым ему; чем-то, к чему товар должен быть еще приравнен, чему он, следовательно, сначала неравен; между тем как само приравнение становится зависимым от внешних условий, т. е. случайным.

Во-вторых. Подобно тому, как меновая стоимость товара ведет двойное существование, как определенный товар и как деньги, точно так же акт обмена распадается на два независимых друг от друга акта; обмен товара на деньги и обмен денег на товары, на покупку и продажу. Поскольку последние теперь приобрели отделившуюся друг от друга в пространстве и времени, безразличную друг другу форму существования, то их непосредственная тождественность прекратилась. Они могут друг другу соответствовать или не соответствовать; могут покрывать друг друга или не покрывать; между ними могут возникнуть несоответствия. Правда, они будут все время стремиться к выравниванию; но прежнее, непосредственное равенство сменилось теперь постоянным движением к выравниванию, движением, которое, однако, предполагает постоянное неравенство. Соответствие (Konsonanz) теперь может быть достигнуто лишь через прохождение самых крайних несоответствий.

В-третьих. С разделением покупки и продажи, с распадением обмена на два независимых друг от друга в пространстве и времени акта, выступает еще другое новое отношение.

Подобно тому, как сам обмен распадается на два самостоятельных друг от друга акта, так и совокупное движение обмена в свою очередь отделяется от обменивающихся, от производителей товара. Обмен ради обмена отделяется от обмена ради товаров. Купечество становится между производителями, сословие, которое покупает только для продажи и продает только для того, чтобы снова покупать, стремясь в этой операции не к обладанию товарами как продуктами, а только к приобретению меновых стоимостей как таковых, к приобретению денег. (При простой меновой торговле может также образоваться торговый класс. Но так как в его распоряжении находятся только

[1]) Дословно: разменны (konvertibel). — Ред.

излишки производства обеих сторон, то его влияние на само производство, да и вообще его значение остается весьма второстепенным). Приобретение самостоятельности меновой стоимости в деньгах, оторванных от продуктов, соответствует приобретению самостоятельности обменом (торговлей), как оторванной от обменивающихся функцией. Меновая стоимость была мерилом товарообмена, но целью последнего было непосредственное обладание обменным товаром, его потребление (состоит ли это потребление в том, что товар служит прямому удовлетворению потребностей, как продукт, или же он сам в свою очередь потребляется как орудие производства). Цель торговли это — не непосредственное потребление, а приобретение денег, меновых стоимостей. Благодаря этому удвоению обмена (распадению его), на обмен ради потребления и на обмен ради обмена, возникает новое несоответствие. Купец при обмене руководится только разницей между продажей и куплей товаров; но потребитель должен в последнем счете [1]) возместить меновую стоимость товара, который он покупает. Обращение, обмен внутри торгового класса, и завершение обращения, обмен между торговым классом и потребителями — хотя они в конце концов должны быть взаимно обусловлены, но определяются [они] совершенно разными законами и мотивами, и могут впасть в сильнейшее противоречие друг с другом. Уже в этом разрыве заложена возможность торговых кризисов. А так как производство работает непосредственно для сбыта и лишь посредственно для потребления, то оно в той же мере должно быть захвачено этим несовпадением между торговлей и потребительным обменом, в какой оно со своей стороны порождает это несовпадение. (Соотношение спроса и предложения совершенно извращается). (От собственно торговли в свою очередь отделяется торговля деньгами (Geldgeschäft).

Афоризмы. (Все товары — преходящие деньги; деньги — непреходящий товар. Чем шире развивается разделение труда, тем в большей степени непосредственный продукт перестает быть средством обмена. Возникает необходимость во всеобщем средстве обмена, т. е. в средстве обмена, независимом от специфической производственной деятельности (Production) каждого. В деньгах стоимость вещи отделена от ее субстанции. Деньги первоначально — представитель всех стоимостей; на практике дело переворачивается и все реальные продукты и работы становятся представителями денег. В непосредственной меновой торговле нельзя менять всякий предмет на любой предмет; определенная деятельность может быть обменена лишь на определенные продукты. Деньги могут устранить затруднения, которые заложены в меновой торговле, только придавши им всеобщий, универсальный характер. Абсолютно необходимо, чтобы насильственно разорванные элементы, которые существенно взаимно связаны (zusammen gehören), показали путем насильственного взрыва, что [представляют собой результат] разрыва чего-то существенно взаимно связанного. Единство достигается насильственным путем. Как только мирное расщепление приводит к взрывам, экономисты начинают указывать на существенное единство и абстрагируют от отчужденности. Их апологетическая премудрость состоит в том, что во все решающие моменты они забывают свои собственные определения. Продукт как непосредственное средство обмена: 1) все еще непосредственно связан со своими природными качествами, т. е. во всех отношениях ими ограничен; он может например испортиться и т. д.; 2) [связан] с непосредственной потребностью, которую другой может иметь или не иметь в отношении именно данного продукта, или же [связан с потребностью, которую этот другой] все еще имеет в своем собственном продукте. Благодаря тому, что продукт труда и самый труд подчиняются обмену, возникает момент, когда они отрываются от своего владельца. Возвратятся ли они к нему опять из этого отрыва в

[1]) Дословно: окончательно (definitiv). — **Ред.**

другом образе — становится делом случая. Благодаря тому, что в обмен включаются деньги, мне приходится обменивать мой продукт на всеобщую меновую стоимость или на всеобщую способность к обмену; таким образом мой продукт попадает в зависимость от общего торгового оборота и вырывается из его местных, природных и индивидуальных границ. Именно благодаря этому он может перестать быть продуктом).

В-четвертых. Если меновая стоимость в деньгах выступает наряду со всеми особыми товарами, как всеобщий товар, то вместе с тем, благодаря этому, меновая стоимость выступает как особый товар в деньгах, так как деньги обладают самостоятельным существованием наряду со всеми другими товарами. Несоответствие возникает не только благодаря тому, что деньги — так как они существуют лишь в обмене — противопоставляются как всеобщая способность к обмену, особенным способностям к обмену товаров, и непосредственно погашает их [причем] несмотря на это обе должны постоянно оставаться обратимыми (Convertibel); таким образом деньги благодаря этому вступают в противоречие с самими собою и со своим определением, назначению [которое заключается в том], что они сами — особый товар (даже и тогда, когда они лишь знак) и поэтому при обмене на другие товары подчиняются в свою очередь особым условиям обмена, которые противоречат их всеобщей безусловной способности к обмену. (Здесь еще ничего не говорится о деньгах, закрепленных в субстанции определенного продукта и т. д.). Меновая стоимость приобрела наряду со своим существованием в товаре собственное существование в деньгах, она была оторвана от своей субстанции, именно вследствие того, что естественная определенность этой субстанции противоречила ее всеобщему определению, как меновой стоимости. Каждый товар равен другим (и сравним), как меновая стоимость (качественно — каждый представляет лишь нечто количественное [определенную долю] меновой стоимости). Поэтому это равенство [товаров], это их единство отлично от их естественного многообразия; и поэтому [оно] выступает в деньгах как в качестве общего элемента, так и в качестве третьего по отношению к ним. Однако, с одной стороны, меновая стоимость вместе с тем остается конечно внутренно присущим качеством товаров, причем она одновременно существует вне их; с другой стороны, деньги, существующие уже не как свойство товаров, как всеобщее последних, а наряду с ними в индивидуализированном виде, сами становятся особым товаром наряду с другими товарами ([они] могут определяться спросом и предложением, распадаются на особые сорта денег и т. д.). Деньги становятся товаром, как и другие товары, и вместе с тем они—не такой же товар, как другие товары. Несмотря на свое всеобщее определение, деньги суть нечто, способное к обмену наряду со [всем] другим, способным к обмену. Деньги — не только всеобщая меновая стоимость, но вместе с тем особая меновая стоимость наряду с другими особыми меновыми стоимостями. Здесь новый источник противоречий, которые осуществляются на практике. (В отрыве торговли деньгами от действительной торговли, особая природа денег выступает снова).

Мы видим таким образом, как деньгам внутренне присуще выполнять свои задачи благодаря тому, что они их вместе с тем отрицают; приобретать самостоятельность по отношению к товарам; из средства становиться целью; реализовать меновую стоимость товаров, отрывая их от нее; облегчать обмен, раскалывая его; преодолевать трудности непосредственного обмена товаров, придавая им всеобщий характер; в той же степени, как производители становятся зависимыми от обмена, делать обмен самостоятельным по отношению к производителям. (Необходимо будет впоследствии, прежде чем покончить с этим вопросом, исправить идеалистическую манеру изложения, которая может породить видимость, будто речь идет лишь об определениях

понятий и о диалектике этих понятий. Следовательно, прежде всего фраза: продукт (или деятельность становится товаром, товар — меновой стоимостью; меновая стоимость — деньгами).

(Economist, 24 января 1857 г. Следующее положение надо принять во внимание при [исследовании] банков:

«Поскольку торговые классы участвуют, как они это делают в настоящее время в виде общего правила, в прибыли банков — и могут участвовать в еще большем размере, благодаря широкому распространению акционерных банков, отмене всех корпоративных привилегий, и полной свободе банковских сделок — эти классы обогатились благодаря повышению процентных ставок. Действительно, торговые классы, благодаря размерам своих депозитов, фактически являются своими собственными банкирами; а если это так, то учетная ставка не имеет для них большего значения. Все банковские и прочие резервы должны быть, разумеется, результатом непрерывного производства и... сбережения прибылей; следовательно, если взять торгово-промышленные классы в целом, то они должны быть своими собственными банкирами, а для этого необходимо только распространить принципы свободы торговли ко всем деловым операциям, уравнить их в отношении преимуществ и недостатков, связанных со всякими колебаниями денежного рынка»).

Все противоречия д е н е ж н о й с и с т е м ы и обмена продуктов при денежной системе суть развитие отношения продуктов, как меновых стоимостей, их определения, как меновая стоимость или попросту стоимость. (Morning Star, 12 февраля 1857 г. «Подавленное состояние денежного рынка в течение прошлого года и высокая учетная ставка, установленная вследствие этого, была весьма благоприятна для прибылей французского банка. Дивиденды банка повысились: 118 франков в 1852 г., 154 фр. в 1853 г., 194 фр. в 1854 г., 200 фр. в 1855 г., 272 фр. в 1856 г.»).

Надо отметить также следующее место: «Английские серебряные монеты выпущены по цене, превышающей стоимость содержащегося в них серебра. Внутренняя стоимость фунта серебра была 60—62 шиллинга (в среднем 3 фунта стерлингов в золоте), монетная цена — 66 шиллингов. Монетный двор платит по рыночной суточной цене от 5 шилл. до 5 шилл. 2 пенсов за унцию, а чеканит из расчета 5 шилл. 6 пенсов — унция. Два обстоятельства на практике предупреждают затруднения, вытекающие из этого мероприятия (выпуска с е р е б р я н о й м о н е т ы не в соответствии с ее внутренней стоимостью); во-первых, монету можно получить только в монетном дворе и по указанной цене; поэтому внутри страны монета не может быть обесценена, а вывозить ее нельзя, так как она здесь обращается по цене, превышающей ее внутреннюю стоимость; и во-вторых, так как она обязательна к приему в качестве законного платежного средства, лишь на сумму до 40 шиллингов, то серебряные деньги никогда не сталкиваются с золотыми и не влияют на их стоимость. [Он] дает Франции совет также «чеканить разменную серебряную монету не по внутренней стоимости и ограничить сумму, для которой она является обязательной к приему при платежах». Однако, в то же время: «Устанавливая качество монеты, взять более значительную разницу между внутренней и номинальной стоимостью, чем в Англии, так как возрастающая стоимость серебра по отношению к золоту, весьма вероятно, вскоре достигнет уровня теперешних цен монетного двора и тогда нам придется снова видоизменить последние. Наша серебряная монета теперь приблизительно на 5% ниже внутренней стоимости, а недавно была на 10% ниже» (Economist, 24 января 1857 г.).

Можно было бы подумать, что выпуск часовых бонов преодолеет все эти затруднения. (Разумеется, существование часовых бонов предполагает уже условия, которые непосредственно не даны при исследовании соотношения меновой стоимости и денег и без которых меновая стоимость и деньги

могут существовать и существуют. Общественный кредит; банк и т. д.; но всего этого здесь не следует касаться так как сторонники часового бона рассматривают его, как последний продукт «серии», который когда он больше всего соответствует «чистому» понятию денег, «проявляется» в действительности в самом конце). Прежде всего: если предпосылки, при которых цена товара равна ее меновой стоимости, предполагаются выполненными; спрос и предложение покрывают друг друга; [совпадение] производства и потребления; в конечном счете — пропорциональное производство (так называемые отношения распределения сами суть отношения производства), то вопрос о деньгах становится совершенно второстепенным, и в частности, вопрос о том, будут ли выпущены знаки зеленого или синего цвета, жестяные или бумажные, или в какой иной форме будут вести общественную бухгалтерию. Тогда в высшей степени нелепо сохранять видимость, будто производятся исследования относительно действительных денежных отношений.

Банк (любой банк) выпускает часовые боны. Товар A = меновой стоимости X, т. е. = x рабочего времени, обменивается на деньги, представляющие x рабочего времени. Банк должен был бы также купить товар, т. е. обменять его на представителей денег, подобно тому как теперь, например, английский банк должен выдавать банкноты взамен денег. Товар, субстанциональное и поэтому случайное бытие меновой стоимости, обменивается на символическое бытие меновой стоимости, как меновой стоимости. Таким образом не представляет трудности перевести товар из формы товара в форму денег. Необходимо лишь аутентично проверить рабочее время, которое содержится в нем (что, между прочим, вовсе не так легко, как установить чистоту и вес золота и серебра) и тем самым тотчас же создается его эквивалент (contrevaleur), его денежное бытие. Как бы мы ни поворачивали дело, оно в конечном счете сводится к следующему: банк, выпускающий боны, покупает товары по цене, соответствующей их издержкам производства, покупает все товары, причем это ему ровно ничего не стоит, кроме как изготовления клочков бумаги, которые он выдает продавцу взамен меновой стоимости, которой тот обладал в определенной субстанциональной форме, выдает [в качестве] символической меновой стоимости товаров, иными словами [как] чеки на все остальные товары в размере той же меновой стоимости. Меновая стоимость, как таковая, может, конечно, существовать лишь символически, хотя этот символ — для того, чтобы можно было применять его как вещь, а не только как форму предоставления,— обладает вещным бытием; [он] не только идеальное представление, а действительно представлен предметным образом. (Мерило можно сохранить в руке; меновая стоимость служит мерилом, но она обменивается лишь тогда, когда мерило переходит из одних рук в другие). Итак, банк дает взамен товара деньги; деньги, которые представляют собой в точности чек на меновую стоимость товара, т. е. на все товары одинаковой с ним стоимости; банк покупает. Банк — всеобщий покупатель, он покупает не только тот или иной товар, а все товары. Ибо банк должен обеспечить перевод (Umsatz) всякого товара в его символическую [форму] бытия в качестве меновой стоимости. Но если банк — всеобщий покупатель, то он должен быть также всеобщим продавцом, не только складом, где хранятся все товары, не только универсальным магазином, а владельцем всех товаров, подобно любому другому купцу. Я обменял свой товар A на бон $Б$, который представляет его меновую стоимость; но [я сделал это] только для того, чтобы иметь возможность превратить это $Б$ в любой подлинный товар $В$, $Г$, $Д$, $Е$ и т. д. Могут ли эти деньги обращаться вне банка, не только между владельцами бона и банком? Чем обеспечивается разменность бона? Возможны лишь два случая. Или все владельцы товаров (продуктов или труда) хотят продавать свои товары по

их меновой стоимости, или же некоторые хотят, а другие — нет. Если все они хотят продавать по меновой стоимости, то они не станут выжидать случая, когда найдется покупатель, а тотчас же отправятся в банк, отдадут ему товар и получат взамен знак его меновой стоимости, деньги; [они] выручат за товар банковские деньги. В этом случае банк одновременно всеобщий покупатель и продавец в одном лице. Или же имеет место обратное. В этом случае банковский бон просто клочек бумаги, он лишь выдает себя за общепризнанный символ меновой стоимости, но никакой стоимости не имеет. Ибо подобный символ имеет то свойство, что он не только представляет меновую стоимость, но и есть меновая стоимость в действительном обмене. В последнем случае банковский бон не был бы деньгами, или был бы лишь условными деньгами [в обороте] между банком и его клиентами, но не на общем рынке. Этот бон был бы тем же, чем является дюжина талонов на обед в ресторане или театральных билетов по абонементу; и те и другие представляют деньги, но первые представляют деньги лишь для этого определенного ресторана, вторые — лишь в этом определенном театре. Банковский бон перестал бы отвечать требованиям, которые ставятся деньгам, так как он имел бы хождение не среди всей публики, а лишь между банком и его клиентами. Поэтому последнее предположение отпадает.

Итак, банк был бы всеобщим покупателем и продавцом. Вместо банкнот он мог бы выпускать чеки, а вместо последних—вести простые банковские счета. В соответствии с суммой стоимости товаров, которых *X* отпустил банку, он имел бы притязание к банку на ту же сумму стоимости в других товарах. Другая функция (Attribut) банка необходимым образом заключалась бы в том, чтобы аутентично устанавливать меновую стоимость всех товаров, т. е. материализованное в них рабочее время. Но на этом его функции не кончались. Банк должен был бы определять рабочее время, в течение которого товары могли бы быть изготовлены при среднем уровне средств производства, время, в течение которого они должны были бы изготовляться. Но и этого было бы недостаточно. Банку пришлось бы не только определять время, в течение которого должно было бы изготовляться известное количество продуктов, и не только поставить производителей в такие условия, чтобы их работа была одинаково производительной (стало быть также выравнять и урегулировать распределение средств труда), но банку пришлось бы [также] определять количества рабочего времени, которые должны быть затрачены в различных отраслях производства товаров. Последнее было бы необходимо, так как для того, чтобы реализовать меновую стоимость и сделать деньги банка действительно разменными, необходимо было бы обеспечить все производство вообще, и притом в таких пропорциях, которые удовлетворяли бы потребностям обменивающихся лиц. Но и это еще не все. Самый важный [1]) обмен—это не обмен товаров, а обмен труда на товары. (Здесь же необходимо подробнее об этом). Рабочие не будут продавать банку свой труд, а будут получать меновую стоимость за полный продукт своего труда и т. д. В таком случае, если посмотреть поближе [то мы увидим, что], точнее говоря, банк был бы не только всеобщим покупателем и продавцом, но и всеобщим производителем. В сущности, банк либо деспотически управлял бы производством и регулировал бы распределение, или же был бы ничем иным, как конторой (board), ведущей бухгалтерию и расчеты для совместно трудящегося общества. Предпосылкой является общность средств производства и т. д. и т. д. Сен-симонисты сделали свой банк папской властью над производством.

Превращение (Auflösung) всех продуктов и деятельностей в меновые стоимости предполагает как разложение всех твердых (исторических) отно-

[1]) Дословно: самый большой (grösste).—**Ред.**

шений личной зависимости в сфере производства, так и всестороннюю зависимость производителей друг от друга. Производство каждого отдельного лица зависит от производства всех других; точно так же и превращение его продукта в средства существования для него стало зависимым от потребления всех остальных. Цены — явление древнее, так же как и обмен: однако, только в буржуазном обществе, в обществе свободной конкуренции, цены все в большей степени определяются издержками производства, а обмен охватывает все производственные отношения. То явление, которое Адам Смит, в подлинном духе XVIII века, относит к доисторической эпохе, к предистории, есть, наоборот, продукт истории.

Эта взаимная зависимость выражается в постоянной необходимости обмена и в меновой стоимости, как всестороннем посреднике. Экономисты выражают это таким образом. Каждый преследует свой частный интерес и только свой частный интерес, и таким путем сам того не зная и не желая, обслуживает частные интересы всех [т. е.], всеобщий интерес. Вся соль не в том, что благодаря тому, что каждый преследует свой частный интерес, достигается совокупность частных интересов, т. е. общий интерес. Из этого абстрактного положения можно было, наоборот, сделать вывод, что каждый со своей стороны тормозит осуществление интереса другого, и результатом этой войны всех против всех является не всеобщее утверждение, а наоборот — всеобщее отрицание. Суть заложена, наоборот, в том, что частный интерес уже сам по себе есть общественный определенный интерес и может быть достигнут лишь при условиях, поставленных обществом и при помощи предоставляемых обществом средств; стало быть [он] связан с воспроизводством этих условий и средств. Это — интерес частных лиц; но его содержание, как и форма и средства осуществления даны общественными условиями, независимыми ни от кого.

Взаимная и всесторонняя зависимость индивидов, друг для друга безразличных, образует их общественную связь. Эта общественная связь выражена в меновой стоимости, в которой для каждого индивида его собственная деятельность или продукт лишь (erst) становится деятельностью или продуктом для него, он должен произвести всеобщий продукт или — меновую стоимость, или ее же изолированной в себе, индивидуализированной, [т. е.] деньги. С другой стороны, та власть, которую каждый индивид имеет над деятельностью других или над общественными богатствами, заключается в нем, как владельце меновых стоимостей денег. Свою общественную власть, как и свою связь с обществом, индивид носит с собой в кармане. Деятельность, какова бы ни была ее индивидуальная форма проявления, и продукт этой деятельности, каковы бы ни были его особые свойства, и есть меновая стоимость, т. е. нечто всеобщее, в чем всякая индивидуальность, всякое особое свойство (Eigenheit) отрицается и погашена. Это состояние в самом деле весьма отлично от того [состояния], при котором индивид или же индивид, расширившийся стихийно или исторически до пределов семьи и рода, непосредственно воспроизводится из самой природы, или его производительная деятельность и его доля в [результатах] производства связаны с определенной формой труда и продукта, и его отношение к другим точно так же определено.

Общественный характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и доля индивида в [результатах] производства выступает здесь, как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как их взаимоотношения друг к другу, а как их подчинение условиям, существующим независимо от них и возникающих из столкновения между собой безразличных индивидов. Всеобщий обмен продуктами и деятельностями, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь, представляется им самим чем-то чуждым, самостоятельным, как вещь. В мено-

вой стоимости общественное отношение (Beziehung) лиц превращено в общественное отношение (Verhalten) вещей: способность (Vermögen) лиц в способность вещей. Чем меньше общественной силы имеет средство обмена, чем теснее оно еще связано с природой непосредственного продукта труда и с непосредственными потребностями обменивающихся, тем больше еще должна быть сила того общежития (Gemeinwesen), которое связывает индивидов — патриархальное отношение, античная община, феодализм и цеховый строй (см. мою тетрадь XII, 34в). Каждый индивид обладает общественной властью в форме вещи. Отнимите эту общественную власть от вещи — и вы должны будете дать эту власть [одним] лицам [над другими] лицами. Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в небольшом об'еме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, такова вторая крупная форма, при которой впервые создается система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных возможностей. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на подчинении им коллективной общественной производительности в качестве их общественного достояния — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Таким образом патриархальный, как напр. античный строй (а также феодальный) приходит в упадок по мере развития торговли, роскоши, денег, меновой стоимости, в то время как современный общественный строй вырастает параллельно с ними.

Обмен и разделение труда взаимно обусловлены. Так как каждый работает для себя, а его продукт сам по себе ничего собой не представляет, то он, конечно, вынужден менять, не только для того, чтобы принять участие во всеобщем фонде продукции, но и для того, чтобы превратить свой собственный продукт в средство существования для самого себя (см. мои «Замечания по экономии», стр. 5 (13—14). Обмен, как опосредствованный меновой стоимостью и деньгами, предполагает, правда, всестороннюю зависимость производителей друг от друга, но вместе с тем — полную изолированность их частных интересов и разделение общественного труда, единство и взаимное дополнение которого существует подобно природному отношению, вне индивидов, независимо от них, опосредствует давление всеобщего спроса и предложения друг на друга, связь между лицами, друг другу безразличными.

Сама необходимость превратить продукт или деятельность индивидов сначала в форму меновой стоимости, в деньги, дабы в этой вещной форме они приобрели и доказали свою общественную силу, доказывает: 1) что индивиды производят только для общества и в обществе, 2) что их производство не носит непосредственно общественного характера, не ведется на началах ассоциации, которая распределяет труд между своими членами. Индивиды подчинены общественному производству, которое на подобие рока существует вне их, а не общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им, как общим делом. Поэтому не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег, предполагать контроль об'единенных индивидов над их совокупным производством, как это мы видели выше в отношении банка, выпускающего часовые боны. Частный обмен всех продуктов труда, способностей и деятельностей противоположен как распределению, основанному на отношениях господства и подчинения (естественных и политических) между индивидами (причем собственно обмен происходит лишь попутно и в общем мало затрагивает жизнь целых общин (Gemeinwesen), а наоборот, производится между различными общинами, вообще отнюдь не подчиняет всех отношений производства и связи) (какой бы характер не при-

нимало это господство и подчинение: патриархальный, античный, феодальный), так и свободному обмену индивидов, которые ассоциированы на основе совместного овладения и контроля над средствами производства. (Эта последняя ассоциация не есть нечто произвольное; она предполагает развитие материальных и духовных условий, на которых здесь мы не останавливаемся подробнее). Подобно тому, как разделение труда создает агломерацию и комбинирование, кооперацию, противоположность частных интересов, классовых интересов, конкуренцию, концентрацию капитала, монополию, акционерные общества — все эти противоположные формы единства, которое само вызывает противоположность,—так и частный обмен создает мировую торговлю, независимость частных лиц [создает] полную зависимость от так называемого мирового рынка, а раздробленные акты обмена [создают] банковскую и кредитную систему, бухгалтерия которой по крайней мере констатирует сальдо [1]) частного обмена. Хотя частные интересы и разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько имеется в ее составе взрослых людей, а интересы экспортеров и импортеров в этом отношении противостоят друг другу, национальная торговля в вексельном курсе получает видимость существования и т. д. и т. д. Но никто не станет на этом основании полагать, что при помощи биржевой реформы можно уничтожить основы внутренней или внешней частной торговли. Однако, в буржуазном обществе, основанном на меновой стоимости, возникают условия производства и связи, которые представляют собой одновременно подкопы для взрыва этого строя. (Множество противоположных форм общественного единства, противоположный характер которого, однако, никогда нельзя взорвать при помощи мирных метаморфоз. С другой стороны, если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения связи [необходимые] для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством).

---

[1]) Дословно: приравнивания (Ausgleihungen). — Ред.

К рукописи Маркса

А. Леонтьев

I

Маркс недаром называл «Капитал» делом своей жизни. Это гениальное произведение, открывшее новую эпоху в жизни человечества, было плодом исполинского труда. Первые сохранившиеся до настоящего времени записи Маркса по политической экономии относятся к началу 40-х годов. По собственному свидетельству Маркса, он вплотную занялся этой наукой в 1843 г. Начиная с этого года и вплоть до самой своей смерти, на протяжении четырех десятков лет, полных неутомимого труда, Маркс выковывал теоретическое оружие нового поднимающегося класса.

Учение Маркса «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» (Ленин). Маркс произвел полный переворот в области науки о человеческом обществе и его законах. Выступив в качестве идеолога нового восходящего класса, он впервые в истории последовательно применил к исследованию человеческого общества подлинно научный метод—открытый им метод диалектического материализма. На протяжении десятков лет Маркс разрабатывал свою теорию, прорабатывая огромный материал из области конкретной действительности и тщательнейшим образом изучая все, что было сделано в области науки до него. Огромное количество тетрадей с выписками, конспектами, перемежающимися собственными замечаниями Маркса, ярко свидетельствует о громадном труде, затраченном на подготовку «Капитала». Марксу приходилось прокладывать новые пути. Этим об'ясняется то обстоятельство, что Маркс имел обыкновение, прежде чем он начинал писать для печати, писать подробное изложение проблемы «для уяснения вопроса самому себе», как он выражается в предисловии к «К критике политической экономии». Этим же об'ясняется и то обстоятельство, что Маркс многократно переделывал раз написанное. Он относился к своей работе с суровой критикой, он ставил себе чрезвычайно высокие требования. Известно например, что начало II тома «Капитала» существует в целом ряде различных вариантов: много раз принимался Маркс писать II том, прежде чем он был удовлетворен той формой, в которую отлились его мысли.

Из числа работ, написанных Марксом «не для печати, а для уяснения вопроса самому себе», целый ряд уже увидел свет и вошел неот'емлемым вкладом в общую сокровищницу марксизма-ленинизма. Достаточно назвать «Введение к критике политической экономии», подготовительные работы к «Святому семейству» и т. д. В известном смысле к этой же категории работ относятся и «Теории прибавочной стоимости». Опубликованные уже после

смерти Маркса «Теории прибавочной стоимости» представляют собой часть текста большой серии тетрадей, написанных Марксом в качестве продолжения «К критике политической экономии» в течение 1861—1863 гг. Отказавшись от плана дальнейшего издания своего труда отдельными выпусками, Маркс оставил в стороне огромную по своим размерам рукопись и принялся за написание текста «Капитала» заново. Он имел в виду переработать созданное в 1861—1863 гг. произведение после окончания своей работы над тремя томами «Капитала»: таким образом должна была быть подготовлена работа, посвященная «истории теории» и составляющая увенчание всего здания. Та часть текста тетрадей 1861—1863 гг., которая опубликована в виде «Теорий прибавочной стоимости», уже давно составляет неот'емлемую часть всего наследства Маркса.

Выпуская «К критике политической экономии», Маркс в своем предисловии упоминает о монографиях, которые были написаны им в различные периоды не для печати, а для уяснения вопроса самому себе. В настоящее время нам известны две такие монографии (не считая значительного числа тетрадей с выписками и конспектами). Это, во-первых, экономическая рукопись 1844 г. (немецкий текст опубликован в III томе полного собрания сочинений) и, во-вторых, серия тетрадей, написанных в 1857—1859 гг. Отнюдь не исключена возможность, что более тщательное изучение рукописного наследства Маркса принесет в этом отношении «сюрпризы» в виде еще других, бы[illegible]'ему, монографий, относящихся к тому же периоду.

Пу[illegible]ь представляет собой, как уже указано во вступит[illegible]I, начало первой тетради из серии, написанной [illegible]ия тетрадей представляет собой непосредственно подготовительную работу к «К критике политической экономии», выпущенной Марксом в 1859 г. Эта подготовительная работа, которая таким образом начинает появляться в свет через полвека после смерти автора и через три четверти столетия после своего написания, имеет выдающийся интерес и огромное значение для дела марксизма-ленинизма.

Если несомненно, что для глубокого и правильного понимания учения Маркса крупнейшее значение имеет знакомство с его предшественниками, то совершенно очевидно, какую неоценимую услугу в деле углубленного понимания теории Маркса оказывают подготовительные работы самого Маркса. В этих работах мы имеем грандиозную лабораторию мысли Маркса, мы имеем здесь определенные и притом весьма важные элементы учения Маркса в их становлении, в процессе их творчества, их создания. Это — изложение, которое Маркс писал не для печати, а для себя. Известно указание Маркса о том, что метод изложения не может не отличаться от метода исследования: при изложении исходным пунктом служит то, что само является в свою очередь результатом исследований. Подготовительные работы Маркса дают возможность по ряду важнейших теоретических вопросов ближе ознакомиться с диалектическим путем исследования, которое идет от конкретного к абстрактному и затем обратно восходит от абстрактного к конкретному, «но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями». Подготовительные работы открывают возможность заглянуть в самый процесс исследования Маркса. В этом отношении они имеют неоценимое значение для более глубокого изучения метода Маркса.

К написанию своих подготовительных работ к «К критике политической экономии» Маркс приступил, имея за плечами не только интенсивные

пятнадцатилетние занятия в области политической экономии, но и ряд блестящих собственных работ, в которых уже были возвещены основные положения его учения. Уже в «Святом семействе» Маркс намечает свое учение о всемирно исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества, учение, которое Ленин называет «главным в марксизме». За десять лет до того момента, когда Маркс взялся за перо, чтобы написать свою серию тетрадей 1857—59 гг., он свел счеты с реакционно-утопическим учением Прудона в своей «Нищете философии», выяснив там ряд основных философских методологических вопросов и наметив крупными штрихами путь разрешения ряда важнейших проблем политической экономии (стоимость, деньги, разделение труда, конкуренция и монополия и т. д.). В «Наемном труде и капитале» Маркс дает основы своего учения о прибавочной стоимости, которое Ленин недаром считал «краеугольным камнем экономической теории Маркса». В «Коммунистическом манифесте», написанном в 1847 г., Маркс и Энгельс дают непревзойденную пророческую характеристику капиталистического строя и основных линий его исторического развития, ведущего к победе социалистической революции пролетариата. В ряде блестящих исторических работ Маркс дал прекрасные образцы приложения метода диалектического материализма к исследованию событий той исторической эпохи.

Содержание рукописи 1857—59 гг. охватывает собой не только проблемы, которые Маркс осветил в «К критике политической экономии» (товар и деньги), но и почти все основные теоретические проблемы, освещенные много позднее в «Капитале». Эту сторону дела следует особо подчеркнуть. «К критике политической экономии», как известно, представляет собой в сущности первый выпуск основного труда Маркса, который по первоначальному плану должен был выходить в виде ряда отдельных выпусков. Лишь через ряд лет после выхода «К критике политической экономии» Марксу удалось подготовить I том «Капитала»; тем временем изменился намеченный Марксом план всей работы в целом, и I том «Капитала» вышел как новое самостоятельное произведение, причем в предисловии Маркс указал на неразрывную связь этой работы с «К критике политической экономии». В рукописи 1857—59 гг. мы находим освещение не только основных проблем I тома «Капитала» (товар и деньги, превращение денег в капитал, процесс труда и процесс увеличения стоимости, капитал и прибавочная стоимость, первоначальное накопление и т. д.), но и ряда важнейших проблем следующих двух томов «Капитала» (в частности—превращение стоимости в цены производства и прибавочной стоимости в прибыль, тенденция нормы прибыли к понижению и т. д.). Известно, что после выхода III тома «Капитала» вся свора наемных писак буржуазии, специализировавшихся на «изничтожении» марксизма, подняла вой насчет пресловутого противоречия между I и III томами. Утверждая в I томе, что товары продаются по их стоимости, Маркс, дескать, еще не знал, как он выпутается из затруднения, заключающегося в том, что этому предположению противоречит такой несомненный факт, как наличие средней равной нормы прибыли, — такова была наспех состряпанная сикофантами буржуазии басня. Эта идиотская выдумка разбивается, как известно, уже тем фактом, что текст III тома был написан Марксом в 1865 г., за два года до издания I тома, далее—наличием «Теорий прибавочной стоимости», написанных в 1861—1863 гг., т. е. еще ранее. Надо однако признать, что «светила буржуазной науки», выдвигая против Маркса это знаменитое обвинение, подходили к нему лишь с тем масштабом, с каким они привыкли подходить друг к другу и к самим себе. Действительно в среде буржуазных ученых подобный казус отнюдь не являлся бы чем-то из ряда

вон выходящим; наоборот, история буржуазной апологетики, рядящейся в тогу науки, знает изрядное количество таких примеров, когда «светоч» науки сначала проповедует одну теорию, а затем, когда этого требуют соображения более успешной защиты интересов денежного мешка, превращается из Савла в Павла и начинает с неменьшим жаром защищать другую, прямо противоположную позицию. В области политической экономии подобную «эволюцию» проделал ряд буржуазных идеологов первого ранга, имена которых украшают Пантеон буржуазной апологетики. Начиная со старика Джона Стюарта Милля, который еще во времена Маркса в отношении теории рабочего фонда сжег то, чему он раньше поклонялся, и поклонился тому, что он прежде сжигал, и вплоть до Фридриха Визера и Альфреда Аммона, которые в наши дни аналогичную эволюцию проделали в вопросах методологии политической экономии, тянется вереница подобных героев научной принципиальности среди звезд первой величины, среди «первого гарнитура» буржуазной науки. Создатели легенды о мнимом противоречии между I и III томами «Капитала» пытались подойти к Марксу с тем же аршином, с каким они подходят к любому из своей собственной среды. И они жестоко просчитались. Ибо величайшая научная добросовестность и принципиальность проходят через все творчество Маркса. Прежде чем Маркс выступил публично с результатами своей грандиозной работы, у него было вчерне готово все здание его основного труда. До сих пор это было известно и документально доказано в отношении «Капитала»: до опубликования I тома «Капитала» Марксом были написаны «Теории прибавочной стоимости», основная рукопись III тома и ряд важнейших рукописей, посвященных проблемам II тома. Теперь, на основании подготовительной работы к «К критике политической экономии», относящейся к 1857—59 гг., мы можем утверждать и доказать, что уже в этот период основные контуры всего грандиозного здания «Капитала» были Марксом вчерне набросаны и разработаны. Рукопись 1857—59 гг. может поэтому рассматриваться в известном смысле как первый вариант «Капитала».

Характер этой работы определяется тем, что она была написана не для печати, а для уяснения вопросов самому себе. Маркс обыкновенно многократно переделывал, перерабатывал, отшлифовывал написанное им. Читая данную рукопись, мы видим, как Маркс подбирает отдельные формулировки, слова, заменяет одни выражения другими, более подходящими, нащупывает наиболее удачный способ для передачи своей мысли. Во многих местах изложения внимательный читатель встретит отдельные выражения, фразы, образы, уже знакомые ему по «К критике политической экономии», по «Введению», по «Капиталу», по «Теориям прибавочной стоимости». Однако здесь читатель встречает уже знакомые ему положения Маркса не только в их, так сказать, готовом виде, но и наблюдает определенный путь их выработки, путь их становления; он получает возможность познакомиться с известным отрезком творческого процесса. В первых тетрадях рукописи 1857—59 гг. особенное место занимает выработка ряда положений, которые затем в весьма конденсированной, местами в прямо конспективной форме были изложены Марксом в его «Введении» к «К критике политической экономии». Как известно, это «Введение» было записано Марксом в одной из тетрадей той же серии 1857—1859 гг. Текст первых тетрадей этой серии показывает нам процесс выработки многих положений «Введения». В этом отношении эта неопубликованная работа 50-х годов имеет особенную ценность: здесь мы имеем аутентичную расшифровку, раз'яснение, более подробное изложение ряда положений, которые во «Введении» даны лишь в фрагментарном, сжатом виде. В переписке

Маркса мы находим указания на то, что при своей работе над «Капиталом» он снова перечитывал свои тетради 50-х годов. И действительно в ряде случаев мы в «Капитале» снова встречаем отдельные выражения, характерные фразы, образные сравнения, встречающиеся в этой рукописи. Поскольку в этой рукописи мы имеем перед собой в известной мере самый процесс выработки ряда положений марксовой экономической теории, постольку очевидно, что ее содержание следует брать в совокупности с позднейшими, подготовленными для печати работами Маркса. Именно при таком подходе полностью раскрывается все богатство ее содержания.

II

Переходя к замечаниям, связанным с существом содержания публикуемой части рукописи, по необходимости кратким и беглым, следует с самого начала оговориться, что мы отнюдь не рассчитываем в какой-либо мере исчерпать хотя бы главные и основные темы этой части рукописи. Известно, что каждое повторное чтение уже раз прочитанного произведения Маркса дает много нового Отсюда можно понять, как много нового можно найти в обширном, доселе совершенно неизвестном тексте, вышедшем из-под пера Маркса. Характер рукописи как предварительной разработки проблемы определяет также чрезвычайную разносторонность и многогранность ее содержания. Рукопись изобилует экскурсами — как весьма обширными, так и чрезвычайно краткими, иной раз афористическими (многие из экскурсов Марксом заключены в скобки),— затрагивающими самые различные стороны общественной жизни и дающими много ценного для понимания самых различных сторон марксова учения. Мимо этой рукописи не сможет пройти дальнейшая углубленная разработка ряда проблем марксистско-ленинского учения.

Мы вынуждены ограничиться здесь тем, чтобы подчеркнуть лишь некоторые моменты, особенно интересные под углом зрения современности. Основное содержание публикуемой части рукописи — это товар и деньги. Но к исследованию товара и денег Маркс подходит не спекулятивным путем, а отправляясь от реальной действительности капиталистического общества, от раздирающих его противоречий. Свое положительное изложение проблемы Маркс развивает в ходе борьбы против враждебной ему идеологии, против реакционно-реформистских утопий той эпохи, воплощенных прежде всего в прудонизме. Характерно, что рукопись открывается выдержкой из работы одного из прудонистов—Даримона, в которой в качестве панацеи от всех зол капитализма проповедуется реформа банков на базе прудоновских откровений о конституированной стоимости, отмены «привилегий» благородных металлов и создания пресловутых рабочих денег. Имя Даримона давно забыто. В работах Маркса оно фигурирует лишь в одном примечании в «К критике политической экономии»; разобрав утопию рабочих денег и указав на роль Прудона, серьезно проповедывавшего низвержение денег и апофеоз денег как истинную сущность социализма, Маркс в примечании указывает, что в качестве сводки этой мелодраматической теории можно рассматривать книгу Даримона о реформе банков. Но если Даримон забыт, то зато какой свежестью и злободневностью, какой поразительной актуальностью отличается развитая в рукописи Маркса аргументация против него и его единомышленников! Многие замечания Маркса, написанные три четверти века тому назад, впервые увидевшие свет через полвека после смерти их гениального автора, кажутся написанными в наши дни — до такой степени остро они поражают современных апологетов капитализма, вульгарных экономистов наших дней, продолжающих в условиях эпохи гибели

капитализма дело тех вульгарных экономистов, которых разоблачал Маркс.

Все зло происходит от привилегированного положения благородных металлов; отмените привилегии золота и серебра, и кризисы отойдут в область прошлого; кризисы происходят из-за неправильной политики банков,— с этими положениями выступает автор, разоблачение которого служит для Маркса исходным пунктом развития его взглядов. Кризисы, этот реальный синтез и насильственное разрешение всех противоречий буржуазной экономики, издавна были камнем преткновения для буржуазной апологетики во всех ее разновидностях. Ключом к правильному пониманию кризисов является понимание всей совокупности глубоких противоречий, характеризующих капиталистический способ производства как исторически преходящую форму общества. Признать действительный характер кризисов означало бы для буржуазных идеологов подписать смертный приговор защищаемому ими строю. Кризисы со всей силой иллюстрируют ограниченный характер буржуазного производства. Кризисы обнажают его рамки, его пределы. Они означают собой взрыв и крайнее обострение противоречий капитализма, влекущих его к неизбежной гибели. Не будучи в состоянии понять действительную природу кризисов, их полнейшую неизбежность при капитализме, не смея даже по-настоящему поставить вопрос о вызывающих их условиях и причинах, буржуазные экономисты ищут причины кризисов в самой поверхностной сфере буржуазного производства — в сфере денежного обращения, кредита, в сфере обмена, обращения вообще. Такую картину представляла собой буржуазная вульгарная экономия во времена Маркса.

Та же картина в гораздо более широких масштабах развертывается перед нашими глазами в настоящее время на фоне небывалого по своей глубине и остроте кризиса, потрясающего современный капитализм эпохи гибели и упадка буржуазного строя. Ища причины кризисов в сфере обращения, агенты буржуазного производства и их истолкователи-идеологи именно в этой сфере находят всевозможные рецепты лечения капитализма от этого зла. Реформа банков, реформа денежного обращения, манипуляции в отношении золота, всякие рецепты, основанные на вере в чудодейственную силу кредита, — подобного рода проекты и планы пышно распускаются во время кризисов. Естественно, что современный кризис дает в этом отношении особенно богатый «урожай». Буржуазные и в том числе социал-фашистские экономисты наперерыв выдвигают всякого рода подобия теоретических концепций, об'ясняющие кризисы из явлений денежного обращения и кредита, замазывающие действительные глубокие противоречия, неизбежно ведущие к кризисам, и выдвигающие всевозможные шарлатанские рецепты, служащие лишь идеологическим прикрытием для осуществления буржуазных программ выхода из кризиса за счет неслыханного роста гнета и эксплоатации рабочего класса и трудящихся масс. И современные защитники интересов трестовского капитала берут свои доспехи из арсенала старой вульгарной экономии, подвергнутой уничтожающей критике Марксом. Вот почему мощные удары, наносимые Марксом его современникам — вульгарным экономистам и реакционно-утопическим путаникам,— попадают не в бровь, а в глаз нынешним экономистам на службе финансовой олигархии.

Буржуазия, в особенности социал-фашизм, культивирует особое внимание ко всем идеологам, которые боролись против Маркса и принимали на себя сокрушительные удары последнего. Свое бесплодие в борьбе против живого марксизма наши враги пытаются возместить гальванизацией трупов поверженных Марксом людей, воскрешением опровергнутых им теорий. Лассаль боролся против Маркса — и социал-фашизм подбирает давно упавшее знамя Лассаля и пытается его реставрировать. Прудон боролся против

Маркса — и в буржуазных кругах, в особенности же в кругах социал-фашистских и фашистских теоретиков, за последнее время заметно повышается интерес к Прудону. Во Франции выпускается новое собрание сочинений Прудона. Досужие писатели исследуют Прудона и находят у него ряд весьма «современных» идей, прочно вошедших в обиход прежде всего фашизма, а затем и социал-фашизма; это идеи корпорации, общности интересов между классами, борьбы против «долгового рабства» и т. д. Оживление интереса к Прудону со стороны этих кругов неслучайно. Действительно ряд элементов современной социальной демагогии фашизма восходит к этому идеологу мелкобуржуазной реакции. И социал-фашизм, прикрывающий защиту эксплоататорского строя словесными ламентациями о социализме, может найти истоки многих своих «идей» у этого же представителя мелкобуржуазного утопизма с реакционно-апологетической окраской.

Вот почему удары, которые Маркс наносит Даримону и Шевалье, Жирардену и Прудону, попадают и в современных представителей вульгарной, в том числе и социал-фашистской, экономии, во всех этих Реннеров и Гильфердингов, Касселей и Ганов, Кейнсов и Войтинских.

Привилегия золота и серебра — вот подлинная причина всяких кризисов, говорили Даримон и его единомышленники. Кризис вызван ненормальным скоплением золота в руках немногих государств, неправильным распределением желтого металла — вот современная вариация на ту же тему. И Лига наций создает специальные комиссии для исследования вопроса о судьбах желтого металла, о его производстве и распределении между странами. Неправильная политика банков, которым приписывается роль регулятора кредита,— вот причина кризиса, по мнению Даримона и тех промышленников, вожделения которых он выражал под прикрытием квазисоциалистических прудонистских фраз. Но к этой же, с позволения сказать, «основе» сводит причины кризисов общепризнанная среди современной буржуазной науки монетарная теория кризисов. Оберегая свои запасы желтого металла, банк отказывает «публике» в кредите как раз тогда, когда кредит ей более всего нужен, льет слезы Даримон. Но то же самое повторяет через три четверти века Ган. Кризис проистекает от вздорожания золота по отношению к товарам, говорили прудонисты. Но то же самое повторяет подвизающийся на службе у германского социал-фашизма русский меньшевик Войтинский, нашедший гениально простое лекарство от кризиса в... международном повышении цен [1]).

Блестяще вскрывая всю несостоятельность и нелепость прудонистских бредней, Маркс дает нам прекрасное оружие борьбы с современной буржуазной вульгарной экономией во всех ее изданиях, в том числе и социал-фашистском. Маркс терпеливо прослеживает статистические таблицы, при помощи которых Даримон хочет доказать свое основное положение, а именно — что благодаря привилегиям благородных металлов банк оказывается не в состоянии удовлетворить потребность в его услугах именно тогда, когда эта потребность достигает наибольшей остроты. Даримон сравнивает с этой целью движение металлического запаса банка с движением его портфеля и хочет доказать обратную пропорциональность этих движений. Маркс прежде всего замечает, что Даримон, следуя за Прудоном, смешивает потребности в кредите с потребностями денежного обращения. Это указание, более подробно разработанное в III томе «Капитала», имеет очень важное значение для разоблачения современных представителей монетарной теории кризисов. Маркс показывает, что в сущности Даримон пытается «доказать» тавтологию, что по мере того, как банку пред'являлись векселя с целью получения

[1]) Wl. Woytinsky, Internationale Hebung der Preise, 1931 г.

от него металла, портфель банка наполнялся векселями, а его подвалы пустели. Но Даримону не удается показать даже этого. Его статистика не дает ответа, она, напротив, ставит целый ряд новых вопросов. Его таблицы напоминают таблицу смертности, где на одной стороне фигурируют заболевания, на другой — смертные случаи, но где забыты цифры о рождаемости. Точно так же Даримон вырывает произвольно две графы, оставляя в стороне данные о банкнотном обращении и о вкладах. Лишь при помощи этих данных можно понять закономерную связь явлений. Однако как раз эти-то данные особенно опасны для Даримона, так как они разбивают его предвзятую точку зрения, показывая, с одной стороны, что потребности денежного обращения и потребности кредита не идентичны, а с другой стороны,— что рост портфеля вовсе не идет совершенно параллельно убыли металлического обеспечения. Маркс издевается над претензией Даримона насчет того, чтобы банк удешевлял кредит и улучшал условия предоставления ссуд в те моменты, когда растет спрос на кредит со стороны функционирующих капиталистов. Почему банк должен руководствоваться противоположными принципами по сравнению со всем деловым буржуазным миром? — спрашивает Маркс. Ведь хлеботорговцы при росте спроса на хлеб имеют обыкновение повышать цену на хлеб, а не снижать ее. Здесь уместно напомнить указание Маркса в III томе «Капитала» о том, что требование, чтобы банк расширял кредит и улучшал его условия во время кризиса, равносильно требованию, чтобы банк превратил всех обанкротившихся спекулянтов в исправных плательщиков. Вслед за этим Маркс переходит к анализу действительных причин отлива благородных металлов из подвалов французского банка и устанавливает, что этот отлив был обусловлен, с одной стороны, неурожаем злаков и недостаточным сбором шелка и, с другой стороны,— крупными вложениями французского капитала за границей, в особенности в области железнодорожного строительства. Но это — явления, которые нельзя об'яснить при изолированном рассмотрении области обращения; это — явления производственного порядка.

Здесь Маркс подходит к основному вопросу—вопросу о соотношении между обращением и производством — и показывает полнейшую несостоятельность прудонистских «фокусников обращения». Эта часть рукописи имеет огромное актуальное значение для разоблачения современных «фокусников обращения» из лагеря социал-фашизма, и мы поэтому остановимся на ней несколько подробнее ниже. Теперь же последуем за ходом мысли Маркса относительно кризисов, роли кредита и денег.

При отливах металла, указывает Маркс, обнаруживается одно противоречие, которого не в силах понять экономисты, ищущие причин кризисов в сфере денежного обращения и кредита. Обнаруживается, что золото и серебро — не такие же товары, как все остальные. Экономисты с ужасом констатируют возвращение ко временам монетарной системы (это указание Маркс повторяет в «К критике политической экономии»). Английские экономисты пытаются помочь делу путем разграничения: в моменты кризисов золото и серебро требуются, дескать, не как деньги, а как капитал. «Они забывают добавить: капитал, но капитал только в определенной форме золота и серебра» — указывает Маркс. Однако отлив золота является следствием определенных нарушений процессов воспроизводства — неурожай, войны и т. п. Чтобы лучше разобрать истинную роль денег в кризисе, Маркс ставит вопрос: «чем бы отличались подобные кризисы, если отвлечься от денег, и какую определенность деньги привносят в рамки данных отношений?» Он далее рассматривает гипотетический случай, когда неурожай имеет место в стране, не знающей денежного обращения (в данном случае точнее —

денежных связей с заграницей) и осуществляющей свои связи с внешним миром на началах прямого продуктообмена. В этом случае неурожай вызывает рост импорта и рост цен на хлеб, который равносилен падению цен всех других товаров: «Как при наличии, так и при отсутствии металла или каких-либо иных денег нация оказалась бы в состоянии кризиса, который охватил бы не только хлеб, но и все другие отрасли производства». Таким образом Маркс показывает, что «совершенно независимо от денег в стране наступил бы всеобщий кризис». И на основании рассмотрения этого гипотетического примера Маркс приходит к выводу, что «кризис, обусловленный неурожаем хлебов, отнюдь не создан отливом металла, хотя и может обостриться из-за попыток воспрепятствовать этому отливу». И Маркс подчеркивает несостоятельность точки зрения Прудона, «будто кризис проистекает от того, что только благородные металлы в противоположность другим товарам обладают подлинной стоимостью». Повышение хлебных цен означает не что иное, как обесценение золота и серебра по сравнению с хлебом, и никакая привилегия не спасет их от этого обесценения в случае неурожая хлебов. Маркс указывает, что «обесценение большинства товаров и вытекающий отсюда в случае значительного неурожая хлебов кризис нельзя наивно приписывать золоту, так как обесценение и кризис имели бы место и в том случае, если бы золото вовсе не вывозилось и не ввозилось бы зерна из-за границы». И он делает заключительный вывод из всего анализа проблемы относительно отлива золота как причины кризиса: «Не вывоз золота — причина хлебного кризиса, а хлебный кризис — причина вывоза золота».

В попытках об'яснить причины современного кризиса, делаемых буржуазными экономистами, «отлив золота» занимает весьма видное место. Соответственно изменившейся обстановке и изменениям в структуре международных экономических отношений проблема «отлива металла» большей частью предстает в виде проблемы «неравномерного распределения» металла, являющегося результатом войны и послевоенного развития всеобщего кризиса капитализма. Однако и «вывоз золота» в чистой форме играет немалую роль в попытках об'яснения кризиса со стороны нынешних вульгарных экономистов. Разбор этого вопроса у Маркса чрезвычайно интересен в этом отношении. Совершенно очевидно, что в своем гипотетическом примере он берет неурожай лишь как простейший случай, как синоним нарушения воспроизводства, обусловленного причинами, лежащими вне сферы денег. То, что ему нужно доказать, заключается в том, что и в случае отсутствия пресловутой привилегии благородных металлов, в случае отсутствия отлива золота серьезное нарушение воспроизводственного процесса, вытекающее из самих условий общественного материального воспроизводства, неминуемо приведет ко всеобщему кризису, совершенно независимо от золота и его флуктуаций.

Однако неправильно было бы думать, что Маркс, отрицая за отливом металла значение *причины кризиса*, упускает из виду то *обратное влияние* на кризис, которое имеет отлив золота. Он по этому поводу делает следующее замечание:

«Если рассматривать золото и серебро сами по себе, то можно утверждать, что лишь в двух направлениях они могут влиять со своей стороны на кризис и обострять его симптомы: 1) поскольку вывоз золота был бы затруднен в силу условий металлического покрытия, которыми связаны банки; поскольку мероприятия, которые банк принимает против этого вывоза золота, имеют вредное обратное действие на обращение внутри страны; 2) поскольку вывоз золота становится необходимым из-за того, что другие

нации согласны принимать капитал лишь в форме золота, а не в какой-либо иной форме».

Второе затруднение, которое по указанию Маркса остается в силе даже по устранении первого затруднения, представляет в современных условиях особый интерес. На наших глазах это затруднение принимает в условиях загнивающего и умирающего капитализма крупнейшие размеры. Вся проблема международной задолженности, представляющая запутаннейший клубок противоречий, ярко иллюстрирует все значение этого затруднения, вытекающего из того, что «другие нации согласны принимать капитал лишь в форме золота, а не в какой-либо иной форме». Современная затяжная борьба Англии и Франции с Соединенными штатами по вопросу о долгах является прекрасной иллюстрацией этого положения Маркса в доселе невиданном масштабе.

Марксу совершенно чужда как та точка зрения, по которой «все зло» происходит от золота, денег, банков, так и та позиция, которая отрицает какое бы то ни было значение денежно-кредитного механизма в ходе кризиса. И в данной рукописи, как и во многих местах «Капитала», Маркс неоднократно подчеркивает, что та или иная организация денежного обращения и банковской системы может влиять на самый ход развития кризиса тем или иным образом, хотя никакая, даже самая совершенная организация кредита и денежного обращения не может устранить кризисов при капитализме. Эти замечания Маркса чрезвычайно важно учесть при конкретном анализе каждого кризиса, в том числе и современного, чтобы правильно оценить то «дополнительное» обострение кризиса, которое имеет место со стороны кредитной системы и современной организации денежного обращения.

Разоблачая теорию, сводящую «все зло» кризисов к денежным факторам (привилегии благородных металлов, политика банков, отлив золота и серебра), Маркс вскрывает полнейшую несостоятельность и нелепость иллюзии насчет невозможности обесценения золота. Иллюзия эта в различных формах имеет хождение и в настоящее время среди буржуазных и в том числе социал-фашистских экономистов. Еще в предвоенные годы в социал-демократической прессе при обсуждении проблемы дороговизны ряд авторов во главе с Гильфердингом выступил с тезисом о неизменной стоимости золота, решительно порывая с марксовой теорией стоимости и целиком становясь на позиции меновой концепции. В своей статье «О деньгах и товаре», помещенной в «Neue Zeit» за 1912 г., Гильфердинг например писал следующее: «Для того, чтобы могло произойти изменение стоимости золота, это последнее должно было бы постоянно пребывать в обращении. Ибо только тогда, когда товар и средства обращения непосредственно противостоят друг другу, они могут взаимно определять величины своих меновых стоимостей». Определение стоимости золота трудом Гильфердинг отсылает ко временам доадамовым. По его уверению, «когда возникают могущественные центральные эмиссионные банки, тогда создается механизм для вливания в обращение нужного золота или выбрасывания из него золота ненужного. Эмиссионные банки принимают все предлагаемое золото. Стало быть, спрос не ограничен». Далее Гильфердинг провозглашает, что «непосредственное значение закона стоимости не распространяется на золото как деньги», так как, по его мнению, «для осуществления закона стоимости необходима полная хозяйственная свобода». А этой последней нет в эпоху монополий и мощных центральных эмиссионных банков. И Гильфердинг приходит к выводу, что «государственное регулирование денежного обращения означает собой принципиальное изменение во взаимоотношениях золота и товаров. Благодаря государственному вмешательству фиксируется меновое отношение

между золотой монетой и товарной массой... Изменения в издержках производства золота не оказывают влияния на меновое отношение золотой монеты к товарам, они определяют лишь то, какие золотые россыпи могут разрабатываться в надежде получить прибыль».

Уже из этих выдержек совершенно очевидно, что еще в довоенный период Гильфердинг обеими ногами стоял на почве чуждой марксизму концепции. В данном вопросе с удивительной четкостью обнаруживается теснейшая логическая связь между защищавшейся Гильфердингом меновой концепцией и развитой им впоследствии пресловутой теорией организованного капитализма. Мы видим, что уже в довоенный период будущий глашатай организованного капитализма открыто говорил об отмене закона стоимости в эпоху монополий, о неограниченной мощи «государственного вмешательства», заменяющего стихию рынка сознательным регулированием экономических отношений. Заменяя марксову теорию денег премудростями количественной теории, подавая в то же время руку государственной теории денег, Гильфердинг вполне последовательно дополнял свою меновую концепцию, согласно которой стоимость есть не что иное как меновое отношение и создается в обмене, такой трактовкой роли государства и монополий, которая уже заключала в себе все необходимые элементы провозглашенной им позднее открыто теории организованного капитализма.

Маркс делает в данной рукописи ряд указаний по адресу современных ему вульгарных экономистов — прямых предшественников Гильфердинга и иже с ним. Он раскрывает нелепость взглядов тех экономистов, которые, скользя по поверхности явлений, считают невозможным обесценение золота. Он указывает, что про золотые или серебряные деньги не говорят, что они обесценились, при всеобщем повышении цен товаров. Это происходит вследствие того, что номинально золото не может обесцениться, ибо «оно в качестве денег выражает вовсе не стоимость, а определенное количество своей собственной материи». Маркс говорит здесь о том, что в «К критике политической экономии» и в «Капитале» он называет масштабом цен. Далее Маркс замечает по адресу экономистов, не проникающих дальше поверхности явлений: «Введенные в заблуждение этой номинальной невозможностью обесценения металлических денег, Даримон и компания видят лишь одну сторону, которая прорывается в кризисах: вздорожание золота и серебра по отношению почти ко всем остальным товарам; они не видят другой стороны — обесценения золота и серебра или денег по отношению ко всем остальным товарам (за исключением быть может труда, но не всегда) в периоды так называемого «процветания», в периоды временного всеобщего повышения цен. Так как это обесценение металлических денег (и всех видов денег, покоящихся на них) всегда предшествует их вздорожанию, то они должны были бы поставить проблему наоборот: [проблему] периодически повторяющегося обесценения денег (на их языке — отменить привилегии товаров по отношению к деньгам)».

Наследники Даримона и компании в этом вопросе весьма многочисленны в среде современных буржуазных экономистов. Со страниц иностранных экономических журналов не сходит тема о том, какую роль играет «вздорожание золота» среди «причин кризиса». Виднейшие светила буржуазной науки приписывают этому «фактору» весьма значительную роль. Беспомощно блуждая среди трех сосен, «введенные в заблуждение номинальной невозможностью обесценения золота», буржуазные экономисты ярко демонстрируют полнейшее бессилие и немощь буржуазной науки перед лицом развертывающихся в капиталистической системе процессов.

С представлением о привилегии благородных металлов, об их отливах,

о вздорожании золота как основной причине кризисов у прудонистов связана вера в чудодейственную силу кредита, которая выступает прежде всего в виде веры в регулирование кредита со стороны банка. Маркс решительно опровергает иллюзию Даримона, будто банк в силу своей монополии действительно регулирует кредит. Эти указания Маркса имеют большое значение для критического подхода к современным сторонникам этой иллюзии, число которых в лагере буржуазных и в том числе социал-фашистских экономистов весьма велико. Маркс пишет:

«На самом же деле сила банка начинается лишь там, где кончается сила частных дисконтеров, т. е. в тот момент, когда и его собственная сила уже чрезвычайно ограничена. Пусть банк при спокойном состоянии денежного рынка, когда всякий учтет по 2½%, на один момент остановится на 5%, тогда дисконтеры, вместо того, чтобы подражать ему, вырвут у него все операции из-под носа. Нигде это не обнаруживалось более наглядно, нежели в истории английского банка со времени закона 1844 г., который, в отношении учетных операций и т. д., превратил банк в подлинного соперника частных банкиров. Чтобы обеспечить себе известную долю, и притом возрастающую долю учетных операций, английский банк постоянно был вынужден снижать процент, доводя его не только до уровня частных банков, но даже ниже. Таким образом, его «регулирование кредита» следует принимать cum grano salis, между тем как Даримон свое суеверное представление о безусловном контроле банка на денежном рынке делает исходным пунктом».

Старые иллюзии насчет регулирующей силы банков в гальванизированном виде теории кредита Гана, теории организованного кредитного хозяйства (тесно связанной с теорией организованного капитализма), имеют в настоящее время широкое хождение среди буржуазных экономистов и среди теоретиков социал-фашизма. Замечания Маркса, вскрывающие полную несостоятельность этой иллюзии, имеют поэтому весьма злободневный интерес. Маркс ясно показывает ограниченность власти банков, ограниченность тех средств, которые находятся в его распоряжении, ограниченность тех рамок, внутри которых он пользуется свободой действий. Маркс указывает: «Поскольку банк выпускает чеки на металлические деньги (банкноты) и долговые обязательства на капитал, подлежащие оплате в золоте или серебре (депозиты), то он, само собой разумеется, лишь до известного момента может созерцать и переносить уменьшение своего металлического запаса, не реагируя на это».

И Маркс чрезвычайно ярко и наглядно показывает действительные границы банковской деятельности при подробном критическом разборе утопии рабочих денег (часовых бонов) и выяснении роли банка при этом. Здесь совершенно ясно видно, что банк в силах сделать и чего он сделать не в состоянии. Здесь Маркс вскрывает те глубокие противоречия, которые заключаются в иллюзии насчет чудодейственной силы банка. Но об этом дальше.

Выяснив, что привилегия золота и его отливы не являются первопричиной кризиса, Маркс переходит к глубокому анализу противоречий, заложенных в товаре и в деньгах. Это исследование составляет большую часть публикуемой рукописи, причем оно не заканчивается в публикуемой здесь части. Подробное рассмотрение утопии рабочих денег, анализ товара и денег со всеми их противоречиями дает Марксу возможность уже в этой рукописи сформулировать свое положение о том, что абстрактная возможность кризисов дана уже в деньгах, в отделении покупки от продажи. Как известно, это положение встречается в «К критике политической экономии», в «Капитале», встречается и в «Теориях прибавочной стоимости». В данной рукописи

формулировка этого положения интересна в том отношении, что здесь она носит еще более конкретный характер, вследствие чего совершенно ясно видно, к какому моменту исторического развития она относится.

Маркс указывает, что «с разделением покупки и продажи, с распадением обмена на два независимых друг от друга в пространстве и времени акта выступает еще другое новое отношение». Это новое отношение заключается в том, что «обмен ради обмена отделяется от обмена ради товаров». На сцену выступает класс купцов. Купец обменивает ради прибыли, в то время как потребитель — ради самого продукта. Получается удвоение обмена, между этими двумя видами обмена возникает несоответствие. «Обращение, обмен внутри торгового класса и завершение обращения, обмен между торговым классом и потребителями — хотя они в конце концов должны быть взаимно обусловлены, но определяются они совершенно разными законами и мотивами и могут впасть в сильнейшее противоречие друг с другом. Уже в этом разрыве заложена возможность торговых кризисов». Здесь таким образом охарактеризована та конкретная историческая обстановка, в которой впервые выступает на сцену возможность кризисов. Совершенно очевидно, что эта общая возможность кризиса — отнюдь не чисто мыслительная категория, а напротив, весьма реальный продукт исторического развития.

В дальнейших тетрадях той же серии Маркс показывает, как эта абстрактная возможность кризиса переходит в необходимость, в неизбежность кризисов с возникновением и развитием капиталистического способа производства, основанного на эксплоатации труда наемных рабочих со стороны капиталистов. При анализе производства прибавочной стоимости, при исследовании накопления, при разборе проблемы реализации Маркс показывает «границу капиталистического производства», обнажающуюся при кризисах. Он показывает, как основное противоречие капиталистического способа производства — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения — неизбежно обуславливает наступление кризисов перепроизводства, обнажающих и обостряющих до крайней степени все противоречия анархически-эксплоататорского строя.

III

Разоблачая Даримона и его, выражаясь современным языком, монетарную теорию кризисов, Маркс очень скоро подходит к вопросу, который он называет основным вопросом. Это вопрос об отношении производства и обращения. На всем дальнейшем протяжении рукописи, при дальнейшей критике прудонистской теории кризисов, при разоблачении утопии рабочих денег, при разборе противоречий товара и денег, при рассмотрении роли банков, Маркс наносит ряд ударов по адресу «фокусников обращения». Эта сторона содержания рукописи должна привлечь наше самое пристальное внимание. В современной обстановке «фокусники обращения» чрезвычайно многочисленны среди идеологов наших классовых врагов. Меновая концепция является излюбленной теорией социал-фашизма. Социализация через обращение — распространенная басня, при помощи которой орудуют социал-фашисты. Настоящая рукопись дает блестящий материал для разоблачения социал-фашистской идеологии с этого конца.

Маркс указывает, что банк, если бы он послушался прудонистских советников (мы можем прибавить — и теоретиков в духе Гана) и в условиях кризиса стал бы расширять кредит, идя навстречу возросшим «потребностям»

в последнем, неминуемо пришел бы к обесценению своих банкнот. Может показаться, что бумажный станок неистощим и действует как бы мановением волшебного жезла. Маркс однако показывает, что «банк не умножил мановением волшебного жезла национальное богатство, а только обесценил собственные бумаги посредством весьма обычной операции». Однако прудонисты на это отвечают, что предлагаемая ими банковская организация не удовлетворилась бы одной отменой металлической основы, а поставила бы своею целью создать совершенно новые условия производства и обмена; при этом прудонисты ссылаются на то, что ведь и современные банки явились предпосылкой для возникновения крупной промышленности, акционерных обществ и т. д.

«Тут мы подошли к основному вопросу, который уже не связан с исходным пунктом»—говорит Маркс. В чем же заключается этот основной вопрос? Маркс отвечает на это таким образом: «Этот вопрос в общем виде заключается в следующем: возможно ли путем изменений орудия обращения — организации обращения — революционизировать существующие производственные отношения в соответствующие им отношения распределения? Спрашивается далее: может ли быть предпринято подобное преобразование обращения, не затрагивая существующих производственных обращений и покоящихся на них общественных отношений? Если каждое подобное преобразование обращения само в свою очередь предполагает изменение прочих производственных условий и общественные перевороты, то, естественно, заранее отпадает учение, которое предлагает всякие фокусы в сфере обращения, чтобы, с одной стороны, избежать насильственного характера перемен, а с другой стороны — хочет сами эти перемены сделать не предпосылкой, а наоборот, постепенным результатом перестройки обращения».

«Учение, которое предлагает всякие фокусы в сфере обращения, чтобы, с одной стороны, избежать насильственного характера перемен, а с другой стороны — хочет сами эти перемены сделать не предпосылкой, а наоборот, постепенным результатом перестройки обращений» — какая уничтожающая характеристика всяких утопий насчет осуществления социализма через обращение! Как она прекрасно подходит для современных теоретических потуг социал-фашистских теоретиков! С той только разницей, что в нынешних условиях «фокусники обращения» не останавливаются ни перед какими преступлениями, чтобы избежать не только насильственного характера перемен, но и самых перемен. Это — утописты, лишенные веры в свою утопию, провозглашатели теорий, в осуществление которых они ни на минуту не верят, защитники существующих форм эксплоатации, прикрывающиеся вдвойне лживыми ламентациями о мирном врастании в социализм со стороны процессов обращения.

Еще в довоенное время Гильфердинг выступил с насквозь оппортунистической утопией насчет «легкого» осуществления социализма путем простой замены верхушки шести крупнейших берлинских банков. В бурные месяцы германской революции тот же Гильфердинг всячески открещивается от рецепта, изложенного в «Финансовом капитале», когда рабочие предъявили этот вексель к оплате: тут он «прозрел», что так легко социализм не осуществляется, и сделал отсюда вывод о необходимости укрепления и лечения смертельно больного капитализма. Перерастание социал-реформизма и оппортунизма в социал-фашизм гальванизировало идеи социализации через обращение. Гильфердинговская утопия была подхвачена и размалевана Реннером, который под дымовой завесой квазимарксистских фраз воскресил в условиях всеобщего кризиса капитализма, уже давно созревшего и перезревшего для социалистической революции, утопические идейки насчет

кооперации, рабочих банков, ассоциаций, возникшие в эпоху раннего капитализма и отображавшие тогда незрелость общественных отношений и самого революционного класса. Однако то, что в раннюю эпоху было утопией, коренящейся до известной степени в самой незрелости капитализма, превратилось в эпоху гибнущего капитализма в контрреволюционное оружие, направленное против революции пролетариата. «Избежать насильственного характера перемен» — такова альфа и омега социал-фашизма. Во имя этого он не останавливается ни перед каким насилием над рабочим классом, чтобы спасти капитализм от каких бы то ни было перемен. Во имя этого он перекрашивает экономику империалистической эпохи в цвета социализма, возвещая наступление «раннего социализма» без всякой революции. Во имя этого он явления умирания и загнивания капитализма пытается преподнести под социалистическими вывесками в целях дезориентации и обмана рабочих масс.

Показав истинный смысл всяких фокусов в области обращения и раскрыв их полнейшую несостоятельность, Маркс вслед за тем указывает, что ссылка по аналогии на историческую роль банков в возникновении и распространении капитализма не имеет никакого значения, ибо «современные кредитные учреждения были в равной мере как следствием, так и причиной концентрации капитала». Маркс вслед за этим ставит вопрос: «могут ли различные культурные формы денег — металлические, бумажные, кредитные, рабочие деньги (последние как социалистическая форма) — достичь того, что от них требуют, если не устранить самого производственного отношения, выраженного в категории денег; и не является ли опять-таки самоуничтожающимся требованием стремиться путем формального изменения какого-либо отношения избавиться от его существенных условий?» И он тут же дает исчерпывающий ответ на этот вопрос. «Различные формы денег могут больше соответствовать отдельным ступеням общественного производства, устранять недостатки, с которыми другие формы не в состоянии справиться; но никакие формы, пока они остаются формами денег и пока деньги остаются существенным отношением производства, не могут устранить внутренне присущих отношению денег противоречий, а могут лишь выражать их в той или иной форме. Ни одна форма наемного труда, хотя одна из них может справиться с недостатками другой, не в состоянии справиться с общим злом наемного труда. Один рычаг, быть может, лучше преодолевает сопротивление неподвижной материи, чем другой. Но каждый из них основан на сохранении сопротивления».

Маркс указывает, что Прудон даже не ставит вопроса об отношении производства и обращения, а там, где затрагивает его, отделывается лишь общей декламацией.

Ясная и четкая постановка вопроса о производстве и обращении на базе примата производства дает Марксу возможность полностью разоблачить все иллюзии «фокусников обращения». Мы уже видели выше, как Маркс вскрывает близорукость буржуазных экономистов, не видящих обесценения золота в периоды процветания. Он указывает, что если экономисты ставят вопрос о вздорожании золота во время кризисов, то они должны также поставить проблему его обесценения в периоды, предшествующие кризисам. Однако, замечает Маркс, «в последней формулировке задача тотчас же свелась бы к тому, чтобы прекратить повышение или падение цен. Последнее [означает]: уничтожить цены. А эта [задача означает]: отменить меновую стоимость. А эта проблема [означает: отменить также] обмен, как он соответствует буржуазной структуре общества. Эта последняя проблема: экономически революционизировать буржуазное общество. Тогда с самого

начала обнаружилось бы, что недугов буржуазного общества нельзя излечить ни фокусами в области обращения, ни «преобразованием банков», ни созданием рациональной «денежной системы».

Это указание Маркса вместе с аналогичными указаниями в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости» представляет в настоящее время особенно злободневный интерес. Дело в том, что в условиях небывалого кризиса растут и множатся бесчисленные проекты насчет капиталистического планирования. Эти два слова, которые поистине вопиют против своего соединения, стали за последнее время весьма модными среди определенных кругов буржуазии и буржуазной интеллигенции. Если еще Вольтер говорил, что бог выдуман жуликами для дураков, то эта формула чрезвычайно подходит для характеристики современных теорий планового капитализма. В современной «планово-капиталистической» литературе мы несомненно встречаем представителей обеих этих почетных категорий. Если Гуверы, крупнейшие магнаты трестовского капитала, прекрасно знающие, где раки зимуют, и украшающие своими декламациями о планировании вполне определенные вожделения насчет увеличения барышей, явно относятся к первой категории, то на долю многих не отделавшихся от мелкобуржуазных иллюзий интеллигентов выпадает не менее почтенная роль представителей второй категории.

Одним из излюбленных вариантов теории капиталистического планирования является идея о планировании через банки. Эмиссионный банк как главный орган планового хозяйства — такова например центральная идея специальной работы Ландауэра [1]), вышедший год тому назад. В «Капитале» Маркс прекрасно характеризовал двойственную природу кредита, которая придает ряду его видных представителей, от Джонало до Исаака Перейра, смешанный характер мошенника и пророка. Необходимо признать, что по мере приближения капитализма к своему историческому концу элемент мошенника становится преобладающим в духовной конституции рыцарей кредитного цеха. Яков Гольдшмидт и Лахузен, Крейгер и Инсул—в них вряд ли можно найти какие-либо крупицы от пророков, но зато очень много от мошенников. Указание Маркса, что «недугов буржуазного общества нельзя излечить ни фокусами в области обращения, ни «преобразованием банков», ни созданием «рациональной денежной системы» блестяще характеризует всю безнадежную утопичность современных идей насчет планирования капиталистического хозяйства через центральные банки.

В этой же связи необходимо обратить внимание и на следующее замечание Маркса: «Даровой кредит... есть лишь лицемерно-мещанская и трусливая форма для положения: «собственность — это кража». Вместо того, чтобы рабочие отобрали у капиталистов капитал, капиталисты должны быть вынуждены отдать его рабочим». Иному читателю на первый взгляд могло бы показаться: вот уже поистине малоактуальная тема! Кому же в голову придет толковать о даровом кредите в условиях современного капитализма, когда решительно ничего даром не дается! Такой читатель ошибся бы жестоко. Старые иллюзии оживают в слегка модернизированной форме, покуда сохраняется питающая их почва.

Вот проект «смягчения безработицы и кризиса», предлагаемый проф. Ледерером, одним из светил германской экономической науки, официальным советником и экспертом по экономическим вопросам германских профсоюзов и социал-демократии.

В своей книжке о плановом хозяйстве [2]) он предлагает рецепт, как устранить тот, по его выражению, парадокс, что имеется масса неприменяе-

[1]) Carl Landauer, Planwirtschaft und Verkehrwirtschaft, München, 1931.
[2]) Er. Lederer, Planwirtschaft, Tübingen, 1932, S. 12.

мых элементов производства наряду с безусловно большим недостатком в самых необходимых для жизни предметах. Его проект гениален по своей простоте: необходимо, чтобы государство затребовало у капиталистов принадлежащие им, но не используемые из-за кризиса массы средств производства—фабрик, машин, угля, сырья и т. д., на началах беспроцентной ссуды (вот вам и «даровой кредит»!). К этим средствам производства должен быть приложен труд безработных на началах натуральной оплаты их труда продуктами их производства. Нас не интересуют дальнейшие подробности того, как почтенный профессор поставил колумбово яйцо безработицы и кризиса. Известно лишь, что германским безработным, число которых доходит настоящей зимой до чудовищной цифры в 9 миллионов, от этих профессорских упражнений отнюдь не легче. Заметим лишь, что к подобным проектам (а Ледерер отнюдь не одинок—социал-фашистская партийная и профсоюзная машина муссирует аналогичные же идейки в различных вариантах, чтобы отвлечь массы от революционного пути выхода из кризиса) как по мерке подходит яркая характеристика, которую Маркс дает пресловутой идее дарового кредита. Действительно это лишь лицемерно мещанская и трусливая перефразировка знаменитого прудоновского изречения: «Собственность — это кража». Изо всех сил желая воспрепятствовать тому, чтобы рабочие о т о б р а л и капитал у капиталистов, люди делают вид, будто они хотят, чтобы капиталисты сами даром отдали его рабочим.

IV

Борьба против поверхностных поисков причин кризисов в сфере денежного обращения и разоблачение утопических иллюзий «фокусников обращения» неразрывно связаны в рукописи Маркса с глубоким исследованием основного противоречия товаропроизводящего общества, заключенного в клеточке буржуазного производства — в товаре, и находящего свое выражение в меновой стоимости и далее в деньгах. Рукопись отображает о п р е д е л е н н ы й э т а п в разработке марксова учения о т о в а р е и о д е н ь г а х. Она дает ряд существенных сторон этого учения в их становлении, она показывает марксов анализ товаров и денег в его развитии. Сравнительное изучение этой стороны дела, анализ этой — центральной — части содержания рукописи в сравнении, с одной стороны, с предыдущими работами Маркса, в особенности с «Нищетой философии» и с поздним освещением этих проблем в «К критике политической экономии» и в «Капитале», представляет самостоятельную задачу, которую мы не можем поставить перед собой в рамках этой статьи. Здесь могут быть отмечены лишь некоторые характерные моменты.

В рукописи глубокий анализ товаров и денег, раскрытие заключающихся в них противоречий, тесно связаны с весьма подробной критикой у т о п и и р а б о ч и х д е н е г (часовых бонов). В этом отношении рукопись представляет определенный этап на пути от «Нищеты философии» к «К критике политической экономии», в котором подведены и т о г и разоблачения этой концепции. Марксова критика этой утопии, желающей устранить все недуги буржуазного производства при помощи замены денег трудовыми бонами при условии сохранения всех основ товарного производства в нетронутом виде, ярко и наглядно показывает на данном к о н к р е т н о м п р и м е р е полнейшую несостоятельность «фокусов в области обращения». Маркс блестяще показывает все те глубочайшие п р о т и в о р е ч и я, перед лицом которых неизбежно должна потерпеть крах система рабочих денег. Концепция рабочих денег (часовых бонов) исходит из предпосылок одинаковости всех часов труда, между тем как производительность рабочего часа меняется. Поэтому первая неосуществимая задача, которая стала бы перед банком, эмитирующим

часовые боны, заключалась бы в том, чтобы обеспечить неизменную производительность трудового часа. Далее Маркс показывает, что эта утопия превращает банк не только во всеобщего покупателя всех произведенных товаров, не только в склад этих товаров, но и во всеобщего продавца всех товаров. Для осуществления разменности часовых бонов требуется неизменное совпадение цены со стоимостью, производства с потреблением, спроса с предложением. Требуется заранее установленное пропорциональное распределение труда между отдельными отраслями производства. Таким образом утописты часовых бонов делают свой банк всеобщим производителем, всеобщим руководителем производства, наделяют его папской властью в отношении производства. Но таким образом утопия рабочих денег как конкретная разновидность «фокусов в сфере обращения» разоблачается как само себя уничтожающее противоречие.

Утописты рабочих денег, провозглашающие отмену денег и апофеоз товара, ограничены буржуазным кругозором; они считают буржуазный способ производства вечным и неизменным способом производства вообще. Чтобы разоблачить эту утопию, необходимо разорвать рамки буржуазного кругозора, необходимо показать, что предпосылкой существования трудовых бонов является отмена условий товарного производства. Подходя к буржуазному производству как пролетарский революционер, Маркс раскрывает его исторически преходящий, отнюдь не абсолютный характер. Выяснение исторически преходящего характера буржуазного способа производства неразрывно связано с тем глубоким анализом характеризующих этот способ производства противоречий, который дан Марксом. Маркс показывает диалектический процесс развития противоречий товара и денег. Он показывает, что деньги являются лишь результатом развития тех противоречий, которые заложены в товаре как клеточке буржуазного производства. Деньги — дальнейшее развитие меновой стоимости, неизбежное порождение меновой стоимости. Этот результат марксова исследования является ключом к разоблачению нелепости «фокусов в сфере обращения». Маркс пишет: «Меновая стоимость продукта порождает деньги наряду с продуктом. Поэтому подобно тому, как невозможно уничтожить осложнения и противоречия, вытекающие из существования денег наряду с особыми товарами, путем изменения формы денег (хотя можно избежать трудностей, связанных с менее совершенной формой последних, при помощи более совершенной формы денег), точно так же невозможно уничтожить самые деньги, пока меновая стоимость остается общественной формой продукта. Необходимо ясно понимать это, чтобы не ставить перед собой неразрешимых задач, и знать, в каких пределах денежные реформы и преобразования обращения могут видоизменить производственные отношения и покоящиеся на них общественные отношения».

Анализ денег, составляющий непосредственную тему рукописи (тетрадь озаглавлена Марксом: «Глава о деньгах»), теснейшим образом связан и переплетается с исследованием товара. Именно развитие противоречий товара ведет к появлению денег. Раскрывая исторически-преходящий характер товарного производства, Маркс показывает специфические противоречия, заключенные в товаре. Противоречие между продуктом (в позднейших работах Маркс уточняет это понятие как потребительную стоимость) и меновой стоимостью (в позднейших работах — и стоимостью) в своем развитии ведет к деньгам. Маркс пишет по этому поводу:

«Тот простой факт, что товар имеет двойное существование, прежде всего как определенный продукт, который идеально содержит (в скрытом виде содержит) свою меновую стоимость в своей естественной форме, и затем как

воплотившаяся меновая стоимость (деньги), которая сбросила всякую связь с естественной формой бытия продукта,—это двойственное отличное существование должно развиться в различие, различие—в противоположность и в противоречие. Это же противоречие между особенной природой товара как продукта и его всеобщей природой как меновой стоимости, которое порождало необходимость полагать его двояко, во-первых, как определенный товар, во-вторых, как деньги,—противоречие между особыми естественными свойствами товара и его всеобщими общественными свойствами, заранее содержит возможность того, что эти обе различные формы существования товара не обратимы друг в друга. Способность товара к обмену существует как вещь наряду с ним в деньгах, как нечто от него отличное, не являющееся уже более непосредственно тождественным [с товаром]. Как только деньги находятся рядом с товаром как внешняя вещь, способность товара к обмену на деньги связывается с внешними условиями, которые могут наступить или нет; [товар] отдан во власть внешних условий».

Деньги означают дальнейший рост противоречий товарного производства; противоречия, выражаемые деньгами, заложены в самых основах общества, базирующегося на производстве товаров. Товар представляет собой единство противоположностей. Различие между продуктом и меновой стоимостью (оставаясь в рамках терминологии данной рукописи) развивается в противоположность и далее в противоречие. В деньгах стоимость вещи отделена от ее субстанции. Противоречие товара поднимется на новую, высокую ступень. Этим знаменуется исторический переход от непосредственной меновой торговли к денежному обращению. Разрыв единства, обнаруживающийся при этом, остается книгой за семью печатями для буржуазных экономистов. «Деньги могут устранить затруднения, которые заложены в меновой торговле, только придавши им всеобщий, универсальный характер. Абсолютно необходимо, чтобы насильственно разорванные элементы, которые существенно взаимно связаны, показали путем насильственного взрыва, что [представляют собой результат] разрыва чего-то существенно взаимно связанного. Единство достигается насильственным путем. Как только мирное расщепление приводит к взрывам, экономисты начинают указывать на существенное единство и абстрагируют от отчужденности. Их апологетическая премудрость состоит в том, что во все решающие моменты они забывают свои собственные определения».

Маркс дает блестящую материалистическую характеристику противоречий товара и их развития в деньгах. Он показывает исторический переход к деньгам. Процесс развития от товара к деньгам непосредственно отображает у него реальный исторический процесс. Он характеризует реальные исторические условия «превращения всех продуктов и деятельностей в меновые стоимости»; он указывает, что непременным условием этого превращения является, с одной стороны, разложение всех прежних исторических форм личной зависимости и, с другой стороны, всесторонняя зависимость производителей друг от друга. Маркс в этой связи дает указание, которое может рассматриваться в сущности как первая формулировка его чрезвычайно важного положения относительно того, что простое товарное хозяйство является историческим предшественником и предпосылкой капиталистического производства. Он пишет: «Цены — явление древнее, так же, как и обмен; однако, только в буржуазном обществе, в обществе свободной конкуренции, цены все в большей степени определяются издержками производства, а обмен охватывает все производственные отношения».

Маркс заботится о том, чтобы форма изложения не оставляла места для идеалистических кривотолков, чтобы ему нельзя было приписать идеа-

лизм даже на основании отдельных формулировок. В этом отношении крайне характерно следующее место. Подытоживая свой анализ противоречий, возникающих при переходе к деньгам, Маркс заключает свое изложение следующей блестящей характеристикой новой ступени в развитии противоречий товара, которая представлена деньгами: «Мы видим, таким образом, как деньгам внутренне присуще выполнять свои задачи благодаря тому, что они их вместе с тем отрицают; приобретать самостоятельность по отношению к товарам; из средства становиться целью; реализовать меновую стоимость товаров, отрывая их от нее; облегчать обмен, раскалывая его; преодолевать трудности непосредственного обмена товаров, придавая им всеобщий характер; в той же степени, как производители становятся зависимыми от обмена, делать обмен самостоятельным по отношению к производителям». И непосредственно вслед за этим Маркс делает чрезвычайно важное и характерное замечание: «Необходимо будет впоследствии, прежде чем покончить с этим вопросом, исправить идеалистическую манеру изложения, которая может породить видимость, будто речь идет об определениях понятий и о диалектике этих понятий». Это замечание лишний раз свидетельствует о том, с каким вниманием Маркс относится к изложению своих мыслей и сколь важным он считал не давать никакого повода для извращения его учения в идеалистическом духе. Это замечание особенно важно и ценно в связи с тем, что идеалистические извращения марксизма представляют собой излюбленный метод «обработки» Маркса современным социал-фашизмом.

Мастерски применяя к анализу производственных отношений товарного хозяйства материалистическую диалектику, показывая исторически преходящий характер товарного производства, Маркс блестяще характеризует ту власть над людьми продуктов их труда, которая столь характерна для товарно-капиталистического общества. Он показывает, как вещь — продукт труда отдельных производителей — наделяется особыми свойствами, приобретает особые социальные качества, получает определенную власть над людьми в обществе, где не люди сознательно регулируют и управляют своими производственными отношениями, а наоборот, стихийные производственные отношения, слепо складывающиеся за спиной производителей, подчиняют людей своей деспотии. Маркс блестяще характеризует власть денег как одну из ярких форм овеществления общественных отношений. Начиная от меркантилистов и до наших дней буржуазные идеологи—экономисты, социологи, философы — исписали горы томов, пытаясь проникнуть в глубь тайны золотого фетиша. Различные идеалистические концепции на этот счет являются чрезвычайно модными и среди современной буржуазии. Марксово исследование при помощи своего материалистического метода вскрывает реальные исторические условия того явления, что «свою общественную власть, как и свою связь с обществом, индивид носит с собой в кармане». Эта часть рукописи представляет ценный вклад в учение о товарном фетишизме и должна служить прекрасным оружием в борьбе со всякими идеалистическими и механистическими попытками извращения этого учения Маркса.

Наконец публикуемая часть рукописи заканчивается блестящим наброском исторического хода развития человеческого общества от различных форм классового господства к бесклассовому обществу. Маркс характеризует диалектику исторического развития, которое ведет от различных форм прямой личной зависимости (феодализм, крепостничество, рабство и т. д.) через капиталистическую форму классового господства, заменяющую непосредственную личную зависимость вещной зависимостью, к бесклассовому социалистическому обществу.

«Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные)— таковы первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в небольшом об'еме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости,—такова вторая крупная форма, при которой впервые создается система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных возможностей. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на подчинении им коллективной общественной производительности в качестве их общественного достояния,— такова третья ступень».

Маркс показывает далее, как «вторая ступень создает условия для третьей». Он показывает, как развитие капитализма создает необходимые условия и предпосылки для следующей, более высокой ступени. Он показывает, как в самых недрах буржуазного общества возникают условия, которые представляют собою одновременно «подкопы для взрыва этого строя». Он указывает, что если бы в этом обществе не имелось в скрытом виде материальных предпосылок для бесклассового общества, то «все попытки взрыва были бы донкихотством». И он дает блестящую характеристику исторической роли товарно-капиталистического общества с определенной стороны, именно — со стороны создания и развития общественной связи между индивидами, начиная от случайного обмена и кончая созданием мирового рынка.

«Подобно тому, как разделение труда создает агломерацию и комбинирование, кооперацию, противоположность частных интересов, классовых интересов, конкуренцию, концентрацию капитала, монополию, акционерные общества — все эти противоположные формы единства, которое само вызывает противоположность,— так и частный обмен создает мировую торговлю, независимость частных лиц [создает] полную зависимость от так называемого мирового рынка, а раздробленные акты обмена [создают] банковскую и кредитную систему, бухгалтерия которой по крайней мере констатирует сальдо частного обмена». И непосредственно перед этим дается чрезвычайно интересная характеристика того переходного характера, который присущ товарному производству. «Частный обмен всех продуктов труда, способностей и деятельностей противоположен как распределению, основанному на отношениях господства и подчинения (естественных и политических) между индивидами (причем собственно обмен происходит лишь попутно и в общем мало затрагивает жизнь целых общин—Gemeinwesen, а наоборот, производится между различными общинами, вообще отнюдь не подчиняет всех отношений производства и связи, какой бы характер ни принимало это господство и подчинение (патриархальный, античный, феодальный), так и свободному обмену индивидов, которые ассоциированы на основе совместного овладения и контроля над средствами производства».

В настоящее время историческая миссия капитализма уже выполнена. Развитие капитализма уже давно создало все предпосылки для нового строя, о которых писал Маркс. Строй эксплоатации и гнета уже давно стал препятствием для дальнейшего развития человеческого общества. Буржуазия не останавливается ни перед какими преступлениями, чтобы продлить время своего господства. Социал-фашисты прилагают все старания для лечения и спасения умирающего, загнивающего, паразитического строя, находящегося в полосе своего всеобщего кризиса. Но капитализм не погибает в порядке автоматического крушения. Необходима упорная самоотверженная борьба рабочего класса, чтобы нанести смертельный удар издыхающему строю. Развитое Марксом (и продолженное и поднятое на новую, высшую ступень Лениным) учение об исторической роли капитализма, о его исторически пре-

ходящем характере, о его исторической миссии, заключающейся в подготовке условий и элементов для создания нового строя ассоциированных производителей, о противоречиях капитализма, влекущих его к гибели, является надежнейшим оружием в руках пролетариата, борющегося под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Бесклассовое общество, которое Маркс характеризует крупными штрихами, воплощается в жизнь на территории одной шестой части земли, в огне ожесточенной классовой борьбы, со всеми последышами эксплоататорского строя. Закончилась первая пятилетка, которая дала социализму гигантские победы всемирно исторического значения. Под испытанным руководством ленинской партии и ее Центрального комитета во главе с вождем мирового пролетариата т. Сталиным страна пролетарской диктатуры одержала блестящие победы в решающих боях за социалистическую экономику. Построение бесклассового общества является основной политической задачей второй пятилетки, в которую вступил Советский союз. В этих условиях особый интерес приобретают пророческие слова, которыми Маркс характеризовал три четверти века тому назад общий ход развития человеческого общества в период его предистории, в период предшествующий и подготовляющий скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

О предмете „Капитала“

Я. Мушперт

(Методологические заметки)

«...Весь «Капитал» Маркса посвящен выяснению той истины, что основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат. Буржуазия, как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель; пролетариат, как его могильщик, как единственная сила, способная сменить ее. Едва ли найдется хоть одна глава в каком бы то ни было сочинении Маркса, которая не была бы посвящена этому».

Ленин.

Определение предмета «Капитала», данное Марксом в предисловии к последнему, является классическим образцом диалектико-материалистического определения предмета науки. Наша марксистско-ленинская теория может указать еще только несколько таких же классических образцов диалектического определения предмета изучения, которые стоят в этом же ряду: это определение предмета материалистической диалектики Энгельсом и Лениным; определение предмета теории империализма Лениным и определение ленинизма Сталиным. Речь идет не об определении в смысле какой-то краткой формулы — дефиниции, ибо эти классики марксизма-ленинизма никогда такими формальными дефинициями не занимались. Речь идет здесь о классических образцах научного выделения и выяснения предмета изучения, закономерно обусловленного в самой об'ективной действительности, диалектически воспроизводимого и анализируемого в нашей марксистско-ленинской теории.

I

Ленин говорит, что «слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное,— все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить». Поэтому Ленин требовал развернутого определения изучаемого предмета, которое бы включало в себя «всесторонние связи явления в его полном развитии». Классическим образцом такого определения является ленинское определение империализма. Это не только определение, но одновременно и сжатое изложение сущности империализма.

«Определить предмет науки — это значит изложить данную науку»— говорил еще Гегель. Это совершенно правильно. Марксистское определение всякой науки должно охватить в себе самую суть предмета, его закон движения. Поэтому вполне естественно, что определение предмета политэкономии мы не сводим к какой-то короткой формуле, а излагаем развернуто.

Это совершенно необходимо для того, чтобы предмет политэкономии предстал перед нами во всей его полноте, развитии и противоречиях.

Однако, прежде чем перейти к предмету политэкономии в узком смысле слова, изложенному в «Капитале» Маркса, нелишне остановиться на вопросе: как мы, марксисты-ленинцы, должны подходить к выделению предмета той или иной науки? Является ли для нас предмет науки искусственно созданным или же этот предмет закономерно обусловлен в самой реальной действительности? Иначе говоря, выделяем ли мы предмет той или иной науки искусственно, согласно принципам нашего мышления, или же предмет всякой науки коренится в самой реальной об'ективной действительности и наше марксистское выделение и определение предмета должно отражать эту действительность? Короче говоря, должна ли классификация наук отражать закономерность и последовательность самой реальной действительности?

Для нас, марксистов - ленинцев, как будто не должно быть двух мнений по этому вопросу. Совершенно ясно, что марксист может ответить на поставленный вопрос только в последнем смысле: критерий для выделения и определения предмета той или иной науки, а также их взаимную связь марксизм - ленинизм берет из самой реальной действительности. Он его находит в своеобразии, в особенностях самих форм движения реальной действительности. Каждая наука имеет своим предметом изучения определенную форму движения реальной действительности, определенный об'ект, отличающийся от остальных особыми законами движения. Следовательно особенность той или другой науки определяется особенностями самого об'екта, особенностями данной формы движения действительности.

Однако не все с этим согласны и не все так понимают, определяют предмет науки в нашей марксистской среде. Есть люди, которые считают себя марксистами, однако к определению предмета науки подходят явно не марксистски.

Приведем некоторые примеры. Вот например т. Бухарин, про которого Ленин говорил, что он превосходно образованный марксист. Конечно мы знаем и другую характеристику Ленина, что он — эклектик и что он скатывается к идеализму. Эти противоположные характеристики Ленина отражают в точности противоречивую природу т. Бухарина как теоретика. Знание текстов Маркса у него переплетается с механицизмом, идеализмом, с эклектикой, с ревизионизмом в ряде решающих вопросов марксистской теории. Душой марксизма — диалектикой — он не овладел, и это неизбежно приводит к тому, что он—«теоретик не вполне марксистский», «недоучившийся теоретик» (Сталин).

Что пишет т. Бухарин по вопросу о предмете науки?

«...Жизненный процесс человеческого общества есть единый поток. В действительности есть только одна история, а не различные истории хозяйства, истории права, истории морали и т. д. Только научная абстракция рассекает единую жизнь на части, ИСКУССТВЕННО ВЫДЕЛЯЯ различные ряды явлений, группируя их по известным признакам» [1]).

Итак, есть единый поток жизни, единая история. Это конечно правильно. Но т. Бухарин в противовес Марксу — Ленину к этому единому потоку жизни и истории подходит абстрактно, умозрительно, метафизически. Он видит только единство, но не замечает различий и противоречий. Но, потеряв различия и противоречия в самой реальной действительности, ему ничего не остается, как искусственно рассекать эту действительность и выделять в ней, как он говорит, «различные ряды явлений» и из них кон-

[1]) Н. Бухарин, Политэкономия рантье, стр. 13, изд. 1928 г. Разрядка в цитатах везде, где это особо не оговорено, моя. — **Я. М.**

струировать предмет той или иной науки. Таким образом критерий для выделения предмета той или другой науки, по т. Бухарину, не лежит в самой реальной действительности. Мы искусственно создаем этот предмет своим рассечением единой жизни и истории. Мы приносим туда свои принципы, мы «искусственно» выделяем предмет для науки. Вот точка зрения т. Бухарина.

Он далеко не одинок в такой постановке вопроса.

Тов. А. Кон стоит по существу на такой же точке зрения. Вот что он говорит по этому вопросу:

«Технология и экономические науки изучают одно и то же — материальное производство: однако угол зрения, аспект этих двух наук на единый об'ект совершенно различен. Грань между политической экономией и технологией... заключается в различных точках зрения на материальное производство» [1]).

Он же пишет в другом месте:

«Мы можем рассматривать единый процесс общественного производства с точки зрения движения общественной формы или с точки зрения развития технической его стороны. В РАЗЛИЧИИ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ на единый об'ект и лежит грань между экономической наукой и той наукой «общественной технологии», которую хочет сконструировать Рубин» [2]).

Нетрудно заметить, насколько здесь близок т. Кон к взглядам т. Бухарина. В различии нашей точки зрения лежит разница, а не в самой об'ективной, реальной действительности. В самом деле: мы можем подходить к единому об'екту, к единой действительности с разных точек зрения. В зависимости от того, как мы к ней подойдем, и получится основание для деления наук, получится предмет той или другой науки. Опять-таки различие наук определяется не различием самого об'екта, а лишь нашей точкой зрения, т. е. особенностью суб'екта. Различие суб'екта, а не об'екта здесь решает дело. Та же самая точка зрения, что и у т. Бухарина. Метод выделения предмета науки один и тот же.

Правилен ли такой подход к вопросу? Нет, не правилен.

Такие взгляды являются полным искажением марксизма-ленинизма. Они прямым путем ведут к идеализму. Именно идеализм утверждает, что мы приносим в реальную действительность свои принципы, вернее говоря, из своих принципов создаем и творим эту действительность и ее закономерность развития.

* * *

Приведем несколько точек зрения по этому вопросу из идеалистического антимарксистского лагеря.

Вот поистине «классическое» в этом смысле заявление так сказать «штатного философа» современного социал-фашизма — Макса Адлера. В своей книге «Маркс как мыслитель» он пишет:

«Мир есть постоянное творение нашего собственного мышления. Мир не был сотворен однажды мистическим сверхчеловеческим актом творения. Мир вечно создается заново в каждом новом движении мысли».

Итак, наше мышление создает и воссоздает реальный, окружающий нас мир. Совершенно ясно, что, «создавая» этот мир, мы вносим туда свои принципы и свой критерий его «рассечения». Желая изучить этот мир в различных науках, мы «искусственно» согласно нашему разумению и искусству

[1]) «Проблемы экономики», № 6 за 1929 г., стр. 94.
[2]) Там же, № 4—5 за 1929 г., стр. 216.

должны его «рассекать» и «распределять» по разным наукам. Об этом прямо и ясно говорит кантианец-идеалист — меньшевик М. Адлер.

В точности такой же взгляд на предмет науки мы можем найти у партийного брата М. Адлера — Отто Бауера. В своей известной статье,— кстати сказать, идеалистической и механистической от первой до последней буквы,— «История «Капитала», напечатанной в «Нейе Цейт» в 1908 г., О. Бауэр пишет:

«Если историческое направление (буржуазной политэкономии.—*Я. М.*) отвергает последние выводы марксовой абстракции на том основании, что они не суть копии эмпирических явлений, то мы можем ответить ему словами Канта, что и здесь не предмет производит понятие, а понятие производит предмет, как предмет нашего знания».

Единодушие, как говорится, трогательное, и в этом, разумеется, нет ничего удивительного. Важно лишь заметить, что уже в 1908 г., в лучшие годы своей молодости, «левый» Отто Бауэр полным голосом говорил прозой Канта против Маркса, хотя и под вывеской защиты и популяризации Маркса.

Послушаем еще одного кантианца — профессора Солнцева, книги которого выпускались нашими советскими издательствами. В предисловии к его книге «Введение в политэкономию», которая вышла в ленинградском издании «Прибой», редакция пишет, что Солнцев... «близок к марксизму». Рассмотрим эту «близость к марксизму» проф. Солнцева.

Вот что он говорит по интересующему нас вопросу:

«Всякая наука определяется прежде всего двумя моментами: 1) строго логическим построением своих частей и 2) наличием собственного «об'екта» [1]).

Уже в самом этом подходе, как солнце в капле воды, отражаются идеалистический метод и мировоззрение проф. Солнцева. Во-первых: «строго логическое построение частей». Что эти части отражают, откуда они взялись в науке проф. Солнцева — неизвестно. И только, во-вторых: «наличие собственного об'екта». Логика здесь предшествует делу и об'ективной действительности. Но это есть чистейший идеализм.

Но может быть все-таки об'ект науки находится, по проф. Солнцеву, в реальной действительности?

Ничего подобного!

«Об'ект всякой теоретической науки не имеется в грубой конкретной действительности» [2]).

Кажется, ясно.

Солнцев пишет дальше таким образом:

«В вопросе об об'екте науки необходимо различать об'ект непосредственно изучаемой конкретной действительности (об'ект исследования) и об'ект познания» [3]).

«Об'ект исследования» и «об'ект познания», по Солнцеву, в полном согласии с кантианцами, противоположны друг другу и ничего общего между собой не имеют.

Вот решающий тезис самого проф. Солнцева на этот счет:

«Непосредственно данному об'екту опыта противопоставляется об'ект познания. Мыслительный об'ект и об'ект опыта принципиально различны».

Откуда все это у Солнцева? Он сам совершенно откровенно говорит об источнике всей этой своей философии:

«Новейшая логика различает в понятии об'екта науки два различных

---

[1]) Солнцев, Введение в политэкономию, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 22.
[3]) Там же, стр. 21.

понятия — об'ект исследования и об'ект познания. Особенно ясную разработку этого вопроса мы находим у Аммона»[1]).

Кто такой Аммон? Буржуазный экономист, кантианец. Меньшевик Рубин хотел прославить его у нас в качестве человека ученого, который призван дополнить Маркса, марксистскую экономическую систему своим «социологическим» методом. И вот этого откровенного кантианца, откровенного врага марксизма Солнцев, в полном единодушии с меньшевиком Рубиным, однако выдает за экономиста, который дал «ясную разработку об'екта исследования» и «об'екта познания». Это откровенное кантианство и враждебное выступление против марксизма однако проводились проф. Солнцевым под маской и прикрытием советского издательства Его взгляды к сожалению и до сих пор по-настоящему не разгромлены.

Еще последняя выдержка из Солнцева, необходимая в данной связи:

«В мире непосредственного опыта... в этом непосредственном данном и бесконечно разнообразном (т. е. в реальной действительности, нас окружающей.—*Я. М.*) наше мышление старается установить порядок. Наше мышление устанавливает порядок, оно сравнивает, различает, связывает и разделяет различные комплексы опыта с суб'ективной своей собственной точки зрения»[2]).

Вот здесь идеалист - кантианец Солнцев перед нами в его, так сказать, «натуральном виде». Достаточно просто сравнить этот тезис Солнцева с вышеприведенными взглядами М. Адлера и О. Бауэра, чтобы стало ясно каждому, что это одна и та же точка зрения, одна и та же школа кантианцев. Мы уже говорили, что Солнцев даже не стесняется говорить, от кого он берет эту свою квалификацию науки.

Приведем еще один пример из той же школы Макса Адлера и Отто Бауэра. Речь идет о «профессоре» социал-интервенции — меньшевике Рубине.

Как Рубин подходил к определению предмета науки?

Возьмем его доклад в Институте красной профессуры, т. е. самое последнее «теоретическое творение» Рубина того периода, когда он под натиском марксистской критики должен был максимально приспособляться, казаться «марксистско подобным», когда он делал всевозможные уступки в формулировках, маскировался. Вся эта мастерски проделанная мимикрия разумеется не могла скрыть враждебной марксизму системы взглядов меньшевика. Уже в самом подходе к определению предмета науки Рубин выступает как чистейшей воды идеалист-кантианец, как бешеный враг марксизма.

«Различные науки изучают различные стороны единой реальной действительности. Различные общественные науки изучают различные стороны жизни общества»[3]).

Итак, различные науки изучают «различные стороны» реальной действительности. Кажется, «почти по-марксистски» — не правда ли?

Однако уже самый подход к вопросу обнаруживает кантианца и врага марксизма. Согласно сказанному Рубиным, общество, равно как и вся реальная действительность, аналитически разрывается, рассекается на ряд «сторон». «Различные стороны» — как получает и выделяет наука эти различные стороны? Имеются ли эти «различные стороны» с различной закономерностью в самой об'ективной действительности, или только мы их выделяем и своим выделением создаем, согласно нашему интересу и точке зрения? Рубин, как верный ученик Макса Адлера, Бауэра и Аммона,

---

[1]) Солнцев, Введение в политэкономию, стр. 16.
[2]) Там же, стр. 16.
[3]) «ПЗМ» № 4 за 1929 г., докл. И Рубина, стр. 82.

отвечает на вопрос в последнем смысле. Поэтому в его определении предмета общественных наук, в частности политэкономии, полностью противоположный и враждебный Марксу подход к вопросу вскрывается сразу же.

«Различные общественные науки изучают различные стороны жизни общества». Согласно этому принципу, Рубин выделяет «материально-технический» процесс производства или, что то же самое по Рубину, «материальные производительные силы», или, что то же самое по Рубину, «технику как одну сторону» и его «социальную не материальную форму», как «другую сторону». Одна из этих «сторон» только социальна, но не материальна, другая только материальна, но уже не социальна а натурально-техническая. Обе эти «стороны» сталкиваются и противопоставляются Рубиным, так же как «об'ект опыта» и «об'ект познания» у проф. Солнцева и у Аммона. Между ними, по Рубину, нет ничего общего.

Эти «две стороны» становятся предметом различных наук. Согласно этому политическая экономия, по Рубину, есть не более как наука об «одной стороне» общества, его «социальной стороне», так сказать. Производственные отношения, по Рубину, «сторона общества». Согласно Марксу, производственные отношения есть экономический базис общества, его существенная определенность, его экономическая структура, есть то, что определяет остальные (общественные и идеологические) отношения в обществе. А по Рубину, это не более как одна из многочисленных равноправных «сторон». Мы видим таким образом, что в самом подходе к выделению предмета науки, в частности политэкономии, Рубин ничего общего с Марксом не имеет. Уже в исходной позиции, при первой же попытке определить предмет наук и их классифицировать, перед нами — идеалист, враг марксизма. Это, разумеется, вполне естественно, ибо смешно ожидать от озверелого меньшевика-интервента марксистского подхода к вопросу.

Дальше Рубин говорит таким образом:

«Политическая экономия для об'яснения производственных отношений людей в их изменении должна апеллировать к развитию материальных производительных сил... Мы привлекаем их в наше исследование лишь постольку, поскольку это нам необходимо для об'яснения закономерности изменения производственных отношений людей» [1]).

Эта фраза поистине замечательна своей идеалистической чистотой и откровенностью, что у этого «филигранного» меньшевика редко встречается. «Мы привлекаем»... «постольку, поскольку нам это необходимо»... «мы апеллируем»... «для нашего об'яснения» и т. д. и т. п.

Никакой об'ективно существующей связи и закономерности между производительными силами и производственными отношениями уже нет. Все дело только в том, что «нам» нужно, чего «мы» хотим, как «мы» апеллируем.

Во время экономической дискуссии один из товарищей очень правильно и остроумно заметил: «Ну, хорошо, вот найдется талантливый ученый, который без всякой «апелляции» «об'яснит» производственные отношения, если исходить из рубинской установки, что Марксом они еще не об'яснены. Как тогда с ними быть? Если этот же ученый «об'яснит» все производственные отношения без всякого «привлечения» производительных сил, то что же, они сохраняют какую-нибудь об'ективную закономерность в реальной действительности или же таковой не окажется?» По Рубину, разумеется, никакой. Реально существующее единство и противоречия производительных сил и производительных отношений в такой теории будут разорваны и

[1]) «ПЗМ» № 4 за 1929 г., докл. И. Рубина, стр. 83.

уничтожены. Этого конечно и нужно социал-фашисту Рубину, ибо тем самым отпадает вывод о неизбежности пролетарской революции.

Мы разобрали ряд высказываний Адлера, Бауэра, Рубина, Солнцева. Что у них у всех общего?

Общее то, что критерий для определения науки не берется из действительности, он привносится туда нашим мышлением, нашей «точкой зрения», нашим суб'ективным произволом. Нечего доказывать, что это до конца договоренный идеализм. К сожалению нужно сказать, что некоторые товарищи и в нашей марксистской, партийной среде не разделались с этими идеалистическими кантианскими установками.

* * *

Как должны подходить к этому вопросу мы, марксисты-ленинцы?

Мы исходим из того коренного положения, что критерием для выделения предмета той или иной науки должны быть особенности самого этого предмета, особенности его развития. Критерий мы берем из самой реальной действительности.

Маркс в одной из своих ранних работ по этому вопросу пишет следующее:

«...Нужно присматриваться к самому об'екту в его развитии. Здесь нельзя вносить произвольных подразделений. Разум самой вещи должен здесь развертываться как нечто в себе противоречивое и найти в себе свое единство»[1]).

Мы цитируем письмо Маркса к его отцу от 1837 г. Маркс сам в этом письме говорит, что он только что преодолел всего Гегеля, и гегелевский слог чувствуется в его письме. Но здесь по существу мы уже имеем несомненно материалистическую постановку вопроса. Нельзя вносить произвольных подразделений. Закономерность движения самого об'екта в его развитии — вот что должно для нас решать вопрос о том, как выделять предмет науки. Недаром Меринг в примечании к этому письму писал, что в этом письме уже чувствуется будущий Маркс — автор «Коммунистического манифеста» и «Капитала». Как мы видим, Маркс подходит к вопросу совершенно по-иному. Критерием должна служить сама действительность, нельзя вносить произвольных делений — таково требование Маркса.

Приведем еще другое программное положение марксизма по этому вопросу, высказанное Энгельсом.

В «Диалектике природы» Энгельс пишет:

«Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией согласно присущему им порядку самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение... Подобно тому как одна форма развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой»[2]).

Итак, каждая наука, согласно Марксу и Энгельсу, имеет своим предметом изучения определенную форму движения самой реальной действительности с особой закономерностью развития. Классификация наук должна отражать этот ряд переходящих друг в друга форм движения самой действительности. Энгельс дальше говорит, что искусственное выделение предмета и искус-

[1]) Маркс и Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 433.
[2]) «Архив», т. II, стр. 31—33.

ственная классификация наук также неправильны, как неправильны и идеалистичны искусственные гегелевские переходы в его идеалистической диалектике. Таким образом мы видим, что здесь Энгельс по существу высказывает ту же точку зрения, что и Маркс в своем раннем письме к отцу.

Наконец мы имеем замечания Ленина на полях книги т. Бухарина «Экономика переходного периода», где Ленин неоднократно отмечает, что Бухарин впадает в суб'ективизм, в солипсизм, в идеализм именно потому, что он «играет точками зрения», «логикой». Вот некоторые из этих замечаний.

В одном из них Ленин пишет:

«Не те слова. Ошибка «богдановской» терминологии выступает наружу. Суб'ективизм, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания».

Мы видим, что Ленин продолжает и развивает дальше позицию Маркса и Энгельса. В другом месте по поводу фразы Бухарина: «Метод приобретает иной тон» — Ленин замечает: «Бухарин усвоил дурной тон. Тут не «тон» и не «логика», а материальное».

Еще в другом месте: «Не в «предпосылке» дело, это идеальное, а в материальном».

В самом начале книги, в примечаниях к предисловию, там, где Бухарин выражается очень изящно: «Излишне распространяться о том, что путеводной нитью для автора был метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь встала во весь свой гигантский рост», — Ленин замечает:

«Только «познавательная ценность»?? — а не об'ективный мир отражающая? «стыдливый»... агностицизм!» [1]).

Уже в самом подходе к оценке и пониманию метода Маркса мы видим принципиальную разницу, можно сказать, пропасть, между Бухариным и Лениным. Для Бухарина важна познавательная ценность метода Маркса. Откуда однако взялась эта «познавательная ценность» метода Маркса? Может быть из «ловкой диалектической конструкции» этого метода, как думают ревизионисты? Да нет же. Именно потому, что диалектический метод Маркса — Энгельса, единственно правильно отражает реальную об'ективную действительность, диалектику самой действительности, закономерность ее движения,— именно поэтому познавательная ценность метода Маркса бесконечно глубока. Бухарин этого не понимает. В понимании и оценке метода Маркса между Лениным и Бухариным пропасть!

Пора подвести итог сказанному.

Критерий для выделения и определения предмета науки мы, марксисты-ленинцы, берем из самой действительности. Так учили нас Маркс, Энгельс, Ленин. Мы не можем произвольно, согласно «нашей точке зрения», выделять, как нам хочется, предмет той или иной науки. Он обусловлен закономерностью движения действительности, и из самой действительности, следуя особенностям ее развития, мы должны брать основы для определения предмета науки и классификации наук. Только так подходя к определению предмета науки, в том числе и политэкономии, мы следуем Марксу, Энгельсу и Ленину.

* * *

Не умаляется ли однако таким пониманием предмета науки роль теоретического мышления, не сводится ли в таком случае роль мышления и самой науки к пассивному рефлексу развития самой действительности?

---

[1]) Лен. сб. XI, стр. 385, 386, 348.

Такое опасение либо основано на простом недоразумении, либо в корне неправильно. Маркс говорит:

«Для меня, наоборот (это говорится в противоположность идеалисту Гегелю.—*Я. М.*), идеальное есть не что иное, как переведенное и ПЕРЕРАБОТАННОЕ в человеческой голове материальное» (разрядка моя. — *Я. М.*). Для идеалиста Гегеля процесс мысли был самостоятельным суб'ектом, как выражается Маркс, который творил, создавал самое действительность. Сама действительность для идеалиста Гегеля была не чем иным, как внешним проявлением идеи. Маркс поэтому в предисловии к «Капиталу» заявляет, что его, Маркса, «диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность».

Если у Гегеля, у идеализма вообще, идея творила, создавала действительность, то для Маркса идея есть отражение этой реальной действительности.

Но какое отражение? Может быть пассивное, фотографическое, внешне-описательное воспроизведение этой действительности?

Нет. Маркс говорит: «переведенное и переработанное в человеческой голове материальное».

Наше марксистско - ленинское изучение действительности поэтому есть активное ее познание с целью изменить эту действительность.

Знаменитый тезис Маркса, выдвинутый в противовес созерцательному, пассивному материализму Фейербаха, что философия до сих пор лишь об'ясняла мир, а подлинная задача науки состоит в том, чтобы изменить его, является программным для всей марксистско - ленинской науки.

Познание мира для его изменения — такова задача! «Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» — замечает Ленин в одном месте при чтении Гегеля.

Задача марксистской науки состоит в том, чтобы не просто описать действительность, сфотографировать, так сказать, все богатство ее многообразных явлений. Задача марксистской науки состоит в том, чтобы посредством теоретического анализа действительности открыть закон этих явлений, закон движения этой действительности. Эту задачу наука не в состоянии выполнить, если она ограничится простым описанием поверхностных явлений действительности, простым внешним описанием своего предмета изучения. Эту задачу может решить только теоретический анализ существенных связей явлений, когда научный анализ ставит себе целью открыть закон развития своего предмета изучения. В этом действительная задача теоретического изучения предмета, и эта задача может быть решена не простым описанием, не простым воспроизведением действительности—для этого требуется переработка того материала, который доставляет нам действительность. Эта переработка однако не происходит произвольно, согласно нашим принципам и разумению, не происходит «искусственно», не происходит с произвольно выбираемых «точек зрения». Она может происходить только на основе законов, которым учит нас сама действительность.

Характеризуя метод материалистической диалектики Маркса, в противовес ползучему эмпиризму, с одной стороны, и абстрактной, спекулятивной форме диалектики Гегеля, с другой, Энгельс пишет:

«Логический метод исследования является поэтому единственно подходящим. Последний однако есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начать с того, с чего начинает и история, и его дальнейшее развитие будет представлять

собой не что иное, как отражение в абстрактной и теоретически последовательной форме исторического процесса — исправленное отражение, но исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность» (разрядка моя.—*Я. М.*).

Разве не ясно, что «исправленное отражение» исторического процесса, но исправленное соответственно законам самой действительности, не имеет ничего общего с «искусственным рассечением» этой действительности, как утверждает т. Бухарин, с произвольными «точками зрения» и т. д. Точно так же совершенно ясно, что этот, с предельной ясностью и четкостью сформулированный взгляд материалистической диалектики, согласно которому содержание науки есть не что иное, как исправленное отражение законов развития самой исторической действительности, согласно которому предмет науки есть не что иное, как одна из форм движения самой действительности, — что этот взгляд полностью и до конца опрокидывает вышеприведенные кантианско-идеалистические построения Адлера, Бауэра, Рубина, Солнцева и др., утверждавших, что только своим мышлением мы создаем и творим эту действительность, что предмет науки следовательно не коренится в самой действительности, а создается только нашим мышлением.

Весьма характерно и разумеется отнюдь не случайно, что те же меньшевистские «теоретики» — Адлер, Бауэр, Рубин и др., а также кантианец Солнцев, утверждающие, что предмет науки не существует в действительности, а создается нами, создается мышлением,—что эти же меньшевистские теоретики утверждают, что цель научного анализа и исследования... «описать явления» действительности. Тем самым они еще раз подтверждают свои позиции вульгарного буржуазного ползучего эмпиризма.

Так например меньшевик Рубин в десятках мест вслед за Аммоном, Штольцманом, Петри и др. буржуазными экономистами повторяет, что «предмет марксовой экономической теории — явления капиталистического хозяйства» [1]). Проф. Солнцев неизменно утверждает, что Маркс изучает группы «явлений», «связи явлений», «ряды явлений» [2]) и т. д. То же самое неизменно говорится у М. Адлера, Реннера, Гильфердинга, Браунталя и т. п.

В устах социал - фашистских кантианских «теоретиков» эти заявления вовсе не случайны и имеют особый смысл. Задачи теоретической науки — политической экономии — ими совершенно сознательно ограничиваются простым описанием поверхности капиталистического хозяйства, в первую очередь «поверхностных явлений обмена» (Маркс), и этим полностью характеризуется вульгарно-буржуазная сущность методологических установок «теоретиков» социал-фашизма.

Наша марксистско - ленинская наука ищет и вскрывает закон явлений, их сущность, существенные связи этих явлений. Она не может ограничить свою задачу простым описанием явлений, что характерно для современной буржуазной политэкономии, включая сюда и социал - фашистскую, как ее разновидность.

Маркс говорит, что «если бы сущность вещей и форма проявления непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней». Именно потому, что в явлении нам не раскрывается сущность непосредственно и сразу, требуется наука и теоретический анализ. Маркс беспощадно высмеивал вульгарных экономи-

---

[1]) И. Рубин, Современные экономисты Запада.
[2]) С. Солнцев, Введение в политическую экономию.

стов своего времени за то, что они ограничиваются поверхностью явлений в противовес закону явлений, сущности явлений.

«Вульгарная экономия, — пишет Маркс, — которая действительно так ничему и не научилась... везде хватается за внешнюю видимость в противоположность закону явлений» [1]).

Маркс громил вульгарных экономистов за то, что они хватаются за внешность явления, за видимость, в противоположность закону, его сущности.

Социал - фашистские «теоретики», открыто выступая против Маркса, развивая бешеное наступление на его учение по всему фронту, в интересах защиты, сохранения и спасения капитализма, не могут не стать на изведанную вульгарно-буржуазную позицию и в этом вопросе.

Следует отметить в связи с этим, что т. Бухарин защищает совершенно немарксистское деление наук.

«Наука,—пишет он,—вообще говоря, может ставить себе две цели. Или она занимается описанием того, что было или есть в определенное время в определенном месте, или же она старается вывести законы явлений. В первом случае наука носит идиографический, во втором — номографический характер» [2]).

Признать правильным деление наук на «чисто описательные» и «чисто теоретические» может только человек, признающий кантианский принцип «об'екта исследования» и «об'екта познания», т. е. об'ект опыта в противовес об'екту «чистой мысли». Короче говоря, все это может признать не марксист, а кантианец. Излишне говорить, что такое понимание классификации наук т. Бухариным находится в резком противоречии с марксистско-ленинским представлением о предмете и задачах науки.

Мы, определяя предмет науки и приступая к его изучению, ищем закон явления самой действительности, как постоянное и устойчивое в явлениях и эти явления определяющее. Мы ищем закон движения данного предмета изучения, то, что определяет и направляет его движение.

Маркс в предисловии к «Капиталу» в противовес всей буржуазной вульгарной науке заявляет, что он ставит себе целью открыть «экономический закон движения буржуазного общества», что он изучает именно закон движения капиталистического производства. Это программное положение Маркса сразу же наглядно обнаруживает перед нами как предмет, так и метод марксовой политэкономии. Таким же должен быть наш подход в противоположность вульгарным экономистам буржуазии и их современной разновидности — социал-фашистам.

II

Перейдем к рассмотрению предмета «Капитала» Маркса.

Маркс свой предмет исследования определяет следующим образом:

«Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена».

Ленин подчеркивает ряд пунктов, характеризующих подход Маркса к предмету изучения в «Капитале».

Прежде всего Ленин отмечает, что... «Маркс говорит только об одной общественно-экономической формации, о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации, и никакой другой».

Маркс изучил закон движения капиталистической общественно-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I.
[2]) Н. Бухарин, Политэкономия рантье, стр. 14.

экономической формации с целью дать научно-обоснованный лозунг классовой борьбы рабочего класса. Он взялся за его изучение для того, чтобы показать, что своим развитием и своими внутренними противоречиями капитализм подготовляет свою собственную гибель, одновременно создавая все материальные предпосылки победы социализма. Такова революционная целеустремленность Маркса в его подходе к своему предмету изучения. Так сливается великий ученый и революционер в одно неразрывное целое.

Маркс выделяет предметом своего исследования только одну общественно - экономическую формацию — капиталистическую — разумеется вовсе не потому, что остальные — докапиталистические и послекапиталистические—не могут быть предметом теоретического изучения, как думают социал-демократические «теоретики» и как думали еще в недавнем прошлом некоторые коммунисты. Маркс ставит себе задачу исследовать закон развития буржуазного общества. Каждая общественно - экономическая формация имеет свой особый закон развития, исследование которого составляет задачу экономической науки данной общественно-экономической формации. «Гигантский шаг вперед, сделанный Марксом в этом отношении, в том и состоял, что он бросил рассуждения об обществе и прогрессе вообще» — подчеркивает Ленин.

Далее Ленин считает важным отметить, что Маркс, изучая экономический закон движения буржуазного общества, изучает развитие капиталистического способа производства как естественно-исторический процесс. «Моя точка зрения,— цитирует Ленин Маркса,— состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс» [1]).

Для исследования и вскрытия закономерностей развития этой общественно - экономической формации как естественно - исторического процесса «... необходим об'ективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию» [2]).

Ленин устанавливает, что только Маркс выработал понятие общественно - экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, что каждая такая формация имеет свой особый закон развития, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс.

Ленин называет идею Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций одной из основных идей Маркса и ставит вопрос: «Каким же образом выработал Маркс эту основную идею?»

И Ленин сам отвечает на поставленный вопрос:

«Он (Маркс.—*Я. М.*) сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — отношений производственных, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения» [3]).

«... Только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом» [4]).

Марксов подход к предмету изучения политэкономии Лениным раз'яснен с исчерпывающей ясностью. Выработанная Марксом идея общественно-экономической формации как совокупности производственных отношений,

---

[1]) Ленин. т. I, стр. 67.
[2]) Там же, стр. 93.
[3]) Там же, стр. 69.
[4]) Там же, стр. 71.

установление закономерности развития этой формации как естественно-исторического процесса является, по мнению Ленина, крупнейшей научной заслугой Маркса. Надо однако одновременно отметить, что именно Ленин первый подчеркнул эту сторону марксова учения и марксова подхода к предмету политэкономии. Тем самым Ленин поднял понимание метода Маркса на новую, высшую ступень, развивая дальше его метод и учение применительно к новым условиям и обстановке послемарксовой эпохи.

Эти указания Ленина определяют наш подход ко всей марксовой экономической науке, к выяснению предмета «Капитала». Из сказанного Лениным совершенно ясно, что предмет «Капитала» не есть нечто «искусственное», только силой абстрактного мышления созданный предмет изучения. Он также не есть результат произвольно установленной «точки зрения» на материальное производство, не есть «сторона» этого производства, идеалистически оторванная от самой реальной действительности. Мы вслед за Марксом, Энгельсом, Лениным подходим к предмету политэкономии как к одной из об'ективно существующих форм развития самой действительности, как к определенному, реально существующему процессу развития, имеющему свою отличительную об'ективную закономерность развития.

Определение предмета «Капитала» как науки о капиталистическом способе производства является одним из основных. Оно дано в предисловии к самому «Капиталу» и следовательно является программным, итоговым его определением. Это немаловажное обстоятельство. Мы знаем, что предисловие является для автора по существу послесловием, как говорил еще Лассаль, потому что оно пишется после того, как сама книга написана, следовательно подводит итоги всей работы. И вот в предисловии к «Капиталу» Маркс выдвигает формулировку: предмет моего исследования — капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена.

Кажется, этого достаточно, чтобы это определение считать основным определением предмета политэкономии. Однако, как ни странно, но это определение Маркса до последнего времени не пользовалось почетом в нашей учебной и популяризаторской литературе. Если же взять лагерь врагов марксизма, в первую очередь меньшевиков, то здесь мы можем наблюдать весьма характерную картину. Разумеется, совершенно смешно требовать от меньшевиков признания марксова определения предмета политэкономии, ибо это значило бы стремиться злейших врагов марксизма превращать в марксистов. Тем не менее отношение меньшевиков и к этому пункту поучительно.

Взять хотя бы Рубина. У него можно найти десятки различных, друг другу противоположных определений политической экономии, начиная с откровенно буржуазных, в духе Штольцмана, Аммона и др. и кончая «почти марксистским» по форме.

Но он неизменно, как вор место своей последней кражи, обходит это основное определение Маркса. И разумеется не случайно. Рубин его неизменно обходит потому, что, видите ли, Маркс здесь, по мнению меньшевика, говорит о таком «материально-техническом» явлении, как «способ производства».

Способ производства меньшевику - кантианцу Рубину неизменно представляется как голая техника, как категория натуралистическая. Поэтому, так определяя предмет политэкономии, Маркс, по мнению Рубина, дает руку механистам-богдановцам. Поэтому это — одно из «неудачных», неправильных механистических определений Маркса в представлении Рубина.

С другой стороны, механисты и примиренчески настроенные к ним товарищи, хватаясь за это определение, как за якорь спасения против

меньшевиков, против Рубина, одновременно извращают его действительное содержание. Им кажется, что тут-то как раз и дано Марксом теоретическое основание для того, чтобы включить и производительные силы, и технику, и простой процесс труда в непосредственный предмет политэкономии. Это все говорится на том основании, что механисты выражение Маркса «способ производства» так же неизменно понимают технически, как технический строй производства. Механисты включают в предмет политэкономии производительные силы и технику на том самом основании, на котором меньшевик Рубин вообще выбрасывает их из политэкономии, зачисляя их в разряд «предпосылок».

Какое же в самом деле скрывается содержание за выражением Маркса «капиталистический способ производства»?

Конечно мы не можем и не должны восстанавливать того старого схоластического метода «изучения» Маркса, который все внимание молодежи стремился направить на различные терминологические тонкости и оттенки выражений Маркса и под прикрытием которого проводилось чудовищное извращение и выхолащивание всего революционного характера и революционной сути марксова учения. Отцом этой «школы», схоластической, талмудической и социал-фашистской по своему классовому содержанию, является международный меньшевизм, наиболее тонким ее представителем был у нас меньшевик Рубин. Последний при помощи этого «филигранного» метода извращения действительно сумел до конца выхолостить и вытравить все революционное классовое содержание из марксова учения.

Это разумеется не значит, что можно и нужно пренебрегать текстами и выражениями Маркса. Но мы должны прежде всего в каждом тезисе Маркса и Энгельса искать его классовый, революционный смысл, его теоретическую целеустремленность, ибо, как неоднократно подчеркивал Ленин, «у Маркса и Энгельса, в каждой фразе их работ есть замечательная глубина революционного содержания».

Итак, что же Маркс подразумевает под капиталистическим способом производства? В первом томе «Капитала» мы находим у него следующую мысль:

«На почве товарного производства, производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме. Поэтому некоторое накопление капиталов в руках индивидуальных товаропроизводителей служит предпосылкой современной промышленности, того сочетания общественных связей и технических приемов, которые мы называем особым капиталистическим видом производства, или специфически капиталистическим способом производства[1]).

Известно, какую «возню» меньшевик Рубин устраивал вокруг этой фразы Маркса, как он пытался ее извратить и исказить на свой идеалистический, меньшевистский манер. С присущей ему кантианской ограниченностью, он сразу рассекал способ производства на два самостоятельных ряда: «материально-технический», что, по Рубину, то же самое, что натуральный, и на социальный, что, по Рубину, значит не материальный. Капиталистический способ производства с присущими ему противоречиями и антагонизмами был разорван, его внутренние противоречия уничтожены, правда только в теории Рубина, но она-то ведь служила интересам классового врага. С другой стороны, механисты, ссылаясь на это же место Маркса, говорили, что Маркс наряду с «общественными связями» в предмет политэкономии непосредственно включает также «технические приемы». Это разумеется полное извращение действительных взглядов Маркса, но с противоположного конца.

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 496. Разрядка моя. — Я. М.

В третьем томе «Капитала» мы имеем совершенно развернутое и подробное изложение того, как Маркс понимал капиталистический способ производства.

Вот развернутая мысль Маркса на этот счет:

«Научный анализ капиталистического способа производства показывает, что последний представляет способ производства особого рода, специфически историческую определенность; что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и данные формы их развития, как свое историческое условие,—условие, которое само является исторически сложившимся результатом и продуктом предшествующего процесса, из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения, т. е. отношения, в которые становятся люди в своем общественном, жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, имеют также специфический исторически—преходящий характер; что, наконец, отношения распределения существенно тождественны с производственными отношениями, представляют лишь оборотную сторону последних, так что те и другие носят один и тот же исторически преходящий характер» [1]).

Здесь мы имеем развернутое изложение взглядов Маркса о капиталистическом способе производства как предмете «Капитала». Капиталистический способ производства —как и всякий другой —включает в себя данную ступень развития общественных производительных сил, во-первых; соответствующие этому уровню производительных сил производственные отношения, во-вторых; и наконец соответствующие данному способу производства отношения распределения, как оборотную сторону производственных отношений, в-третьих.

Способ производства есть не просто сумма этих моментов, а их диалектическое единство. Чрезвычайно важно отметить, что Маркс здесь же прямо говорит о производственных отношениях, как о форме развития производительных сил, как о специфически историческом условии последних.

Следовательно здесь мы сразу же имеем указание, в каком качестве изучаются производственные отношения в политической экономии: именно как... «форма развития и историческое условие» существования производительных сил.

Это реальное единство общественных производительных сил и соответствующих им производственных отношений в их развитии образует способ производства. Если производственные отношения являются согласно Марксу формой развития и историческим условием производительных сил, то последние, как видим, Марксом берутся как основа производственных отношений, как их реальный, материальный базис. Производственные отношения—форма развития и историческое условие производительных сил. Капиталистический способ производства Марксом изучен в его возникновении, развитии и гибели. Научная цель такого изучения Марксом могла быть осуществлена потому, что он не отрывал форму развития—производственные отношения—от ее основы, от того, что в ней развивается, т. е. от производительных сил. Эта цель Марксом была достигнута также и потому, что он одновременно не сводил форму развития—производственные отношения—к пассивному придатку своей основы —производительных сил. Маркс в своем научном анализе

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 336.

раскрыл действительную диалектику развития производительных сил и производственных отношений, показав, что их развитие нельзя изображать как развитие двух параллельных «равноправных» рядов, которые, развиваясь параллельно, с различной закономерностью, где-то наконец сталкиваются в своем развитии. Развитие производительных сил происходит не в безвоздушном пространстве, оно совершается всегда в определенной исторической форме, предполагает производственные отношения как форму и историческое условие своего развития. Маркс показал, что развитие производительных сил совершается в форме данных производственных отношений, что закономерность их развития раскрывается и выражается в закономерности развития данного способа производства. Капиталистический способ производства в определении Маркса выступает как единство производительных сил и производственных отношений. В своем реальном единстве и историческом движении — как конкретный процесс производства и воспроизводства—производительные силы и производственные отношения образуют способ производства. Он образует экономическую структуру общества, его анатомию, им обуславливается классовая определенность данного общества. В этом качестве способ производства является предметом «Капитала».

Следовательно способ производства — это не просто сумма производительных сил и производственных отношений, не два параллельных ряда, а новое, более высокое единство того и другого, новое несводимое качество, которое диалектически включает в себя производственные отношения как форму развития производительных сил. Вот вывод, который вытекает из приведенного положения Маркса.

Тут сразу же может возникнуть такой вопрос: если мы настаиваем на определении политэкономии как науки о капиталистическом способе производства и считаем это определение наиболее полным и точным, то нет ли здесь некоторого противоречия между Марксом и Лениным? Известно ведь, что Ленин неоднократно определял политэкономию Маркса как науку о производственных отношениях капиталистического общества в их возникновении, развитии и гибели.

Не противоречат ли эти определения друг другу?

Ни в какой мере. Тут нет и тени противоречия. Противоречие тут могут найти только либо путаники, либо оппортунисты. Если мы понимаем производственные отношения как форму развития производительных сил, то в так понимаемых, определяемых и изучаемых производственных отношениях уже даны производительные силы. Ибо производственные отношения являются в марксистско-ленинском понимании не чем иным, как формой развития и историческим условием общественных производительных сил. Поэтому ленинское определение политэкономии в узком смысле как науки о производственных отношениях в их возникновении, развитии и гибели является абсолютно правильным и ни в какой мере не противоречит определению Маркса, данному в предисловии к «Капиталу», является лишь иной формулировкой того же самого определения предмета «Капитала».

В данной связи вполне уместно отметить, что Ленин, сам употребляя выражение «производственные отношения», одновременно считал более подходящим и более цельным термин «способ производства». Критикуя плехановский проект программы накануне II с'езда партии, Ленин писал по поводу плехановского проекта:

«Термин «капиталистические производственные отношения» в проекте не выдержан. Иногда его заменяет термин «капиталистический способ производства». По-моему, в интересах уменьшения трудностей понимания программы надо было бы держаться одного термина, именно последнего (т. е. «капиталистический способ производ-

ства».—*Я. М.),* ибо первый более теоретичен и без добавления слов «система» и т. п. (отношений) не указывает на нечто законченное и цельное» [1]).

Вот в чем преимущество выражения «способ производства». Следовательно, согласно Ленину, именно «способ производства» выражает собой нечто законченное и цельное. Это замечание Ленина еще раз подтверждает, что Маркс не случайно определил политэкономию как науку о капиталистическом способе производства, что мы не должны игнорировать это определение предмета политэкономии, даваемое Марксом в предисловии к «Капиталу».

Выяснение этого вопроса нам представлялось необходимым прежде всего потому, что еще совсем недавно некоторые коммунисты-экономисты пытались установить «противоречие» между определением политэкономии как науки о капиталистическом способе производства и определением ее как науки о производственных отношениях капитализма. Такого противоречия, как мы теперь выяснили, разумеется нет. Попытка меньшевика Рубина определить политэкономию как науку о «производственных отношениях», идеалистически оторванных от производительных сил и социал-фашистски искаженных, разоблачена как попытка апологета капитализма. Мы не должны позволять сталкивать себя на путь абсолютно недопустимого и антипартийного противопоставления Ленина Марксу.

Сказанным, мы полагаем, устранена всякая возможность противопоставлять эти два приведенных определения. Ленин их не противопоставляет, ибо Ленин сам считает эти определения однопорядковыми, при условии, если под производственными отношениями понимается вся система, совокупность их. Совокупность, или система, данных производственных отношений образует способ производства, и в этом смысле указанные два определения совпадают. Ленин тем не менее предпочитает выражение «способ производства» как нечто более цельное и законченное.

III

Перейдем к вопросу о некоторых коренных особенностях капиталистического способа производства, как предмета «Капитала». В чем Маркс видит наиболее глубокие, коренные особенности капиталистического способа производства?

Маркс по этому поводу говорит:

«Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства: во-первых, он производит свои продукты в виде товаров. Не самый факт производства товаров составляет особенность, отличающую его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов превращение в товары является господствующей и определяющей чертой. Это предполагает прежде всего, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, в качестве свободного наемного рабочего, а, следовательно, труд вообще в качестве наемного труда. После всего того, что было изложено нами до сих пор, излишне было бы снова доказывать здесь, что отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства. Главные деятели этого способа производства, капиталист и наемный рабочий, представляют как таковые лишь воплощение, персонификацию капитала и наемного труда; это — определенные общественные характеры, кото-

[1]) Лен. сб., т. II, стр. 73.

рые налагает на индивидуумы общественный процесс производства, продукты данных определенных общественных производственных отношений» [1]).

Первая отличительная черта капиталистического способа производства таким образом заключается в том, что товарное производство стало господствующей, всеобщей и определяющей формой производства. Это предполагает, что и рабочая сила стала товаром, что средствам производства, теперь уже выступающим в форме капитала, противостоит рабочая сила как товар, как один из факторов производства. Элементы производительных сил—средства производства, с одной стороны, рабочая сила—с другой,— здесь оторваны, обособлены друг от друга и противопоставлены как чуждые и враждебные друг другу силы. Их соединение составляет необходимое условие существования данного способа производства, необходимое условие его воспроизводства и развития. Способ соединения рабочего со средствами производства определяет характер и все противоречия капиталистического способа производства, как это подчеркивает многократно сам Маркс. Но это соединение при капиталистическом способе производства дается ценой глубочайшего антагонизма. Рабочему средства производства и условия труда противопоставляются как враждебная сила, как частная собственность капиталистов, высасывающая его прибавочный труд. Это антагонистическое отношение — «отношение капитала к наемному труду, определяет весь характер данного способа производства» (Маркс). Здесь таким образом Марксом дано основное производственное отношение капитализма, стержневая ось его развития, на которой напластовывается множество других, уже производных в капиталистическом способе производства отношений.

Вскрыть закономерность движения этого основного антагонистического производственного отношения капитализма — значит вскрыть закон движения самого капиталистического способа производства.

Поэтому Маркс прежде всего занялся изучением процесса производства и воспроизводства капитала, ибо здесь как раз даны наиболее глубокие основы этого классового отношения, даны законы развития самого капиталистического способа производства.

Отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства, говорит Маркс. Изучая это отношение, мы вместе с тем следовательно постигаем сущность и закономерность развития всего капиталистического способа производства. Но здесь противостоит наемный рабочий капиталисту. Здесь не просто производство товаров, но товарное производство является всеобщей формой. Эта всеобщая форма предполагает, что и рабочая сила стала товаром, выступает в качестве наемного труда. Но это значит, что рабочий противостоит средствам производства как оторванный от них производитель. Средства производства ему противостоят как капитал, как чуждая, враждебная рабочему сила, которая высасывает его энергию, которая высасывает его труд и прибавочный труд. Способ производства, антагонизм отношений, в которых совершается производство, низводят здесь рабочего до положения простого придатка к машине, механизму.

В этой первой особенности капиталистического способа производства Маркс следовательно характеризует классовую структуру капиталистического способа производства. Эта структура сразу же обнаруживается, как глубоко противоречивая и антагонистическая.

«Вторая особенность,— говорит дальше Маркс,— специально характеризующая капиталистический способ производства, это—производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит прежде всего капитал и достигает этого

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 340.

лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость... На этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства,—особая форма развития общественных производительных сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему вид самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием»[1]).

Определяющая цель и побуждающий мотив капиталистического способа производства — это производство прибавочной стоимости. Маркс вскрывает в этой характеристике внутренние противоречия самого способа производства. Маркс вскрывает здесь тот особый исторически ограниченный закон движения, которому подчинен капиталистический способ производства. Маркс указывает, что производительные силы капитализма могут действовать лишь при условии осуществления определяющей цели капитализма, т. е. при возможности производства и присвоения прибавочной стоимости. Это прямая цель, движущая сила и определяющий мотив производства при капитализме. Если этого условия нет налицо, то производство должно приостановиться, рабочий лишается работы, выбрасывается на улицу в об'ятия голода и вырождения.

Маркс еще в «Коммунистическом манифесте» говорил, что рабочий находит работу только до тех пор, «пока его труд увеличивает капитал». Рабочий соединяется со средствами и условиями производства только тогда и до тех пор, когда возможно присвоение произведенной рабочим прибавочной стоимости, накопление капитала.

Ленин, подчеркивая и развивая дальше эту же мысль Маркса, пишет: «Это общество (капиталистическое.—*Я. М.*)... договаривает до конца лежащий в его основе принцип: производитель может получить средства к жизни лишь тогда, когда найдет владельца денег, соблаговолящего присвоить прибавочный продукт его труда. Глубокий классовый характер вышеуказанной противоположности становится само собой ясным для производителя»[2]).

Вот тот особый исторический закон развития, которому подчинены производительные силы, которому подчиняется весь капиталистический способ производства в своем развитии. Производительные силы могут применяться в рамках данных производственных отношений только тогда и до тех пор, пока они служат интересам возрастания капитала, пока они удовлетворяют жажду накопления капитала. Когда же это становится невозможным, когда присвоение прибавочной стоимости не может иметь места или происходит в недостаточных размерах, процесс производства останавливается и, как говорит Энгельс, «способ производства восстает против способа обмена».

Маркс всегда с большой силой подчеркивал этот решающий, абсолютный для капитализма закон. В первом томе «Капитала» он говорит:

«...Обыкновенно в спорах упускают из виду самое главное, а именно специфическую особенность капиталистического производства. Рабочая сила здесь покупается не для того, чтобы ее действием или ее продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала, производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно, содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая тем не менее реализуется при продаже товара.

---

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 341.
[2]) Ленин, т. II, стр. 72.

Производство прибавочной стоимости или обогащение — таков АБСОЛЮТНЫЙ ЗАКОН этого способа производства.

Рабочая сила может находить покупателей лишь постольку, поскольку она сохраняет средства производства, как капитал, воспроизводит свою собственную стоимость, как капитал, и в неоплаченном труде доставляет источник добавочного капитала» [1]).

Таков абсолютный закон капиталистического способа производства и одновременно закон движения производительных сил капитализма. Маркс прямо говорит, что этому закону подчинены все производственные отношения и им же определяется весь технический строй капиталистического способа производства.

Огромное, решающее историческое значение этого закона как для самого капитализма, так и для судеб рабочего класса должно быть нами особенно подчеркнуто. Взять хотя бы современное состояние мирового капитализма, и мы сразу обнаружим решающее значение этого абсолютного закона. Капитализм поражен ныне самым глубоким и самым серьезным кризисом, невиданным еще для капитализма. Производительные силы его стоят или работают с ничтожной нагрузкой. Величайшая производительная сила человечества—революционный рабочий класс—десятками миллионов выброшена на улицу. 40—50 миллионов безработных, лишенных самого нищенского источника существования, предоставлены голодной смерти и вырождению, с одной стороны, перепроизводство товаров, высокий уровень розничных цен, приостановка сбыта товаров, сжигание и выбрасывание в море огромных масс произведенного продукта, проекты о сжигании трети урожая, проекты о принудительном сокращении посевных площадей, с другой,—как об'яснить все эти чудовищные противоречия капитализма, так резко бросающиеся в глаза каждому, так реально ощущаемые сотнями миллионов трудящихся масс капиталистических стран? Они об'яснимы только внутренними законами самого капиталистического способа производства, прежде всего законом производства прибавочной стоимости, законом накопления капитала, законом капиталистической эксплоатации и присвоения.

Производственный аппарат капитализма, его производительные силы вынуждены целиком или частично бездействовать только потому, что капитал не может работать с прибылью или с достаточной прибылью, не может накоплять. Такой решающий факт, как недогрузка силового аппарата и производственной мощности капиталистических предприятий, хроническая недогрузка за весь послевоенный период, но особенно выросшая теперь, в период кризиса, недогрузка, доходящая до 50—80 проц. как в Европе, так и в Америке,—этот факт есть не что иное, как конкретная форма развития того глубоко антагонистического закона, который сформулирован Марксом в вышеприведенной цитате. Он определяет движение производительных сил капитализма на современной стадии развития империализма, он определяет их прямое разрушение, приводит к глубочайшему загниванию весь капиталистический способ производства.

Научное и классовое значение этого закона, открытого и формулированного Марксом, для всего международного пролетариата огромно. Марксова теория прибавочной стоимости и накопления капитала не только вскрывает действительное положение вещей, корни и развитие существующих классовых противоречий, — она одновременно указывает международному пролетариату единственно возможный путь избавления от этих противоречий. Ибо, если интересы развития производительных сил пришли в непримиримое противоречие с производством прибавочной стоимости, т. е. капи-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 490, разр. моя. — Я. М.

талистическим присвоением, а факты и вся экономика загнивающего капитализма об этом говорят с исключительной силой, то ясно, что «... возникает необходимость защитить произведенные буржуазным капиталистическим обществом продукты и производительные силы от губительного, разрушительного действия этого капиталистического порядка, для чего надо отнять руководство общественным производством и распределением... у господствующего класса и передать его массе производителей, а это и есть социалистическая революция» [1]). Таков единственно правильный, революционный вывод из открытого Марксом закона развития капиталистического способа производства.

Когда мы выше, определяя предмет политэкономии в узком смысле, изложенный в «Капитале», говорили, что капиталистический способ производства представляет собой единство производительных сил и производственных отношений, то мы, само собой разумеется, имели в виду, что речь идет о диалектическом единстве, т. е. о таком единстве, которое не исключает, а наоборот, предполагает противоречия, противоположности, больше того, антагонизм данного способа производства на его капиталистической основе.

Маркс вскрыл в «Капитале» все внутренние противоречия, которым подчинен капиталистический способ производства в своем развитии. Мы имеем дело с противоречивым, больше того, с антагонистическим на его капиталистической основе единством. Ленин считал антагонизм высшей формой противоречия, тем специфическим качеством, которое он получает в условиях капитализма. Капиталистический способ производства является глубоко противоречимым единством, он развивается в глубочайших внутренних классовых противоречиях. Эти противоречия капитализм не в состоянии преодолеть, пока он существует как капиталистический способ производства.

Больше того. Производство и воспроизводство материальной жизни в условиях капитализма есть одновременно производство и воспроизводство тех противоречий и антагонизмов, которые ему внутренне присущи. Воспроизводя материальные условия существования буржуазного общества, капитализм одновременно воспроизводит и те классовые противоречия, которые приведут его к революционному краху. Вскрытые и проанализированные Марксом противоречия и классовые антагонизмы капиталистического способа производства свидетельствуют о его исторически ограниченном, преходящем характере. Эти противоречия — реальное доказательство тому очевидному факту, что в недрах капитализма вызревает новая общественная сила—революционный класс, пролетариат,—которая, подгоняемая гнетом классовой эксплоатации и нищенским существованием, неизбежно должна восстать против самого способа производства и уничтожить его.

Таковы решающие особенности, характеризующие самую суть капиталистического способа производства.

Ленин, вслед за Марксом, подчеркивал именно эти коренные черты, в своей совокупности характеризующие экономический строй капитализма.

«Присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством,— вот в чем суть капитализма,— говорит Ленин.—Необходимым условием существования такого способа производства является «монополизация средств производства в руках меньшинства, освобождение от них большинства и эксплоатация наемного труда» [2]). «Освобо-

[1]) Энгельс, Архив, т. II, стр. 65.
[2]) Ленин, т. I, стр. 140.

ждение» большинства населения от средств производства приводит к тому, что рабочая сила становится товаром.

Поэтому Ленин подчеркивает, что «капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром»[1]).

Экономический строй капитализма предполагает в качестве основных своих действующих лиц капитал и наемный труд, капиталиста и рабочего. Речь идет здесь, разумеется, об основных классах, без наличия которых немыслим сам капиталистический способ производства.. «Главные деятели самого этого способа производства — капиталист и наемный рабочий — представляют лишь как таковые воплощение, персонификацию капитала и наемного труда»—говорит Маркс.

Отношения наемного труда и капитала определяют судьбу и закономерность развития всего капиталистического способа производства. На этом отношении покоятся вся структура и устойчивость, а стало быть и неустойчивость всего капиталистического общества. Ленин всегда с огромной силой подчеркивал этот главный вывод «Капитала».

«Кто не понял, читая Маркса, что в капиталистическом обществе, прикаждом остром моменте, при каждом серьезном столкновении классов, возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата, тот ничего не понял ни в экономическом, ни в политическом учении Маркса»—утверждает Ленин.

Решающую и определяющую роль этого основного производственного отношения для понимания всех отношений капитализма, а стало быть также и для понимания структуры «Капитала» подчеркивал многократно также и сам Маркс. Так, в третьем томе «Капитала» он пишет:

«Та специфическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основан весь процесс формирования экономической структуры общества и вместе с тем его специфическая , политическая форма. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям... вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всякого общественного строя...»

Следовательно, в производственных отношениях между классом капиталистов и рабочим классом следует искать самую глубокую тайну капиталистического способа производства, его сокровенную основу. Здесь скрывается закономерность развития капиталистического способа производства, который должен быть раскрыт научным анализом. Выяснение этого отношения и тенденции его развития — основная задача «Капитала» Маркса, его политэкономии. Маркс, приступая к изучению капиталистического способа производства, начинает свой анализ с этого определяющего классового отношения. Маркс изучил и вскрыл в «Капитале» это отношение в его знаменитом учении о прибавочной стоимости и всеобщем законе капиталистического накопления.

Прибавочная стоимость поэтому — основная категория в «Капитале», в марксовом экономическом учении. Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит, что «вся книга Маркса» (т. е. «Капитал».— *Я. М.)* вертится вокруг прибавочной стоимости». Учение о прибавочной стоимо-

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 284.

сти, утверждает там же Энгельс,—«средоточие круга идей марксова учения».

От открытого Марксом закона прибавочной стоимости берет начало научный социализм.

«Доказав, как возникает прибавочная стоимость и как она может возникнуть только при господстве законов, регулирующих обмен товаров, Маркс разоблачил механизм современного капиталистического способа производства и опирающийся на него способ присвоения и тем самым разоблачил основной элемент, который находится в центре всего современного общественного строя».

«... Поэтому социализм является теперь не случайным открытием того или другого гениального ума, а неизбежным следствием борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии» [1]).

Известна также та высокая оценка, которую неоднократно давал Ленин учению Маркса о прибавочной стоимости. Ленин называет учение о прибавочной стоимости краеугольным камнем всего марксова экономического учения. Ленин утверждает, что учение о прибавочной стоимости есть самое основное и существенное место во всем «Капитале».

Эти авторитетные утверждения Энгельса и Ленина для нас, марксистов-ленинцев, вполне понятны.

Революционная сущность марксова экономического учения сконцентрирована прежде всего в его учении о прибавочной стоимости. Именно это учение Маркса дало научно обоснованный лозунг классовой борьбы пролетариату, лозунг, утверждающий, что для избавления от ига капиталистической эксплоатации у рабочего класса есть только один путь — путь революционного свержения капитализма и перехода к социализму.

IV

Основу всякого способа производства образует способ соединения рабочего со средствами производства. Тот особый характер, та определенная классовая форма, поскольку существует классовое общество, в которой осуществляется это соединение, различает различные способы производства, различает разные экономические эпохи.

«Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» — говорит Маркс.

Механисты пытались извратить эту в высшей степени важную мысль Маркса. Механисты утверждали, что, согласно Марксу, различие экономических эпох и способов производства «сводится» к различию в уровне техники, к различию орудий труда.

Это, разумеется, полное искажение действительного смысла марксова учения о различии способов производства. Согласно этому тезису механистов, наиболее высокий способ производства всегда должен существовать там, где более высокий уровень техники, где применяются более развитые средства труда. Нечего доказывать, что этот вывод ведет механистов прямой дорогой к оппортунизму, ведет прямиком в об'ятия... гуверовцев. Ибо согласно этому взгляду, наиболее высоким типом производства пришлось бы об'явить например американский капитализм с его передовой техникой.

На самом деле этот вывод, разумеется, не имеет ничего общего с действительными взглядами Маркса — Энгельса — Ленина. Маркс рассматривает средства труда, технику не изолированно, а берет их как показатель тех общественных отношений, в которых совершается общественное производ-

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 191, 21.

ство. Один и тот же уровень техники может лежать в основе совершенно различных и прямо противоположных по своей классовой структуре способов производства. Социалистический способ производства, господствующий в нашей стране, является несравненно более высоким, чем капиталистический. Он имеет громадные, несравнимые преимущества перед капиталистическим. Эти преимущества вытекают из его более высокого, социалистического типа соединения рабочего со средствами производства, и эти свои преимущества он доказывает из года в год, из месяца в месяц всему миру во все возрастающей степени. Однако на данном этапе своего развития этот более высокий социалистический способ производства в масштабе всего народного хозяйства не перегнал еще передовые страны капитализма по уровню техники, по уровню средств производства. Только по ряду отраслей он уже обгоняет капитализм также и в технико-экономическом отношении. В целом же, в масштабе всего народного хозяйства ведущим и определяющим остается генеральный лозунг нашего социалистического развития: догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны.

По уровню техники еще уступая передовым капиталистическим странам, наш социалистический способ производства по типу своему является несравненно более высоким типом более высокого социалистического способа производства. Опираясь на колоссальные его преимущества, рабочий класс СССР осуществляет возможность догона и перегона передовых капиталистических стран также в технико-экономическом отношении максимум в 10 лет. Без наличия и осуществления этих огромных возможностей нашей социалистической системы хозяйства, более высокой, чем капиталистическая система, решение задачи «догнать и перегнать» было бы экономически невозможным.

«Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» — говорит Маркс.

Общественные отношения, в которых совершается труд, в которых применяются средства производства при одном и том же их уровне развития, могут быть совершенно различными, даже противоположными, как это мы видели. Эти отношения определяются способом соединения рабочего со средствами производства, определяются распределением средств производства между классами. Вот определяющий тезис Маркса на этот счет:

«Каковы бы ни были формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры» [1]).

Способ соединения рабочего со средствами производства Маркс понимает не просто как специфическое «внутреннее строение производительных сил», как ошибочно утверждают некоторые товарищи. Соединение рабочего со средствами производства Маркс понимает как основу всего данного способа производства, как основу и содержание всего экономического строя производства.

«Только та форма, в которой... прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например общество рабства от общества наемного труда» [2]) — говорит в другом месте Маркс.

---

[1]) К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 10.
[2]) Там же, т. I, стр. 151.

В одном случае мы имеем низведение непосредственного производителя до положения «говорящего инструмента», являющегося такой же собственностью владельца средств производства, как предмет и орудия труда. В этом случае перед нами один способ соединения рабочего со средствами производства, именно — рабский. В другом случае формально свободному рабочему, лишенному средств производства, противопоставляются чужие средства производства, как средства его материальной эксплоатации, как средства высасывания его прибавочного труда, т. е. как капитал. В этом случае перед нами другой способ соединения рабочего со средствами производства — капиталистический.

В нашей социалистической системе хозяйства средства производства являются коллективной, классовой собственностью всего рабочего класса, владеющего ими через свое пролетарское государство. В этих условиях соединение нашего социалистического рабочего со средствами производства, принадлежащими пролетарскому государству, образует новый, более высокий, чем капиталистический, — социалистический способ производства.

В основе этих различных способов соединения непосредственного производителя со средствами производства лежит распределение общественных средств производства. Сам способ соединения непосредственного производителя со средствами производства есть лишь другое выражение распределения средств производства между классами данного общества.

Маркс говорит, что распределение средств производства между классами данного общества есть та основа, которая обуславливает и определяет весь экономический строй данного способа производства. Распределение средств производства, включенное в самый процесс производства, есть одновременно «подведение индивидов под определенные производственные отношения». Это распределение средств производства лежит в основе данного способа производства. Оно определяет все производственные отношения общества или, как говорит Ленин, экономический строй производства. Оно определяет также внутреннее строение производительных сил данного способа производства. Оно определяет также все производные от отношений производства отношения обмена, распределения и потребления.

«Система распределения вполне определяется системой производства» — говорит Маркс. В отношениях обмена и распределения ничего нельзя понять, если не выяснены сама структура производства, его классы, распределение средств производства между классами и обусловленный этим распределением способ соединения рабочего со средствами производства.

Капиталистический способ производства есть единство процесса производства и процесса обращения. Однако раньше, чем изучить действительную природу этого единства, раньше, чем заняться законами обращения, Маркс изучил процесс производства капитала, т. е. определяющую и образующую капитал классовую производственную структуру. Поэтому первый том «Капитала» посвящен процессу производства капитала. Лишь после изучения законов, господствующих над производством капитала, можно перейти к процессу обращения, что составляет предмет второго тома «Капитала», и к обобщающим выводам о законах производства и обращения в их единстве, что составляет предмет третьего тома «Капитала».

Схема построения «Капитала» Маркса не «искусственно» надуманная, не произвольно составленная схема. Структура «Капитала» обусловлена действительной природой изучаемого предмета. Она отражает порядок и соотношение законов капиталистического способа производства в его развитии, отражает внутреннюю

закономерность своего предмета в логически стройной форме.

Ленин, излагая построение «Капитала», пишет:

«Маркс... берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных, которые он изучал не менее 25 лет — дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для об'яснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические, в пределах уже производственных отношений, классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.

Таков «скелет» «Капитала»[1]).

Маркс изучает законы функционирования, законы развития капитализма. Начав свой анализ с основ товарного хозяйства, с товарного производства, Маркс своим дальнейшим анализом законов развития этого хозяйства показывает, как простое товарное хозяйство превращается в капиталистическое именно на основе своих внутренних законов развития. Анализируя производственные отношения капитализма, Маркс показывает, как развивается обобществление производства и труда в антагонистической капиталистической форме, как в недрах этого производства создаются материальные основы для более высокого социалистического строя.

Показ возникновения роста и углубления внутренних классовых противоречий, проникающих весь капиталистический способ производства, определяющих его развитие и гибель, составляет стержневую сквозную ось всего марксова экономического анализа, образует основной костяк «Капитала».

Такова авторитетная оценка структуры «Капитала», данная Лениным. Ею мы должны неуклонно руководствоваться при изучении и популяризации «Капитала».

V

«Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять начальный и конечный пункт»[2])—говорит Маркс, выясняя метод и порядок исследования законов буржуазного общества. С этой господствующей силы и следует, согласно Марксу, начать изучение закономерности развития капиталистического способа производства.

Этот революционно устремленный и закономерно обусловленный самим предметом изучения подход Маркса к своему предмету всячески извращают и искажают современные социал-фашистские «теоретики». Реннер например решительно отрицает, что Маркс начинает изучение капиталистического способа производства с производства капитала, т. е. с классового отношения между рабочим и капиталистом, что в строе производства Маркс ищет закон движения капитализма.

Реннер говорит:

«Маркс в своем «Капитале» начинает свое исследование не с производства (как физиократы) и не с потребления (как школа Менгера), но с обращения товаров, т. е. с обмена». Совершенно очевидно, что, по Реннеру, закон движения капиталистического общества Маркс ищет не в производстве, а в обмене.

[1]) Ленин, т. I, стр. 71.

[2]) К. Маркс, Введение к критике политэкономии.

Этот же взгляд в еще более законченной форме утверждает Гильфердинг:

«В хозяйственном отношении... индивидуумы вступают во взаимные отношения только в меновом обороте. Поэтому закон, показывающий, как регулируется меновой оборот, есть вместе с тем закон движения общества... В меновом акте, как в основном явлении, в котором проявляется общественное отношение, необходимо открыть закон».

Важно отметить, что поисками «закона движения» общества «в меновом обороте» Гильфердинг занимался уже в 1904 г. Все последующее «развитие» взглядов Гильфердинга является лишь дальнейшим развертыванием этой уже тогда четко сформулированной меновой вульгарно-буржуазной концепции.

Вслед за своими партийными учителями и собратьями Реннером и Гильфердингом спешит по этому же вопросу «высказаться» также «наш» меньшевик Рубин. Он пишет:

«Исследование процесса обмена в его общественной форме и его связи с производством товарного общества составляет по существу предмет марксовой теории стоимости» [1]). Это единодушие социал-фашистских «теоретиков» при оценке марксова метода коренится в их общей классовой позиции, диктующей задачу полного и решительного извращения всего марксова учения в угоду буржуазии.

Социал-фашисты Реннер, Гильфердинг, Рубин уже в самом исходном пункте анализа капиталистического общества стремятся превратить Маркса в самого обычного вульгарного экономиста, а его учение в вульгарную буржуазную экономию. Маркс, как известно, начало научной политэкономии датирует с того времени, когда она перешла с поверхностных явлений обмена к анализу отношений производства.

«Действительная наука современной экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства»—говорит Маркс. Социал-фашизм, выполняя классовый заказ буржуазии, стремится Маркса обработать под свой классовый цвет. Этот организованный современным социал-фашизмом бешеный натиск на экономическую теорию Маркса мы должны разоблачить и отразить. В этом наша задача и обязанность перед международным пролетариатом.

Теперь уместно поставить вопрос: почему однако «Капитал» непосредственно начинается анализом товара и отношений стоимости, а не непосредственным анализом капитала?

Маркс начинает свой анализ капиталистического способа производства с анализа товара как с элементарной формы буржуазного способа производства, как с экономической клеточки буржуазного способа производства, в которой уже в зародыше даны все противоречия капиталистического общества.

Об этом Маркс в первых же строчках «Капитала» говорит с полной ясностью:

«Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет огромное скопление товаров, а отдельный товар—его элементарную форму. Наше исследование начинается поэтому анализом товаров».

Два вывода в этой связи нужно подчеркнуть. Во-первых, Маркс ясно говорит, что он начинает изучение капиталистического способа производства. И, во-вторых, что Маркс берет товар исходным пунктом своего

[1]) И. Рубин, Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 91.

анализа именно как элементарную, как простейшую форму этого способа производства. Оба эти вывода попадают не в бровь, а в глаз социал-фашистским «теоретикам».

Энгельс утверждает, что в товаре уже даны зародыши всех противоречий буржуазного способа производства. На это неоднократно указывает также и Маркс. Он говорит: «Уже в простейшей форме товара выяснен специфически общественный, отнюдь не абсолютный, характер буржуазного производства». Специфически общественный характер буржуазного производства уже дан в форме товара. Как простейшую форму, еще не развитую, но развивающуюся по мере развития обмена и самого товарного производства, развивающуюся во всей полноте своих противоречий, Маркс изучает товар и форму стоимости.

Либеральный буржуа Струве в свое время также стремился извратить эту революционную целеустремленность и классовый смысл марксова анализа товара и заключенной в нем стоимости. Струве утверждал, что в отношениях стоимости не даны еще никакие классовые отношения.

«Ценность (читай: стоимость.—*Я. М.)*, как общественное отношение, отличается тем от капитала, что она есть такое отношение между покупателем и продавцом, для которого безразлично классовое положение того и другого. Она есть общественное отношение, в котором в то же время непосредственно не выражается никакого классового отношения» [1]).

Стоимость Маркса в изображении Струве таким образом предстала как «беспартийная», «сверхклассовая», «приятная во всех отношениях» категория. Это струвистское буржуазное извращение меньшевик Рубин потом в своих «трудах» развил в целую «филигранную» теорию, подняв ее на новую ступень фальсификации.

Отношения между капиталистами и рабочими, те отношения, которые являются определяющими для всего капиталистического способа производства, возникают, развиваются и осуществляются на основе закона стоимости, иначе они и не могут ни возникнуть, ни существовать при капитализме. Продажа рабочей силы происходит на основе закона стоимости. Присвоение капиталистом прибавочной стоимости происходит на основе закона стоимости. Накопление капитала, рост богатства на стороне класса капиталистов, нищенский, голодный уровень существования и невиданный рост нищеты и одичания на стороне рабочих — все это совершается на основе закона стоимости. Классовая эксплоатация пролетариата, присвоение классом капиталистов прибавочной стоимости, классом землевладельцев ренты, и т. д. происходят на основе закона стоимости. Маркс это с особенной силой всегда подчеркивает. В частности в замечаниях против Вагнера он пишет:

«Темный муж (т. е. Вагнер.—*Я. М.)* подсовывает мне утверждение, будто: «прибавочная стоимость, производимая только рабочими, неправильно поступает к капиталистическим предпринимателям».

Я же утверждаю противоположное, а именно: что товарное производство на известном пункте необходимо становится «капиталистическим» товарным производством и что согласно господствующему в нем закону стоимости «прибавочная стоимость» причитается капиталисту, а не рабочему» [2]).

Совершенно естественно, что раньше, чем перейти к изучению основных противоречий, существующих в современном капиталистическом обще-

[1]) П. Струве, Хозяйство и цена, стр. 32.
[2]) «Архив Маркса—Энгельса», т. V, стр. 407.

стве, следовало выяснить ту общую основу, на которой возникают эти классовые отношения и антагонизмы.

Вот почему Маркс начинает свой анализ с товара и отношений стоимости как необходимой основы и исторической предпосылки возникновения и развития капиталистического способа производства. Вот почему у Маркса и товар, и стоимость, и форма стоимости определены и выступают как такие общественные отношения, в которых уже даны зародыши всех противоречий капитализма и которые по мере превращения простого товарного хозяйства в капиталистическое неизбежно превращаются в отношения капиталистов и рабочих. Для Маркса при изучении товара и отношений стоимости, как и везде, характерна именно эта диалектическая точка зрения. Отношения стоимости, отношения производства и обращения товаров он берет в их развитии, в их противоречиях. Так, анализируя товар и отношения стоимости, он показывает, что отношения простых товаропроизводителей с неизбежностью предполагают возникновение новых отношений, отношений капиталистов и рабочих. Иначе и быть не может, раз простое товарное хозяйство, отношения простых товаропроизводителей предоставлены своим внутренним законам развития. Тогда они ежеминутно, ежечасно выделяют из своей среды капитализм и капиталистов, как это всегда подчеркивал Ленин.

Простое товарное хозяйство, по Ленину, «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно, в массовом масштабе». Оно имеет «товарно-капиталистическую тенденцию» — говорит Ленин в противовес т. Бухарину. Поэтому, предоставленное «самотеку», предоставленное своему внутреннему закону развития, простое товарное хозяйство превращается в капиталистическое.

Однако простое товарное хозяйство не есть еще капиталистическое. «Конечно,—говорит т. Сталин,— мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство». Будучи в основе своей однотипным с капиталистическим хозяйством, оно при наличии правильного руководства рабочего класса может развиваться по другому, социалистическому пути.

В нашей стране, в условиях диктатуры пролетариата, и при наличии правильной, ленинской политики нашей партии, мы сумели повернуть простых товаропроизводителей по другому, социалистическому пути развития. Но такой путь возможен только у нас, в стране диктатуры пролетариата. Ничего подобного конечно невозможно при капитализме, невозможно там, где простыми товаропроизводителями руководит не пролетариат, а над ними господствует буржуазия, где простое товарное хозяйство предоставлено своей собственной судьбе, своей товарно-капиталистической тенденции. Там оно неизбежно либо разоряется, либо превращается в капиталистическое.

Чудовищному, социал-фашистскому извращению марксову теорию стоимости подверг у нас социал-вредитель Рубин. Он выхолостил до конца все классовое, революционное содержание из марксовой теории стоимости. Рубин рассматривает отношения стоимости, как вечные, неизменные отношения. У Рубина нет противоречий товара, отношения обмена не развиваются, отношения стоимости вечны, неизменны, всегда себе равны. Поэтому у Рубина нет и не может быть перехода от отношений простых товаропроизводителей к отношениям капиталистов и рабочих. Политэкономия Рубина не признает и сознательно изгоняет классы, классовую борьбу и антагонизм классов. В учении меньшевика товаропроизводители и товаровладельцы автономны, равноправны и независимы. Рубинская политэкономия знает только товаровладельцев и товаропроизводителей, не знает классы буржуазии и пролетариата. Рабочих Рубин изображает как таких же товаровладельцев и товаропроизводителей, совершенно равноправных, авто-

номных, независимых, короче говоря, изображает их на манер настоящих капиталистов. Антагонистическую классовую структуру и противоречия капиталистического способа производства Рубин разводняет в отношениях простых товаропроизводителей, выхолащивает корни классового антагонизма, который присущ капитализму в отличие от отношений простых товаропроизводителей. Нечего и говорить, какая это огромная заслуга для социал-фашиста, имеющего своей задачей теоретически прикрашивать и защищать капитализм, тем более, если иметь в виду, что все это разрабатывалось и проповедывалось в нашей стране в условиях пролетарской диктатуры. У Рубина мы неизменно найдем утверждения, что стоимость выражает «равенство товаропроизводителей». «Абстрактный труд выражает равенство товаропроизводителей». Обмен выражает отношения «равенства», «автономии», «самостоятельности» товаропроизводителей. Отношения простого товарного хозяйства, не только простого товарного хозяйства, но и капиталистического хозяйства,— ибо Рубин не признает существования в истории простого товарного хозяйства как исторической ступени развития менового общества,—представляют собой какой-то сплошной рай неизменного и вечного равенства. Отношения производства и обмена у Рубина неизменно возникают и вечно существуют на почве «равенства», «самостоятельности», «независимости»... рабочих и капиталистов как «автономных» товаровладельцев и товаропроизводителей.

Следует только этот рубинский бесклассовый рай всеобщего и вечного равенства сопоставить с марксистско-ленинским пониманием развития товарного производства и обмена и тех противоречий, которые заложены в самой структуре товарного производства и обмена, чтобы сразу наглядно обнаружить, что Рубин никогда не имел ничего общего с марксовой постановкой вопроса, что он является фашистским певцом капиталистической апологетической «хозяйственной демократии».

Характеризуя товарное производство, развитие обмена и тенденции его развития, Ленин говорит:

«Товарное производство — производство обособленных производителей, связанных между собою рынком. Продукт определенного производителя, предназначенный на нужды потребления, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта, только приняв форму денег, т. е. подвергшись предварительному общественному учету, как в качественном, так и в количественном отношениях. А этот учет производится за спиною производителя, независимые от него, рыночные колебания не могут не порождать неравенства, разоряя одних и давая другим в руки деньги — продукт общественного труда... Поэтому при таком устройстве общественного хозяйства, экспроприация производителя и эксплоатация его совершенно неизбежны, совершенно необходимо подчинение неимущих имущим и та противоположность их интересов, которая дает содержание научному понятию борьбы классов» [1]).

Мы видим, что Ленин в уже простом акте рыночного обмена находит источник неравенства. Уже в самом акте обмена даны зародыши неравенства, которые при развитии обмена и товарного общества, как говорит Ленин, при миллиарды раз повторяющихся меновых отношениях и сделках в товарном обществе неизменно, неизбежно, с внутренней необходимостью порождают отношения неравенства, отношения классовой противоположности, эксплоатации и угнетения. Это совершенно ясно из самой структуры товарного производства. Товарное производство подчинено закону стоимости,

[1] Ленин, т. II, стр. 71—72.

закону общественно необходимого труда. Оно учитывает общественно необходимую величину, отбрасывая все то, что имеется личного и индивидуального в трудовых затратах каждого отдельного товаропроизводителя. Однако товаропроизводители между собой как работники не равны. Но законы товарного обмена их приравнивают, представляют одинаковому критерию, одинаковой мере, одинаковому праву. Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали, что приложение равного права, равной меры к фактически неравным людям есть выражение неравенства, что это есть буржуазное право, есть отблеск отношений производства и обмена товарного общества. Приложение одинакового мерила общественно необходимого труда к личному, индивидуальному труду, затраченному товаропроизводителем, в частной форме фактически означает, что посредством обмена товаров одни получают больше, а другие получают меньше, чем лично затратили, что один теряет свой труд, а другие присваивают чужой.

Мы видим таким образом, что уже в форме обмена простых товаропроизводителей, заложены тенденции неравенства, зародыши эксплоатации, возможность присвоения чужого труда, возможность неполной реализации собственного труда. Поэтому Ленин в одном месте замечает, что мелкий производитель, как собственник средств производства, является «эксплоататором в потенции, а частью на практике» [1]). Если мы возьмем меновые отношения, как развивающиеся, а только так мы должны и можем их изучать, то увидим, что в конкретном своем историческом развитии они превращаются из отношений простых товаропроизводителей, работающих с собственными средствами производства и владеющих продуктами своего труда, в отношения капиталиста и рабочего.

Эту диалектику развития простого товарного хозяйства на основе закона стоимости очень ярко и образно подчеркнул Маркс в одном письме к Энгельсу. Ядовито высмеивая буржуазных экономистов-апологетов и прудонистов, Маркс пишет:

«Рассматриваемое само по себе, это простое обращение,— а оно есть поверхность буржуазного общества, в которой исчезли более глубокие процессы, из которых оно проистекает,— не знает никакого различия между суб'ектами обмена, кроме формального и мимолетного. Это — царство свободы, равенства основанной на «труде» собственности... Пошлая манера, с одной стороны, проповедников экономической гармонии, современных фритредеров (Бастиа, Кэри и т. д.) — применять к более развитым производственным отношениям и их антагонизмам это наиболее поверхностное и абстрактное положение, как свою истину. Пошлая манера прудонистов и тому подобных социалистов — противопоставлять соответствующие этому обмену эквиваленты (или предполагаемые таковыми) идеи равенства и т. д. неравенству и пр., к которому этот обмен приводит и из которого он исходит. Законом присвоения в этой сфере является присвоение посредством труда и обмена эквивалентов, так что обмен дает лишь ту самую стоимость, но в другой материальной оболочке. Словом, здесь все «прекрасно», но все кончается ужасно, и притом вследствие закона эквивалентности. Мы подходим теперь как раз к... капиталу» [2]).

Сказанное здесь Марксом как бы специально написано про современных Бастиа-Реннеров-Рубиных и прочих. Сказанное Марксом буквально уничтожает все теоретическое построение меньшевика Рубина, который так же, как его предшественник Бастиа, вертится в «поверхности буржуазного

[1]) Лен. сб. III, стр. 495.
[2]) Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 330—331.

общества», «применяющего к более развитым производственным отношениям (т. е. к капиталистическим.—*Я. М.)* и их антагонизмам» поверхностные и абстрактные определения более простых отношений обмена и т. д.

Как раз закон стоимости с его эквивалентным обменом из неравенства исходит, к этому неравенству приводит — утверждает Маркс.

Поэтому Маркс, Энгельс, Ленин постоянно подчеркивали, что уже в форме стоимости имеются все зародыши противоречий капитализма. Но именно з а р о д ы ш и, которые по мере развития товарного производства и обмена превращаются и развиваются во весь свой рост классовых антагонистических противоречий капиталистического общества.

Поставив себе целью вскрыть классовый антагонизм и его основы в капиталистическом обществе с целью показать будущее капитализма и тем самым будущее рабочего класса, Маркс начинает свой анализ с зародышей этих противоречий. Но они уже даны в товаре как в элементарной форме капиталистического производства. Поэтому с него и начинает Маркс. Он начал свое изучение капиталистического способа производства с этой элементарной формы капиталистического способа производства с тем, чтобы своим последующим исследованием раскрыть во всю ширь исторического полотна все противоречия капиталистического способа производства и показать, как последний в силу своих внутренних противоречий и внутреннего закона движения неизбежно идет навстречу своей гибели.

Мы можем подвести итог сказанному. «Капитал» Маркса имеет своим предметом изучения капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Капиталистический способ производства, согласно Марксу, есть классово антагонистическая и исторически преходящая форма развития общественных производительных сил. Капиталистический способ производства одновременно есть форма развития присущих ему коренных классовых противоречий и антагонизмов. Политическая экономия Маркса, изучая этот способ производства в его возникновении, развитии и гибели, ставит себе целью вскрыть закономерность развития и гибели капиталистического способа производства с целью дать рабочему классу научно обоснованный лозунг борьбы и указать ему правильный путь революционного уничтожения этого способа производства.

«Капитал» Маркса вскрыл и выяснил действительное положение рабочего класса в общем строе капитализма, одновременно указав рабочему классу путь революционного уничтожения капиталистического способа производства. Такова неувядаемая заслуга этого гениального труда. К «Капиталу»—главному труду Маркса—в особенности применимы замечательные слова Энгельса, написанные им в день смерти Маркса: «Е м у (Марксу.—*Я. М.)* м ы о б я з а н ы в с е м т е м, ч е м м ы с т а л и; и все современное движение тем, чем оно является теперь, стало благодаря его теоретической и практической деятельности; б е з н е г о м ы д о с и х п о р б л у ж д а л и б ы е щ е в п о т е м к а х».

Тов. Сталин о разработке Лениным материалистической диалектики*)

М. Каммари и П. Юдин

Постановка вопроса о ленинском этапе материалистической диалектики и дальнейшая разработка всех вопросов ленинизма неразрывно связаны с именем вождя нашей партии и Коммунистического интернационала, вождя международного пролетариата,— с именем т. Сталина.

В принципиальной непримиримой борьбе за ленинизм, в борьбе против социал-демократии II интернационала и троцкизма, превратившегося в передовой отряд контрреволюционной буржуазии, в борьбе против правого и левого оппортунизма в ВКП(б) и Коминтерне и их теоретических основ — механицизма и меньшевиствующего идеализма — т. Сталин выдвинул со всей силой и блестяще обосновал постановку вопроса о развитии марксизма в целом и материалистической диалектики, данной в работах Ленина.

Тов. Сталин в своем изложении основ ленинизма с величайшей теоретической глубиной, ясностью, неопровержимостью раскрыл перед партией и Коминтерном, перед революционным пролетариатом всего мира грандиозное революционное значение учения Ленина как новой, высшей ступени развития марксизма, этого единственного и острейшего теоретического оружия пролетариата в борьбе за победу пролетарской диктатуры, за победу коммунизма.

Работа т. Сталина «Вопросы ленинизма» раскрывает глубочайшую суть ленинизма и показывает глубокое понимание и гениальное применение т. Сталиным метода марксизма-ленинизма, его революционной диалектики при трактовке любого вопроса ленинизма.

Диалектика — душа марксизма-ленинизма, его коренное теоретическое основание.

Тов. Сталин во всех своих работах отстаивает, применяет и разрабатывает дальше материалистическую диалектику Маркса, Энгельса и Ленина на основе богатейшей революционной практики нашей эпохи. Вот почему гениальные образцы диалектики в работах т. Сталина приобретают для нас особое значение, вот почему они изучаются коммунистами и пролетариями всех стран — наряду с работами Маркса, Энгельса и Ленина — как руководство для действия.

Работы т. Сталина по своей стройности, последовательности, логической цельности, по научной точности и концентрированности, по глубине и богатству диалектической мысли можно сравнивать лишь с работами Маркса,

*) Статья представляет часть подготовляемой к печати работы.

Энгельса, Ленина. Каждое теоретическое положение ленинизма т. Сталин развивает и конкретизирует в неразрывной связи с революционной практикой.

Пролетариат создает особый тип вождя и ученого, неразрывно связанного с практикой революционной борьбы, ученого-революционера. Тов. Сталин представляет образец именно такого теоретика марксизма-ленинизма, теоретика и вождя революционного пролетариата.

Работы т. Сталина обобщают диалектику развития величайшей эпохи, ее богатейшей революционной практики, они всегда метко и смертельно разят врагов пролетарской революции, указывают путь к дальнейшим победам коммунизма. Исключительно боевой, революционный характер работ т. Сталина выражается и в самом стиле их.

Тов. Сталин разрабатывает вопросы ленинского этапа материалистической диалектики во всех областях революционной теории и практики. Мы остановимся преимущественно лишь на вопросе о том, что вносят работы т. Сталина в сокровищницу теории материалистической диалектики как философской науки. Необходимость изучения работ т. Сталина с этой стороны ясна сама по себе.

В корне неправильно было бы однако сводить эту задачу к тому, чтобы искать «примеры диалектики» в работах Сталина. Ленин и Сталин относятся к материалистической диалектике как к науке, и понимание и применение ими материалистической диалектики несовместимо с трактовкой диалектики как суммы примеров. Ленин и Сталин требуют серьезной научной разработки материалистической диалектики.

Мы должны изучать, как т. Сталин в своих работах вскрывает диалектику об'ективного мира и познания его, т. е. как он ставит и разрешает во всех своих работах вопросы теории познания диалектического материализма, вопросы применения материалистической диалектики как революционного метода. Изучить это — значит изучить диалектический метод в его действии. А ведь известно, что только в действии лучше всего раскрывается «сущность вещей», в деятельности и борьбе раскрываются последовательно революционный характер большевизма и антимарксистский, антипролетарский, антиреволюционный и контрреволюционный характер всех борющихся с большевизмом течений, в том числе и троцкизма, прикрывавшегося «левыми» фразами. Ведь именно т. Сталин учит нас в борьбе с оппортунизмом, с механицизмом и меньшевиствующим идеализмом познавать их антимарксистскую сущность за их «марксистскими», левыми, революционными фразами. Только в действии, в применении лучше всего раскрываются и сущность самого диалектического метода и сущность противопоставляемых ему формальной логики, эклектики, софистики — логических основ оппортунизма и социал-фашизма. Только в применении материалистической диалектики ко всем областям науки, революционной теории и практики раскрываются действительно глубоко ее сущность, все богатство ее содержания, истинность, непобедимость, действенность, партийность и творческий характер марксизма-ленинизма и его революционной диалектики.

Изучая применение и разработку диалектики в работах т. Сталина, мы выясняем одновременно и то, какие стороны материалистической диалектики находят особо большое развитие и притом в необходимой связи с эпохой, в связи с задачами пролетариата в нашу эпоху.

Известно, какое громадное историческое значение для руководства международным пролетарским движением для ВКП(б) и КИ имело данное тов. Сталиным определение ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции, как теории и тактики пролетарской революции во-

обще, теории и тактики диктатуры пролетариата в особенности. Не меньшее значение для руководства борьбой на теоретическом фронте вообще, и на философском участке фронта в особенности, имело определение ленинского этапа материалистической диалектики, данное т. Сталиным еще в 1924 г. в лекциях «Об основах ленинизма».

«То, что дано в методе Ленина, — говорил т. Сталин, — в основном уже имелось в учении Маркса, являющимся, по словам Маркса, в существе своем критическим и революционным.

Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом.

На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики» [1]).

Это определение т. Сталина нами взято за основу борьбы на два фронта. Оно било и бьет не только тех меньшевиствующих идеалистов и механистов, которые отрицают роль Ленина как теоретика и философа, считают его только практиком, политическим, вождем, ставят его ниже Плеханова,—это определение ленинизма бьет также и тех теоретиков и коммунистов, которые не видели никаких недостатков в философских работах Плеханова, которые не поняли ленинской положительной оценки философских работ Плеханова, не поняли или не хотели понять ту сокрушительную и глубоко принципиальную критику, которую давал Ленин ошибкам, недостаткам и прямому искажению философских основ марксизма Плехановым. Эти «теоретики»-коммунисты забыли про партийность философии вообще, про большевистскую партийность диалектического материализма в особенности. Эти «теоретики» забыли про неразрывную связь политической линии марксизма с его философскими основами и про связь политической линии меньшевизма с недостатками и ошибками Плеханова в философии. Определение Сталиным ленинского этапа материалистической диалектики явилось результатом критики и преодоления неправильных, антибольшевистских, меньшевистских (троцкистских) характеристик Ленина как мыслителя. В качестве иллюстрации достаточно привести ряд типичных антибольшевистских определений ленинизма, еще недавно распространявшихся в литературе, претендующей на марксизм потому очевидно, что в них нет ни грана подлинного марксизма.

Вот например всем известные самоуверенно-хвастливые заявления Рязанова Б. Д.

«Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист, и, как марксист, я коммунист».

Рязанов еще в 1931 г. выступил открыто против признания ленинского этапа диалектического материализма. Он «громил» всех, кто говорил о «каком-то» ленинском этапе материалистической диалектики, за «противопоставление» марксизму ленинизма. Как будто не он в числе первых противопоставил по-меньшевистски марксизм ленинизму. Своей «практикой» измены большевизму, своим отрицанием ленинизма, своей помощью и службой архивариуса контрреволюционной меньшевистской организации II интернационала Рязанов «блестяще» доказал, что он не был ни коммунистом, ни марксистом, а был и остался меньшевиком. Возьмем теперь Л. Аксельрод, в идейном блоке с которой выступали другие механисты (Сарабьянов, Перов, Варьяш, Тимирязев и т. д.) против диалектического материализма.

Как она оценивала в 1909 г. в своей рецензии «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина? Точно так же, как в 1930 г. махист-кантианец и социал-фашист М. Адлер.

[1]) Сталин, Об основах ленинизма, «Вопросы ленинизма», изд. 1930 г., стр. 19.

Л. Аксельрод писала: «по существу Ильин не сказал ничего такого, что не было бы высказано раньше» ортодоксальными марксистами, к которым она конечно же относила Плеханова, себя, ну, и еще может быть... Деборина А. М.

«В книге Ильина нет новых мыслей, — писала она дальше,—книга Ленина не обладает качествами «серьезной, вдумчивой и тонкой аргументации», у Ленина, видите ли, нет «ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубокого понимания философских проблем...» Подобной меньшевистской бессильной руганью наполнена рецензия Аксельрод Л. И.

В конце концов, усердно защищая и «углубляя» идеалистическую эмпириосимволическую дребедень, теорию символов и иероглифов Плеханова, «вдумчивый философ» Л. Аксельрод проявляет чрезвычайную «тонкость аргументации и гибкость философского мышления», гибкость софистики и обвиняет Ленина в «платонизме наизнанку». Как «возмущены» все представители философского мещанства теми «грубыми» эпитетами, которыми Ленин награждал лакеев дипломированной поповщины, как обижены они за «урядников на философской кафедре» (так справедливо характеризовал Ленин Корнелиуса [1]).

Неудивительно, что так писали о Ленине меньшевистские «философы»; но спрашивается, что думали «теоретики», называвшие себя коммунистами, выступавшие вместе с Аксельрод Л. против материалистической диалектики? Куда они девали свой марксизм? Или сдали на хранение меньшевикам? Ведь известно, что т. Сарабьянов прямо выступал также за плехановскую теорию иероглифов, что он отрицал марксистско-ленинскую теорию отражения, марксистско-ленинское учение об абсолютной, относительной и об'ективной [2]) истине, скатываясь к суб'ективизму, софистике и оправданию буржуазии.

Враждебную, клеветническую, контрреволюционную и пошлую оценку ленинизма и Ленина давал и дает троцкизм. Еще будучи в ВКП(б) и не будучи еще вычищенным оттуда, Троцкий под звонкими фразами и юбилейными речами в день пятидесятилетия Ленина пытался уже протаскивать свой старый, припрятанный на время меньшевистский хлам и пасквиль на Ленина и ленинизм. В речи «Ленин, как национальный тип» (1920 г.) Троцкий говорил: «Ленин отражает собой русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека...»

С одной стороны, слова о гениальности Ленина как «бесспорного вождя пролетариата», а с другой стороны, упорное протаскивание старой троцкистской теории о Ленине как «эксплоататоре отсталости русского рабочего движения», о ленинизме как идеологии «отсталого» русского рабочего движения, не имеющего «культурных и демократических традиций» западноевропейского рабочего движения [3]).

---

[1]) См. рецензию Аксельрод Л. И. в приложении к XIII тому, Собр. соч. Ленина, стр. 329—334, изд. 2-е и 3-е.

[2]) Именно отрицание ленинского учения об об'ективной, абсолютной и относительной истине являлось теоретической основой «знаменитого» сарабьяновского утверждения, что и «пролетариат прав и буржуазия права». Этот релятивизм суб'ективного идеализма и софистики есть база так называемого «об'ективизма», струвизма, как бы сам Сарабьянов ни отмежевывался от него, это есть отрицание партийности.

[3]) Что Троцкий под этими традициями понимал буржуазную демократию и парламентаризм, о которых он мечтал не только тогда, но и после как об арене для деятельности, это доказывать теперь не надо. Эта тяга к старой меньшевистской «блевотине» привела Троцкого на позиции передового отряда контрреволюционной буржуазии.

Троцкому принадлежит определение ленинизма как марксизма на практике, противопоставление марксизма как «чистой теории» ленинизму — как голой практике.

По Троцкому выходило, что работа Маркса в подпольном союзе коммунистов в качестве руководителя союза коммунистов и I интернационала, участника революции 1848 г., идейного вождя рабочего движения — все это «не важно», все это не имело якобы никакого отношения к теории марксизма. Маркс из ученого революционера, пламенного вождя пролетариата превращен в кабинетного ученого, в «чистого теоретика». Ленин же из величайшего, гениального мыслителя-революционера, развивавшего дальше и поднявшего на новую ступень учение Маркса, превращен Троцким в «чистого практика». Эти вульгарные клеветнические идейки Троцкого, по-меньшевистски разрывающего теорию и практику пролетариата, пережевывали потом и преподносили в различных формах и вариантах меньшевиствующие идеалисты (Деборин, Карев и др [1]).

Ленинизм для меньшевиствующих идеалистов был только марксизмом на практике. Марксизм же отрывался от практики пролетарской революции, превращался в чистую теорию. Плеханов изображался теоретиком, дополнявшим практика, политика, вождя Ленина (см. Деборин, «Ленин, как мыслитель», 12 и 26 стр.).

С точки зрения меньшевиствующих идеалистов следовательно и «марксизм» официальных вождей довоенного II интернационала, «марксизм на словах, оппортунизм на деле», не переставал быть ортодоксальным марксизмом, ибо таково было их понимание марксизма, таков был их собственный «марксизм».

Все эти меньшевистские оценки Ленина и ленинизма своим источником имеют плехановскую оценку Ленина и большевиков. Плеханов, переметнувшись в лагерь меньшевизма, сдавши революционные позиции старой «Искры», начинает «задним числом» изображать Ленина «более инстинктивным марксистом, чем сознательным». Под «впечатлением» ленинской критики абстрактной, не боевой программы партии, сформулированной Плехановым, последний начинает раскрывать сам свои глубокие разногласия с Лениным в 1901—1903 гг., ищет сочувствия у Мартова, заявляя, что «теперь начинается борьба метафизического материализма Тулина с диалектическим материализмом Бельтова». История показала, что дело обстояло как раз наоборот. Ленин сделал в своем философском развитии, пишет Плеханов

---

[1]) Для Карева например ленинизм — это тоже «марксизм на практике пролетарской революции... Больше всего был бы Ленин удивлен, если бы ему сказали, что он открывает новую эру в марксизме» («ПЗМ», 1924 г., № 4—5, стр. 241). Против постановки вопроса о ленинском этапе диалектического материализма Карев нашел этот «сногсшибательный» аргумент. Троцкистские контрабандисты, меньшевиствующие идеалисты и т. д. спекулируют на всем известной скромности Ленина. Ленин называл себя «рядовым марксистом» в философии в предисловии к той работе, которую т. Сталин вполне справедливо охарактеризовал как новый, высший этап развития диалектического материализма. Совсем наоборот обстоит дело со «скромностью» Деборина и Карева.

Деборин говорил, что именно он первый задолго до появления последних работ Энгельса и Ленина рассматривал закон единства противоположностей как всеобщий закон познания об'ективного мира, а не как сумму примеров. Карев заявлял, что у Маркса нет теории материалистической диалектики, а только «абрис диалектики», и читателям втолковывалось, что именно они вместе с Дебориным призваны историей создать теорию материалистической диалектики. На деле же они ревизовали диалектический материализм. Теперь уже совершенно очевидно доказано на практике, что идеология меньшевиствующего идеализма неизбежно в своем развитии приводит и действительно приц̧ела, например Стэна, на путь прямой контрреволюции и белогвардейщины. Вывод: надо добивать и добить и механицизм и меньшевиствующий идеализм.

учительским тоном, «несколько значительных шагов вперед», не замечая, что сам он, Плеханов, делал зато «шаги назад» [1]).

Как жестоко посмеялась история над этими булавочными уколами Плеханова! Ленин не считал нужным на них отвечать. Ленин и Сталин всегда подчеркивали, что принципиальная политика есть самая верная политика и отметали всякие дрязги, любовь к которым заложена в природе всякого оппортунизма. Ленин и Сталин доказывают об'ективным глубоким теоретическим анализом и принципиальной критикой, что Плеханов издевался над духом диалектического материализма в своей оппортунистической политике, тактике, в своей критике махизма. Ленин и Сталин всегда в противоположность вождям меньшевизма умели признавать даже и небольшие заслуги противников перед революционным движением в их прошлом. Так например Ленин и Сталин признают значительные философские заслуги Плеханова и его критику пошлостей ревизионизма, несмотря на ошибки и недостатки, имеющиеся даже в лучших работах Плеханова.

Разными путями меньшевистско-троцкистские оценки Ленина и ленинизма проникали в литературу, издаваемую советскими издательствами под флагом марксистских работ, усваивались и некритически воспринимались учащейся молодежью, а часто и неискушенными в марксистско-ленинской теории коммунистами. Большой исторической заслугой т. Сталина является разоблачение всех этих «оценок» в самом их корне, в «первоисточниках», при их возникновении. Необходимо подчеркнуть, что т. Сталин—единственный из учеников Ленина, кто первый вскрыл эти меньшевистские тенденции недооценки и прямого отрицания ленинизма и дал этим тенденциям отпор еще в 1924 г., поставив вопрос о месте Ленина и Плеханова в философии диалектического материализма, охарактеризовав ленинский этап развития империалистической диалектики.

Тов. Сталин показал, что об отношении партии и ее вождей к теории необходимо судить по действительной разработке вопросов революционной теории. Ленин и Сталин развивают марксизм применительно к новой эпохе. Вожди меньшевиков, в том числе и Плеханов, не сумели даже и подойти к тем вопросам марксизма и философии диалектического материализма, которые были разработаны Лениным.

Ведь именно Ленин после Маркса первый дал наиболее глубокое, блестящее, стройное, единственно правильное изложение марксизма в целом и изложение материалистической диалектики, материалистического понимания истории, экономической теории марксизма, теории научного коммунизма. Ленин первый дал ортодоксально-марксистскую, цельную и последовательную критику народничества, его философии, социологии, экономической теории и политики и в противоположность Плеханову сумел показать диалектику развития народничества, его прогрессивные и реакционные стороны и тенденции в развитии народничества.

---

[1]) После 1905 г. Плеханов всячески пытался приписать махизм как философское направление большевизму, несмотря на то, что ему прекрасно было известно отношение Ленина и большевиков к махизму. Вместе с тем Плеханов забывал упомянуть о махистах-меньшевиках, которые действительно выражали ликвидаторскую идеологию меньшевизма. Вместо принципиальной борьбы с действительными махистами Плеханов потешался над Лениным, изображая большевиков окружающими Ленина «ницшеанцами и махистами» и «сверхчеловеками», утратившими «способность к мышлению» (см. Плеханов, т. VIII, стр. 383). «Способность к мышлению» действительно утратили меньшевики во главе с Плехановым, скатившись к социал-шовинизму. Плеханов—яркий пример того, как «суб'ективная слепота» заводит даже очень умных людей в болото оппортунизма, как эту суб'ективную слепоту используют эксплоататорские классы.

Ленин дал беспощадную критику струвизма как отражения марксизма в буржуазной литературе в 1894 г., когда Плеханов еще даже не распознал в Струве врага марксизма.

Ленин первый после Маркса дал глубокое марксистское исследование капитализма в его конкретно-историческом развитии. Ленинская работа «Развитие капитализма в России» обогащает общую экономическую теорию марксизма, продолжает дело Маркса и Энгельса. Ленин создал теорию империализма, развил учение Маркса и Энгельса об экономике переходного периода, которое могло быть развито в период Маркса лишь в самых общих чертах.

Тов. Сталин особенно подробно изложил то новое, что вносит Ленин в учение Маркса—Энгельса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, ибо главным вопросом марксизма-ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является не крестьянский вопрос, как пытались доказать лидеры с.-д. уклона, а «вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления» [1]). Исходя из ленинского понимания единства теории и практики, т. Сталин доказал, что все стороны, все вопросы теории марксизма разрабатываются Лениным с точки зрения задач завоевания и укрепления диктатуры пролетариата как единственного пути к конечной цели рабочего класса — к коммунизму. Обоснованию и конкретизации этого вопроса Ленин и Сталин подчиняют всю теоретическую работу; с точки зрения условий завоевания и укрепления диктатуры пролетариата Ленин и Сталин подходят к любому вопросу теории, в том числе и философии. Характеризуя то новое, что Ленин внес в философию марксизма, т. Сталин писал: «Может быть наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно также, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина на счет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи» [2]).

Здесь т. Сталин дал установку для разработки философами-коммунистами ленинского философского наследства, указал его всемирно историческое значение. Эти, единственно правильные установки для разработки философии марксизма-ленинизма игнорировались механистами и деборинской группой. Однако часть коммунистов-философов поплелась в хвосте у механистов и меньшевиствующих идеалистов, отрицавших ленинский этап в развитии диалектического материализма, вульгаризаторски извращая и отрицая материалистическую диалектику Маркса — Ленина, понимая марксизм крайне схоластически-догматически и т. д. Мы здесь не будем останавливаться на содержании той работы, которую проделал Ленин в области философии, в области обобщения достижений науки от Маркса — Энгельса до наших дней. Мы остановимся на понимании т. Сталиным материалистической диалектики как развивающейся творческой философской науки, ибо именно благодаря та-

[1]) Сталин, Об основах ленинизма и К вопросам ленинизма, гл. I.
[2]) Сталин, Об основах ленинизма, гл. III.

кому пониманию т. Сталин преодолел и разоблачил все попытки отрицать ленинский этап материалистической диалектики. В частности отсутствие такого понимания у Бухарина и Преображенского привело их также к отрицанию ленинского этапа диалектического материализма. Не понимая того, что метод марксизма, его революционная диалектика есть наука и притом наука живая, развивающаяся, Преображенский и Бухарин приходили к механическому, метафизическому разрыву и противопоставлению идей марксизма его методу. Ленинизм, по утверждению Бухарина, развивает лишь «сумму идей» марксизма, но не его метод. В отношении же метода ленинизм, по мнению Бухарина, представляет «полный возврат к тому марксизму, который был сформулирован самим Марксом и Энгельсом» [1]).

То же самое писал и Преображенский [2]). Бухарин и Преображенский в своих определениях ленинизма обнаруживают, что они понимают диалектический метод Маркса и Энгельса как раз навсегда данную, неизменную, неразвивающуюся науку. «Противоречиво», но факт. Материалистическая диалектика—самое всестороннее, глубокое учение о развитии—оказывается, по мнению Бухарина и Преображенского, неспособной ни к какому развитию. Впрочем мы не сказали бы всей истины, если бы не отметили, что Бухарин претендовал все же на «развитие» теории марксизма и даже его метода, предлагая заменить материалистическую диалектику теорией равновесия, переложить диалектику с «мистического» языка, непонятного для метафизика-механиста, на «понятный» язык механики. Ленинизм же был лишь простым восстановлением метода Маркса как по Бухарину, так и по Преображенскому.

Преодолевая подобные взгляды, т. Сталин утверждал, что конечно диалектический метод Ленина есть восстановление полностью диалектического метода Маркса и Энгельса, но не только его восстановление, но и развитие и конкретизация этого метода. Сталин критикует неправильные определения сущности ленинизма диалектически, преодолевая их, а не просто отбрасывая в сторону, ибо в таком случае они продолжали бы сохраняться в целости и невредимости и широко распространяться. Именно в таком преодолении неправильных теорий, которое представляет положительную разработку вопросов марксизма, видел Ленин основную черту диалектической критики в отличие от критики «голой», не дающей взамен критикуемых взглядов никакого положительного, научного содержания.

Если Бухарин и Преображенский пришли на основе метафизического понимания метода Маркса к разрыву между совершенно неизменным методом и изменяющимися положениями или суммой идей марксизма, то Сталин преодолевает этот разрыв единственно правильным пониманием метода Маркса и Ленина, характера его развития и применения, правильным пониманием единства между методом марксизма-ленинизма и его мировоззрением. Применение метода Бухариным и Преображенским мыслится скорее по-кантиански, в духе механицизма и меньшевиствующего идеализма, чем в духе Маркса и Ленина. Метод у них применяется как неизменная схема, под эту схему они подводят все самые разнообразные и противоположные, качественно различные исторические процессы, явления, периоды, эпохи без всякого их изучения. Метод у них поэтому «оплодотворяет материал» по-кантиански тем, что вносит внутреннюю связь и форму в само по себе якобы бесформенное, бессвязное содержание явлений действительности.

Метод у них—это не отражение внутренней логики развития, законо-

---

[1]) Бухарин, Атака, стр. 255.
[2]) См. «Воинствующий материалист», кн. 2-я, стр. 44.

мерности процессов и явлений материальной действительности, а именно—априорная кантовская или гегелевская схема [1]).

Тов. Сталин преодолевает как этот метафизический, механический отрыв Бухариным и Преображенским метода марксизма-ленинизма от его мировоззрения, так и неумение отличать метод марксизма-ленинизма, его суть от буквы, от отдельных положений марксизма «цитатными марксистами» из социал-демократического уклона. Тов. Сталин устанавливает единство метода и мировоззрения марксизма-ленинизма, что предполагает понимание их различия, а тем более различия между методом и буквой отдельных положений марксизма.

Недопустимо подменять метод марксизма буквой его отдельных положений, взятых вне связи с конкретной исторической эпохой, к которой они относятся и для которой они правильны, говорит т. Сталин.

«Нужно уметь различать между буквой и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма. Ленину удалось открыть истину о победе социализма в одной стране потому, что он считал марксизм не догмой, а руководством к действию, он не был рабом буквы и умел схватывать главное, основное в марксизме [2]).

Лидеры социал-демократического уклона оказались именно рабами буквы марксизма, отказывающимися от его метода. Не имея мужества сказать правду относительно применимости положения Энгельса о невозможности победы социализма в одной стране в условиях империализма, ревизуя метод марксизма, они однако сами обвиняли партию в ревизионизме! Будучи рабами буквы отдельных положений марксизма, но не понимая и не умея применить его метода, они сами скатывались в болото ревизионизма, сами отрицали марксизм-ленинизм. «Не надо бояться правды,—говорил т. Сталин,—надо иметь мужество сказать правду, надо иметь мужество сказать открыто, что Ленин первый (подчеркнуто Сталиным) из марксистов, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле» [3]).

Тов. Сталин развивает и применяет одно из основных положений теории познания диалектического материализма о том, что вместе с развитием действительности мы должны развивать и познание этой действительности, если не хотим, чтобы теория превратилась в мертвую схему или догму и отстала от жизни.

«Нельзя требовать от Энгельса или Маркса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в период домонополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся спустя более чем полстолетие, в период развитого монополистического капитализма. Во-вторых, нет ничего удивительного в том, что Ленин как гениальный ученик Энгельса и Маркса сумел подметить новые возможности пролетарской революции в новых усло-

---

[1]) У Деборина «метод не является внешней формой вещей или внутренней формой понятия, а имманентной формой реальной действительности» («Ленин, как мыслитель», стр. 59). Чем мы хуже Гегеля! Метод не учение о развитии действительности и познания ее, а «имманентная форма самой действительности, душа всякой об'ективности», как говорит Гегель и вместе с ним Деборин.

[2]) Сталин, О социал-демократическом уклоне в нашей партии, сб. «Об оппозиции», стр. 380.

[3]) Там же.

виях развития капитализма и открыл таким образом истину о возможности победы социализма в одной стране».

Развивая эту же мысль и разбивая зиновьевский критерий ревизионизма, т. Сталин говорил: «По Зиновьеву выходит, что всякое уточнение старых формул или положений Маркса и Энгельса, а тем более замена их другими формулами, соответствующими новым условиям, есть ревизионизм. Почему, спрашивается? Разве марксизм не есть наука и разве наука не развивается, обогащаясь новым опытом и улучшая старые формулы?

Выходит таким образом, что мы имеем новый зиновьевский критерий ревизионизма, обрекающий марксистскую мысль на полную неподвижность под страхом обвинения в ревизионизме.

Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет перерабатывать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может» [1]).

Марксизм не может даже сохраниться как наука, если не будет развиваться, обогащаться опытом классовой борьбы пролетариата за коммунизм, говорит т. Сталин, ибо он превратится иначе в мертвую догму и перестанет быть подлинно революционной теорией, руководством для революционного преобразования мира.

Под знаменем творческого марксизма

Такое понимание марксизма как творческой теории развивающейся науки Сталин отстаивал всегда. Достаточно здесь сослаться хотя бы на блестящую отповедь, данную т. Сталиным в 1917 г. правым и троцкистам (Каменеву, Рыкову, Преображенскому и другим), отрицавшим возможность победы социалистической революции в России.

Рыков на апрельской конференции в 1917 г. спрашивал: «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота... принадлежит не нам. У нас нет сил, об'ективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма» [2]).

Рыков ждал, что «солнце социалистического переворота» взойдет не с востока, а с запада, не в России, а в более развитых капиталистических странах, как это полагалось по абстрактным схемам и догмам II интернационала. Оказалось, что солнце социалистического переворота все-таки взошло в России вопреки этим схемам, что «об'ективные условия» нашлись и, несмотря на «обывательский уровень» правых оппортунистов и троцкистов, инициатива социалистического переворота взята была большевиками в России. Оказалось, что прав был Ленин, назвавший эти взгляды «пародией на марксизм», что прав был Сталин вместе с Лениным, отстаивавший курс на мировую социалистическую революцию.

Тов. Сталин и в своих статьях (например «Национальный вопрос и марксизм», 1912 г.) и в речах отстаивал творческий ортодоксальный марксизм. На той же апрельской конференции партии в 1917 г. в противовес Рыкову, Каменеву и другим т. Сталин исходил из курса на мировую социалистическую

[1]) Сталин, Еще раз о социал-демократическом уклоне, сб. «Об оппозиции» стр. 510.

[2]) Петроградская и Всероссийская конференция РСДРП(б), стр. 72 стеногр. отчета.

революцию, которая может, по мнению т. Сталина, вопреки всем обычным представлениям «догматических марксистов» начаться в России. В связи с этим курсом на мировую революцию, в которой мостом между Востоком и Западом должна явиться Россия, т. Сталин рассматривает и национальный вопрос как часть вопроса о победе социалистической революции.

Руководя работами VI с'езда партии в 1917 г. при отсутствии Ленина на с'езде, т. Сталин отстаивает смело ленинскую перспективу социалистической революции в России, борясь с колебаниями правых и троцкистов.

Блестящий ответ дал т. Сталин в ответ на предложение Преображенского включить в конец политической резолюции троцкистский тезис о том, что мы можем начать социалистическую революцию «при наличии пролетарской революции на Западе».

«Я против такого окончания резолюции,—заявил т. Сталин.—Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»[1]).

Почему провалились предсказания правых? Потому, что они были догматиками, метафизиками, стояли за «марксизм» догматический. Почему блестяще оправдались предвидения и прогнозы Ленина и Сталина, их курс на мировую социалистическую революцию с началом в России? Потому, что они стояли на почве подлинного творческого марксизма, беспощадно борясь с мертвой схемой и догмой, требуя всегда конкретного анализа действительного развития.

В приведенном нами выше положении Сталина как раз и дано единственно правильное научное обоснование возможности успешного прорыва слабого звена империалистической цепи в 1917 г. именно в России на основе конкретного анализа исторического развития. База нашей революции оказалась действительно шире, чем в Западной Европе, где пролетариат в 1917 г. оказался лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве благодаря главным образом предательской политике лидеров и партий II интернационала. Эти лидеры и партии не готовили пролетариат к социалистической революции, и именно поэтому они не искали союзников для пролетариата в лице революционного движения крестьянства и наций угнетенных и колониальных стран. Благодаря предательской политике лидеров и партий II интернационала, благодаря отсутствию большевистских коммунистических партий, закаленных в боях с оппортунизмом, закаленных в битвах с буржуазией, западноевропейский пролетариат потерпел поражение в первом туре революций. К XV годовщине Октября дело коренным образом изменилось. Во главе международного пролетариата стоят Коминтерн и его руководящая партия, завоевавшая громадный авторитет среди пролетариев всего мира благодаря своему испытанному гениальному ленинскому руководству, благодаря своим революционному самоотвержению, геройству, преданности рабочему классу, благодаря блестя-

[1]) Сталин, На путях к Октябрю, стр. 109.

щим успехам и победам революции в гражданской войне и социалистическом строительстве.

На пороге наступающего нового тура революций и войн западноевропейский пролетариат уже не стоит в одиночестве лицом к лицу с буржуазией. Тем не менее положение, выставленное т. Сталиным накануне Октябрьской революции, имеет и сейчас громадное теоретическое и политически-практическое значение для партий Коммунистического интернационала.

Об'ясняя игнорирование крестьянского и национально-колониального вопросов со стороны II интернационала прежде всего его боязнью революции, отказом от диктатуры пролетариата, т. Сталин вместе с тем не ограничивался этим. Он давал анализ исторического своеобразия развития крестьянства в России и на Западе, направляя теоретическую мысль Коминтерна на изучение этого исторического своеобразия, на изучение того, каким образом должна строиться политика пролетариата в отношении различных слоев крестьянства. Чтобы поднять крестьянство на революцию, пролетариату надо учитывать историческое своеобразие и национальные особенности развития и суметь провести общие принципы коммунизма во всем мире. Разбивая «скептиков» социалистического строительства, меньшевистские метафизически-механистические схемы: «крестьянство есть крестьянство» и т. д., Сталин доказывал, что «нельзя смешивать крестьянство Советского союза с крестьянством Запада. Крестьянство, прошедшее школу трех революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее именно ввиду этого резервом пролетариата, — это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего ввиду этого резервом буржуазии» [1]).

Западноевропейские компартии не сумеют превратить это крестьянство из резерва буржуазии в резерв пролетариата, если они не ликвидируют последствий предательской политики II интернационала в крестьянском вопросе и если они не сумеют учесть историческое своеобразие развития отношений пролетариата и крестьянства в их странах, а будут лишь механически копировать тактику ВКП(б). Задача же в том, чтобы действовать в согласии с духом, направлением этой тактики, ее принципами. На новом этапе революции, в период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, т. Сталин снова возвращается к этому вопросу, указывая, почему западноевропейский пролетарий и коммунист, подходя к оценке возможностей и темпов перехода крестьянства на путь социалистического строительства в СССР, не может механически исходить из известного ему крестьянства Запада, ибо иначе он пришел бы к неверным выводам.

«В самом деле,— пишет т. Сталин,— что привязывало и будет привязывать мелкого крестьянина в Западной Европе к его мелкому товарному хозяйству? Прежде всего и главным образом наличие своего собственного клочка земли, наличие частной собственности на землю...

Можно ли сказать, что этот фактор в таком его виде продолжает дей-

---

[1]) Сталин, Об основах ленинизма, гл. V.

ствовать и у нас, в условиях советских порядков. Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать, так как у нас нет частной собственности на землю» [1]).

Отсюда т. Сталин выводил также необходимость особой осмотрительности для западноевропейских коммунистов в крестьянском вопросе. Сталин со всей резкостью поставил перед аграрниками-марксистами задачу вскрыть с должной ясностью эту разницу между положением крестьянина у нас и на Западе, ибо «такая работа имела бы величайшее значение не только для нас, советских работников, но и для коммунистов всех стран. Ибо для пролетарской революции в капиталистических странах не безразлично, придется ли там строить социализм с первых же дней взятия власти пролетариатом на базе национализации земли или без такой базы» [2]).

Мы здесь лишь кратко, в связи с учением т. Сталина о творческом характере марксизма, остановимся на его блестящем диалектическом анализе особенностей «Октябрьской революции и тактики русских коммунистов». Анализируя сочетание внешних и внутренних обстоятельств, создавших ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную легкость победы Октябрьской революции, т. Сталин дает вместе с тем руководящие указания для теоретической мысли и политики Коминтерна в отношении анализа условий и своеобразия развертывания пролетарских революций в каждой стране.

Он подчеркивает не только плюсы, но и минусы, не только положительные, но и отрицательные для большевиков моменты в международной и внутренней обстановке страны перед Октябрем.

«Чего стоит, например, такой минус, как известная одинокость Октябрьской революции, отсутствие возле нее и по соседству с ней советской страны, на которую она могла бы опереться? Несомненно, что будущая революция, например, в Германии, оказалась бы в этом отношении в более выгодном положении, ибо она имеет по соседству такую серьезную по своей силе страну, как наш Советский союз. Я уже не говорю о таком минусе Октябрьской революции, как отсутствие пролетарского большинства в стране» [3]).

Вскрывая все противоречия послевоенного развития капитализма, их своеобразие, т. Сталин подчеркивал, что они углубляются и обостряются фактом существования наряду с капиталистическими странами великой Республики советов, что только учтя все эти противоречия можно дать более или менее полную картину своеобразия международного положения, хода революции в будущем. «Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств, при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств...

Самый процесс отпадения от империализма новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране» [4]).

Диалектика развития мировой революции, вскрытая блестяще т. Сталиным в борьбе с троцкизмом, заключается в том, что «не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения миро-

---

[1]) Сталин, К вопросам аграрной политики в СССР, гл. III.
[2]) Там же.
[3]) Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, гл. I.
[4]) Там же.

вого империализма», причем «характерная особенность этой помощи со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускорит победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает окончательную победу социализма в первой победившей стране».

Каждое слово этих положений т. Сталина буквально подтверждается всем современным развитием империализма, вернее его загниванием и кризисом, ростом революционного под'ема, концом частичной стабилизации капитализма, революцией в Испании, развертыванием советской революции в Китае, гигантскими победами социализма в СССР, укрепившемся окончательно на социалистическом пути, наступлением нового тура революций и войн.

«Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она представляет первый этап мировой революции и мощную базу ее дальнейшего развертывания» [1]).

Победа Октябрьской революции пятнадцать лет тому назад есть вместе с тем победа ортодоксального творческого марксизма, победа ленинизма. За первой победой в Октябре партия одерживала в течение пятнадцати лет не менее великие победы, увенчав их вступлением в период социализма, завершением фундамента социалистической экономики, победой первой пятилетки, переходом к полной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще и к осуществлению грандиозных задач второй пятилетки—построению бесклассового социалистического общества.

Под знаменем ортодоксального творческого марксизма, под знаменем ленинизма от первого этапа мировой революции—ко второму туру революций и войн, от октября 1917 г.—к мировому Октябрю под руководством ВКП(б) и Коминтерна и его испытанного боевого вождя т. Сталина — таков наш великий путь.

* * *

Все оппортунисты, ревизионисты превращали марксизм из творческого, революционного в догматический, а потом сами кричали о догматизме ортодоксального марксизма, признавали его «недостаточным», «опровергнутым» и «дополняли» и «исправляли» его различными буржуазными теориями. Марксизм творческий, революционный, то есть подлинный марксизм, не нуждается в этом. Марксизм постоянно обогащается опытом революционного движения пролетариата, развивается в неразрывной связи и на основе революционного движения. Таково учение Ленина и Сталина, таково единственно ортодоксальное понимание марксизма и его развития.

Марксизм развивается во всех своих частях, ибо он является цельным, стройным, последовательно развитым учением, проникнутым материалистической диалектикой. Сталь марксистского миросозерцания не подчиняется ревизионистским дополнениям. «В этой философии марксизма, вылитой из куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от об'ективной истины, не впадая в об'ятия буржуазно-реакционной лжи» [2]).

Марксизм может только развиваться. Никаких «новых принципов» Ленин не «прибавлял» к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из «старых» принципов марксизма, говорит т. Сталин. Ленин был и остается самым верным последователем Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь прак-

[1]) Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, гл. IV.
[2]) Ленин, т. X, стр. 275, изд. 1-е.

тиком, как изображают дело Карев, Деборин и т. д. Ленин «развил дальше учение Маркса и Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом. Это новое базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом» [1]).

В этом определении ленинского этапа развития марксизма Сталин указывает основное звено и ключ к пониманию того нового, что Ленин вносит в развитие материалистической диалектики. Это новое обусловлено и закономерно связано с новой эпохой, с развитием классовой борьбы, науки и самой философии в условиях эпохи империализма и пролетарской революции, оно представляет собой философское обобщение всего совокупного общественного и научного развития и критику всех антиматериалистических течений.

Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Ленин развивает все принципы марксизма применительно к новой эпохе, но не вносит никаких «новых принципов». Тов. Сталин отрицает и пресекает в корне всякие попытки оторвать и противопоставить марксизм ленинизму. Он разбивает все попытки превратить принципы марксизма, являющиеся «руководством для действия» в мертвые схемы и догмы. Принципы марксизма должны развиваться и применяться к новой обстановке — в этом суть диалектического понимания марксизма и его развития. Это понимание материалистической диалектики и марксизма в целом как творческой и развивающейся науки, как творческого, революционного метода у Сталина связано неразрывно с пониманием единства революционной теории и практики в марксизме-ленинизме. Одним из существенных, основных принципов диалектического материализма и марксизма в целом является единство теории и практики, которое «мешает» нашим знаниям превращаться в абсолют, в мертвую схему, в догму. Вот почему т. Сталин обращает так много внимания именно на эту сторону диалектического метода. И это не случайно. По линии разрыва теории и практики марксизма шла в основном ревизия марксизма и его революционной диалектики со стороны II интернационала.

Материалистическая диалектика и революционная тактика

Марксизм-ленинизм видит один из основных недостатков старого материализма в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности... «а без этой стороны материализма,— говорит Ленин,— Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным». Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял «в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания» [2]).

Именно эта «сторона» диалектического материализма Маркса, которая связана с учением о революционной тактике, подвергается наибольшему развитию и разработке Лениным и Сталиным. И это совершенно не случайно. Ленин и Сталин учат тому, как с изменением конкретной социально-политической обстановки изменяются задачи, формы

[1]) Сталин, Беседа с первой американской рабочей делегацией, «Вопросы ленинизма», стр. 323.

[2]) Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм.

организации и тактика рабочего движения, подчиняясь всегда конечной цели рабочего класса — социализму как закону своего движения. Ленин и Сталин учат, что вместе с изменением обстановки и задач рабочего движения в марксизме как живой, развивающейся, творческой науке выдвигаются на первый план и должны особо развиваться его различные стороны.

Анализируя период первой русской революции (1904—1907 гг.), Ленин писал, что эта эпоха «не случайно, а необходимо выдвинула на первый план в марксизме вопросы, которые принято называть вопросами тактики» [1]).

Следующий период (1907—1910 гг.) — период реакции — поставил перед марксистской теорией задачу переварить невиданно богатые уроки первой русской революции, заставил взяться за основные проблемы философии марксизма, за борьбу против ревизии наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. Этот период поставил перед марксистами задачу отстаивания, а вместе с тем и развития философских основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон путем распространения буржуазного влияния разными попутчиками марксизма. В период реакции обнаружилось ярко, что попутчики марксизма «усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов» [2]).

Ленин имеет тут в виду главным образом отзовистов-махистов, в частности Богданова, принявшего и проводившего в период 1905 г. ленинскую большевистскую тактику, но в период реакции не сумевшего вследствие своей махистской философии разобраться в новой обстановке. Пока Богданов не пытался «самостоятельно» вырабатывать политическую и тактическую линию рабочего движения и принимал революционную тактику большевизма, он шел вместе с большевизмом. Но расхождение его с философией марксизма рано или поздно должно было привести и привело к попытке строить иную тактику, отличную от большевизма и «согласовавшуюся» с усвоенной им махистской, суб'ективно-идеалистической философией.

Политическая и тактическая линия марксизма неразрывно связана с его философскими основами, с революционной диалектикой, говорил не раз Ленин. Ленинское учение о единстве революционной теории и практики получает особо яркое выражение и развитие в учении о революционной стратегии и тактике большевизма.

В основе революционной стратегии и тактики большевизма в качестве коренного теоретического основания тактики положена диалектическая логика марксизма-ленинизма.

Наше учение не догма, а руководство для действия, постоянно подчеркивают Маркс—Энгельс, Ленин и Сталин. «В этом классическом положении с поразительной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду, а упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом повороте истории» [3]). Это уродование марксизма совершают и механисты и меньшевиствующие идеалисты.

---

[1]) Ленин, О некоторых особенностях исторического развития марксизма, т. XV, стр. 73, изд. 3-е.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

Большевизм, по утверждению Сталина, стоит на почве творческого марксизма, беспощадно разоблачая догмы II интернационала. Для большевиков марксизм не мертвая схема и догма, не какое-либо раз навсегда данное, застывшее учение, а живое руководство для действия; большевизм развивает марксизм в связи с определенными практическими задачами эпохи, в связи с историческими задачами пролетариата; именно поэтому марксизм отражает в себе, в своем развитии глубокую смену условий общественного развития. Именно поэтому определение т. Сталиным ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции является единственно правильным, глубоко историческим, диалектическим определением. Оно показывает, в каком направлении необходимо разрабатывать вопросы ленинизма, не подрывая связи его с определенными практическими задачами пролетариата в нашу эпоху. Марксизм в своем развитии должен был отразить и отразил именно в ленинизме особенно глубокую, грандиозную историческую смену условий общественной жизни, которая открыта великой Октябрьской революцией 1917 г. и продолжается уже 15 лет. Ведь Октябрьская революция является началом новой эры в истории, эры подлинно мировой истории человечества. Она кладет конец предистории человечества и выводит большинство трудящегося человечества из животных условий существования, в которых оно до сих пор находилось, в подлинно человеческие условия жизни. Эта новая эра в истории открыта по геройской инициативе революционного пролетариата СССР и его стального авангарда — большевистской партии, во главе с Лениным и Сталиным, под знаменем творческого марксизма-ленинизма.

Вся теоретическая работа и практическое руководство т. Сталина — блестящий образец осуществления и развития творческого учения Маркса и Ленина применительно к новым задачам нашей эпохи.

Тов. Сталин в борьбе с правыми и троцкистами в 1917 г. и в борьбе с социал-демократическим уклоном в ВКП(б) и Коминтерне бичевал схоластику, метафизику и «цитатный», «догматический марксизм», доказывал, что марксизм — не догма, а живая развивающаяся наука, и с революционной смелостью вождя большевиков развертывал ленинское учение, развивал его и поднял на недосягаемую высоту. Развивая ту или иную сторону учения Ленина, т. Сталин всегда находит центральное звено, за которое нужно взяться, чтобы решить историческую задачу рабочего класса, и этой задаче т. Сталин подчиняет и теоретическую работу. Все выступления т. Сталина по вопросам разработки теории, все теоретические работы т. Сталина являются убийственной критикой узколобого практицизма, хвостизма и теоретического ликвидаторства, идущего со стороны механицизма и правого оппортунизма, беспощадной критикой схоластики, отрыва теории от революционной практики, отставания теоретической работы на том или другом участке фронта классовой борьбы пролетариата. Требования, пред'являемые к марксистско-ленинской теории и ее разработке, гигантски повысились, усложнились задачи, стоящие перед ней, требуется гораздо больше по количеству и качеству кадров, овладевших теорией марксизма-ленинизма, чтобы выполнить грандиозные исторические задачи, еще никогда так вплотную не стоявшие перед пролетариатом. В лице т. Сталина ВКП(б) и Коминтерн имеют достойного преемника Ленина, вождя, владеющего острейшим орудием марксизма-ленинизма в совершенстве, ведущего партию и пролетариата бесстрашно и смело к выполнению исторических задач рабочего класса.

Достаточно указать хотя бы на то, как партия и Коминтерн под руководством т. Сталина разгромили троцкизм, социал-демократический, правый

и «левый» уклоны в ВКП(б) и Коминтерне и добились полной победы ленинизма. Достаточно напомнить, с какой революционной последовательностью, беспощадной логикой и теоретической смелостью т. Сталин разбил и разоблачил троцкистско-меньшевистские предрассудки и капитулянтские, ренегатские идейки о невозможности построения социализма в одной стране, находящейся в капиталистическом окружении. Эти идейки обильно прикрывались революционной фразой и авторитетом Маркса и Энгельса. Тов. Сталин развернул положения Ленина периода 1915—1917 гг., а также его последних статей о возможности победы и построения социализма в отдельных странах в цельное, стройное, последовательно в духе ленинизма развитое учение о построении социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения. Околопартийным обывателям и «большевикам», стоящим на почве «цитатного, догматического», т. е. фальсифицированного, марксизма, это показалось до того неслыханным, дерзким, невозможным, они так испугались грандиозных исторических перспектив и стратегического плана революции, развернутого т. Сталиным, что поспешили «спасаться» с большевистского корабля. Но курс, данный ленинским ЦК во главе с т. Сталиным в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, уже привел к решающим успехам и победам. Мы не будем здесь о них распространяться, так как они известны всем. В борьбе с социал-демократическим уклоном в ВКП(б) и КИ т. Сталин дал глубокий диалектический анализ законов развития большевистской партии на основе диалектического обобщения всей истории большевизма. Намечая широкую революционную перспективу, т. Сталин вместе с тем умеет в каждый данный исторический момент указать то главное, центральное, что необходимо для достижения конечной цели. Он умеет выбрать такой момент, когда необходимо со всей силой обрушиться на те или иные теории, засоряющие головы революционеров, подготовляя таким образом все для того, чтобы партия могла успешно выполнить ту или иную задачу, взяться например не только за критику, а и за «выкорчевывание теорий, приобревших прочность предрассудков» [1]).

Неслучайно т. Сталин в годы великого перелома, в период ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, в период выкорчевывания корней капитализма поставил также задачу выкорчевывания и разных буржуазных, кулацких теорий и т. д., поставил по-новому вопрос о нэпе, о классах, об укладах в СССР, развил учение о ликвидации кулачества как класса, учение о социалистической природе колхозов, о новых формах классовой борьбы, о последнем этапе нэпа и вступлении в период социализма, о завершении фундамента социалистической экономики, развернув во всей широте величайший план большевистского наступления. Сталин развивает все стороны учения Ленина, все вопросы ленинизма в неразрывной связи с задачами, стоящими перед революцией на данном этапе, развивает их в духе марксизма-ленинизма. Поэтому для успешного вооружения всех работников ВКП(б) и Коминтерна революционной теорией имеет громадное значение серьезное изучение всех работ т. Сталина по вопросам теории революции и диктатуры пролетариата со всеми сюда непосредственно относящимися вопросами, изучение вопросов экономической теории марксизма-ленинизма (теории империализма, переходного периода), вопросов материалистической диалектики и ее применения в научной и практической революционной работе.

Давая характеристику ленинизма, т. Сталин вместе с тем об'яснил, какие именно стороны марксизма и почему должен был развивать и развивал

[1]) Сталин, К вопросам аграрной политики в СССР.

ленинизм. Тов. Сталин говорил, что Маркс и Энгельс подвизались в эпоху, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью, она делала лишь свои первые попытки, развивала свои силы, доказывая свою необходимость. Это был период подготовки пролетарской революции, но не период умирающего капитализма, не период империализма как канун социалистической революции, а период восходящего капитализма. Ленин же руководил рабочим движением именно «в период кануна социалистической революции, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма... Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма»[1]).

Тов. Сталин подчеркивает, что отправным пунктом ленинизма, его фундаментом, является вопрос о диктатуре пролетариата, что главное в ленинизме состоит в разработке и конкретизации этого вопроса, что задачам завоевания и укрепления диктатуры пролетариата, победе коммунизма подчинены у Ленина все его теоретические, в том числе и философские, работы. Ленинизм в целом дает научное обоснование и разработку всех вопросов пролетарской революции и диктатуры пролетариата как целой эпохи. Маркс говорил, что коммунист — это «практический материалист», материалист-революционер, ставящий своей задачей не только об'яснение мира, но и изменение его, подчиняющий этой задаче свою деятельность, свое исследование и изучение мира. Практический революционный материализм — это научный коммунизм в отличие от утопического социализма, имеющего теоретической основой созерцательный материализм или даже идеализм (идеализм в понимании истории).

Тот, кто не понимает связи между диалектическим материализмом и научным коммунизмом, тот не понимает ни коммунизма, ни диалектического материализма. В марксизме-ленинизме центральным пунктом является вопрос о достижении конечной цели рабочего движения — коммунизма, а это и есть вопрос о диктатуре пролетариата, условиях ее завоевания, вопрос об исторических задачах диктатуры пролетариата как единственном пути от капитализма к коммунизму. В этом центральном пункте резюмируются все выводы марксизма в целом и его каждой составной части: выводы диалектического и исторического материализма, политической экономии и научного социализма. Положение Ленина и Сталина о диктатуре пролетариата как центральном и главном пункте марксизма подытоживает и диалектически обобщает всю историю общественного развития, всю историю рабочего движения, всю историю борьбы с оппортунизмом, ревизионизмом и социал-фашизмом. Ведь главным пунктом нападения ревизионизма и социал-фашизма является учение о диктатуре пролетариата, связанное с практической борьбой против пролетарской диктатуры в самых различных формах. Эта борьба с теорией и практикой диктатуры пролетариата неразрывно сопровождалась также нападением на «коренное теоретическое основание марксизма», его материалистическую диалектику, что представляло собой в конце концов форму борьбы против революционной линии коммунизма, против курса на диктатуру пролетариата.

Тот, кто отрицал диктатуру пролетариата, тот должен был притти также к отрицанию материалистической диалектики, ибо выводы диалектического материализма, доведенные последовательно до конца, до практиче-

[1]) Сталин, Об основах ленинизма, стр. 6 и 7.
[2]) Там же.

ских исторических задач революционного класса — пролетариата, логически приводят к признанию исторической необходимости диктатуры пролетариата.

Меньшевиствующий идеализм также пытается отрицать диктатуру пролетариата как главное в марксизме, разрывая и противопоставляя друг другу диалектический материализм и учение о диктатуре пролетариата. Критикуя Бухарина с позиций меньшевиствующего идеализма, Карев например писал, что «одного указания на учение о диктатуре пролетариата недостаточно для определения «души» марксовского учения в целом» [1]).

Карев милостиво соглашается признать, что диктатура пролетариата представляет лишь «душу» теории классовой борьбы Маркса. Карев считает, что определение диктатуры пролетариата как главного в марксизме есть «отвлечение от философских основ» марксизма. В этом Карев полностью сходится с Бухариным, который также «полагает», что можно определять учение о диктатуре пролетариата как душу марксизма и вместе с тем «отвлекаться» от материалистической диалектики. Различие лишь в том, что, «отвлекаясь» от материалистической диалектики, Бухарин заменяет ее механицизмом и теорией равновесия, а Карев — меньшевиствующим идеализмом и схоластикой. Из каревского «опровержения» главного в марксизме вытекает, что материалистическая диалектика не приводит якобы в своем последовательном применении и развитии с необходимостью к учению о диктатуре пролетариата.

Необходимо дать также отпор вульгаризации и схоластическому извращению положения Ленина и Сталина о главном в марксизме.

Когда некоторые «горе-теоретики» определяли ленинский этап материалистической диалектики как учение о диктатуре пролетариата, то они, мягко говоря, выражали свое удивительное невежество и непонимание — «что к чему», а об'ективно это означало не только попытку отрицать ленинский этап в развитии материалистической диалектики, но и механистическое сведение материалистической диалектики к теории диктатуры пролетариата, отрицание философских основ марксизма. Глубокое, правильное освещение сущности ленинского этапа материалистической диалектики дано Сталиным.

Сталин ясно говорит, что ленинский этап материалистической диалектики состоит в обобщении по материалистической философии всего наиболее важного из того, что дано развитием всей науки, в том числе и развитием естествознания за период от Энгельса и Ленина, и во всесторонней критике антиматериалистических течений среди марксистов.

Это выразилось у Ленина в дальнейшей разработке материалистической диалектики как философской науки, в разработке вопросов единства диалектики, логики, теории познания, законов материалистической диалектики, особенно закона единства противоположностей как ядра диалектики.

«Горе-теоретики», игнорирующие это освещение ленинского этапа т. Сталиным, неизбежно скатятся к социал-демократическим, позитивистским ограничениям марксизма одной областью социальных наук, сведением марксизма к социальной теории (М. Адлер, Троцкий и другие), к отказу от борьбы за диалектический материализм в области естествознания, к капитуляции перед идеализмом (позитивизмом) буржуазных естествоиспытателей, заявляющих, что философия марксизма — диалектический материализм — неприменима к естествознанию.

Тов. Сталин продолжает дело Ленина в условиях победоносного социа-

[1]) Карев, К вопросам о теоретических корнях правого уклона.

листического строительства в СССР и борьбы двух систем: капитализма и социализма. Развивая и разрабатывая все вопросы марксизма-ленинизма, он конечно особое внимание уделяет разработке тех сторон марксистско-ленинской теории, которые выдвигаются на первый план всей этой эпохой.

В работах Ленина и Сталина по вопросам революционной стратегии и тактики мы находим особенно важную для данного периода развития социализма в СССР и для периода подготовки пролетариата капиталистических стран к революции сторону материалистической диалектики как теории познания — учение о политическом просвещении масс, об их социалистическом воспитании на основе их революционной и социалистической практики. Тут ставится проблема познания массами своих задач в грандиозном историческом масштабе, переваривание богатейшего опыта революции и социалистического строительства, проблема культурной революции — без этого немыслимы дальнейшие успехи социалистического строительства и мировой коммунистической революции. Стратегическое и тактическое руководство большевизма по учению Ленина и Сталина состоит в том, чтобы не только авангард сознал невозможность старых, капиталистических порядков и неизбежность их ниспровержения. Дело идет о том, чтобы миллионные массы поняли эту неизбежность и проявили готовность поддержать авангард. Но понять это массы не могут без собственного опыта. Дать миллионным массам возможность распознать на своем собственном опыте неизбежность свержения старой власти, выдвинуть такие лозунги и способы борьбы и такие формы организации, которые бы «облегчили массам на опыте распознать правильность революционных лозунгов» — в этом задача всех коммунистических партий в борьбе за установление пролетарской диктатуры [1]).

Громадное значение этих указаний Ленина и Сталина особенно сейчас для всех компартий очевидно и не требует доказательств. Сталин учит на опыте большевизма другие компартии, как большевики облегчали массам на собственном опыте «распознать никчемность думы, лживость кадетских обещаний, неизбежность союза крестьянства с рабочим классом» [2]). Ленин и Сталин учат, что с одним авангардом победить в революции нельзя; для этого необходимо, чтобы весь класс или решающее большинство класса заняло позицию либо прямой поддержки, либо благожелательного нейтралитета (крестьянство), а для этого одной агитации мало, нужен политический опыт самих масс — таков основной закон всех великих революций. Компартии должны уметь подвести массы к событиям так, чтобы они этот опыт могли получить. «Не только некультурным, часто безграмотным массам России, но и высоко культурным, поголовно грамотным массам Германии» — учат Ленин и Сталин, — требуется испытать «на собственной шкуре все бессилие, всю бесхарактерность, всю беспомощность, все лакейство перед буржуазией, всю подлость правительства рыцарей II интернационала, всю неизбежность диктатуры крайних реакционеров (Корнилов в России, Капп и К° в Германии), как единственный альтернатив по отношению к диктатуре пролетариата, чтобы

[1]) Сталин, Об основах ленинизма, ч. 7-я.
[2]) Там же.

решительно повернуть к коммунизму»[1]). Достаточно взять эти положения применительно к любой компартии, например компартии Германии, чтобы увидеть всю глубину и правоту этих положений, чтобы найти ключ к решению основных задач германской компартии по руководству массами, конечно на основе конкретного анализа положения. Но эти положения, подчеркиваемые Лениным и Сталиным, искажаются оппортунистами в духе фатализма, хвостизма в том смысле, что рабочий класс-де должен обязательно пройти через фашистскую диктатуру, чтобы осознать необходимость революции, что поэтому незачем-де бороться против наступления фашистской диктатуры! Это — социал-фашистское извращение ленинизма. Суть же положения Ленина и Сталина в том, что компартии должны неустанно раз'яснять массам на основе их опыта всю неизбежность диктатуры фашизма, если пролетариат не покончит с умеренным крылом и с близнецом фашизма — контрреволюционным социал-фашизмом, если он не будет бороться за диктатуру пролетариата. Руководство партии массами основывается Лениным и Сталиным на применении в революционной тактике рабочего класса диалектики как теории познания и действия.

«Что значит руководить, если политика партии правильна, а правильные отношения между авангардом и классом не нарушаются? Руководить при таких условиях — значит уметь убеждать массы в правильности политики партии, выдвигать и проводить такие лозунги, которые подводят массы к позиции партии и облегчают им распознать на своем собственном опыте правильность политики партии, и обеспечить таким образом поддержку масс, их готовность к решительной борьбе. Поэтому метод убеждения является основным методом руководства партии классом»[2]).

Материалистическая диалектика как теория познания марксизма-ленинизма и как руководство для революционного действия находит себе всестороннее развитие, разработку и применение в работах Ленина и Сталина о стратегии и тактике пролетарской революции.

Ленин говорил, что «лишь об'ективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, следовательно, и учет об'ективной ступени развития этого общества (и учет взаимоотношений между ними и другими обществами) может служить опорой правильности тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических событиях,— писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет». На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту об'ективно-неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности пере-

[1]) Сталин, Об основах ленинизма. Ленин, т. XVII, стр. 173, изд. 1-е, цит. по Сталину «Об основах ленинизма», гл. 7-я.

[2]) Сталин, К вопросам ленинизма. Гл. V, разрядка т. Сталина.

дового класса эпохи политического застоя или черепашьего так называемого «мирного» развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении конечной цели движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, концентрирующие в себе по 20 лет»[1]).

В этих положениях Ленина с гениальной глубиной изложены основы революционной тактики, ее диалектики. Этой стороне материалистической диалектики т. Сталин уделяет громадное внимание, эта сторона ленинской диалектики разрабатывается у т. Сталина особенно полно, всесторонне, глубоко, превращается в целое учение, в науку о стратегии и тактике пролетарской революции. Эту сторону разработки диалектики в работах т. Сталина мы должны особо изучать, это такая «существенная сторона» ленинского этапа материалистической диалектики, которая приобретает громаднейшее значение именно в нашу исключительно сложную эпоху, когда действительно каждый день равен 20, а то и бо́льшему количеству лет эпохи медленной эволюции. В нашу эпоху особое значение приобретает именно проблема познания самими массами законов общественного развития, познания законов ими творимой истории. А массы творят свою историю свободно и сознательно впервые в истории, в первой стране социализма — в СССР. Познание массами законов истории приобретает все бо́льшее значение по мере того, как они все ближе подводятся всей обстановкой загнивающего послевоенного империализма к прямому штурму капитализма, к установлению диктатуры пролетариата во всех странах, по мере успехов социалистического, планового, т. е. сознательно создаваемого и регулируемого хозяйства СССР. Уроки Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР научили кое-чему и мировую буржуазию. Чтобы победить во втором туре наступающих революций и войн, рабочее движение должно подняться на новую, высшую ступень, усвоить и переварить опыт пятнадцати лет Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР, с одной стороны, и уроки кровавой фашистской диктатуры в капиталистических странах — с другой.

Надо ли говорить о той громадной партийной ответственности, которая стоит перед коммунистами-теоретиками в деле обеспечения условий усвоения, переваривания и использования пролетарскими массами всего мира в духе ленинизма богатейшего опыта пролетарской революции и 15 лет пролетарской диктатуры в СССР. Мы тем успешнее выполним свои задачи, чем лучше усвоим то единственно правильное понимание ленинизма, которое дано т. Сталиным и которое им развивается как живое многогранное творческое учение в неразрывной связи с задачами пролетариата в нашу исключительную революционную эпоху.

[1]) Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм.

Преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей

Н. Бобровников

I

Коммунистическая партия под руководством своего вождя т. Сталина поставила основной политической задачей второй пятилетки «окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» (резолюция XVII партконференции).

Это решение XVII партконференции намечает как одну из важнейших задач второй пятилетки задачу социалистического перевоспитания трудящихся масс. Построение социализма, предполагая уничтожение классов и причин, порождающих классовые различия, т. е. уничтожение частной собственности на средства производства, требует и переделки самих людей в духе социализма, требует преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Нельзя думать, что можно строить социализм, не воспитывая массы в духе социализма. Социализм—это дело самих трудящихся масс во главе с рабочим классом, руководимым коммунистической партией. Новые, социалистические производственные отношения в промышленности и в сельском хозяйстве, новые, социалистические отношения между городом и деревней не могут внедряться и развиваться вне и без самих непосредственных производителей, т. е. без активного участия трудящихся масс. Новое отношение к труду, новое отношение к производству не может иметь места, если рабочий класс не изменил своего отношения к средствам производства и если он не осознал социалистического характера производства. Развитие коллективных, социалистических форм в сельском хозяйстве неосуществимо, если трудящиеся массы крестьянства не осознали и не убедились на опыте в преимуществах коллективных форм хозяйства.

Партия всегда боролась против «лево»-оппортунистического насаждения социализма «сверху», административным путем. С другой стороны, партия всегда боролась против главной опасности, против правооппортунистических теорий и практики самотека в социалистическом строительстве. Партия всегда боролась за руководство массами, за сознательную дисциплину.

Отдельные этапы этой воспитательной работы, конкретные формы и средства ее обуславливаются каждый раз историческими достижениями и конкретными формами борьбы рабочего класса за свои конечные цели. В доре-

волюционное время, когда пролетариат боролся против союза дворянско-помещичьей диктатуры с буржуазией, не стояла и не могла стоять задача воспитания масс в духе нового отношения к труду. Эта задача была поставлена партией, когда рабочий класс захватил политическую власть в свои руки, экспроприировал экспроприаторов и приступил к обобществлению средств производства. Однако и в период диктатуры пролетариата воспитание масс в духе социализма, в духе нового отношения к труду, к производству, в духе непримиримой борьбы ко всему старому, эксплоататорскому и т. д. проходит определенные исторические этапы, обусловленные достижениями социалистического строительства.

Неслучайно XVII партконференция, подводя итоги достижениям первой пятилетки и намечая перспективы второй пятилетки, поставила как конкретную задачу последней задачу преодоления буржуазных пережитков в экономике и сознании людей. Ко времени XVII партконференции социализм в нашей стране одержал решающие успехи. Эти успехи нашли свое выражение в том, что «создана база социалистической крупной промышленности» и «тем самым создана собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства». В сельском хозяйстве «произошел коренной перелом, выразившийся в окончательном повороте к социализму бедняцко-середняцких масс деревни. Господствующее положение в сельском хозяйстве заняли социалистические формы (колхозы, совхозы). Советский союз из страны мелкого и мельчайшего земледелия превратился в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники» (резолюция XVII партконференции).

Эта победа социализма в области промышленности и в области сельского хозяйства окончательно подорвала корни капитализма в нашей стране. Абсолютное преобладание социалистических элементов над остатками капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве означает полную и бесповоротную победу социализма над капитализмом в городе и деревне и создает предпосылки для полной ликвидации капиталистических элементов и уничтожения классов во второй пятилетке.

Таким образом задача социалистического перевоспитания трудящихся масс во второй пятилетке подготовлена всем предшествующим развитием социализма в нашей стране и является составной органической частью общей задачи полного уничтожения частной собственности на средства производства, а следовательно и классов.

II

Марксизм-ленинизм всегда рассматривал культурную революцию как составную часть пролетарской социалистической революции вообще. А такая важнейшая задача культурной революции, как переделка людей в духе новой, социалистической культуры, может быть осуществлена только на основе и в процессе социалистического строительства и революционной борьбы пролетариата за свои конечные цели — за построение бесклассового коммунистического общества. Такое понимание вопросов культуры вытекает из последовательно материалистического и последовательно революционного учения Маркса—Ленина о законах общественного развития. «Как для массового порождения коммунистического сознания, так и для выполнения самого дела (т. е. построения коммунистического общества.—*Н. Б.*) необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции; следовательно, революция необходима не только потому,

что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество» (Маркс и Энгельс, «О Фейербахе», Архив, кн. I, стр. 226—227). Итак, для построения социализма, учат Маркс и Энгельс, необходима массовая переделка людей. Массовая же переделка людей возможна только в практическом движении, в революции.

Значение этих указаний—и без того ясных—поднимается еще больше, если принять во внимание, что они составляют основное положение диалектико-материалистического мировоззрения Маркса и Энгельса, итог материалистического понимания общественного развития, итог теоретического обобщения революционного опыта классовой борьбы. Насколько это действительно так, показывают следующие строки того же произведения Маркса и Энгельса: «Итак,— пишут дальше Маркс и Энгельс,— эта концепция истории основывается на том, чтобы, исходя из материального производства непосредственной жизни, развить действительный процесс производства и рассматривать связанную с этим способом производства и порождаемую им форму сношения, т. е. гражданское общество, на его различных ступенях, как основу всей истории, изобразив его в его действии, как государство, и об'яснив из него все различные теоретические продукты и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д... Эта концепция, в отличие от идеалистического понимания истории, не вынуждена гнаться в каждую эпоху за какой-то категорией, она остается постоянно на почве реальной истории, не об'ясняя практику из идей, а об'ясняя идейные формации из материальной практики; в связи с этим она приходит к тому результату, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением в «самосознании» или превращением в «привидения», «призраки», «причуды» и т. д., а лишь практическим переворотом в реальных общественных отношениях, из которых произошли все эти идеалистические выверты; не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории» (там же, стр. 227).

Это диалектико-материалистическое учение Маркса—Энгельса о практически-революционной основе в изменении форм и содержания сознания людей воспринято и развито дальше т. Лениным и т. Сталиным.

В целом ряде произведений и в особенности в знаменитой речи на III с'езде комсомола В. И. Ленин, касаясь вопроса о коммунистическом воспитании молодежи, конкретизировал и развил учение Маркса—Энгельса о значении революционно-практической деятельности в деле формирования коммунистического сознания. Со всей силой гения и вождя класса, строящего новое, социалистическое общество, В. И. Ленин намечает в этой статье конкретные задачи и пути воспитания нового поколения в духе коммунизма. Подчеркнув великое значение теории, указав, что «коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», В. И. Ленин определил вместе с тем и то, что коренным образом отличает коммунистическое образование от образования в эксплоататорских обществах. Если в старом обществе образование представляло муштру, дрессировку людей, чтобы создать из них послушных чиновников для господствующего класса, то коммунистическое образование ставит совершенно иную задачу, а именно—задачу создать поколение всесторонне развитых людей, об'единенных сознательной дисциплиной, ненавистью к эксплоататорам и сознательной волей к строительству нового общества. Но такие задачи предполагают, что образование и воспитание не могут

вестись по-старому, оторванно от общественной практики, от производительного труда и революционной борьбы за построение нового общества.

Марксистско-ленинское учение, указывая на практическую—производственную и революционную—основу воспитания и перевоспитания людей, не только не снижает роли теории и обучения, но, напротив, всемерно подчеркивает эту роль. Значение теории и обучения состоит в том, что благодаря теории и обучению передается революционный опыт (обобщенный в теории) всего предшествующего человечества, в частности и в особенности пролетариата. Однако критически переработанный и обобщенный в теории, в науке опыт всего предшествующего человечества будет восприниматься абстрактно, догматически, если обучение не будет соединено с непосредственной революционной борьбой и производительным трудом.

Вместе с тем становится понятной руководящая роль в воспитании и перевоспитании трудящихся масс диктатуры пролетариата и партии. В партии и в диктатуре пролетариата концентрируется и обобщается весь революционный опыт пролетариата, здесь создается и проверяется теория.

Переделка и воспитание людей не могут обойтись без известной дисциплины, а следовательно без руководства. Это руководство в эпоху диктатуры пролетариата и осуществляется партией.

Ленинское учение о культурной революции, о перевоспитании трудящихся масс в духе социализма и воспитании молодого поколения, способного окончательно установить коммунизм, получило дальнейшее развитие в работах т. Сталина и ряде решений ЦК партии.

Почти во всех своих работах т. Сталин в той или иной связи поднимает вопрос о переделке людей, о культурном под'еме масс, о воспитании нового поколения. В выступлении на конференции аграрников-марксистов т. Сталин со всей глубиной и четкостью поставил вопрос о борьбе с буржуазными предрассудками в теории, о развитии теории и науки в духе марксизма-ленинизма на основе практических успехов социализма в непримиримой революционной борьбе с уклонами в теории.

Раз'ясняя суть правых и «левых» извращений в колхозном движении, т. Сталин поставил задачу переделки колхозника — вчерашнего единоличника — в труженика социалистического общества. Тов. Сталин развивает марксистско-ленинское учение о перевоспитании трудящихся масс применительно к конкретному историческому этапу строительства социализма. Он говорит, что массовый поворот трудящихся масс крестьянства к коллективизации обусловлен победами социалистической экономики в стране над экономикой капиталистической. Но поворот «миллионов и миллионов основных масс крестьянства» в сторону колхозов требует и массовой переделки психологии вчерашнего мелкого собственника на основе новой экономики. «Было бы ошибочно думать,—говорит т. Сталин,—что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества. И это будет сделано тем скорее, чем скорее будут колхозы машинизированы, чем скорее будут колхозы тракторизированы».

В речи «О задачах хозяйственников» т. Сталин говорит об овладении техникой, экономикой, говорит об умении управлять хозяйством социалистической страны, об умении строить социализм в соответствии с теми об'ективными возможностями, которыми мы располагаем.

Лозунг «овладеть техникой» — это конкретная задача культурной ре-

волюции на данном этапе. Овладеть техникой при условии того, что власть в стране находится в руках рабочего класса и основные средства производства обобществлены, это значит из придатка к машине, из раба машины, чем является рабочий в капиталистическом обществе, превратиться в действительного хозяина машины, в сознательного строителя социалистического общества.

Имея в виду, что задача культурно-технического перевооружения трудящихся масс не может успешно осуществиться без известных культурных предпосылок, т. Сталин всегда всемерно подчеркивает необходимость всеобщего начального и дальше среднего политехнического образования. На XVI партс'езде (июнь 1930 г.) т. Сталин говорил: «Главное теперь — перейти на обязательное всеобщее обучение». Главное потому, что всеобщая грамотность — необходимая предпосылка всеобщего культурного под'ема масс и такого культурного технического перевооружения трудящихся, которое соответствовало бы уровню социалистического технико-экономического базиса.

Особое значение на данном этапе социалистического строительства приобретает задача подготовки из рядов рабочего класса собственной производственно-технической интеллигенции. Каждый господствовавший до сих пор класс имел свою интеллигенцию, которая была историческим результатом отделения умственного труда от физического. Интеллигенция прежних эксплоататорских, господствующих классов служила интересам этих классов, защищая их интересы как в области материального, так и «духовного» производства. В коммунистическом обществе впервые в истории уничтожится противоположность между умственным и физическим трудом, будут созданы условия для разностороннего развития умственных и физических сил всех трудящихся. Высокий уровень производительных сил коммунизма, отсутствие всякой частной собственности на средства производства, коммунистические отношения в обществе — все это уничтожит старую форму разделения труда, пожизненно превращавшего труженика в раба какой-либо профессии. Однако на данной стадии развития социализма мы еще далеки от уничтожения специализации, от преодоления различия между квалифицированным и неквалифицированным трудом и от полного уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Но если мы сейчас далеки еще от этого, то это не значит, что мы не приближаемся к тому величайшему историческому этапу, когда будет создано новое поколение, способное окончательно установить коммунизм и уничтожить противоположность между умственным и физическим трудом. Уже сейчас создаются предпосылки для этого будущего исторического момента. Эти предпосылки создаются и в области технико-экономической, и в области социально-политической, и в области культурно-идеологической. Создание новой технической базы, уничтожение классов, новые формы труда и повышение производительности труда, наконец культурный под'ем трудящихся масс и борьба с буржуазными предрассудками — все это подготовляет почву для уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом.

И одним из условий, ведущих к уничтожению старого разделения труда на умственный и физический, является создание собственной интеллигенции из рядов рабочего класса. «Наша страна вступила в такую фазу развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса» (Сталин).

Создание интеллигенции из рабочего класса означает подготовку условий для полного уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Создаваемая нами интеллигенция из рабочего класса

коренным образом отличается от интеллигенции всех предшествующих господствующих классов как по своему социально-политическому существу (поскольку эта интеллигенция рабочего класса), так и по своему культурному развитию. Она вербуется из наиболее передовых, культурных и талантливых элементов кадрового состава рабочего класса, а также из рабочей молодежи. Интеллигенция рабочего класса несет в себе преодоление противоположности между умственным и физическим трудом, так как она рекрутируется либо из кадровых рабочих, прошедших «школу» производительного труда и революционной борьбы, либо из той рабочей молодежи, которая подготовляется в нашей политехнической школе, где все образование и воспитание соединено с производительным трудом и общественной революционной работой.

Лозунг «изучить технику, овладеть наукой» намечает решающую задачу культурной революции—задачу культурно-технического перевооружения трудящихся масс, задачу переделки и создания новых кадров социалистического хозяйства. В этой задаче и в том, как она поставлена т. Сталиным, выражено основное содержание социалистической переделки трудящихся масс. Мы уже видели из предыдущего, что как Маркс с Энгельсом, так и позднее В. И. Ленин основу культурной революции и важнейшую задачу культурной революции — переделки трудящихся масс — видели в самом непосредственном социалистическом строительстве, в революционно-практической деятельности людей. Этим марксизм коренным образом отличается от буржуазных идеалистически-меньшевистских теорий как последовательно революционное и диалектико-материалистическое мировоззрение пролетариата.

В самом деле, все меньшевистские, социал-фашистские теории (например Богданова, Каутского, Кунова, Гильфердинга и т. д., а также Троцкого) покоятся на идеалистическом отрыве культуры вообще и культурного вызревания пролетариата от конкретного материального способа производства и классовой борьбы. Вот почему все эти теории требуют культурного перевоспитания пролетариата и трудящихся масс до пролетарской революции, полагая, что «культурность» пролетариата является основой для строительства социализма. Буржуазная сущность и идеалистическая методология неприкрыто «блещут» в модных социал-фашистских теориях культурной демократии.

В. И. Ленин указывал, что задачу социалистической переделки трудящихся масс мы совершаем не с того конца, как полагается по теории меньшевистских педантов; мы совершаем ее на основе диктатуры пролетариата и развития социалистического технико-экономического базиса (см. статью Ленина «О кооперации», как и другие его статьи).

Яркой и глубокой конкретизацией этой марксистско-ленинской теории является речь т. Сталина об овладении наукой и техникой. В этой речи т. Сталин подчеркнул материальную основу воспитания и переделки кадров социалистической экономики в период реконструкции. Своеобразие постановки вопроса о воспитании и переделке кадров здесь состоит в том, что т. Сталин мастерски показал диалектическую связь природных условий, экономики, политики, техники и культуры на конкретном этапе социалистического строительства. Указав на богатые природные условия нашей страны, отметив колоссально возросший авторитет партии и диктатуры пролетариата у широчайших трудящихся масс и успехи социализма в области создания фундамента социалистической экономики, т. Сталин сделал упор на умение, пользуясь всеми этими об'ективными данными, руководить и управлять в период реконструкции страной, ее экономикой, техникой, финансами. Диалектическое звено — овладение наукой и техникой, — смысл

которого заключается в требовании подготовки новых квалифицированных и сознательных кадров социалистического строительства, является действительно таким звеном, которое дает понимание реальных материальных взаимосвязей, которое указывает на конкретную закономерность различных сторон общественного целого на определенном этапе социалистического строительства. Здесь ярко и вполне конкретно подчеркнуты материальная и исторически об'ективная обусловленность культурной революции и ее р е ш а ю щ е е значение на определенном этапе.

Ленин писал, что «для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто-культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» (см. статью «О кооперации»). Речь т. Сталина об овладении техникой и наукой есть не что иное, как продолжение и развитие этих л е н и н с к и х слов. Тов. Сталин, опираясь на то, что указанная Лениным материальная база уже создана и что созданы известные культурные предпосылки, выдвинул на данном конкретно-историческом этапе как решающую задачу воспитание и переделку трудящихся масс, и притом прежде всего на основе и в условиях непосредственного строительства социализма — на основе овладения техникой, экономикой новой, социалистической страны.

Наша партия успешно осуществляет лозунг, выдвинутый т. Сталиным. Решения ЦК партии, опираясь на достигнутые успехи в социалистическом строительстве, определяют конкретные задачи и пути культурной революции.

III

Как уже говорилось, решение XVII партийной конференции о преодолении буржуазных пережитков в экономике и сознании людей исходит из итогов первой пятилетки, из того, что к концу первой пятилетки достигнут абсолютный перевес социалистических элементов над капиталистическими не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве и в связи с этим вопрос «кто кого» разрешен полностью и бесповоротно.

В самом деле. В крупной промышленности частный капитал уже давно вытеснен; в мелкой промышленности и торговле роль его незначительна. Вопрос «кто кого» в промышленности решен в пользу социализма против капитализма уже ко времени XVI партс'езда.

К этому же времени наметился поворот основной массы крестьянства к коллективизации.

Ко времени XVII партконференции имелось уже свыше 60 проц. коллективизированных крестьянских хозяйств. Таким образом корни капитализма окончательно подорваны и в сельском хозяйстве. Создался абсолютный перевес социалистических форм хозяйства над капиталистическими в городе и деревне.

Характеристика победы социализма над капитализмом будет однако неполной, если не указать на абсолютно возросшую роль крупной с о ц и а л и с т и ч е с к о й п р о м ы ш л е н н о с т и во всей народнохозяйственной жизни страны. В прошлом наша страна была аграрной. У нас отсутствовала собственная база крупной машинной индустрии. А без нее нельзя и думать о развитии и победе социалистических форм хозяйства. Ленин всегда указывал, что «действительной и единственной базой для создания социалистического общества является одна и только одна—это крупная промышленность».

Об этом же говорил и т. Сталин на XIV партс'езде, с'езде индустриали-

зации. Теперь эта крупная индустрия не только создана, но она играет ведущую роль во всей хозяйственной жизни страны. Об этом говорят следующие данные: доля промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства составляет к концу 1932 г. 70 проц., тогда как до войны она равнялась 42,1 проц. Продукция же крупной промышленности составляет больше половины (52 проц.) по отношению ко всей промышленности. Эти коренные изменения в экономике нашей страны получили следующую характеристику в решениях XVII партконференции: «За истекший период наша тяжелая промышленность поставлена твердо на ноги, и тем самым создана собственная база завершения реконструкции всего народного хозяйства, база социалистической крупной машинной индустрии».

Собственная база социалистической крупной машинной индустрии обеспечивает теперь подведение под социалистическую экономику самой высокой, передовой техники, обеспечивает открытие все новых и новых отраслей производства, до сих пор не применявшихся в нашей стране (производство новых машин, гигантское, в значительной степени новое для нашей страны развитие металлургии, химическое производство, станкостроение и т. д.), машинизацию все новых и новых отраслей производства, где раньше царила примитивная техника, например в сельском хозяйстве.

Ленин говорил, что когда мы будем иметь 100 тыс. тракторов на крестьянских полях, то дело социализма в сельском хозяйстве будет обеспечено. Ленинские слова сбываются. На колхозных и совхозных полях работают свыше 150 тыс. тракторов, десятки тысяч комбайнов и других с.-х. машин, доказывая на практике преимущества социалистического пути сельского хозяйства. Передовая техника в сельском хозяйстве, будучи применима в широких размерах только в условиях социалистических форм хозяйства, является базой для переделки мелкотоварного сельского хозяйства в крупное и крупнейшее социалистическое земледелие.

Если раньше хозяйство нашей страны базировалось в основном на двух разных экономических основах — на социалистической промышленности и мелкотоварном крестьянском производстве, то теперь, когда в сельском хозяйстве преобладающей формой производства являются коллективные и советские (государственные) хозяйства, хозяйственное развитие базируется в основном на однотипной социалистической основе.

Решающие победы одержаны также и на фронте культурной революции. До пролетарской революции наша страна — помещичье-дворянская монархическая Россия — была страной средневековой дикости и варварства. Она была не только страной преимущественно отсталого мелкого крестьянского земледелия, в ней сохранился вплоть до пролетарской революции в известной доле и патриархальный уклад с его натуральными хозяйственными взаимоотношениями, со всеми присущими этому укладу бескультурностью и варварством.

Пережитки средневековья в области культуры к моменту революции 1917 г. выражались в сословности, в кабальном положении женщины, в угнетении национальностей, в ужасающей безграмотности, забитости населения, в одурманивании его религией. Короче это можно выразить традиционной и выразительной формулой: самодержавие, православие, народность. Дореволюционная Россия имела 77 проц. неграмотных. Среди женщин этот процент был много выше. По национальным областям процент неграмотных был еще выше, доходя до 99 (Якутия). На 160 млн. жителей в школах обучалось 7,8 млн. человек. Высшая школа была доступна почти исключительно детям дворянства, чиновничества, купечества, духовенства и зажиточного мещанства. В Московском университете на 1 января 1917 г. из всего состава

студентов было 80 проц. детей дворян, фабрикантов, купцов, чиновников, духовенства и зажиточного мещанства; крестьян и казаков — 14 проц.

За 15 лет Октябрьской революции не только начисто сметены, уничтожены все остатки средневековья (это сделано «походя» в первые дни революции), но и достигнуты поистине поразительные результаты в деле распространения в толще народа грамотности, политеческого просвещения, науки, искусства и т. д. Если до революции процент неграмотных среди взрослого населения доходил до 80, то теперь положение деаметрально изменилось. В данное время мы имеем по Союзу 90 проц. грамотных среди взрослого населения. В национальных областях, где грамотность до революции была ничтожна, особенно велики темпы распространения грамотности. В Узбекской ССР еще в 1926 г. было 280 тыс. грамотных, а в 1931 г.—1.271 тыс. В Туркменской ССР в 1926 г. — 71 тыс. грамотных, в 1931 г. — 244 тыс.; в Таджикской ССР в 1926 г. — 22 тыс. грамотных, в 1931 г. — 130 тыс. Ряд областей, например Московская, ликвидировал неграмотность совершенно.

Дальше, если до революции мы имели 7,8 млн. учащихся (в 1915 г.), то в 1932 г. мы имеем учащихся 25 млн. Мы осуществили всеобщее начальное образование и осуществляем всеобщее семилетнее политехническое образование.

Наука до революции была уделом «избранных», уделом господствующих классов. Теперь мы имеем 1.563 научных учреждения с 30 тыс. научных работников. Научные учреждения, высшая школа, техникумы, рабфаки и т. д. готовят кадры научных работников — специалистов из рядов рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Показателем роста массовой культуры является также распространение газет, кино, клубов и т. д.

Мы имеем сейчас 800 тыс. красных уголков, 7.922 клуба; театры и кино обслуживают до 900 млн. зрителей в год; в 1931 г. имелось 5.600 газет с общим разовым тиражом в 34,5 миллиона, тогда как в 1913 г. разовый тираж газет доходил только до 2.729 тыс. (1.158 газет).

В деле распространения массовой культуры мы далеко обогнали передовые буржуазные страны. Обогнали не только по качественным показателям (наша культура по своему содержанию—социалистическая культура), но и по количественным. Ни в одной буржуазной стране трудящиеся массы не обслуживаются в такой степени, как в СССР, книгой, газетой, кино, театром, клубом и т. д. Высшая и средняя школа, и раньше доступная в буржуазных странах главным образом для состоятельных классов, становится все менее и менее доступной для трудящихся масс, ибо всеобщий экономический кризис капиталистической системы и связанная с ним безработица делают невозможным, да и «ненужным» образование. Начальное образование почти нигде в странах капитала не является всеобщим. В 1928 г. во Франции насчитывалось 510 тыс. детей, не посещающих школы. В 1931 г. в одном Париже и его пригородах, в городе богатства, блеска и буржуазной культуры, насчитывалось 100 тыс. детей в возрасте от 7 до 12 лет, которые не посещали школы из-за отсутствия школьных помещений. Такая же картина наблюдается и в других буржуазных странах. В Чикаго (Америка) свыше 10—15 тыс. детей проходят «школу» в беспризорных преступных бандах, руководимых взрослыми главарями, уголовными преступниками, покровительствуемыми и находящимися на содержании зачастую у чинов полиции и других должностных лиц.

В Германии в этом году запись в среднюю школу понизилась до 60 проц. Во всех буржуазных странах идет: 1) колоссальное сокращение

госбюджета и муниципальных кредитов на школу и другие культурные расходы; 2) прямое закрытие ряда школ; 3) прекращение школьного строительства; 4) концентрация школ и слияние классов (до 70—80 учеников в классе при одном учителе); 5) резкое сокращение общего количества учащихся и рост детской неграмотности; 6) ухудшение гигиенических условий в школе; 7) загнивание высшей школы, науки, распад искусства.

В среднем во всех буржуазных странах вместе с колониями процент грамотных по подсчету буржуазных деятелей (в Вашингтоне) составляет 33,3 проц. Сравните же эти данные с 80 проц. грамотных в Советском союзе, и вы получите картину упадка и загнивания культуры в странах капитала и гигантских успехов культурного развития в стране строящегося социализма.

Немецкий писатель Эмиль Людвиг, посетивший СССР, писал по возвращении в Германию, что он нигде не видел в СССР таких очередей, как в кино и театр. И это, удивлялся он, несмотря на то, что в советских театрах и кино никогда не культивируются сексуальные темы. В буржуазных странах, говорит он, наблюдается обратное: театры и кино пустуют, несмотря ни на рекламу, ни на изощренность репертуара. Этот маленький штрих, верно подмеченный буржуазным писателем, ярко иллюстрирует культурный под'ем масс в СССР.

Успехи социализма в экономической, социально-политической и культурно-бытовой областях определили решение партии об уничтожении во второй пятилетке капиталистических элементов и классов вообще и о преодолении буржуазных пережитков в экономике и сознании людей.

IV

Что мы называем пережитками капитализма в экономике и сознании людей?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, что мы понимаем под буржуазной экономикой и буржуазным сознанием людей. Экономика общества определяется историческим способом производства, соответствующим всякий раз уровню развития общественно-производительных сил. Иначе говоря, экономика общества определяется способом соединения рабочей силы со средствами производства. Буржуазная экономика следовательно определяется тем, что средства производства — крупная машинная индустрия — находятся в частной собственности сравнительно немногих капиталистов-монополистов, тогда как основная масса производителей лишена всякой собственности на средства производства и вынуждена для сохранения своей жизни продавать свою рабочую силу как товар. Эти отношения людей к средствам производства — производственные отношения в непосредственном смысле слова — определяют способ распределения общественного продукта и способ обмена. Буржуазно-капиталистический способ производства ведет к тому, что распределение общественного продукта выражает отношения жестокой эксплоатации рабочего класса, а вместе с ним и других трудящихся (основной массы крестьян, мелких ремесленников и кустарей), так как весь прибавочный продукт, создаваемый непосредственными производителями, поступает не в их собственность, а в собственность монополистов (по преимуществу) крупных средств производства.

Благодаря частной (капиталистической) собственности на средства производства рабочая сила и продукт труда принимают форму товара, а взаимоотношения между собственником средств производства (капиталистом) и владельцем рабочей силы (рабочим) точно так же, как и взаимоотно-

шения между отдельными капиталистами и мелкими собственниками, принимают форму рыночных отношений. Капиталистический способ производства и определяемый им способ распределения и обмена определяют форму и содержание всех общественных взаимоотношений буржуазного общества.

Капиталистический способ производства, распределение и обмен делят буржуазное общество на два основных антагонистических класса: капиталистов и пролетариев, ведущих непримиримую классовую борьбу, завершающуюся в конечном счете диктатурой пролетариата. Соответственно своей роли в системе капиталистического производства, отношению к средствам производства, а следовательно соответственно отношению к распределению и доли общественного продукта формируются интересы классов, их сознание и их воля.

Положение господствующего в сфере материального (капиталистического) производства класса капиталистов, как это видно уже из предыдущего, характеризуется частной (индивидуальной) собственностью на средства производства, эксплоатацией пролетариев (и трудящихся масс), взаимноконкурентной борьбой в погоне за прибылью, рыночной (стоимостной) формой экономических отношений. Этим определяются интересы, воля и сознание класса капиталистов. Частная собственность для них священна, эксплоатация естественна, необходима и разумна, конкуренция — естественная (вечная) форма общественных взаимоотношений и естественный (вечный) стимул к развитию, индивидуализм — непреходящая форма «духовного» развития, свойственная впрочем в своем подлинном выражении лишь лицам господствующего класса. Эти принципы — частная собственность, эксплоатация, конкуренция, индивидуализм, являясь выражением буржуазного способа производства, пропитывают культуру и идеологию буржуазного общества.

«Ваши идеи, — гласит «Коммунистический манифест», — сами порождены буржуазными условиями производства и собственности, точно так же, как ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса»...

«Под человеческой личностью вы понимаете только буржуа, обладателя буржуазной собственностью»...

«На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции»...

«Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства»...

«Буржуазные разглагольствования о семье и о воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря крупной промышленности и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты».

Класс, господствующий в сфере материального производства, господствует и в области «духовного» производства. Буржуазная собственность, индивидуализм, идеология эксплоататора, дух конкуренции обслуживаются и культивируются наукой, искусством, моралью и религией.

Буржуазная философия и наука пытаются представить капиталистический строй и принципы, вытекающие из него, вечными. Следовательно она по самому существу своему антиисторична, метафизична. По методу изучения явлений и основам своего мировоззрения буржуазная философия и наука представляют либо механицизм, либо какую-нибудь разновидность идеализма, либо соединение того и другого — эклек-

тизм. Выражая мировоззрение буржуазии, философия и наука пытаются однако представить свои положения как «об'ективные», не связанные с точкой зрения определенного общественного класса, вне- и надпартийные. Желая оправдать буржуазный строй, возвести его основы и принципы в вечные, неизменные и всеобщие, а потому механистически или идеалистически искажая реальные закономерности, буржуазная наука и философия естественно приходят к союзу с религией и поповщиной.

Буржуазное искусство, служа тем же задачам, что наука и философия, изображает не реально существующую картину капиталистического общества и не борьбу угнетенных классов за изменение общественного строя, а занимается либо прямой и беззастенчивой апологетикой капиталистического строя либо сентиментальным сюсюканьем насчет бедноты и «пороков» угнетенных классов, но чаще всего главной темой буржуазного искусства является индивидуальный внутренний мир человека. Понятно, что в индивидуальном интимном мире человека, взятого вне общественной борьбы, буржуазное искусство находит главный материал для своего изображения в половой любви. Любовь полов со всеми ее драматическими, трагическими, комическими и пр. сторонами — главный сюжет буржуазного искусства.

На охранение и защиту капиталистической собственности направлены все средства государства. По выражению «Коммунистического манифеста» «современная (буржуазная.—*Н. Б.*) государственная власть есть не что иное, как комитет, заведующий общественными делами буржуазии». Буржуазным интересам служат армия, суд, тюрьмы, жандармерия. Над сохранением буржуазных устоев работают школа, церковь и т. д.

Буржуазия заботится не только о том, чтобы материальной силой, кровью и железом поддерживать то, что она считает сообразно капиталистическим условиям производства разумным и справедливым, но она заботится оправдать и поддержать этот порядок авторитетом науки, морали, религии. Не последнюю роль играют здесь школа и образование.

«Подобно тому, — говорят Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», — как уничтожение классовой собственности представляется буржуазии уничтожением самого производства, так и уничтожение классового характера современного образования кажется ей равносильным уничтожению образования вообще»...

В противоположность буржуазии положение пролетариата в капиталистической системе производства создает об'ективные условия для выработки у него коммунистического сознания. Будучи классом непосредственных производителей, и притом лишенных собственности на средства производства, пролетариат является непримиримым врагом капиталистического строя. Сосредоточенный благодаря крупной машинной промышленности большими массами, поставленный условиями промышленного производства в сравнительно одинаковые общественные и материальные условия, вышколенный, дисциплинированный машинным производством, пролетариат находит выход из своего угнетенного положения в об'единении и борьбе за общественную, коммунистическую собственность на средства производства, за коммунистический труд, за коммунистические формы быта и сознания.

Борьбу против буржуазно-капиталистических условий производства и собственности и порожденных ими форм государства, идеологии и т. д. пролетариат ведет не на живот, а на смерть с тех пор, как он осознал противоположность своих классовых интересов и сплотился для борьбы за свои конечные цели под руководством партии коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом. «Коммунистический манифест» является первым и выдающимся

документом, в котором были изложены и опубликованы программные требования пролетариата.

Но только с момента Октябрьской революции 1917 г., когда пролетариат завоевал политическую власть, он приступил — пока в одной стране — к реальному уничтожению капиталистических условий производства и буржуазных форм идеологии и культуры.

По мере того, как пролетариат в союзе с основными массами крестьянства под руководством коммунистической партии уничтожал в стране капиталистическую собственность, по мере действительного обобществления производства, роста новых производственных, социалистических отношений шла и идет массовая переделка сознания трудящихся, развивались и развиваются новая культура и идеология.

В первые же дни Октябрьской революции, после того, как задача завоевания политической власти и подавления сопротивления эксплоататоров на первых порах в основном была выполнена (хотя еще не завершена), встала как ближайшая и самая важная задача — управление страной и организация общества на новых, социалистических началах. В апреле 1918 г. в статье «Очередные задачи советской власти» Ленин писал: «Во всякой социалистической революции, после того, как решена задача завоевания власти пролетариатом, и по мере того, как решается в главном и основном задача:—экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация» (Ленин, т. XXII, стр. 453).

Но эти задачи организации общества на новых, социалистических началах могут быть выполнены лишь на основе: 1) развития крупной машинной индустрии, создающей возможность обобществления производства, и 2) массового изменения сознания людей. Эти две задачи и выдвигает Ленин на первый план, говоря об «Очередных задачах советской власти».

Нетрудно видеть, что обе эти задачи теснейшим образом взаимно обусловлены. Крупная промышленность и обобществленное на ее основе производство являются материальной базой массового изменения сознания людей. С другой стороны, обобществленное производство и высшая организация труда требуют нового отношения к труду со стороны трудящихся, т. е. предполагают социалистическое перевоспитание трудящихся масс.

Каким же образом происходит переделка людей? Основное и решающее здесь — новые формы труда.

Труд, материальное производство есть основа жизни человека, основа общественного развития. Труд создал и создает человека, его сознание. В подготовительных работах к «Святому семейству» Маркс пишет, что не только обычные пять чувств, но также и такие чувства, как воля, любовь и т. д., т. е. вся психология человека, являются результатом практической деятельности людей.

О том же говорит и Энгельс: «Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий мозг... С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий — органов чувств» («Диалектика природы», гл. II).

Но труда «вообще» не существует. Труд всегда совершается в определенных исторических формах соответственно способу соединения непосредственных производителей со средствами производства. В рабовладельческом обществе труд покоился на превращении непосредственного производителя

в простую вещную собственность владетеля средств производства. В феодальном обществе труд выражал крепостную зависимость непосредственного производителя от владельца средств производства. В буржуазном обществе труд пролетария основан на отделении его от средств производства, благодаря чему он должен, чтобы добыть себе средства к существованию, всякий раз продавать свою рабочую силу как товар. «Раб продан раз навсегда, пролетарий должен продавать себя сам каждый день, каждый час! Раб является собственностью своего господина и уже вследствие заинтересованности последнего пользуется обеспеченным существованием, как бы жалко оно ни было. Каждый отдельный пролетарий является, так сказать, собственностью всего буржуазного класса. Его труд покупается только тогда, когда кто-нибудь в нем нуждается, и потому он не пользуется обеспеченным существованием» (Энгельс, «Принципы коммунизма»). Труд пролетария, не обеспечивая ему существования, является в то же время источником богатства и роскоши буржуа.

Благодаря капиталистическому способу производства пролетарий находится в подчиненном положении в отношении машины, превращаясь в ее придаток. Таким образом труд в капиталистическом обществе является не только источником экономической эксплоатации пролетария и его политического угнетения, но и основой для его физического и умственного вырождения. Понятно, что капитализм воспитывал в массах отвращение и ненависть к подневольному труду.

Диктатура пролетариата и построение социалистического общества впервые в человеческой истории создают условия, при которых труд становится источником и средством освобождения рабочего класса и трудящихся от угнетения, нищеты, физического и умственного вырождения. В социалистическом обществе труд, покоясь на обобществлении средств производства, является средством материального благосостояния трудящихся масс и всестороннего развития физических и умственных способностей тружеников социалистического общества. Теперь для того, чтобы получить труд и вместе с ним средства к существованию, не нужно, как это было при капитализме, продавать свою рабочую силу капиталисту-эксплоататору. В стране строящегося социализма труд является средством общественного и личного благосостояния, и как таковой он является обязанностью каждого. «Не трудящийся — не ест». Соответственно этому постепенно коренным образом меняется и отношение трудящихся к труду. Труд становится делом общественным и почетным, становится предметом соревнования на социалистической основе. Буржуазные писаки, оправдывая капиталистическую эксплоатацию и конкуренцию, распространяют небылицы, будто социализм уничтожает всякое соревнование и тем самым всякий стимул к борьбе и развитию. Буржуазия и в этом вопросе антиисторична, и борьбу, основанную на эксплоатации одного класса другим и на конкуренции, она превращает во всеобщую форму общественной борьбы. На самом же деле только социализм обеспечит наиболее прогрессивную и продуктивную форму общественной борьбы—соревнование на социалистической основе. Социалистическое соревнование и ударничество есть новая форма общественной борьбы, обусловленная и обеспеченная новыми — социалистическими — отношениями людей к средствам производства.

Труд, освобожденный от капиталистической эксплоатации и гнета, труд, организованный на социалистической основе, коренным образом изменяет и сознание людей.

«Самое замечательное в социалистическом соревновании,— говорил т. Сталин на XVI партс'езде,— состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного

и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

Переделка людей на основе социалистического отношения к труду идет сейчас широким и глубоким руслом. Социалистическим соревнованием охвачены почти все заводы, фабрики, совхозы, колхозы. Социалистическое соревнование поднято на более высокую ступень — на ступень ударничества. В ударничестве мы имеем практическое осуществление указаний Ленина о «повышении дисциплины трудящихся, уменьи работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации» (т. XXII, стр. 454).

В период XVI с'езда партии армия ударников, армия лучших социалистических тружеников, достигала миллиона. Немногим больше, чем через год, к XVII партконференции, армия ударников уже превышала 3½ миллиона!

В развитии и внедрении новых, высших форм организации труда первостепенную роль играет, как указывали Ленин и Сталин, развитие крупной социалистической машинной индустрии. Передовая социалистическая техника создает об'ективные условия для коллективных социалистических форм труда, предполагает и содействует культурному развитию, выработке дисциплины, сознательности, пониманию общих задач, борьбе против собственнических, рваческих тенденций.

Естественно, что рабочий класс, особенно рабочие передовой социалистической крупной промышленности, является передовым отрядом в социалистическом перевоспитании трудящихся масс. Но высшие формы труда, а следовательно и социалистическое перевоспитание трудящихся масс широким потоком идут и в сельском хозяйстве. Здесь высшие формы труда развиваются на основе коллективных. социалистических по своей природе форм хозяйствования и применения передовой сельскохозяйственной техники. Об'единение отдельных мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства создает основу для применения коллективных форм труда, означает вместе с тем борьбу с частновладельческими воззрениями мелкого буржуа. Колхозы как социалистическая форма хозяйства, будучи однотипны с государственными социалистическими предприятиями, различаются от последних тем лишь, что в колхозах еще остается групповая колхозная форма общественной собственности и даже некоторая частная собственность на средства производства. Поэтому здесь имеются и особые трудности для социалистического перевоспитания трудящихся масс колхозов. Превращение колхозов в последовательно социалистические предприятия, т. е. такие предприятия, в которых все основные средства производства полностью обобществлены (принадлежат государству), совершается при посредстве МТС, при посредстве охвата МТС всех колхозов и всех основных, решающих производственных процессов в колхозах. МТС завершают обобществление колхозной собственности, поскольку они, являясь вместе с землей, принадлежащей государству, социалистическими средствами с.-х. производства, составляют одновременно и основные средства производства колхозов. Вместе с этим МТС создают материальную базу для последовательно социалистического перевоспитания колхозников. МТС превращают труд колхозников в разновидность индустриального труда, перевооружают культурно и технически колхозные массы, создают все условия для последовательно социалистических форм труда.

Итак, капиталистические производственные отношения воспитывали индивидуализм, дух конкуренции, частнособственнические и эксплоататорские воззрения и чувства.

Мы видели выше, что даже самые интимные отношения складывались в капиталистическом обществе сообразно принципам частной собственности, индивидуализма, конкуренции. На принципе частной собственности покоились например отношения жены к мужу и детей к родителям. Главенство

мужа над женой и родителей над детьми покоилось прежде всего и чаще всего не на личном чувстве любви и авторитета, а на экономической зависимости жены от мужа и детей от родителей. Эта о с н о в а (экономическая зависимость) в личных отношениях людей падает вместе с капиталистическим строем. Социалистический строй несет освобождение обществу, и в том числе женской ее части, ибо социализм предоставляет реальную возможность всем трудоспособным иметь труд и существовать на счет продукта своего труда. В этой связи приобретают особый исторический смысл требование партии и государства о вовлечении в производство всех трудоспособных страны и лишение трудоспособных, не занятых в производстве, государственного снабжения. Жена теперь может не зависеть экономически от мужа. Отношения мужа и жены теперь могут складываться лишь на основе личного и взаимного уважения и любви. СССР является единственной страной, где женщина из «домашней хозяйки» превращается в равноправного (реально, на деле) гражданина социалистического общества. Тот простой факт, что 70 проц. рабочих решающих отраслей охвачены общественным питанием, говорит о величайших сдвигах в быте трудящихся и в частности в положении женщины.

Точно так же нетрудоспособные дети в силу предоставляемой социализмом возможности общественного воспитания (ясли, детские сады, начальные школы с пансионатом, стипендиальная система обеспечения), а также в силу проводимого сочетания обучения с производительным, оплачиваемым трудом (ФЗУ, производственная практика во втузах) все больше освобождаются от экономической зависимости от родителей, и их отношения к родителям все больше и больше складываются и определяются личными качествами. Вместе с капитализмом падает п р а в о родителей на любовь и уважение детей. Отношение детей к родителям теперь определяется их действительными достоинствами и авторитетом. Разумеется, здесь в первую очередь имеются в виду общественно-политические достоинства и авторитет в отношениях родителей и детей. Родителей-контрреволюционеров или просто обывателей, родителей пьянствующих, прогульщиков, родителей-извергов, родителей, не заботящихся о воспитании и образовании детей, дети имеют право не любить, не почитать и не подчиняться их воле. Точно так же и любовь родителей к детям все больше определяется общественно-политическими симпатиями.

Таким образом вместе с уничтожением капитализма падает наконец то вековое порабощение и угнетение женщины, благодаря которому она была возведена, по выражению Энгельса, на положение рабыни страстей своего мужа и простого средства деторождения. Брак и семья утрачивают свою экономическую, эксплоататорскую основу и преобразуются в такие институты, в основе которых лежат действительно интимные отношения.

Наряду с внедрением новых, высших форм организации труда и преобразованием быта идет борьба трудящихся масс за освобождение от буржуазных предрассудков, прежде всего от религиозного дурмана, за распространение грамотности, научных и технических знаний, за диалектико-материалистическое, атеистическое мировоззрение. Насколько широк этот процесс, свидетельствуют данные о ликвидации неграмотности, которая в основном закончена (страна переключается на ликвидацию малограмотности), количество учащихся в школах (25 млн. против 7 млн. в царское время), распространение книги (около 100 млн.; по книжной продукции СССР сейчас — на первом месте в мире), распространение газет (34,5 млн. тиража), театров и кино (900 млн. зрителей), клубов (7.922), красных уголков (800 тысяч) и т. д.

Идет глубокая перестройка науки и искусства. Во всех областях науки и искусства идет под руководством ЦК партии и вождя партии т. Сталина

напряженная борьба за материалистические и диалектические основы науки и искусства, против механицизма и всех видов идеализма, как откровенно-буржуазного, так и завуалированного меньшевиствующего идеализма, за уничтожение отрыва науки и искусства от задач партии и практики социалистического строительства.

Идет глубокая перестройка школы и образования как в смысле очищения в духе последовательного марксизма-ленинизма идейных основ образования и воспитания, так и в отношении улучшения качества знаний, методической работы, укрепления дисциплины, повышения роли учителя.

Переделка трудящихся масс началась с первых дней Октябрьской революции. Она углублялась и расширялась с каждым шагом социалистического строительства, с каждой новой победой социализма над капитализмом; она углублялась и расширялась вместе с ростом материальной культуры, с каждым новым успехом в деле распространения грамотности, культурного под'ема масс.

В настоящее время социалистическая переделка людей стала массовым и глубоким явлением. Именно потому, что она стала бытовым явлением, она все чаще становится предметом художественного изображения. В художественных поэмах, очерках и рассказах мы видим социалистическую переделку людей иной раз сильнее, ярче, чем в повседневных фактах. Прекрасное изображение глубокого внутреннего процесса социалистического перевоспитания мы имеем например у А. Безыменского в его поэме «Трагедийная ночь». В подлинно художественной форме, лишенной всякой фальши, поэма показывает нам живой, реальный процесс переплавки человека в огне боев за социалистическое строительство. Два работника — русский и американец — Дема Токарев и Хаустон, но действительное имя которых миллионы, соревнуясь, познают пафос великой социалистической стройки, изживают психологию индивидуализма, зависти, конкуренции. Новые чувства овладевают обоими. Оба ищут личного удовлетворения в победе класса и его партии. Сам автор так раз'ясняет смысл новых ощущений человека: «Дема, которому задали вопрос: «Что, если ты победил бы, дружок?», мучительно задумывается. Он понимает, что если бы даже он победил Хаустона в индивидуальном состязании, это не принесло бы ему удовлетворения, хотя личное самолюбие было бы удовлетворено. Нам нужно больше, нам нужно, чтобы миллионы Токаревых овладели техникой, дабы догнать и перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении, а не то, чтобы один Токарев победил одного Хаустона, хотя и это нам радостно» (из предисловия автора).

Трудно было Деме Токареву преодолеть зависть и злобу к Хаустону, который неизменно бил его в соревновании.

«И янки сошел на последней минуте,
Оглох, потерявшись в приветственном громе,
И руки,
как будто бы полные ртути,
Навстречу понес
побежденному Деме.
А Деме казалось, что это для смеха.
Он в землю врастал
молчаливо и гордо,
И страшно хотелось
немедля заехать
По-ихнему «Kickhim»,
по-нашему в морду.

По жилам от сердца метнулся огонь
Он поднял кулак
. . . . . .
и подал ладонь».

Социалистическое содержание соревнования одержало верх над индивидуальным соперничеством. Это произошло в самый острый момент борьбы, которую переживал внутри себя Дема Токарев:

«Он поднял кулак
. . . . . .
и подал ладонь».

Но и американец Хаустон не находит удовлетворения в своей победе:

«Язык индустрии — мой брат по работе,
Но меч мой,
но вождь мой —
партийный язык».

Хаустон мечтает выучить «русский язык революций, чтобы стать рядовым в большевистском бою».

Разными путями, но оба — Дема Токарев и Хаустон — идут к одному и тому же: «Мы наш, мы новый мир построим»...

Дема упорно изучает американскую технику. Хаустон не менее упорно изучает Ленина.

Социалистическое строительство переплавляет людей, переделывает их быт. Оно изменяет и их отношение к природе. Отошло то время, когда люди так воспринимали природу:

«Чуден Днепр при тихой погоде»...

Теперь иные д е л а, иные о щ у щ е н и я людей:

«Чуден Днепр
при всякой погоде,
Когда вольно и плавно
Могучие краны
Несут на плотину бетон».

Каждый завод, каждая фабрика, стройка, совхоз, колхоз показывают нам своих н о в ы х людей, замечательных людей, ударников социалистического труда, для которых труд является «делом чести, доблести и геройства».

Каждый день об этих людях нам рассказывают газеты, журналы, книги.

Вот перед нами Р е м и з о в Г. С. — ударник Сталинградского тракторного завода. Он приехал из деревни в товарном поезде на полу, под нарами. На заводе, поступив в комсомол, он растет культурно не по дням, а по часам. Учеба для него — вопрос жизни. Труд — дело чести. Получить за лучшие показатели работы переходящее знамя и крепко его держать за комсомольской ячейкой — «это,— по его словам,— сейчас главное». Социалистический завод и социалистический труд ударник Ремизов полюбил больше «родины». (См. «Правду» от 29/X 1932 г.).

Но ведь таких Ремизовых тысячи и миллионы в СССР.

Труд переплавляет не только молодых, но и старых, не только рабочих, но и крестьян, не только трудящихся, но и бывших когда-то социально вредных людей. «Правда» от 5/XI 1932 г. в очерке Н. Крэн рассказывает:

«Человек небольшого роста, коренастый, лысый, лежал на топчане. Глаза его с жадностью елозили по страницам встрепанной книжонки, на переплете которой было написано: «М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени». Оторвать его от чтения казалось нелегко. Это был Ковалев, лучший лаборант по бетону, гордость рабочего коллектива 9-го шлюза. Грудь Ковалева украшалась большим значком, и на значке было написано: «Ударник Белморстроя». Он с гордостью посматривал на этот значок, ибо он получил его недавно по заслугам. На полках были расставлены разные хрупкие вещи— пробки, колбы, реторты, склянки. Среди этих вещей Ковалев, человек с 20-летним уголовным стажем, имеющий в своем «активе» 5 побегов и 12 лет тюрьмы, чувствовал себя, как дома. Впрочем он и в самом деле был дома, ибо давно уже его домом сделалась лаборатория. Ковалев был не просто вором. Ковалев был паханом, главарем — и вот сейчас этот Ковалев навсегда расстался со своим прошлым.

— Не хочу, — говорил он, взбалтывая какую-то пробирку. — Прямо скажу: не хочу больше. Амба! Вы думаете, что бежать не могу? Как же! Я из Нарыма бегал и из Туруханска бегал. Ну, а теперь у меня дело: лаборант по бетону. Канал строим. Ведь вы поймите,— внезапно вскричал он, схватившись за лысину,— что здесь было год назад? Пустое место, леса и медведи, больше ничего, а теперь — сооруженьице! Глянешь,—шапка валится. Я теперь — лаборант по бетону, спец, ударник, значок у меня — во! А что касаемо паханства, то не жалею. Я теперь спец, лаборант по бетону. Вот канал построим, освобожусь—поеду в Москаналстрой, заявлюсь к жене, скажу: «Здравствуй, дорогая. Имею честь представиться: лаборант»...

Ковалев еще раз пять повторил, что он лаборант по бетону. Свою батарею склянок он оглядел взглядом военоначальника, готовящегося к бою. Сквозь дощатые стены его лаборатории доносился грохот топоров, ломов и скрип грабарок. Неподалеку строился шлюз № 9, и Ковалев также строил его, ибо он, Ковалев, недавний вор-пахан, был судьей в вопросах качества бетонной массы.

— Слушай, Ковалев, скажи попросту, почему ты решил бросить старую профессию?

— А лаборант по бетону нешто плохая профессия? Лучше прежней. А потом — не паразит, а ценный гражданин СССР. Вот вам и попросту.

...В заключение Ковалев взял тоненькую книжку с полки и неожиданно с чувством и теплом прочел стихи:

«Эй, прощай, моя жизнь воровская
И картежная с нею игра.
Не махну уже ножом у виска я,
Все былое — как дым от костра.
Никогда уже не буду я вором.
Не попутчик ворам, не собрат.
Эй, студеное Белое море!
Твоей свежести очень я рад...»

— Хорошие стихи,—сказал Ковалев,—очень правильно все написано. Вор Бабакин писал, заключенный. Написал — сердце щиплет.

На обложке книжки была надпись: «Моря соединим! Стихи и песни на Белморстрое. Издание культурно-воспитательного отдела Бел.-Балт. лагеря ОГПУ».

Таких, как Ковалев, на Беломорском канале — тысячи. Канал удивляет мощностью своих сооружений, но еще больше удивляет та человеческая

перековка, тот человеческий переплав, какой происходит в процессе создания этого канала».

V

Было бы однако наивным полагать, что процесс переделки людей идет мирно и без борьбы. Социалистическое перевоспитание трудящихся масс есть одна из форм классовой борьбы. Социалистическое соревнование и ударничество прокладывают себе дорогу в упорной борьбе с классовым врагом — с кулаком и нэпманом, а также и с мелкобуржуазным влиянием на пролетарские, полупролетарские и непролетарские трудящиеся массы.

На этот счет В. И. Ленин всегда предупреждал нас: «Конечно, эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без трений, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым тунеядцам и их прихвостням» (т. XXII, стр. 161).

Социалистическое общество не рождается готовым. Оно возникает в огне пролетарской революции, в процессе революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое, в процессе более или менее длительной и упорной классовой борьбы за новый способ производства, за новый общественный строй, за новое сознание людей. По выражению К. Маркса, социалистическое общество на первых порах своего развития еще покрыто родовыми пятнами старого капиталистического общества.

Прежде всего не приходится забывать, что общество переходного периода не является однородным. Наряду с передовым, революционным пролетариатом, организатором нового социалистического общества, мы имеем опору пролетариата — беднейшее крестьянство, союзника пролетариата — среднее крестьянство, различные слои интеллигенции, прямого классового врага — буржуазно-кулацкие элементы.

Различные классы, классовые группы и прослойки по-разному носят на себе «печать» старого капиталистического общества. Кулацко-нэпманские элементы добровольно не расстаются с капиталистической экономикой и буржуазным сознанием. Диктатуре пролетариата приходится уничтожать эти элементы как класс, уничтожая их капиталистическую собственность. К кулацко-нэпманским элементам приходится применять меры прямого насилия и принуждения, дабы пресечь их борьбу против социалистических форм труда и их влияние на беднейшее и среднее крестьянство и на менее устойчивые элементы в среде рабочего класса. Те же меры диктатура пролетариата применяет к той части интеллигенции, которая продолжает стоять на позициях буржуазии и ведет борьбу против диктатуры пролетариата.

В известной мере принуждение приходится применять наряду с убеждением по отношению к среднему и беднейшему крестьянству и к отсталым элементам из рабочего класса, если они под влиянием буржуазных пережитков оказывают сопротивление социалистическому строительству и происходящему на основе его социалистическому перевоспитанию трудящихся масс.

В. И. Ленин учил нас «учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти» (т. XXII, стр. 455).

В. И. Ленин не ограничивается этим общим указанием. Он конкретно показывает, как и с кем необходимо бороться за новую, пролетарскую культуру, за новое отношение к труду. С буржуазией и ее агентурой он требует расправляться беспощадно:

«Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние — родные братья, дети капитализма, сынки барского, буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом, общества, в котором нужда и нищета выбрасывала тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа... Богатые и жулики — это две стороны одной медали, это — два главные разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма»... (т. XXII, стр. 164).

Эти замечательные слова Ленина о том, что хулиганы, жулики, рвачи, ведущие практически борьбу против социалистического отношения к труду, против ударничества, являются такими же классовыми врагами, как кулаки и нэпманы, и что с ними нужно вести решительную, беспощадную борьбу,— эти слова Ленина нужно помнить всегда. Без решительной борьбы с кулаком, рвачом, хулиганом, вредителем нам не организовать производства по-новому, не добиться повышения производительности труда, не воспитать в трудящихся массах бережливости к социалистическому предприятию, к общественному имуществу, не вытравить собственнической психологии.

Надо суметь понять также, что борьба за новые, социалистические отношения должна вестись не только с прямыми классовыми врагами социализма: с нэпманом, кулаком, спецом-вредителем, хулиганом и жуликом, но и с отдельными группами и группочками среди беднейшего и среднего крестьянства и среди самих рабочих, которые еще не могут освободиться от привычек капитализма.

«Разве классовая борьба,— говорит Ленин,— в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,—содрать с «него» денег побольше» (т. XXIII, стр. 213).

Эти указания В. И. Ленина, высказанные им в самом начале нашей революции, остаются в силе и сейчас. Каждому рабочему, каждому колхознику известны те условия, в каких происходят развитие новых форм организации труда и переделка массового сознания трудящихся. Социалистические формы труда, социалистическая культура встречают злейшего классового врага в лице уничтожаемых кулацко-капиталистических элементов и их разнообразной агентуры. Сейчас, когда капитализм разгромлен в нашей стране, когда вопрос «кто кого» решен в пользу социализма и мы имеем внутри страны полную и бесповоротную победу социализма, кулацко-капиталистические элементы продолжают борьбу в новой форме: они проникают на социалистические предприятия, в колхозы и там, приняв личину рабочих, организуют вредительство и хищения, ведут борьбу против соцсоревнования и ударничества, ведут борьбу против повышения производительности труда, против бережливости и экономии, против «хозяйского» (социалистического) отношения к социалистическому предприятию, его станкам, машинам, инструментам, материалам. Кулацко-капиталистические элементы в своей борьбе против социалистического строительства и социалистической культуры вербуют себе союзников и агентуру в среде прогульщиков, рвачей, летунов, хулиганов, воров. Кулацкие элементы, заполняя первые ряды прогульщиков, рвачей, летунов, воров,

хулиганов, ведут за собой и отсталые элементы рабочего класса. Прогулы, рвачество, летунство, воровство, хулиганство — эти паразитические явления, целиком перешедшие к нам от капиталистического строя, — являются не менее грозной враждебной силой, чем открытые выступления классового врага. Даже не говоря об экономической стороне дела — а эту сторону забывать нельзя, ибо одни прогулы наносят социалистическому строительству вред, исчисляемый сотнями миллионов рублей,— мы не должны недооценивать политического значения прогулов, рвачества, воровства, хулиганства, поскольку они являются основной формой классовой борьбы на данном этапе против социалистического строительства и новой культуры. Не надо забывать, что классовый враг по мере возрастающих успехов социализма все более маскирует свою борьбу. Он пытается проникнуть на социалистические предприятия и здесь, опираясь на отсталые элементы, вести свою борьбу против социализма, пользуясь средствами экономическими, политическими и культурными. Прогулы, рвачество, воровство, хулиганство одновременно бьют и по социалистической экономике и по новой культуре.

Классово враждебные элементы пытаются проникнуть и в сферу социалистического обращения: в госторговлю и потребкооперацию. Хищения, прогулы, старые торгашеские методы работы являются здесь формой классовой борьбы против социализма и его культуры. Лозунг партии «за советскую культурную торговлю» имеет глубокий политический смысл, ибо это есть линия, один из мощнейших рычагов строительства социалистической экономики и культуры.

Наиболее широко, пожалуй, кулацко-капиталистические элементы используют разнообразные формы борьбы против строительства социалистической экономики и культуры в колхозах. Об этом говорит практика хлебозаготовительной кампании в ряде районов Северного Кавказа, Нижней Волги, а также и др. областях и краях Союза. Проникая в колхозы и используя здесь отсталые элементы, опираясь на частнособственнические, мелкобуржуазные пережитки вчерашних единоличников, используя в качестве своей агентуры бюрократов и оппортунистов в советском и партийном аппарате, кулацкие элементы ведут упорную борьбу против всех мероприятий партии и диктатуры пролетариата и главным образом против важнейших из них: против социалистической организации труда в колхозах, против хозяйственного укрепления колхозов и социалистических обязательств колхозов перед рабочим государством, т. е. против государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов, хлеба, мяса, картофеля, фуража, технических культур и т. д. Кулак, его союзники действуют посредством вредительства, хищения колхозного имущества, разбазаривания продукции, путем саботажа и срыва государственных продовольственных и сырьевых заготовок, утаивания от партии и государства продукции колхозов, борьбы против соцсоревнования и ударничества, против хозрасчета и ликвидации уравниловки и обезлички. Но как бы ни были многообразны об'екты и формы кулацкой борьбы, суть ее состоит в том, что она направлена против социалистической экономики и культуры. Все это лишний раз убеждает, насколько политически актуальна борьба за переделку частнособственнической, мелкобуржуазной психологии колхозного крестьянства и до сих пор еще не вошедшего в колхозы трудящегося крестьянства. Машинизация сельского хозяйства и коллективные формы хозяйствования, являясь единственной основой, на которой может успешно протекать перевоспитание мелкого собственника-крестьянина в труженика социалистического общества, сами в то же время успешно могут развиваться лишь при условии повышения культурности колхозника и борьбы с его мелкобуржуазной психологией.

Об этом именно и говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов. В этом именно и состоит линия партии и советского правительства.

Партия и советское правительство, держа курс на машинизацию сельского хозяйства, прилагая все меры к развитию и укреплению колхозов, не полагаются на самотек, стихийность дальнейшего развития колхозов или на голое администрирование, но требуют от своих местных партийных и советских организаций повседневного руководства и борьбы за укрепление колхозов, за развитие социалистических форм труда в колхозах, за выполнение обязательств перед социалистическим государством, за культурный под'ем, за выращивание квалифицированных и преданных социализму руководящих кадров колхозного строительства.

Правый оппортунизм полагает, что в переходный период на основе нового установившегося общественного равновесия классовая борьба затухает. Правый оппортунизм полагает, что новый общественный строй возникает сам по себе, стихийно, и люди к нему приспособляются постепенно и мирно. Руководящая роль диктатуры пролетариата и партии в борьбе за социалистическую экономику и социалистические формы сознания игнорируются, недооцениваются правым оппортунизмом. Именно правый оппортунизм превращает «лозунг диктатуры пролетариата в практику киселеобразного состояния пролетарской власти». Правый оппортунизм играет наруку кулаку, является его политической агентурой.

«Левый» оппортунизм подменяет массовую борьбу за социализм, массовую переделку людей и подлинно большевистское руководство массами голым администрированием. Но диктатура пролетариата совсем не означает одно голое принуждение, как думают «левые» оппортунисты. Диктатура пролетариата есть в то же время руководство массами, убеждение и воспитание масс.

И т. Ленин и т. Сталин не раз указывали, что нам приходится строить социализм руками людей, живших и формировавшихся при капитализме, а потому нуждающихся в перевоспитании. Переделке подлежит даже наиболее сознательная, революционная, дисциплинированная часть пролетариата, ибо и эта часть не свободна от буржуазных пережитков. Еще большей воспитательной работы требуют менее передовые части пролетариата и колхозного крестьянства, затем отсталые рабочие и трудящиеся крестьяне, интеллигенция.

Под руководством партии на основе диктатуры пролетариата наиболее передовая, сознательная, дисциплинированная, преданная революции и социалистическому строительству часть пролетариата ведет борьбу за новые формы труда, за марксистско-ленинскую теорию, за социалистическую культуру, за коммунистический быт. В этой борьбе за социалистическое строительство и за нового человека, труженика социалистического общества, пролетариат использует все средства и методы, находящиеся в его распоряжении. Пролетариат использует школу, профсоюзы, кооперацию, советы, комсомол, армию. Да, и армию. Ибо рабоче-крестьянская армия является не только орудием подавления классового врага, не только средством обороны от международного капитала, но и своеобразной школой коммунизма. Красная армия ликвидирует неграмотность бойцов, обучает бойцов марксизму-ленинизму, воспитывает сознательных и активных борцов за коммунизм.

В этой борьбе за нового человека, труженика социалистического общества, пролетариат прежде всего сам переделывает свою собственную природу.

Вызревая культурно сам, пролетариат переделывает полупролетарские и непролетарские массы, воздействуя на них через школы, профсоюзы, комсомол и т. д., воздействуя на них и убеждением и, где надо, принуждением. «Пролетариат однако переделывает в процессе революции не только свою собственную природу, но и природу других классов, в первую очередь много-

численных мелкобуржуазных слоев города и деревни, в особенности трудящихся слоев крестьянства. Приобщая трудящиеся массы к культурной революции, вовлекая их в процесс социалистического строительства, об'единяя и коммунистически просвещая их всеми методами, находящимися в его распоряжении, ведя решительную борьбу со всеми антипролетарскими и цеховыми идеологиями, особенно настойчиво и систематически преодолевая общую и культурную отсталость деревни, рабочий класс подготовляет тем самым на основе роста коллективных хозяйств преодоление классового деления общества» (Программа Коммунистического интернационала).

В борьбе за новые, социалистические формы сознания особое место занимает борьба с опиумом народа — религией. Религия затемняет сознание масс, фантастически извращает реальные отношения в природе и обществе, воспитывает у трудящихся классовую рабскую частнособственническую психологию, индивидуализм. Церковь, религиозные секты являются активными врагами социалистической науки и культуры, врагами индустриализации и коллективизации страны, врагами социалистического соревнования и ударничества.

Могучим рычагом перевоспитания трудящихся масс являются экономические средства, в частности система зарплаты и премий. Социалистические формы труда должны находить поощрение в оплате и премировании. Мы еще далеки от такой ступени коммунизма, когда труд будет потребностью и каждый будет трудиться поэтому в меру своих способностей, а экономическое благосостояние общества позволит каждого снабжать по его потребностям.

Мы должны поэтому оказывать экономическое предпочтение передовым элементам — ударникам социалистического труда.

«Ударность,— говорил Ленин,— есть предпочтение, а предпочтение без потребления — ничто».

Уравниловка в зарплате есть борьба против соцсоревнования и ударничества. Уравнительность — лозунг кулака и нэпмана. Теоретиком мелкобуржуазной и буржуазно-кулацкой уравниловки еще задолго до настоящего времени выступил Троцкий. Он ратовал за уравнительность в зарплате: «ударность в производстве, уравнительность в потреблении».

В наиболее развитой форме марксистско-ленинское учение об экономических стимулах в социалистическом строительстве и в перевоспитании трудящихся масс в период вступления в социализм мы имеем в шести условиях т. Сталина. Это учение целиком покоится на марксистско-ленинском понимании переделки экономики и сознания людей в начальном периоде социализма, когда экономика и сознание людей еще далеко не свободны от буржуазных пережитков. И Ленин и Сталин всегда подмечают и с большим вниманием и заботливостью указывают и оберегают любой шаг продвижения к социализму, любое явление нового, социалистического строя. Но они далеки от слащавого сентиментализма, от прожектерства, от утопизма. Всем известно, как Ленин приветствовал первые субботники, трудовые армии, видя в них «практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда». Однако он предупреждал, что эти первые шаги социалистического труда являются еще только п е р в ы м и шагами и для своего перехода к более высшей и массовой форме труда предполагают длительную борьбу с пережитками капитализма.

«За два года,— говорил Ленин в 1920 г.,— опыт строительства на основе социализма у нас уже некоторый есть. Поэтому вопрос о коммунистическом труде можно и должно ставить вплотную — вернее, впрочем, будет сказать: не о коммунистическом, а о социалистическом труде, ибо речь идет не о выс-

шей, а о низшей, о первоначальной ступени развития нового общественного уклада, вырастающего из капитализма. Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне норм, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудящихся на общую пользу,— труд, как потребность здорового организма. Всякому ясно, что до широкого, действительно массового применения такого труда нам, т. е. нашему обществу, нашему общественному укладу, еще очень и очень далеко» (т. XXV, стр. 150 — 151).

Вот эти мысли и получили в шести условиях т. Сталина такое блестящее и конкретное развитие. Сталин учит, как в новых условиях, созданных успехами социализма, нужно по-новому работать, по-новому руководить, переделывая массу трудящихся в духе социализма. О старых капиталистических методах работы, основанных на эксплоатации и конкуренции, не может быть и речи в период социализма. Из чего же исходить? Исходить нужно, учит т. Сталин, из конкретно-исторической ступени развития экономики нашего общества и сознания трудящихся масс.

Необходимо повышать производительность труда, воспитывать новое, социалистическое отношение к труду, уничтожая уравниловку, правильно организовывая зарплату, улучшая бытовые условия рабочих. Необходимо решительно бороться против безответственного, халатного, небрежного отношения трудящихся к государственным (социалистическим) предприятиям, машинам, инструменту, жилищу, уничтожая обезличку, улучшая организацию труда, правильно расставляя силы на предприятии.

Необходимо бороться за увеличение темпов социалистического строительства, за ускорение социалистического накопления, внедряя и укрепляя хозрасчет, подымая внутрипромышленное накопление.

Все эти методы новой работы в новых условиях исходят из трезвого учета экономического и культурного состояния нового, растущего общественного строя в СССР. Они вооружают нас подлинным марксистско-ленинским пониманием условий и стимулов в деле развития новых, социалистических форм труда, в деле социалистического перевоспитания трудящихся масс.

VI

Вторая пятилетка есть пятилетка построения бесклассового социалистического общества. Во второй пятилетке будут уничтожены последние капиталистические элементы и будет полностью закончено обобществление всех средств производства, в том числе будет полностью закончена коллективизация сельского хозяйства.

С уничтожением эксплоататорских элементов, с уничтожением причин, порождающих классовые различия,— частной собственности на средства производства,—будут ликвидированы и классы, будет осуществлено построение бесклассового социалистического общества. Вместе с тем будет полностью уничтожена основа, порождавшая и укоренявшая индивидуалистическую частнособственническую и эксплоататорскую психологию. Будут созданы все условия для успешного выполнения задачи, поставленной XVII партконференцией,—задачи преодоления буржуазных пережитков в экономике и сознании людей.

На основе решительных побед социализма над капитализмом мы имеем быстро растущий культурный под'ем широчайших трудящихся масс и глубокий процесс борьбы с буржуазными, частнособственническими, индивидуалистическими формами сознания. Ярким показателем этого является прежде всего широкое развитие массового социалистического соревнования, ударничества.

Этот процесс социалистического перевоспитания трудящихся масс глубже всего охватил рабочий класс, особенно его передовые, наиболее революционные элементы. Рабочий класс нашей страны, особенно его передовые элементы, прошел суровую школу революционной борьбы до Октябрьской революции, вынес на своих плечах главные трудности боев за Октябрь, обогатился опытом, подчас невиданно тяжелым, гражданской войны, борьбы за завоевания Октября, борьбы за организацию управления страны на основе диктатуры пролетариата, борьбы за построение социалистического общества, за преодоление трудностей роста социализма, за генеральную линию партии, против правого и «левого» оппортунизма, против буржуазного троцкизма, буржуазных реставраторов, вредителей и т. д. За 15 лет социалистической революции рабочий класс нашей страны на основе и в процессе революционной борьбы и опыта построения социализма в значительной мере переделал свою собственную природу. Его господствующее положение и руководящая роль в социалистическом строительстве переделали и его психологию. Именно рабочий класс выделяет из своей среды все новые и новые кадры сознательных и активных борцов за социализм, лучших ударников, людей, преданных социализму.

Широкий процесс социалистической переделки идет и среди трудящегося колхозного крестьянства. Получив за 15 лет социалистической революции большой опыт революционной борьбы в союзе и под руководством пролетариата и его партии, испытав революционизирующее влияние МТС, «пересаживающих» крестьянина с «лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой на лошадь крупной машинной индустрии» (Ленин), убедившись на опыте в передовых колхозах и на собственном революционном и хозяйственном опыте в преимуществах коллективных форм хозяйства, крестьянство в массовом масштабе на протяжении ряда лет перестраивает свои частные мелкотоварные хозяйства в коллективные, социалистические по типу, хозяйства. Весь революционный опыт и особенно опыт коллективизации и организационно-хозяйственного укрепления колхозов оказывает на психологию вчерашнего единоличника неизгладимо глубокое влияние. Соцсоревнование и ударничество становятся массовым методом работы колхозов. Активная борьба за колхоз, борьба против вредительской деятельности кулака, борьба против кулацких влияний среди колхозников, наконец сознательная и активная поддержка социалистического государства в самых разнообразных формах, например в досрочном выполнении мясо- и хлебозаготовок, перевыполнение производственных программ и т. д.—все это все больше и больше характеризует лицо наших передовых колхозов и свидетельствует о коренных изменениях в психологии бывшего собственника-крестьянина.

Коренные изменения произошли и продолжают происходить среди буржуазной интеллигенции. После периода прямой борьбы (саботаж, вредительство и т. д.) буржуазной интеллигенции против диктатуры пролетариата и после периода колебаний, воочию убедившись в непоколебимой силе диктатуры пролетариата и несомненных успехах и преимуществах социализма, буржуазная интеллигенция в массе своей коренным образом перестроилась. Социалистические формы труда, активная борьба за социалистическое строительство все больше проникают в ее среду.

Во второй пятилетке процесс переделки трудящихся масс в тружеников социалистического общества приобретает беспримерно глубокий и широкий массовый характер. Впервые в истории человечества на основе уничтожения частной собственности на средства производства и полной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще будет создаваться новый человек, человек социалистического общества.

Однако как до сих пор, так и во второй пятилетке переделка людей будет представлять одну из форм классовой борьбы, будет продолжением классовой борьбы за построение бесклассового социалистического общества. Формы и методы классовой борьбы за социалистическое перевоспитание будут меняться по мере ликвидации классов и по мере внедрения социалистических форм труда. Но классовый смысл этой борьбы и руководящая роль диктатуры пролетариата и коммунистической партии в этой борьбе от этого не изменяются и не сменяются.

Это необходимо подчеркнуть со всей отчетливостью, ибо нельзя, во-первых, забывать, что уничтожаемые эксплоататорские элементы будут бороться, и бороться ожесточенно, за свое влияние на трудящиеся массы. Во-вторых, буржуазные пережитки у трудящихся масс не могут исчезнуть сами по себе, без борьбы. Некоторые из этих пережитков в экономике и сознании людей останутся даже после того, как будут уничтожены классы. Что это за пережитки? Маркс и Ленин говорят, что эти пережитки останутся в форме распределения общественного продукта. Эксплоататорская экономика и эксплоататорская психология будут уничтожены. Но полного коммунистического равенства в первом периоде еще не будет. Общественный продукт за вычетом доли, идущей на общегосударственные нужды, будет распределяться по количеству и качеству труда, а не по потребностям. Это будет выражением формального, но не реального равенства. В этом формальном равенстве еще сохраняются пережитки капитализма, пережитки, обусловленные и уровнем производительных сил и консервативностью укоренившихся остатков буржуазных форм сознания. Имея в виду, что формальное равенство в распределении общественного продукта есть не что иное, как буржуазный пережиток в экономике и сознании людей, Маркс и Ленин называют его остатком «буржуазного права».

Ввиду большого теоретического и политического значения данного вопроса — ибо от решения данного вопроса зависит понимание вопроса об уничтожении классов и социалистического перевоспитания,— обратимся к подлинным словам Маркса и Ленина.

Характеризуя первую фазу коммунистического общества (социализм), Ленин говорит: «Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство». Но,— продолжает Ленин, развивая мысль Маркса,— «равное право» мы здесь действительно имеем, но это еще «буржуазное право», которое, как и всякое право, предполагает неравенство. Всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу, и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость...

справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве еще останутся и различия несправедливые, но невозможна будет эксплоатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства: фабрики, машины, землю и т. д. в частную собственность» (Ленин, «Государство и революция»).

Чем же об'ясняется сохранение пережитков «буржуазного права». Опять, ссылаясь на Маркса, писавшего, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие» (Маркс, «Критика Готской программы»), Ленин говорит: «Таким образом, в первой фазе коммунизма (которую обычно называют социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота» (Ленин, «Государство и революция»).

Из этого учения марксизма-ленинизма о социализме следует:

Во-первых. Неправильно считать, как утверждают некоторые товарищи, что классы исчезают лишь тогда, когда окончательно преодолены буржуазные пережитки в экономике и сознании людей. Классы будут уничтожены, а некоторые буржуазные пережитки в экономике и сознании людей еще будут оставаться. К таким пережиткам следует прежде всего отнести формальное равенство в распределении продуктов в бесклассовом коммунистическом обществе первого периода (фазы). К буржуазным пережиткам нужно отнести также различие между умственным и физическим трудом. Это различие, как говорилось на XVII партконференции, не будет еще вполне уничтожено во второй пятилетке, хотя классы будут уже ликвидированы.

Во-вторых. Неправильно думать, что буржуазные пережитки могут быть преодолены без классовой борьбы. Учение марксизма-ленинизма об остатках так называемого «буржуазного права» в первой фазе коммунизма говорит о том, насколько глубоко укоренились в экономике и сознании людей эти пережитки и насколько будет упорна и трудна борьба за преодоление этих пережитков.

В-третьих. Теоретически несостоятельно и политически вредно считать, что борьба за преодоление буржуазных пережитков может протекать не под руководством партии и не на основе диктатуры пролетариата. Борьба с буржуазными пережитками в экономике и сознании людей есть борьба за последовательное и решительное претворение в жизнь требований пролетариата, против принципов и основ буржуазного общества. Такая борьба есть одна из форм классовой борьбы, и она успешно может вестись только на основе диктатуры пролетариата под руководством партии пролетариата. Борьба за генеральную линию партии против правого, как главной опасности, и «левого» оппортунизма является основной партийной задачей на протяжении всей второй пятилетки.

К юбилею Спинозы

М. Савельев *)

Товарищи! Недавно мы праздновали столетний юбилей Гегеля. Сейчас советская общественность отмечает 300-летие с момента рождения другого величайшего философа — Бенедикта Спинозы. Оба философа, несмотря на значительное количество времени, их отделяющее, несмотря на то, что один был идеалистом, другой исходил в построении своей системы из материалистического принципа, несомненно стоят в тесной научной и общественной связи. Оба принадлежат к периоду начального буржуазного развития общества. Спиноза относится к ранним временам возникновения буржуазных отношений в Голландии, Гегель — современник запоздалого капиталистического развития Германии.

Наконец чрезвычайно важная вещь: обе системы принадлежат к тому теоретическому и научному наследию прошлого, которое так гениально было использовано творцами научного социализма — Марксом и Энгельсом, поскольку марксизм никогда не отказывался от того наследства, которое было им получено от предшествующих систем, превосходно умея «отсечь реакционную тенденцию» (Ленин) буржуазного знания. И если сейчас обе эти системы привлекают наше внимание, то это не случайно. Возьмем наследство, которое оставил нам Гегель. Мы все помним, как Ленин писал, что тот не может углубленно понимать теорию Маркса, кто не читал и не изучал «Логики» Гегеля. Мы помним, как Владимир Ильич не переставал приглашать нас «организовать систематическое изучение диалектики» Гегеля с материалистической точки зрения. Этими же соображениями — необходимостью ознакомления с замечательной во многих отношениях философской системой Спинозы как одного из представителей раннего материализма— об'ясняется тот интерес, который привел нас сюда, который заставляет нашу марксистскую мысль решительно констатировать, что Спиноза, являясь величайшим мыслителем прошлого, тесно связан с современной борьбой на научном и философском фронте. Вот почему мы с громадным презрением должны пройти мимо попыток третировать его, как «дохлую собаку», как его нагло пытались изобразить и пытаются сейчас это делать мракобесы и разного рода адепты буржуазной псевдонауки.

Тот интерес к философским проблемам прошлого, который мы отметили в отношении современного марксизма-ленинизма и который имеется у нас в нашей партии, является не случайным. Он тесно связан с историческим периодом, который мы переживаем. Грандиозная классовая борьба, имеющая место сейчас в обстановке развития и укрепления диктатуры пролетариата в нашей стране, а также углубленное развертывание социалистического строительства, рушащее вековые устои деревни, приведшее нашу страну к периоду

*) Вступительное слово зам. председателя Коммунистической академии на заседании, посвященном юбилею Спинозы.

Бенедикт Спиноза

социализма, вызывают необходимость громадной теоретической работы партии, поднятия задач теоретического фронта на бо́льшую высоту.

Интерес к вопросам теории это менее всего какой-либо «созерцательный» интерес, базирующийся на задачах «чистого познания», которое мы вообще отрицаем, — это интерес, целиком и полностью вытекающий из потребностей борьбы и практического строительства, или, как это формулировал Маркс в своих тезисах о Фейербахе, интерес, связанный с «задачей переделки мира», коренной перестройки его общественных отношений. Эта переделка мира действительно осуществляется нами в настоящее время на одной шестой части мира с величайшей революционной энергией миллионных масс строителей социализма на основе революционной теории марксизма, развитой дальше величайшим теоретическим гением человечества—Лениным. Строительство социализма в нашей стране осуществляется под руководством ленинской партии во главе с ее гениальным кормчим — т. Сталиным.

Пользуясь оружием теории, ставя ее на службу революционной практике, мы тем решительнее должны заботиться о том, чтобы уметь правильно использовать это величайшее оружие, чтобы иметь правильное представление об историческом возникновении и развитии диалектического материализма. Вот почему нам далеко не безразлично, кто является духовными предшественниками марксизма, так же, как и не безразличны их действительная характеристика и оценка. В своей небольшой статье «Три источника и три составных части марксизма», представляющей поистине целый кладезь гениальных положений, Ленин пишет, что история философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что марксизм возник не в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации.

«Наоборот, — говорит он, — вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма».

К таким величайшим представителям по линии философской мысли с несомненностью должен быть отнесен и Спиноза, но чтобы правильно выяснить, в чем марксизм являлся «продолжением» величайших систем прошлого и в чем его «оригинальность», в чем грандиозная, подавляющая высота, на которую поставлена марксистская мысль творцами научного социализма, нужно прежде всего очистить предшествующие философские системы от шелухи, искажений и интерпретаций, которым они подвергались в прошлом, подвергаются и сейчас, причем характерно, что эти интерпретации и эти искажения (если не говорить о прямых замалчиваниях) были тем более яростными, чем ближе к материализму стояла данная философская система.

«Это прехарактерно! — делает пометку Ленин на страницах гегелевских лекций по истории философии. — Мистик — идеалист — спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени) превозносит и жует мистику — идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите — ничего!! О Платоне тьма размазни мистической» [1]).

Вот как резко ставил вопрос Ленин, который, как я только что указывал, с такой величайшей похвалой относился не к поповщине и идеализму в философской системе Гегеля, а к другой стороне его философствования — диалектике, к тому новому в ней, что обеспечивало возможность в дальней-

[1]) Лен. сб. XII, стр. 231.

шем, на основе этой гегелевской диалектики, путем постановки ее с головы на ноги, изничтожить не только гегелевскую, но и всякую прочую поповщину.

Отмечая усилия поповщины замолчать и недооценить материализм, мы должны констатировать, что все историческое развитие философской мысли идет по двум основным водоразделам — за материализм или за идеализм,— как это отмечает еще Энгельс. Именно:

«Создан ли мир богом или он существует от века? Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Одни, которые утверждали, что «дух существовал раньше природы», составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» [1]).

Спиноза в своих произведениях и в наиболее зрелом, основном из них — «Этике», несмотря на неизжитую им схоластическую форму, развивал положения, которые не без основания признавались теологами вреднейшими и еретическими, и твердо стал на точку зрения признания природы основным началом, т. е. на точку зрения материализма, на точку зрения атеизма. Но чтобы правильно понять материализм Спинозы, нужно подойти к его философской системе с исторической оценкой, определив наиболее характерные черты той эпохи, в которой он жил. Маркс глубоко и интересно формулирует эту зависимость идеологии от бытия в «Немецкой идеологии», недавно вышедшей на немецком языке.

«Действительное содержание всех величайших систем определяется потребностями того времени, когда они возникли. В основе каждого такого их возникновения лежит целая полоса развития той или другой нации, историческое развитие классовых отношений с их политическими, моральными, философскими и прочими консеквенциями» [2]).

Какая же полоса развития характеризует возникновение философской системы Спинозы? Нужно помнить, что в XVII в., когда жил и работал Спиноза, Голландия была самой передовой буржуазной страной. А Маркс в своем «Капитале» прямо пишет: «Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия». Надо сказать, что буржуазное развитие Голландии началось еще значительно раньше; связанное с колониальной политикой и колониальными грабежами, а также с оживленной торговлей и развитием мануфактуры, оно восходит к эпохе Возрождения. «Вся эпоха Возрождения,— говорит Энгельс, — начиная с половины XV века и в частности вновь пробудившаяся с тех пор философия была плодом развития городов, т. е. буржуазии. Философия только выражала по-своему те мысли, которые соответствовали переходу мелкой и средней буржуазии в крупную».

Это буржуазное развитие, — а не нужно забывать, что в XVII столетии в Голландии уже была успешно завершена буржуазная революция и власть находилась в руках нового класса, — должно было сильнейшим образом повлиять и на философские взгляды Спинозы. Стоя на передовых позициях буржуазного миропонимания, Спиноза решительным образом выступает против феодальной схоластики и поповщины. Вполне характерным является то положение, что его основной постулат говорит о существовании, независимо от сознания, «природы», понимаемой им впрочем еще в значительной степени схоластически. Уже на ранних ступенях своего развития он имеет возможность преодолеть декартовский дуализм, беря за исходную позицию единую субстанцию (природу), наделенную двумя атрибутами — протяжением и мышлением, и устанавливает единство этих атрибутов (не тождество!) в недрах субстанции. Он подчеркивает в то же время, что природа имеет причину в самой себе (знаменитая его natura est causa sui). «Я вижу,— гово-

[1]) Энгельс, Людвиг Фейербах.
[2]) «Die deutsche Ideologie», Собр. соч. Маркса и Энгельса, т V, стр. 445.

рит он,— что от меня не зависит ни истина, ни сущность, ни существование вещи». Это несомненно было материалистическим решением основной философской проблемы об отношении бытия к мышлению. Вот почему совершенно прав был Энгельс, давая высокую характеристику философскому учению Спинозы, приравнивая его к ряду других философских материалистических систем того времени.

«Надо считать огромным достоинством, — говорит Энгельс, — и честью тогдашней философии, что она не поддалась влиянию ограниченной точки зрения тогдашнего естествознания, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась об'яснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего».

Однако материализм Спинозы не был и не мог быть последовательным до конца. Его материализм был одет в теологический костюм. Это было, по выражению Фейербаха, отрицание теологии, но «на почве самой теологии». Вот почему Спиноза, являясь материалистом и атеистом, оперирует в своих философских построениях понятием бога, хотя и сводит его до отождествления с материей и до отождествления с той же природой. Правильно замечает по этому поводу Фейербах, когда говорит, что «сам бог, в изображении Спинозы, является материалистом» [1]). Маркс и Энгельс с присущей им глубиной и гениальностью раскрывают эту непоследовательность. Его природа есть метафизически переряженная природа, говорит Маркс, «природа в ее оторванности от человека».

Подчеркивая громадное значение философской концепции Спинозы, ставя ее на надлежащее историческое место, мы должны беспощадно бороться со всякого рода попытками современной буржуазной философской мысли, выражению Фейербаха, отрицание теологии, но «на почве самой теологии». щего на корню современного буржуазного строя, извратить философию Спинозы по образу и подобию своему. Имевшие место «юбилейные торжества» буржуазных «спинозистов» демонстрируют это с полной наглядностью.

Собравшийся в Гааге международный спинозовский конгресс наглядно показывает те позиции, которые занимает буржуазная философия сейчас в оценке философской системы мыслителя. Оказывается, характерный момент— на конгрессе присутствовал ряд католических теологов, судя по отчету отнюдь не враждебно настроенных по отношению к Спинозе.

Некоторые участники конгресса, как например д-р Гебхард, издатель сочинений Спинозы, прямо подчеркивали в своей оценке его философии, что он «поднялся в область общерелигиозного».

Характерно для социал-фашизма выступление Карла Лейтнера в венской «Арбейтер цейтунг», пытающегося всячески смазать материализм Спинозы, расценивающего его философию как «психофизический параллелизм».

Известный буржуазный спинозист иезуит Дунин-Борковский в своей выпущенной к юбилею книге прямо заявляет, что Спиноза, несмотря на ряд отдельных утверждений, «однако все же не был материалистом и атеистом». Дунин-Борковский изо всех сил старается опорочить оценку, данную Спинозе Фейербахом, называя ее диалектико-софистической.

Наконец со всей решительностью должны мы ударить и по попыткам грубого извращения учения Спинозы, имеющим место со стороны как механистов, так и меньшевиствующих идеалистов. Первые пытаются весь его материализм свести к «детерминизму», договариваясь до того, что Спиноза являлся «глубоко религиозным мыслителем» (Аксельрод), а вторые, с легкой руки Плеханова, стремятся, наоборот, изобразить Спинозу чуть ли не родоначальником диалектического материализма, а материализм Маркса—Энгельса

[1]) Л. Фейербах, Соч., т. I, стр. 94

представить в виде простой «разновидности спинозизма». Не менее грубо ошибочными являются попытки расценивать Спинозу как поборника социалистических идей, якобы «пророчески предвосхищающего наступление нового, социалистического общества» (Деборин, Карев и т. д.) в противоположность Марксу и Энгельсу, по мнению которых Спиноза стоял на передовых, в его условиях, буржуазных позициях. Надо потребовать от представителей меньшевиствующего идеализма решительного дезавуирования этих грубо ошибочных положений, явно указывающих на то, что ими не только недооценивается роль Маркса и Энгельса в создании диалектического материализма, но и извращаются его основные положения.

Нужно помнить, что, несмотря на то, что Маркс, Энгельс, а впоследствии Ленин со всей решительностью призывали использовать историческое наследство, использовать учения величайших представителей философии, политической экономии, социализма—предшественников научного социализма,— в то же самое время они не просто брали те или другие положения, а глубоко их перерабатывали, переделывали, разоблачая заключенную в них половинчатость, непоследовательность. Нужно помнить, что диалектический материализм это есть величайшее философское мировоззрение, гениально созданное его творцами — Марксом и Энгельсом — именно в тот исторический момент, когда пролетариат выступил на сцену, когда новый молодой исполин вышел из недр буржуазного строя в результате развития капиталистического способа производства и ринулся с молодой энергией в развертывающуюся классовую борьбу. Не нужно забывать, что XIX в.—когда родилась система диалектического материализма, — это, по выражению Маркса, «время наступления пролетарских революций»... «Эти революции, — говорит Маркс, — беспорядочно и шумно провозгласили освобождение пролетариата, т. е. раскрыли тайну XIX века и его революций». Вот почему мировоззрение научного социализма решительно переворачивает все прежние отношения на фронте теории, на фронте философии,—хотят этого буржуазные доктринеры и их прихвостни или нет. Вот почему это мировоззрение становится боевым знаменем мирового революционного пролетариата. Вот почему так прав Ленин, когда он указывает, что «каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм». «Новейшие открытия естествознания,—говорит Ленин,—радио, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учению буржуазных философов, с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму».

Итак, правильное понимание взглядов Спинозы, очищение материализма Спинозы от идеалистических привесков буржуазного шарлатанства составляют необходимый момент в деле борьбы воинствующего диалектического материализма за марксистско-ленинское мировоззрение!

Спиноза и диалектический материализм

М. Митин

(Стенограмма доклада на заседании президиума Комакадемии и Института философии, посвященном 300-летнему юбилею Спинозы)

I

В настоящий исторический период нет ни одного вопроса, ни экономического, ни политического, нет ни одной проблемы из области идеологии, искусства, естествознания, философии, в которой в яркой степени не отражалась бы борьба классов, борьба двух систем — социализма и капитализма. В области идеологии отражение классовой борьбы очень ярко сказывается по вопросу об отношении к прежним мыслителям, об отношении к представителям классической науки и философии. Напомним здесь о фактах отражения классовой борьбы в области оценки философии Гегеля. Известно, как представители буржуазной, социал-фашистской и фашистской философии пытаются в настоящее время использовать гегелевское учение в своих целях — в целях укрепления господства буржуазии.

Примерно то же самое происходит сейчас на фронте философии в широком смысле этого слова в связи с юбилеем Спинозы. Нет почти ни одной крупной газеты на Западе, которая не посвятила бы Спинозе своего внимания, своих страниц. Те же самые черты, которые были особенно характерны при проведении юбилея Гегеля, проявились также в очень яркой степени и в отношении к философии Спинозы.

Буржуазная наука и философия особенно в настоящее время в общем уже неспособны к дальнейшему развитию. Буржуазия и ее идеологи воскрешают наиболее реакционные стороны старых классических учений, теорий, всячески искажают то, что было исторически прогрессивным в этих философских теориях и направлениях. Буржуазная наука, культура, идеология современности находятся в такой стадии своего разложения, упадка и деградации, когда ее представители в силу своего классового положения не только не в состоянии понять современные отношения, процессы и закономерности, но когда они потеряли способность понять даже своих старых классиков, классиков буржуазной науки того периода, когда буржуазия была еще революционной в своей борьбе с феодализмом. Это обстоятельство ярко сказывается по отношению к спинозовской философии.

Для характеристики существа и смысла такого состояния можно с известными ограничениями сослаться на самого «старика» Гегеля. В своей «Истории философии» при анализе различных эпох он нередко сталкивался с такими обстоятельствами, когда «передовые» представители науки и философии возвращались в своих учениях вспять, в глубь веков, восстанавливали, пытались реставрировать старые учения, оживлять их. Как идеалист, но одновременно и как диалектик подходит Гегель к таким случаям. Вот что он пишет: «С другой стороны, возвращение развитого, обогащенного духа к та-

кого рода простоте, т. е. к абстракции, к абстрактному состоянию мысли, мы можем рассматривать лишь как прибежище бессилия, чувствующего, что оно не может справиться с богатым материалом развития, которое оно видит перед собой и которое представляет собой пред'являемое мышлению требование овладеть им, об'единить и углубить его; это бессилие ищет спасения в скудости и бегстве от богатства этого материала».

Эта гегелевская характеристика очень хорошо подходит ко всякого рода «нео»-неогегельянству, неокантианству, неоспинозизму, неоплатонизму и т. д. и т. д., которые так пышно цветут в настоящее время в буржуазных философских садах. Бессилие и скудость мысли в области философии, бегство от богатства материалов новой исторической эпохи, эпохи развала и гибели капитализма, эпохи мощного роста социализма у нас, сочетаются у представителей современной буржуазной культуры с требованиями возврата от современной передовой техники к низшим ступеням развития, с призывами в фашистской литературе о возвращении к варварству в прямом смысле этого слова. Такие примеры о выступлениях виднейших представителей науки, техники, литературы и искусства можно приводить без конца. Они показывают, в каком состоянии разложения и маразма находится современная, так называемая, «цивилизация» и культура буржуазии.

За последний период времени в Германии подвизается плодовитый писатель Куденгове-Калерги. Это один из идеологов пан-Европы. За последние два—три года он выпустил ряд книг. Это очень плодовитый писатель, но весьма низкопробный философ, пишущий к тому же в тоне бульварной литературы. Однако нельзя не понимать и не видеть, что его писания оказывают известное влияние, особенно на широкие слои мелкой буржуазии, которые буржуазия стремится вести в своем фарватере.

Куденгове - Калерги в своей последней книге «Прочь от материализма» следующим образом характеризует состояние и обострение классовой борьбы, которая происходит между двумя системами: «Действительная борьба культур,— пишет он,— это борьба между идеализмом и материализмом. Эта борьба ведется на различных фронтах: в философии, в этике, в политике, в искусстве, везде и всюду стоят друг против друга непримиримые враги».

И дальше очень интересное признание: «Все оружие и все орудия власти Европы не смогут спасти ее культуру, если бы она осталась материалистической. Коммунистический материализм открыл бы ворота Красной армии, поэтому борьба вокруг коммунистического материализма есть борьба вокруг нашего будущего, вокруг нашей культуры. Это борьба культур в полном смысле слова».

Этот своеобразный немецкий Пуришкевич, бульварный философ и журналист, этот классовый враг очень хорошо схватывает, вокруг чего идет борьба в области мировоззрений. Далее он пишет: «Европа переживает сейчас самый колоссальный моральный и духовный кризис со времени переселения народов. Европа погибнет, если ей не удастся уничтожить материализм».

Если иметь в виду, что представителями философии и буржуазной идеологии материализм обычно отождествляется с марксизмом, если иметь в виду, что Куденгове-Калерги считает, что «материализм приобрел в лице Советской России необычайно крупную силу», если принять все эти обстоятельства во внимание, мы поймем, как классовый враг в общем правильно характеризует главные линии идеологической борьбы, борьбы мировоззрений двух основных классов современности, из которых один имеет за собой будущее, выражает прогрессивное развитие, выражает наиболее передовые устремления и интересы, борется против капиталистического рабства, а другой

класс — класс отживший, выполнивший свою историческую роль и стоящий накануне своей окончательной гибели. Борьба этих двух классов, из которых один стоит у власти на одной шестой части земного шара, а другой, хотя и располагает остальными пятью шестыми, но внутренне раздирается неимоверным кризисом, определяет весь ход современной истории.

Лучшие буржуазные философы, наиболее крупные представители буржуазной философии и идеологии проникнуты скептицизмом, они занимаются выискиванием различных панацей для сохранения капиталистического способа производства. Последние произведения крупного представителя буржуазной философии Германии Рихарда Кронера, председателя Международного гегелевского союза, проникнуты насквозь пессимизмом и упадочностью. Рихард Кронер, несмотря на это, все же мечтает об идейном реванше со стороны Германии. Он считает, что «мир Гегеля, мир Гете безвозвратно погиб, движение, которое началось после их смерти, подымало все более и более высокие волны и наконец потрясло всю Европу, подмывало основы старой культуры и поколебало их так, что не осталось камня на камне» [1]).

Он далее пишет: «После того, как трагический рок похитил у Германии все внешние средства, немецкий дух должен углубиться во внутрь себя». Он имеет в виду поражение, которое потерпела Германия в империалистической войне, и считает, как мы видим, в весьма пессимистических тонах, что единственная надежда состоит в том, чтобы немецкий дух углубился в самого себя.

В обстановке, когда нет ни одного вопроса, будь то из области экономики, политики или искусства, философии, науки, в которых в резкой степени не сталкивались бы два класса, две системы — капитализм и коммунизм, — приобретает особенно большое значение наше отношение к старому наследству в области науки, наше отношение к классикам в области философии.

Под этим углом зрения, под углом зрения б о р ь б ы з а м а т е р и а л и з м, з а д и а л е к т и ч е с к и й м а т е р и а л и з м, которая является одним из важнейших моментов общей классовой борьбы,—для нас имеет важное значение вопрос об отношении к философии Спинозы, крупнейшего мыслителя XVII столетия, поскольку мы сейчас отмечаем 300-летие со дня его рождения.

Ленин, говоря о Марксе, писал: «Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме, изучивши законы развития человеческого общества. Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания».

Подчеркивая это обстоятельство, Ленин неоднократно заострял и другой вопрос, а именно,—что марксизм представляет собой не просто усвоение старой науки, старого знания, не простое механическое овладение всем человеческим знанием, которое добыто на протяжении истории его развития. Ленин подчеркивает все время, что марксизм означает к р и т и ч е с к о е усвоение старого знания, критическую проработку этих материалов.

Ленин неоднократно раз'яснял, в чем собственно состоит сущность критического усвоения прежних знаний, накопленных человечеством. Маркс, овладев прежними знаниями, прежней наукой, подверг их критической переработке с т о ч к и з р е н и я и н т е р е с о в р а б о ч е г о к л а с с а, проверил их н а п р а к т и к е р а б о ч е г о д в и ж е н и я и тем самым смог

[1]) „Verhandlungen des zweiten Hegelksongresses"

сделать соответствующие выводы, смог внести новое, так далеко пойти вперед в своих результатах, до каких конечно не в состоянии был подняться ни один представитель буржуазной науки и философии.

Марксизм не есть простая сумма старых знаний. Марксистская философия — диалектический материализм — не есть сумма ручейков, как некоторые себе представляют, куда «втекают» и Гегель, и Спиноза, и Фейербах. Марксизм есть критическая переработка старых знаний, проверенных на практике рабочего движения, проверенных с точки зрения создания бесклассового коммунистического общества.

Только такой подход ко всей сумме человеческих знаний, накопленных человеческим обществом, который красной нитью проходит по всем работам Ленина, дает нам возможность правильно подойти к пониманию прежних философских систем и дать подлинно марксистскую их оценку.

Давая единственно правильную, подлинно историческую оценку старых философских учений, старых философских систем, вскрывая все то глубокое историческое значение, которое каждая классическая философская система имела, марксизм вместе с тем вскрывает и их недостатки, которые были исторически обусловлены, которые определяются и об'ясняются условиями классовой борьбы той или иной эпохи.

Наш подход к прежним философским системам должен вскрыть и показать, что единственно научный, единственно последовательный до конца ответ на все вопросы философии дают только Маркс и Энгельс и что дальнейшее развитие их учения дано в работах Ленина и Сталина. Только под этим углом зрения мы можем дать правильную оценку философии Спинозы и только это может освободить нас от ошибочной трактовки его философии.

Спиноза — идеолог революционной буржуазии XVII столетия, идеолог класса, который переживал свою первую молодость, который был полон сил и который идеологически на своем знамени, характеризующем его общественный идеал, начертил идеал «общего блага». Этот класс выступил против средневековой магии, против сверхестественных сил, против дворянства, феодализма и т. д. Спиноза не мог оказаться вне влияния этой эпохи и этого класса. Эти черты наложили печать на все его мировоззрение, на всю его философию. Мир Спинозы—это уже не замкнутый средневековьем мир, мир ангелов и чудес, мир мистики и божества, это мир вещей, мир, раздвинутый в своих границах орудиями, которые были приобретены к тому времени наукой, знанием; это — мир, необычайно раздвинутый телескопом, открытием Америки и т. д. Мир Спинозы—это не старый замкнутый феодальный мир, в котором господствуют господь-бог и ангелы; мир Спинозы — это мир новой буржуазии, который управляется своими внутренне необходимыми законами, причем человек — часть этого мира, который ставит перед собой задачу овладеть природой, подчиняясь ее законам.

Эти черты буржуазной идеологии и буржуазного мировоззрения эпохи, которые выразил Спиноза в своей философии, в своем мировоззрении, совершенно неприемлемы для современной буржуазии, они неприемлемы для ее идеологов, для ее представителей. Современные представители буржуазии идеалистически интерпретируют Спинозу. Все великое, что есть в его произведениях, всячески затушевывается, и наоборот, раздуваются все реакционные черты, которые имеются в его философских произведениях.

Летом 1932 г. в Гааге происходил международный спинозовский конгресс. Журнал «Die Stimme der Vernunft» в ноябрьском номере поместил статью Ганса Гартмана, посвященную конгрессу. Вот что он писал о нем:

«На конгрессе присутствовал ряд католических теологов, отнюдь не враждебно настроенных по отношению к Спинозе. Один голландский профес-

сор провел интересную параллель между Спинозой и Паскалем и попробовал с этой стороны проникнуть в проблему отношения между религией и философией. А известный немецкий исследователь Спинозы, только что выпустивший свой второй труд о Спинозе — патер, граф Дунин-Борковский, — говорил о физике Спинозы, которая целиком выросла из тогдашней эпохи, столь необычайно затронутой интересом к физике и математике, и которая (физика Спинозы) вместе с тем ведет к таким постановкам проблем, которые вполне современны. Его доклад служил как бы дополнением к докладу экспериментального физика профессора Клайя из Амстердама, который на основе новейших исследований о строении атома и на основе критики современной физической картины мира подверг исследованию причинность и сумел с выдающейся ясностью провести границу между физикой и метафизикой». Далее этот автор статьи сообщает нам, что «Гебхардт, заслуженный немецкий издатель сочинений Спинозы и духовный вождь теперешнего спинозовского движения, показал, с какой силой Спиноза взорвал границы унаследованного у отцов иудейства и как он поднялся в область общерелигиозного».

Атмосфера, которая господствовала на конгрессе, для нас совершенно ясна. Иезуиты, католические попы присутствуют на конгрессе, который целиком и полностью проходит под флагом идеалистического религиозного истолкования философии Спинозы, под флагом примирения науки и религии, физики и метафизики. Профессора, физики-экспериментаторы, философы-идеалисты, католические теологи совместно «стремятся к тому, чтобы спинозовским глубокомысленным, возвышенным, проникнутым внутренним спокойствием интеллектуальной любви к богу образом познавать мир и об'яснять его» — сообщает нам далее этот Ганс Гартман.

Дунин-Борковский выпустил специально к юбилею Спинозы книжку «Спиноза по прошествии трехсот лет». Этот «ученый» исследователь Спинозы делает все, чтобы запутать коренной вопрос философии, чтобы отвлечь внимание от того обстоятельства, что Спиноза был материалистом. Дунин-Борковский пытается выступать в роли представителя полнейшей беспартийности и об'ективности. «Надежнее всех, — пишет он, — шагают великолепно беспартийные. Они трактуют философа в полном соответствии с его желаниями, спокойно, без эффектов, как геометрическую фигуру... влекомые не интересом к нему, а единственно только любовью к об'ективной действительности, как таковой». С точки зрения этой «великолепной беспартийности» он стремится всячески доказать, что, хотя Спиноза и заблуждался, отрицая личного бога, отличающегося от мира и действующего по своему произволу, — однако он все же никоим образом не был материалистом и атеистом, как это «утверждают в своих политических и партийных интересах такие мало сведущие люди, как Фейербах, или современные русские интерпретаторы спинозизма».

Для того чтобы показать, насколько широко распространено в настоящее время среди буржуазных ученых и философов идеалистическое извращение философии Спинозы, мы сошлемся на ряд источников, появившихся за последние годы. Венцель в своей книге «Мировоззрение Спинозы» [1]) считает, что «спинозизм может стать ферментом религиозной жизни». Он хочет распропагандировать взгляды Спинозы «в широких массах» в качестве идей нового религиозного миросозерцания. «Страшная мысль,— восклицает Венцель,— что религия среди народа представляет из себя гнющий труп». Говоря о системе Спинозы, он пишет: «Этически-религиозный интерес, так сказать, есть логическая пружина мыслей этой системы» (S. 30). Французский

[1]) «Die Weltanschauung Spinozas» von dr. Alfred Wenzel.

философ Эмиль Лазбакс, последователь философии Бергсона, «метода жизненной интуиции», в своей книге «Иерархия во вселенной у Спинозы» [1]) ссылается на Бергсона, который таким образом характеризует «интуицию Спинозы». Эта интуиция не укладывается ни в какую формулу, может быть до известной степени описана «как чувство совпадения между актом, в котором дух познает в совершенстве истину, и действием, в силу которого бог ее порождает...» Мистицизм, поповщина чистейшей воды, интуитивизм — все что угодно подсовывается философии Спинозы этим бергсонианцем.

Специальный номер «Kantstudien» XXXII, 1927, посвященный 250-летию со дня смерти Спинозы, дает богатейший материал, характеризующий трактовку философии Спинозы со стороны современного неокантианства. Так например Циген в своей статье «Бенедикт Спиноза» ставит своей задачей «до известной степени спасти Спинозу, приблизив его к Канту». Циген сначала указывает на ряд современных неокантианцев, которые видели только противоположность между Спинозой и Кантом. Особенно четко это противопоставление получило выражение в книге Б. Келлермана («Этика Спинозы»). Либерт писал о Спинозе: «Едва ли можно найти еще другого западного философа, который мыслил бы понятие бытия так первично, так абсолютно, так недедуктивно, так некритически, так не по-кантовски, так совершенно наивно, так в себе замкнуто, как Спиноза». Известно, что означают все эти эпитеты: «некритично», «первично», «наивно», «абсолютно» в устах неокантианца. Они обозначают не что иное, как материализм. Так вот, Циген не согласен с этим и всячески стремится причесать Спинозу под кантианца. Он устанавливает внутреннюю близость, существующую якобы между «Критикой чистого разума» и «Трактатом об очищении интеллекта». Камнем преткновения для сближения Канта и Спинозы, по его мнению, является, правда, учение Спинозы о протяжении, ибо последнее не является подобно времени «модусом мышления», а атрибутом субстанции. Но в этом вопросе, полагает Циген, Спиноза не достиг ясного и непротиворечивого понимания.

В другой статье этого юбилейного номера «Религиозно-философское значение Спинозы» Альберт Левкович пытается об'яснить «тайну» его системы, выражающейся в дуализме, «с одной стороны, универсального и всеохватывающего правила, включающего в себя всякую частную характеристику бытия», и с другой стороны, «вещью всех вещей», несущей и сохраняющей в себе «бесконечную полноту всех свойств».

Левкович об'ясняет эту тайну «религиозно-философским характером спинозовской системы» (стр. 153). Бог у Спинозы не только «причина себя»,— он «суверенность и бесконечная полнота бытия» (стр. 153). Современное естествознание, правда, уничтожило «теологическую картину» мира, бога как высочайшую causa finalis, но тем не менее Спиноза обосновывает все вещи в боге как «модусы в бесконечной субстанции».

Далее он пишет:

«Из великой антиномии еврейского сознания бога, бога-творца и бога человеческой души, Спиноза сделал только бога-творца фундаментом своей метафизики (стр. 155)... Спиноза истолковывает бога лишь в физическом смысле — natura naturans — с исключением нравственно-религиозных мотивов религиозного сознания» (стр. 160).

«Из признания нового познания природы вытекает для Спинозы натурализация понятия бога, отклонение всяческой теологии, из религиозного сознания Спинозы, однако, следует удержание им ens realissimum схоластики и его истолкование через учение о бесконечных атрибутах и через понятие субстанции и модуса» (стр. 154).

[1]) «La hiérarchie dans l'univers Spinoza» par Emil Lasbax.

Вот ряд примеров, характеризующих отношение различных кругов современной философии к Спинозе. Возня буржуазных профессоров вокруг Спинозы, выражающаяся, с одной стороны, в превращении Спинозы то в кантианца, то в бергсонианца, то в платоника, то в махиста, а с другой стороны, в исключительно религиозно-мистическом истолковании его философии является подтверждением высказанных выше соображений по вопросу о состоянии современной буржуазной философии.

II

В мою тему не входит задача дать подробную характеристику исторических условий, социальных корней философии Спинозы. Это как раз задача следующего доклада. Поэтому я очень кратко остановлюсь на этих вопросах.

Ко времени выступления Спинозы на литературно-философскую арену феодальный строй в Европе был уже основательно подточен благодаря росту городов, благодаря росту буржуазии. Так называемые крестовые походы, которые по существу представляли собой вооруженные торговые, купеческие экспедиции, явились провозвестниками эпохи первоначального капиталистического накопления.

Буржуазный мир, его об'ем, если можно так выразиться, значительно расширился. На протяжении двух-трех столетий до того, как выступил Спиноза, был совершон целый ряд крупнейших открытий: открытие Америки, открытие морского пути вокруг Африки и пр.; открытие ост-индского и китайского рынков, колонизация Америки — все это подтачивало узкие рамки феодальных устоев. Происходил перенос центров культуры из средиземноморских стран на побережье Атлантического океана.

Ко времени Спинозы после средневековой спячки имелись огромные достижения и в области науки: открытия Галилея, исследования Коперника, в области химии—работы Бойля, открытия Ньютона, Декарта и т. д.

Все это свидетельствует, что на базе экономического расцвета, на базе роста буржуазии, ее городского могущества происходил и расцвет науки, культуры и искусства. Вот общая обстановка, характерная для всего европейского мира того периода.

В XVI веке в Германии, отчасти также и в Голландии, происходило большое революционно-коммунистическое крестьянское движение. Во главе этого движения в Средней Германии стоял Томас Мюнцер. В Тюрингии, как отмечает Меринг, он был душой крестьянской войны. Мюнцер под облачением мистических выражений проповедывал учение, которое было глубоко враждебно не только католицизму, но и христианству вообще. Движение перекрещенцев получило в Голландии большое отражение.

Голландия в 1566—1588 гг. пережила свою буржуазную революцию, которая окончилась победой буржуазии. Еще в 1648 г. Голландии приходилось воевать, бороться за свою самостоятельность с феодально-католической Испанией. Голландия представляла ко второй половине XVII столетия образцовую капиталистическую страну. Голландия была наиболее развитой страной того времени, это была типичная страна капиталистической мануфактуры с отдельными моментами перехода к машинному производству.

Нужно сказать, что Голландия к тому времени подчинила своему торговому могуществу всю Индию. Голландия всюду имела свои фактории. Вся торговля с Азией была сосредоточена в руках знаменитых голландских Ост- и Вестиндской компаний. В 1630 г. Ост- и Вестиндская торговые компании Голландии завоевали всю Бразилию. Правда, они не смогли долго ее удержать,

но все же это показывает, какова была мощность этих компаний. Такой расцвет торговли сопровождался тем, чем обычно сопровождается капиталистическое накопление: подлогами, грабежами, насилием и т. д. Маркс характеризует Голландию XVII века следующими штрихами: «История голландского колониального хозяйства,— а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия,— развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей. Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на острове Целебес для пополнения кадров рабов на острове Ява. С этой целью подготовлялись особые воры людей... Чтобы овладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 г. он впустил их в город. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его, чтобы иметь возможность «воздержаться» от уплаты условленной суммы подкупа» («Капитал», т. I, изд. 1925 г., стр. 744—745).

И далее он пишет, говоря о возникновении капиталистической налоговой системы: «Чрезмерное обложение — не случайное уклонение, а скорее самый ее принцип. В Голландии, где эта система укрепилась раньше, чем в других государствах, великий патриот де-Витт прославляет ее в своих «Максимах» как наилучший способ развить в наемном рабочем покорность, умеренность, прилежание и готовность переносить чрезмерный труд» (там же, стр. 749).

В третьем томе «Капитала» Маркс указывает: «Голландия в XVII столетии подобно теперешней Англии являлась страной наиболее передовой в смысле экономического развития».

Спиноза —идеолог буржуазии своей эпохи. В своих философских взглядах он отобразил передовые устремления и чаяния буржуазии расцвета Голландии. Спиноза стоял на вершине науки своего времени. Буржуазия Голландии была в то время прогрессивным классом в том смысле, что она двигала вперед развитие производительных сил, создавала экономический расцвет. И вот на базе, на основе этого экономического расцвета в Голландии происходило большое процветание и искусства и литературы: известна голландская живопись, известны картины Рембрандта, которые представляют собой важную ступень в развитии голландского искусства. Известно также и развитие философии в этот период. Несомненно, что Спиноза как один из крупных представителей идеологии буржуазии этой эпохи в своем философском мировоззрении выразил с наибольшей яркостью для того периода идеологию радикальных устремлений буржуазии того времени.

В Голландии в период жизни Спинозы происходила борьба между двумя партиями: между партией реакционно-монархической—партией Оранского, и республиканской партией де-Витта. Де-Витт погиб в 1672 г. К власти пришла партия Оранского. Спиноза был ближе связан с партией де-Витта. Его политические устремления шли по этой линии. Он был идеологом наиболее радикальных слоев буржуазии этой эпохи.

Основная установка всей философской системы Спинозы, отправной пункт его философствования — это этические проблемы, это проблемы, как он выражался, «общего блага», проблемы индивидуального и социального поведения людей. Задача его философствования, как ее ставит себе Спиноза, состоит в том, что надо найти, не существует ли чего-нибудь, что было бы истинным благом, благом, доступным всем. Раз оно будет найдено, оно доставит возможность пользоваться постоянной радостью.

Спиноза ставит перед собой задачу—дать глубокое философское обоснование условий, при которых можно добиться этого «общего блага».

Спиноза как истый идеолог буржуазии своей эпохи выступает против знания ради знания. Он ставит перед собою практическую задачу — дать обоснование стремления к «личной пользе», к «личному благу» и к «личной свободе». Однако все эти категории суть только частный случай того всеобщего естественного закона, закона самосохранения, который, по мнению Спинозы, характерен для всей природы в целом и для человека как части природы. Под этим углом зрения Спиноза переходит дальше к проблемам онтологического порядка, к проблемам теоретико-познавательным. Под этим углом зрения он подходит к учению о закономерностях всей природы, к основной проблеме его философии—к вопросу об субстанции, атрибутах и модусах. Для разрешения своей этической проблемы Спинозе, как мы видим, необходимо было предварительно разрешить онтологические проблемы, проблемы сущности универсальной природы, которая во всех своих частях и в целом подчинена одним и тем же законам. Таким образом мы видим, что исходный пункт его философской системы как бы передвигается из той области, с которой он хочет начать свою философскую систему, в область онтологических проблем. Из учения о человеке его учение как бы расширяется, становится учением о субстанции, атрибутах и модусах, учением о природе, которую вместе с тем он называет богом.

Под этим углом зрения построено основное произведение Спинозы—его «Этика». В ней он идет от бесконечной субстанции, природы, к модусам, к конечным выводам — к человеку, к его действиям и т. д. Человек, с точки зрения Спинозы,— часть природы, и его законы существования, его необходимость и его свобода определяются и должны быть выведены из общих законов существования всей природы, из общих законов необходимости всей природы.

Для общей характеристики философских произведений Спинозы необходимо еще иметь в виду одно обстоятельство, а именно: математический метод, характерный для главного труда Спинозы. Математический метод Спинозы стал у него руководящей нитью не только для познания, но и для изложения своей системы, ибо, с его точки зрения, дедуктивный математический ход мышления — это единственный путь к действительному познанию вещей, единственный источник правильного познания. Спиноза в одном месте говорит: «Если бы люди понимали весь порядок природы с полной ясностью, они нашли бы в нем все столь же необходимым, как и положения математики». И вот он сооружает свою философскую систему, построенную по математическому методу. Она вооружена дефинициями, теоремами, аксиомами, которые тяжело отражаются на понимании основных линий его учения. Математический метод, который он применяет, мотивируется им, исходя из основной идеи его учения. Что в природе вещей, с точки зрения Спинозы, должно совершаться необходимо, то должно быть в познании вещей доказуемо как положения, образующие необходимые математические выводы.

И наоборот, в действительности они не могут существовать, они неверны, если не могут быть доказаны с точки зрения математической необходимости. Таким образом высший закон, с точки зрения Спинозы, совпадает с математической необходимостью.

В своих «Очерках по истории философии и религии в Германии» Гейне следующим образом охарактеризовал систему и форму спинозовской философии:

«Математическая форма придает Спинозе жесткую оболочку. Но это то же, что миндальная кожица; ядро оказывается тем вкуснее.

При чтении Спинозы охватывает нас такое чувство, как при созерцании великой природы в ее оживленнейшем спокойствии. Это лес мыслей высоких, как небеса, мыслей, цветущие вершины которых колышатся, словно волны, между тем как непоколебимые стволы их внедряют корни в вечную землю».

В этой математической стройности системы Спинозы несомненно получил в частности свое выражение его рационализм. Все положения его философии, все положения мышления и мировоззрения — все это должно быть, по мнению Спинозы, подвергнуто суду математического доказательства. И только с этой точки зрения они являются правильными, реальными, необходимыми.

По вопросу о математическом методе Спинозы буржуазная философия чрезвычайно много писала и писала, как вообще о всей философской системе Спинозы, неправильно. Виндельбанд очень много внимания посвящает математическому методу Спинозы. Он считает, что спинозизм — это математический пантеизм, не просто пантеизм, а именно математический пантеизм. Он говорит, что спинозовская философия, как и вообще спинозовский метод, является методом, который логически ведет к мистицизму и т. д. Но это идет по той же линии — по линии общей идеалистической интерпретации философской системы Спинозы, о которой я говорил вначале.

Итак, математический метод познания и изложения своей системы принят Спинозой из очень глубоких побуждений и стремлений. Он считает, что все, что ни совершается в природе, есть необходимость, что никакой случайности ни в природе, ни в обществе, ни в жизни отдельных людей нет. Необходимость же наилучшим образом познается математическими законами. Тут точность и необходимость выражаются в наиболее четкой форме, и никакой случайности тут нет места. В природе, с точки зрения Спинозы, не может ничего существовать, что не могло бы быть математическим образом доказано. Спиноза был крупнейшим рационалистом своего времени. Он все отдает на суд разума, на суд разумного математического выведения, и все, что не выдерживает этого разумного выведения, все, что не выдерживает этой математической необходимости,— все это, по мнению Спинозы, не обладает истинностью существования.

III

Прежде чем перейти к характеристике основных вопросов философии Спинозы с точки зрения диалектического материализма, прежде чем выяснить основное материалистическое содержание его философии и недостатки его, я хочу поставить перед собой задачу следующего порядка: посмотреть, как трактуют, интерпретируют и вместе с тем критикуют философию Спинозы, с одной стороны, идеалист-диалектик Гегель, а с другой стороны—Фейербах. И Гегель и Фейербах являются ближайшими предшественниками марксистской философии, ближайшими предшественниками марксизма. Поэтому для того, чтобы понять всю глубину, с которой Маркс и Энгельс интерпретировали, выясняли сущность философских воззрений Спинозы, для нас представляет чрезвычайный интерес посмотреть, как рассматривали и оценивали философию Спинозы Гегель и Фейербах, — это дает нам возможность понять ту качественно новую постановку вопроса, ту высоту, на которую поднимает все проблемы философии диалектический материализм.

Гегель подошел в оценке и критике философии Спинозы как идеалист-диалектик. Именно это обстоятельство представляет для нас большой интерес, так как оно обусловило, с одной стороны, отношение со стороны идеалиста к материалистической философской системе, с другой стороны — раскрытие

элементов диалектики в философской системе Спинозы. Наоборот, Фейербах имеет большую заслугу в истории материализма—поскольку он со всей четкостью и остротой выявил материализм Спинозы, всю его ограниченность и непоследовательность. Именно поэтому рассмотрение поставленного вопроса должно быть введением в разрешение основных вопросов настоящей темы.

Гегель написал довольно много по вопросу о философии Спинозы и в своей «Истории философии» — специальный раздел о философии Спинозы, и в своей «Науке логики», и в «Малой логике». В целом ряде других произведений Гегель неоднократно касается спинозовской системы.

Нужно сказать, что в критике Гегелем философии Спинозы вскрывается до известной степени, с одной стороны, существо и основные проблемы философии Спинозы, а с другой стороны, выясняется и сущность самой гегелевской философии. Несомненно, что из всех произведений идеалистических историков философии «История философии» Гегеля является наиболее ценным произведением. Это неоднократно подчеркивали Маркс, Энгельс и Ленин. Но несомненно однако и другое,— что Гегель писал свою «Историю философии» как идеалист, и как идеалист он извращал историю материализма и в идеалистическом духе, борясь с материализмом, выдвигал на первый план те или другие непоследовательности старых материалистических систем. И с этой точки зрения, с точки зрения того, как написана им вся «История философии», он подходит также и к выяснению основных проблем спинозовской философии. Гегель не называет Спинозу материалистом и не считает его материалистом, но по существу он его критикует в целом ряде мест как идеалист, критикует его так, как последовательный идеалист критикует материалиста.

Вот что в своей «Истории философии» Гегель пишет по поводу спинозовской системы. Он говорит: «Но в этой философии заслуживает упрека то, что он понимает бога лишь как субстанцию, а не как дух, не как конкретность. Этим спинозовская философия отрицает также и самостоятельность человеческой души, между тем как в христианской религии каждый отдельный человек признается предназначенным к блаженству. Здесь же, напротив, духовная индивидуальность есть лишь некоторый модус, некоторая акциденция, а не нечто субстанциальное».

По какой линии идет здесь со стороны идеалиста критика спинозовской философии? Гегель хочет подчеркнуть то обстоятельство, что спинозовская философия осталась на почве субстанции, что этой субстанции нехватает, как выражается Гегель, *самосознания*, что эта субстанция не учитывает самостоятельности человеческой души,— иначе говоря, что эта субстанция недостаточно идеализирована, что эта субстанция, по существу, является такой субстанцией, которая может быть принята материализмом. И вот против такой субстанции Гегель как идеалист возражает. Гегель критикует Спинозу с точки зрения христианской религии, с точки зрения того, что бог понимается Спинозой не как дух, а отождествляется с природой. Гегель никак не может согласиться с тем, что «духовная индивидуальность» у Спинозы есть лишь модус, между тем как это, с его точки зрения,— субстанциальное существо.

В «Малой логике» Гегель, продолжая критику философии Спинозы, пишет: «Бог есть необходимость — или, как можно сказать,— *абсолютный предмет*, но бог есть вместе с тем и абсолютное лицо, и это именно тот пункт, которого Спиноза не достиг и по отношению к которому следует признать, что спинозовская философия осталась позади истинного бога — понятия, которое образует содержание христианского религиозного сознания».

Это положение, которое я только что процитировал, особенно ясно показывает гегелевский подход к критике Спинозы. Гегель как идеалист, как представитель рационально-философского выражения христианского учения, христианской религии считает, что Спиноза не добрался до истинной философии именно потому, что его субстанция хотя и отождествляется с богом, однако вместе с тем есть такое понятие, которое подрывает в корне понятие бога в христианской религии. Спинозовской субстанции нехватает самосознания, индивидуальности.

Хотя Гегель не называет и не признает Спинозу материалистом по существу, он все же подходит к критике его определенным образом. Он критикует Спинозу, как абсолютный идеалист критикует материалиста. Мы видели выше, какие недостатки спинозовской субстанции отмечает Гегель. Дальнейшее обвинение идет по той линии, что мышление у Спинозы взято в единстве с протяжением, что благодаря этому нет у него свободного логического развития понятия.

Вот первая линия критики Спинозы Гегелем. Это есть критика, идущая со стороны идеалиста, со стороны последовательного до конца идеалиста. Эта критика своим содержанием напоминает критику, которая развернулась в свое время по адресу Спинозы со стороны теологов, со стороны представителей христианской религии.

Однако, если бы мы на этом остановились, мы конечно не выразили бы всего существа, которое характерно для гегелевского подхода к философии Спинозы. Мы знаем, что Гегель не просто идеалист, а также один из величайших диалектиков в истории философии. Гегель — идеалист-диалектик. Его «История философии», несмотря на то, что она написана с точки зрения ложного исходного пункта,— вместе с тем такое произведение, которое его выдвигает далеко вперед перед другими произведениями буржуазно-философской мысли.

Гегель построил свою «Историю философии» с исторической точки зрения. Правда, тут же надо добавить, что историзм Гегеля, его исторический подход, не есть наш историзм, не есть историзм материалистический. Историзм Гегеля — это идеалистический историзм. Но даже и такой историзм означал громадное преимущество перед всякого рода метафизическими концепциями в истории философии. Даже и этот историзм Гегеля, выразившийся в подходе к истории философии как к процессу необходимого логического развития идеи, поднимал все же историю философии на степень науки по сравнению со всеми предшествующими историками философии. И вот с точки зрения своего идеалистического историзма Гегель подходит к философии Спинозы. Этот момент представляет для нас большой интерес.

Гегель рассматривает философию Спинозы с точки зрения того места, которое она занимает в «логическом развитии идеи». Он считает, как я уже говорил раньше, что Спиноза не добрался еще до истинной философии. Он пишет: «Какое место занимает субстанция в системе логической идеи? Субстанция представляет собой существенную ступень в процессе развития идеи; она однако не есть абсолютная идея, а есть идея в еще ограниченной форме необходимости». Ей недостает «духовности», «свободы личности» и т. д. Гегель рассматривает эту философию как неспособную быть абсолютной философией, каковой он считал свою философию. Но вместе с тем Гегель вскрывает элементы диалектики у Спинозы, их место и роль с точки зрения подготовки развитой диалектики. Мы знаем известное высказывание Энгельса относительно того, что и Декарт и Спиноза были крупными представителями диалектики в философии той эпохи.

Переходя к гегелевскому раскрытию элементов диалектики в философии Спинозы, надо прежде всего отметить его отношение к спинозовскому causa sui. В «Истории философии» он пишет: «Причина самого себя» является очень важным выражением, ибо в то время, как мы себе представляем, что причина противоположна действию, причина самого себя есть такая причина, которая, действуя и отделяя некоторое другое, вместе с тем порождает лишь самое себя, упраздняет следовательно в акте порождения это различие. Полагание этой причиной себя как некоего другого есть отпадение и вместе с тем отрицание этой потери; это — совершенно спекулятивное понятие и даже скажем больше — основное понятие во всем спекулятивном».

И далее: «Если бы Спиноза развил дальше то, что заключается в понятии causa sui, то его субстанция не была бы чем-то неподвижным».

Эти положения Гегеля представляют для нас — материалистов-диалектиков — большой интерес. Гегель вскрывает диалектическое содержание важнейшего понятия философии Спинозы. В своих замечаниях на «Науку логики» Гегеля Ленин бросает одно замечание по поводу понятия спекулятивного. Ленин указывает, что Гегель употребляет часто понятие «спекулятивный» в хорошем смысле слова, т. е. в смысле диалектическом. Вот с этой точки зрения важно установить, что causa sui спинозовской философии есть «основное понятие во всем спекулятивном», т. е. во всем диалектическом.

Действительно Спиноза сделал гигантский шаг по сравнению с прежней философией, установив, что субстанция (= природе) имеет причину в самой себе и не нуждается ни в каком внешнем толчке.

Этим своим положением он нанес сокрушающий удар по всякой религиозной точке зрения, по всякому принципу «божественного прародителя» природы и т. д. и т. п. Это положение Спинозы по своему существу глубоко материалистическое и вместе с тем содержащее элемент диалектики. Оно получает в диалектическом материализме свое дальнейшее развитие, поскольку у Спинозы оно развито недостаточно. Диалектический материализм устанавливает не только то, что материя, природа, имеет причину в самой себе, но и то, что в силу внутренних, присущих ей противоречий материя, природа, об'ективный мир находится в состоянии самодвижения. В этой связи мы можем понять гениальное замечание Гегеля, приведенное выше, относительно недостаточно развитого характера causa sui у Спинозы.

Другой важнейший момент диалектики, который отмечает Гегель у Спинозы,—это преодоление дуализма Декарта и понимание субстанции как единства противоположностей. В «Истории философии» он пишет: «У Декарта телесное и мыслящее я представляют собой взятые каждое отдельно самостоятельные существа. Эта самостоятельность двух крайностей снимается в спинозизме, так как они превращаются в моменты единого абсолютного существа. Мы видим таким образом, что смысл этого выражения состоит в том, что бытие должно пониматься, как единство противоположностей. Здесь и основное устремление не в том, чтоб откинуть и отодвинуть в сторону противоположность, а в том, чтоб опосредствовать и разрешить ее... бытие здесь берется более определенно как протяжение».

И это положение Гегеля представляет для нас огромный интерес. Гегель отмечает, что спинозовское учение о субстанции с ее двумя атрибутами — мышлением и протяжением—подводит Спинозу к пониманию бытия как единства противоположностей. И действительно, учение Спинозы о субстанции с двумя атрибутами, учение о соотношении бытия и мышления — это учение, проникнутое элементами диалектики.

Спиноза, по мнению Гегеля, ставит перед собой задачу не просто связать оба эти атрибута — протяженность и мышление,— Спиноза ставит перед

собой задачу не просто внешне сочетать эти атрибуты. Он ставит перед собой задачу, с точки зрения Гегеля, опосредствовать эти атрибуты и действительно разрешить это противоречие. И вот в этом смысле Гегель считает, что у Спинозы мы имеем подход к проблеме единства противоположностей.

И наконец еще один момент, который чрезвычайно важен и который Гегель подчеркивает как элемент диалектики в философии Спинозы,— это вопрос о соотношении между субстанцией, атрибутами и модусами. Гегель считает, что в этой постановке вопроса мы имеем у Спинозы по существу постановку вопроса о соотношении между всеобщим, особенным и единичным Но раз это так,—а мы знаем, что, с точки зрения гегелевской философии, проблема соотношения всеобщего, особенного и единичного — это есть важнейшая проблема его учения о понятии, важнейшая проблема его философской системы,— то, с точки зрения Гегеля, здесь Спиноза поднимается на большую диалектическую высоту и ставит целый ряд крупных вопросов и проблем диалектики.

Гегель по этому вопросу писал: «Следовательно субстанция постигается сама через себя; атрибут же не есть то, что постигается через себя, а находится в отношении к постигающему интеллекту, но поскольку он постигает сущность; модус же, наконец, есть то, что постигается не как сущность, а в другом и через другое. Только Спиноза не должен был бы давать этих трех последних моментов лишь как понятия, а дедуцировать их. Они совершенно правильно соответствуют тому, что мы различаем как всеобщее, особенное, единичное».

Отмечая это, Гегель вместе с тем указывает, что у Спинозы мы имеем все же соотношение между этими категориями не в истинно конкретном смысле, т. е. не в истинно диалектическом смысле, а чисто внешнюю связь между ними, механическое отношение между этими моментами.

Итак, выясняя диалектические моменты в философии Спинозы, Гегель вместе с тем вскрывает и недостаточность этих элементов диалектики, общий неподвижный механистический характер всей спинозовской философии — то, что Спиноза не добрался до подлинной или, как Гегель выражается, до спекулятивной диалектики.

В чем же видит Гегель недостатки спинозовской диалектики, недостатки его философии? Он считает, что у Спинозы нет самодвижения, нет развития, нет действенности, активности, нет принципа личности, нет конкретности. Как мы увидим дальше, марксова характеристика спинозовской субстанции в целом ряде пунктов развивает на материалистической основе рациональные зерна, которые мы имеем по этому вопросу у Гегеля.

Надо еще отметить следующий момент — гегелевскую критику математического метода Спинозы, математического «характера» его основного труда. Гегель подходит к этому вопросу с точки зрения своего понимания математики, математического метода. Он считает, что вообще математические положения, математические доказательства — формальны. В математике допустим такой метод, потому что сама математика — это наука, которая изучает только один определенный ряд явлений. В философии же, т. е. в той науке, которая занимается изучением содержания процесса развития в целом, в философии такой метод, метод формальный, недопустим, потому что содержанием философии должно быть познание само в себе развивающегося понятия.

Гегель по этому вопросу пишет: «Спинозовский математический метод доказательства представляется часто лишь недостатком внешней формы, однако на самом деле этот метод является основным недостатком всей спино-

зовской точки зрения. В этом методе совершенно неправильно понята природа философского знания и его предмет, ибо математическое познание и метод есть лишь формальное познание и, следовательно, совершенно неподходящее для философии».

С этой точки зрения Гегель считает, что математический метод, который отнюдь не есть что-то внешнее во всей философской системе Спинозы, является одним из крупнейших недостатков его философского мировоззрения.

Вот основные черты гегелевской критики философии Спинозы. Я дальше буду говорить относительно того, как подходят Маркс и Энгельс к оценке спинозовской философии. Мы увидим, какая разница, принципиальная коренная разница, существует между нашим подходом, между подходом с точки зрения диалектического материализма, к философии Спинозы и между подходом, который характерен для Гегеля как идеалиста. Но вместе с тем мы видим, что Гегель как диалектик в своей критике вскрывает целый ряд чрезвычайно важных моментов спинозовской философии, целый ряд элементов диалектики. Все это помогает понять то действительное место, которое занимает Спиноза в развитии философии.

Основная характеристика спинозовской философии со стороны Фейербаха широко известна. Я здесь ее повторять не буду. Нужно отметить только следующее: как и в критике со стороны Гегеля спинозовской философии вскрывалось не только существо философии Спинозы, но и существо взглядов самого Гегеля, точно так же и в критике спинозизма со стороны Фейербаха вскрывается не только система взглядов Спинозы, но также и система взглядов самого Фейербаха. Фейербах считает основной посылкой спинозовской философии его разрешение вопроса о субстанции и о соотношении между атрибутами и субстанцией. Эту посылку Спинозы Фейербах сам принял и придал ей только несколько иное выражение или вернее выражение в соответствующих терминах своей эпохи. Знаменитое фейербаховское положение, которое лежит в основе его философской концепции и характеризует фейербаховский материализм,— положение о единстве суб'екта и об'екта,— есть по существу то же самое, что в терминах, характерных для своей исторической полосы, для своего времени, выражает философия Спинозы. Однако вы вправе задать вопрос — в чем же различие между Фейербахом как материалистом и Спинозой как материалистом? Различие тут действительно большое.

Фейербах — сенсуалист, его природа — чувственная природа. Спиноза — рационалист, его природа, тождественная субстанция, абстрактна, метафизична. Она метафизична не только в смысле антидиалектики, но она метафизична и в том смысле, что она рационально, спекулятивно выведена. Различие между природой Фейербаха и природой Спинозы заключается в том, что у Фейербаха природа как бы играет, если можно так выразиться, всеми цветами радуги, запахами, свойствами, а у Спинозы она как бы бесцветный, безжизненный акт. Природа Фейербаха — это чувственная природа, наделенная различными свойствами, в то время как у Спинозы мир заключен в холодный геометрический панцырь его системы. Фейербах о своей природе говорит: «Природа в собственном смысле слова есть чувственная действительная природа, как ее нам непосредственно представляют и обнаруживают чувства». Характеризуя мир Спинозы, Фейербах писал: «Мир — бесцветное стекло божества, среда, через которую мы не видим ничего, кроме ничем не окрашенного цвета единой субстанции».

Абстрактность материализма Фейербаха состоит в том, что Фейербах не добрался до понимания исторического человека, до подлинного понимания

исторического взаимоотношения между суб'ектом и об'ектом. Прослеживая ход развития истории философии, прослеживая то, как в основном развивалось материалистическое мировоззрение, мы вместе с тем видим, какие разнообразные формы принимает материализм, какие разнообразные формы принимает и абстрактный материализм, прежде чем Маркс и Энгельс не дали окончательного решения всем этим вопросам философии, создав систему диалектического материализма.

Фейербах резко критикует теологический привесок философской системы Спинозы. Фейербах говорит: «Тайной и истинным смыслом спинозовской философии является природа. Но природа существует для него не как природа; чувственная антитеологическая сущность природы является для него предметом лишь как отвлеченная метафизическая теологическая сущность, как бог».

Фейербах считает, что употребление Спинозой слова «бог» является лишь мешающим, путающим словоупотреблением. Он обращается к Спинозе со следующими словами: «То, что ты называешь субстанцией и одновременно с этим называешь богом, этим ты выражаешь только свою собственную неопределенность и неясность мысли, а не свободу».

И дальше, обращаясь к Спинозе, говорит ему: «Зачем ты хочешь быть одновременно и натуралистом и вместе с тем теистом». И дальше, вскрывая это противоречие в философии Спинозы, он говорит о том, что нужно это противоречие отбросить. Не бог или природа, а либо бог, либо природа. Фейербах очень зло потешается над теми положениями Спинозы, которые характеризуют его непоследовательность. Он говорит: «Там, где бог отождествляется или смешивается с природой или природа отождествляется или смешивается с богом, там нет ни бога, ни природы, а есть какое-то мистическое, двусмысленное, двуполое существо. В этом основной недостаток Спинозы».

Вот основные положения, которые характерны для фейербаховской критики Спинозы.

Мы сейчас рассмотрели, как подошел к Спинозе Гегель как идеалист-диалектик, рассмотрели, как подошел к Спинозе, к трактовке основных его категорий — субстанции, атрибутов, модусов — материалист Фейербах. Несомненно, большая заслуга Фейербаха состоит в том, что он высоко поднял в развитии немецкой философии знамя материализма. Большая заслуга, в частности в отношении истории философии, в отношении к Спинозе, заключается в том, что он поставил вопрос о характеристике спинозовской философии как философии материалистической. Одновременно с этим еще большая заслуга Фейербаха состоит в том, что он вместе с тем показал всю непоследовательность спинозовского материализма, вскрыл то различие, которое существует между пониманием материализма в его смысле, и пониманием материализма в смысле Спинозы.

IV

В начале доклада уже подчеркивалось, что марксизм не есть сумма предшествовавших учений. Учение Маркса—диалектический материализм—не есть простая сумма, состоящая из диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, как об этом говорили механисты и меньшевиствующие идеалисты. Точно так же и трактовка философии Спинозы, с точки зрения диалектического материализма, не есть просто сумма того, что говорили о Спинозе Гегель и Фейербах. Но для того, чтобы понять, как исторически подготовлялась та новая ступень, на которую подняли вопросы философии Маркс и Энгельс, и в частности, как марксизм трактует философию Спинозы, для этого необходимо проанализировать взгляды их ближайших предшественни-

ков. Это дает, как видим, возможность более глубоко понять сущность взглядов Маркса и Энгельса.

Возьмем основное положение Маркса и Энгельса, в котором дается характеристика спинозовской философии. В «Святом семействе» Маркс и Энгельс писали:

«В системе Гегеля существуют три элемента: спинозовская субстанция, фихтевское самосознание и гегелевское необходимо-противоречивое единство обоих — абсолютный дух. Первый элемент есть метафизически переодетая (или переряженная: travestirte) природа в ее оторванности от человека, второй — метафизически переодетый (или переряженный: travestirte) дух в его оторванности от природы, третий — метафизически переодетое (или переряженное: travestirte) единство обоих, действительный человек и действительный человеческий род» (стр. 168).

Маркс характеризует спинозовскую субстанцию как «метафизически переряженную природу в ее оторванности от человека». Интересно первую половину этой характеристики сравнить с фейербаховской характеристикой субстанции Спинозы, о которой мы уже говорили, а вторую половину («в ее оторванности от человека»), — с гегелевским замечанием о том, что в системе Спинозы человек выступает «лишь наряду с субстанцией».

В марксовой характеристике спинозовской субстанции имеются следующие два чрезвычайно важных момента. Прежде всего тот момент, который показывает, что Маркс принимал в основном характеристику, которую давал Фейербах спинозовской субстанции, а именно то, что спинозовская субстанция есть природа и притом природа метафизически и теологически переодетая, и второй момент — момент чрезвычайно важный, указывающий на то отличие, которое существует уже в «Святом семействе» между Марксом и Фейербахом. Мы имеем в виду положение Маркса о том, что природа Спинозы — это природа в ее оторванности от человека. Что означает это марксово положение относительно природы в ее оторванности от человека? Мы можем понять это положение Маркса только в том случае, если мы поймем, что оно находится в тесной связи с целым рядом других высказываний Маркса по вопросам философии, если мы сравним это положение с первым тезисом Маркса о Фейербахе. В своих тезисах о Фейербахе Маркс характеризует весь предшествующий ему материализм. Маркс говорит, что весь материализм, в том числе и фейербаховский, — это созерцательный материализм, который подходил к природе об'ективно, а не суб'ективно и т. д. Недавно вышла, правда пока еще только на немецком языке, «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса. Выход в свет этой книги, в которой впервые был изложен Марксом и Энгельсом диалектический материализм и материалистическое понимание истории, представляет несомненно огромнейшее событие на фронте революционной теории. «Немецкая идеология» является коллективным трудом Маркса и Энгельса в подлинном смысле этого слова. В ней дана критика послегегелевской философии. «Немецкая идеология» — это произведение, которое вскрывает основные положения диалектического материализма и дает их в более или менее развернутом виде. Для понимания диалектического материализма, для понимания исторического материализма «Немецкия идеология» имеет исключительно большое значение. Некоторые отрывки из «Немецкой идеологии» в свое время уже появлялись на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса». Из этих отрывков видно, что Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» специально разбирают вопрос о созерцательном характере фейербаховского материализма и, пожалуй, не только фейербаховского, но и созерцательного материализма вообще. В этих положениях Маркс и Энгельс развивают целый ряд чрезвычайно глубоких мыслей, которые поясняют нам все то отличие, какое существует между ними и Фейербахом. Маркс

и Энгельс указывают, что с их точки зрения, с точки зрения диалектического материализма, материализм действенный рассматривает окружающий чувственный мир не как непосредственно от века данный, неизменный. Маркс и Энгельс указывают, что окружающий человека мир есть также продукт промышленности и общественного развития, продукт в том смысле, что он — результат деятельности целого ряда поколений. При этом сохраняется общий приоритет внешнего мира. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Он (т. е. Фейербах. — *М. М.*) не замечает, что окружающий его чувственный мир не есть вовсе какая-то непосредственно от века данная, всегда самой себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, продукт в том смысле, что он является в каждую историческую эпоху результатом деятельности целого ряда поколений, из которых каждое стоит на плечах предшествующего ему поколения, развивая его промышленность и его способ сношений и видоизменяя в зависимости от изменившихся потребностей его социальный строй».

Маркс не только суб'ект рассматривает как исторический суб'ект, как суб'ект, являющийся результатом исторического развития общества. Маркс и об'ект — природу — рассматривает в ее историческом развитии. И вот эта историческая точка зрения, которую применял Маркс к пониманию самого суб'екта, к пониманию суб'екта как суб'екта классового, к пониманию суб'екта с точки зрения его революционной практической деятельности, и вместе с тем к пониманию об'екта как исторического об'екта, который подвергается воздействию целого ряда поколений, — эта точка зрения является одним из чрезвычайно важных моментов, характеризующих существо действенного материализма, материализма диалектического. Ясно, что в этом отношении Маркс преодолел недостатки Фейербаха.

И вот если мы сопоставим все эти высказывания с положениями из первого тезиса Маркса о Фейербахе, если мы вдумаемся во всю глубину марксовой постановки вопроса о конкретной практической деятельности и ее роли в теории познания, мы поймем, с какой точки зрения Маркс подходит и к спинозовской философии. Мы поймем, что значит марксово положение в характеристике спинозовской субстанции относительно природы, оторванной от человека. Между всеми этими высказываниями Маркса, начиная со «Святого семейства», «Тезисов о Фейербахе», кончая «Немецкой идеологией», существует глубокая внутренняя связь.

Марксова критика философии Спинозы не есть простой механический синтез того, что дал по этому вопросу Фейербах, и того, что дал по этому вопросу Гегель. Внешне тут есть много совпадающего. Маркс говорит о том, что спинозовская субстанция — переодетая природа; тут есть нечто совпадающее с тем, что есть у Фейербаха. Маркс далее говорит о том, что эта природа взята в ее оторванности от человека. Здесь есть нечто внешне напоминающее то, что говорил Гегель, когда он характеризовал спинозовскую субстанцию, говоря, что она не добралась до самосознания, что в ней нет личности, индивидуальности и т. д. Однако у Маркса — подлинно новая точка зрения, точка зрения диалектического материализма, которая вскрывает, с одной стороны, материализм Спинозы и вместе с тем показывает всю его ограниченность не только в том смысле, что он имел теологический привесок, но также и в том смысле, что он был одним из видов созерцательного материализма. И Спиноза и Фейербах являются созерцательными материалистами. Это — два вида абстрактного материализма. Материализм Маркса и Энгельса высоко поднялся над этими обоими видами материализма, полностью преодолев их недостатки.

Абстрактный характер материализма Спинозы заключается в том, что он мир рассматривает с точки зрения своего рационалистического метода,

Природа Спинозы — это какая-то абстрактная природа, в ней недостает чувственных характеристик.

Фейербах в этом отношении поднялся над уровнем Спинозы и сделал шаг вперед.

Однако и материализм Фейербаха был абстрактным материализмом. Он рассматривал человека вообще, не как конкретно-историческое существо.

Только Маркс дал ответ на все эти философские проблемы. Маркс создал теорию материалистического понимания истории, создал диалектический материализм, ответил на вопрос о том, что собой представляет человек, какова его действительная сущность. Он указал, что сущность человека — это совокупность общественных отношений. Маркс брал человека как конкретное существо, как результат исторического развития. Маркс брал конкретно-исторического человека, на которого непременно влияли классовые отношения. Человек Маркса — это человек, который принадлежит определенной эпохе, принадлежит определенному классу, который живет в условиях классовой борьбы, который борется, который является сам продуктом определенного состояния и развития производительных сил. Ясно, что все это значительным образом перестраивало и теории познания предшествующего материализма.

Еще в одном отношении нужно отметить глубокое различие, существующее между диалектическим материализмом Маркса и материализмом Спинозы. Это различие должно проследить по двум направлениям. Во-первых, по вопросу о понимании движения и, во-вторых, по вопросу о понимании атрибута мышления.

Движение у Спинозы рассматривается не как атрибут. Спиноза рассматривает движение как модус. Правда, Спиноза рассматривает движение не как простой модус, а как бесконечный модус. Однако спинозовская философия по существу категории движения не знает, и это является основным и важнейшим недостатком ее. Заслуга Гегеля, Гегеля-диалектика, состоит в том, что он на это положение указал. Еще Толанд дал прекрасную критику Спинозы по этому вопросу. Дальнейший шаг вперед французских материалистов XVIII в. в развитии материализма состоял в том, что они стали рассматривать движение как атрибут материи. Однако их движение — движение механическое. Как ставит вопрос о движении диалектический материализм? Энгельс указывает, что движение есть форма существования материи, следовательно нечто большее, чем ее свойство. Не существует и не может существовать материи без движения. Он разбирает различные формы движения материи, начиная от движения в мировом пространстве и кончая органическими формами движения материи и т. д. Маркс и Энгельс рассматривают движение как необходимое свойство, как необходимый атрибут материи. Такого понимания у Спинозы конечно не было.

В «Диалектике природы» Энгельс писал: «Движение есть форма существования материи, следовательно нечто большее, чем ее свойство... Движение как таковое, как существенное проявление, как форма существования материи неразрушимо подобно самой материи...»

Итак, с точки зрения диалектического материализма движение есть атрибут (если употреблять эту терминологию) материи. Однако диалектический материализм на этом не останавливается. Такое положение признавали и французские материалисты, это признают и современные механические материалисты. Диалектический материализм рассматривает движение как диалектическое движение, как развитие.

Только диалектический материализм Маркса и Энгельса поставил со всей остротой эту проблему в философии. Это чрезвычайно важно указать, ибо в этом вопросе выясняется важнейший недостаток спинозовской философии.

Критика философии Спинозы со стороны диалектического материализма идет еще и по другой линии, по линии понимания Спинозой одного из атрибутов субстанции, а именно атрибута мышления. Марксизм не стоит на точке зрения всеобщей одушевленности материи, как это было у Спинозы. С точки зрения диалектического материализма ощущение, мышление возникают только в процессе развития материи. Мышление есть свойство высокоорганизованной материи.

На этот счет мы имеем чрезвычайно интересные и глубокие высказывания Маркса, Энгельса и Ленина. В одном месте Энгельс употребляет слово атрибут, касаясь мышления. Но он употребляет этот термин в определенном смысле слова, о чем я дальше буду говорить.

У Энгельса это сформулировано следующим образом:

«Материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, ни один из ее атрибутов не может погибнуть, и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она некогда истребит свой высший цвет, она должна будет породить его в другом месте и в другое время».

В каком смысле употребляет Энгельс слово атрибут? В том смысле, что это — необходимое свойство материи. Свойство мышления заложено в самом существе материи как возможность, но эта возможность проявляется только при определенных условиях. Эта точка зрения Энгельса, марксизма — нечто другое, чем точка зрения Спинозы, говорившего о мышлении как об атрибуте субстанции. У марксизма в этом вопросе имеется исторический подход к этой проблеме. Энгельс в другом месте, касаясь этого вопроса, писал: «В действительности же в природе материи заключено то, что она приходит к развитию мыслящих существ, и поэтому такое развитие совершается необходимым образом, когда имеются налицо соответствующие условия, поэтому не необходимо повсюду и всегда» («Диалектика природы»).

Именно выражая энгельсовскую точку зрения на этот вопрос, Ленин указывал, что сознание связано в более определенной форме с органической материей и что «в фундаменте самого здания можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением.

Здесь уместно будет сказать, что т. Деборин по поводу только что приведенного места из «Диалектики природы», которое коренным образом отличается по своей исторической постановке проблемы мышления от спинозовской трактовки этой проблемы, буквально пишет: «Для всякого очевидно, что точка зрения Энгельса в основном совпадает с точкой зрения Спинозы». Вот именно! Для всякого очевидно, что точка зрения Энгельса есть высшая точка зрения, преодолевающая ограниченность и метафизичность спинозизма. Вместо того, чтобы обнаруживать, в чем недостаточность Спинозы, в чем диалектический материализм превосходит Спинозу, вместо этого мысль Деборина идет по одной линии,— как бы снизить уровень диалектического материализма до предшествовавших ему философских систем.

Вот основные положения, по которым идет критика недостаточности мировоззрения Спинозы со стороны диалектического материализма. Целиком и полностью присоединяясь к критике теологического привеска, которую давал Фейербах, Маркс и Энгельс подняли критику философии Спинозы на большую высоту в соответствии с той высотой, на которой стоит диа-

лектический материализм. Маркс и Энгельс наряду с критикой теологического характера, теологического костюма спинозовской философии одновременно с этим обнаруживают недостатки философии Спинозы и по тем линиям, о которых я сейчас говорил: по линии абстрактного, созерцательного характера материализма, по линии понимания атрибута мышления, по линии понимания категории движения и т. д. и т. д.

Вот, товарищи, основные положения, которые мне в кратких чертах хотелось здесь развить для того, чтобы показать, как диалектический материализм относится к философии Спинозы.

Итак, философия Спинозы является крупнейшим этапом в развитии материализма в новое время. Будучи идеологическим продуктом своей эпохи, высшим философским обобщением науки своего времени, она страдала крупнейшими недостатками, обусловленными этой же эпохой.

Ограниченность материализма Спинозы сводится к следующему:

1) Спинозовский материализм одет в теологический костюм, в теологическую оболочку. Это отнюдь не есть нечто совершенно внешнее по отношению ко всей системе взглядов Спинозы, но выражает серьезнейшую непоследовательность его философии, то, что он не добрался еще до последовательного материализма. Это — прямое смешение материализма и теологии.

2) Спинозовский материализм — абстрактный и созерцательный материализм. Абстрактный в том смысле, что его природа (субстанция) не есть чувственная природа, данная во всей своей живой конкретной форме; созерцательный в том смысле, что Спинозе недостает в его философии действенного, активного, конкретно-исторического суб'екта. Фейербах хоть и преодолел ряд недостатков и ограниченностей спинозовского материализма, создал однако сам другой вид абстрактного, созерцательного материализма.

3) Спиноза не знает в своей философии категории движения. Движение есть, по его мнению, один из бесконечных модусов, однако оно не является у него атрибутом субстанции. Это обстоятельство придает субстанции Спинозы безжизненный, неподвижный характер, несмотря на целый ряд элементов диалектики, имеющихся в его философии.

4) Из спинозовской трактовки мышления как атрибута субстанции вытекает теория о всеобщей одушевленности материи. Эта теория означает материалистический взгляд на вопрос об отношении мышления к бытию, поскольку основой единства считается бытие. Однако только диалектический материализм Маркса, Энгельса, Ленина, применивший исторический взгляд на природу в целом, в том числе и к вопросу о возникновении и развитии мышления и его взаимоотношении с бытием, дает подлинно научное разрешение этих проблем.

V

После того как нами дана в сжатой форме характеристика ограниченностей материализма Спинозы с точки зрения диалектического материализма, необходимо еще рассмотреть, опять-таки в крайне сжатой форме, как это вообще возможно в докладе, ошибки, какие имеются в оценке, в понимании философии Спинозы у Плеханова, у Деборина и Аксельрод (Ортодокс).

У Плеханова мы имеем целый ряд высказываний о Спинозе. В целом ряде его статей — и против Бернштейна, и против Петцольда, и в «Основных вопросах марксизма», и в «Очерках по истории материализма» и т. д. — Плеханов много писал о философии Спинозы. Это свидетельствует о громадном интересе, который проявлял Плеханов по отношению к Спинозе. Подробное рассмотрение его взглядов могло бы явиться темой для специальной

большой работы. Здесь, естественно, нет возможности на этом подробно останавливаться. Рассмотрим здесь только те высказывания Плеханова, которые имеют значение для нас с точки зрения того, как они получили дальнейшее продолжение и «углубление» в работах представителей механицизма и меньшевиствующего идеализма.

Вот например одно из положений, которое высказывает Плеханов по вопросу о спинозовской философии. Он говорит: «Гуманизм Фейербаха сам сказывается не чем иным, как спинозизмом, освобожденным от его теологической привески. И именно на точку зрения этого спинозизма, освобожденного Фейербахом от его теологической привески, перешли Маркс и Энгельс, когда разорвали с идеализмом. Но освободить спинозизм от его теологической привески значило обнаружить его истинное материалистическое содержание. Стало быть, спинозизм Маркса и Энгельса и был новейшим материализмом» («Основные вопросы марксизма»).

Дальше, в другом месте, продолжая эту мысль, Плеханов указывает, что Маркс и Энгельс никогда не покидали, начиная со своего материалистического периода, точки зрения Спинозы. Разберем эти плехановские положения о философии Спинозы. В чем тут ошибочность плехановского подхода к вопросу? Во-первых, в том, что он сводит весь недостаток спинозовского материализма только к его теологическому привеску. Выше уже говорилось относительно того значения, которое имеет для понимания недостаточности спинозовского материализма проблема движения. Я уже говорил о том значении, которое имеет для понимания недостаточности спинозовского материализма спинозовская трактовка мышления как одного из атрибутов субстанции. Плеханов на этих вопросах не останавливается. Плеханов видит у Спинозы только один недостаток — его теологическую привеску. Плеханов отождествляет по существу материализм Маркса с материализмом Фейербаха. Плеханов указывает, что материализм Фейербаха — это и есть современный материализм. Следовательно Плеханов не подчеркнул здесь того нового, что внесено Марксом в развитие материализма, то, о чем я говорил в первой части своего доклада. Плеханов не подчеркнул, что материализм Маркса есть высший итог и новая ступень развития всей философии на основе критической переработки также и старого материализма. Вот почему здесь, в этом высказывании Плеханова, мы имеем такие положения, которые всецело подходят под ту характеристику, которую давал философии Плеханова Ленин в одном из своих сборников, говоря, что Плеханов больше критикует старые философские системы с вульгарно-материалистической точки зрения, больше с точки зрения Фейербаха, чем с точки зрения диалектического материализма. Красной нитью через все работы Ленина проходит мысль, что только диалектический материализм Маркса и Энгельса дает ответ на все теоретические философские проблемы, разрешает и выводит нас за пределы ограниченностей предшествовавшего философского материализма.

Плеханов подчеркивает в ряде своих статей, что он целиком и полностью принимает спинозовское учение о субстанции и ее двух атрибутах: протяженности и мышления. Плеханов в целом ряде мест говорит о том, что эта точка зрения и именно так, как она была развернута Спинозой, была той точкой зрения, которую принял Фейербах, которую безоговорочно принял Маркс. Наконец в статье «От идеализма к материализму» имеется одно чрезвычайно важное, пожалуй даже знаменательное, место, которое в значительной степени подводит итог всем его высказываниям о Спинозе. Там говорится следующее: «Противники идеализма возражают, что сознание не может быть об'яснено материальными явлениями. Предшествующее изложение

взглядов Фейербаха показало, я надеюсь, читатели, что это возражение совсем не затрагивает основ материалистического учения Фейербаха, состоящего в том, что мир субъективных явлений есть лишь другая сторона мира явлений объективных. Кто захотел бы объяснить субъективный мир посредством объективного, вывести первый из второго, тот показал бы, что в материализме Фейербаха он ровно ничего не понял. Это учение, как и учение Спинозы, не выводит одной указанной стороны из другой, а только устанавливает их сопринадлежность к единому целому. Впрочем в этом отношении с материализмом Фейербаха совсем не расходились и другие главнейшие разновидности по крайней мере материализма нового времени».

Это положение Плеханова как бы подводит итог, является резюме всех его высказываний по вопросу об отношении к спинозовской и фейербаховской философии. Это положение связано со всей концепцией Плеханова о всеобщей одушевленности материи. Несомненно это положение в корне ошибочно. Недостаток спинозовского материализма, так же как и фейербаховского, состоял в том, что у них не было исторического подхода к вопросу о соотношении между субъектом и объектом. Недостаток спинозовского и фейербаховского материализма состоял в том, что они не понимали того обстоятельства, что мышление возникает только в материи высокоорганизованной. Этого важнейшего пункта марксистской философии Плеханов не замечает, не концентрирует на нем своего внимания. Плеханов говорит, что субъективный мир нельзя выводить или объяснять из объективного мира, что между ними существует только сопринадлежность к единому целому. Эта точка зрения есть точка зрения всеобщей одушевленности материи, точка зрения, целиком примыкающая к Спинозе, но это не есть точка зрения, которая характеризует последовательный до конца материализм. Это есть точка зрения, которая не понимает, что гносеология «должна рассматривать свой предмет исторически» (Ленин). Это несомненно одно из ошибочных мест Плеханова, которое связано с целым рядом других его ошибок в непонимании той ступени, на которую подняли материализм Маркс и Энгельс.

В связи с тем, что я сейчас здесь говорил, совершенно ясно становится, насколько ошибочным является и другое положение Плеханова о том, что материализм и Маркса и Энгельса есть род спинозизма. Это — сугубо ошибочное положение, оно не проводит границы между диалектическим материализмом и низшими формами материализма. Это — положение, которое снижает уровень материализма Маркса к уровню материализма Спинозы, Фейербаха.

Таковы в основных и главных чертах недостатки плехановского подхода к философии Спинозы.

Надо сказать, что все недостатки плехановской трактовки философии Спинозы целиком и полностью, да еще при этом в «углубленном» виде, воспроизведены Дебориным. Правда, в ряде мест Деборин подходит к критике точки зрения всеобщей одушевленности материи, в этом надо отдать ему справедливость, однако это критика непоследовательная, поскольку он целиком и полностью продолжает стоять на плехановской точке зрения. Это критика Плеханова с точки зрения самого же Плеханова в этом вопросе. Поэтому у Деборина нет преодоления этой точки зрения. «Углубление», которое проведено Дебориным в этом вопросе плехановской позиции, заключается в том, что в пылу полемики с Аксельрод Деборин забывает то, на что даже Плеханов указывает, а именно, что у Спинозы мы имеем смешение материализма и теологии. Он считает учение Спинозы «чисто

материалистическим учением». В своих очерках по истории материализма он прямо так и говорит: «Действительно уже то, что нами было приведено, достаточно характеризует учение Спинозы как чисто материалистическое и атеистическое мировоззрение».

Мы видим, что Деборин забывает указание Плеханова о том, что у Спинозы мы имеем смешение материализма с теологией. Неудивительно, что ученики Деборина, например т. Маньковский, в своей брошюре, которую он, правда, сам признал ошибочной, писал, что Спиноза — вполне последовательный материалист.

Посмотрим теперь, как расценивает Деборин общественные идеалы Спинозы.

В своей работе о Спинозе, опубликованной в «Летописях марксизма» (книжка III) Деборин писал:

«Мы знаем, что Спиноза был идеологом демократических элементов класса буржуазии; исходным пунктом для него является индивидуум с его стремлением к самосохранению и личной пользе. Возможно, что Спиноза считал возможным достижение «наивысшего счастья» человека в условиях буржуазного общества. Но нет сомнения, что требование его организовать такие связи и такое общение, которые «могли бы сделать из всех людей одного», гармонически согласовать коллективные силы человечества для счастливой жизни на земле, что это требование выходит за пределы буржуазного общества и пророчески предвосхищает наступление нового, социалистического общества. Стало быть, общественный идеал Спинозы сближает его ныне с самым передовым классом современного общества, с пролетариатом».

Здесь Деборин допускает уже не только теоретические ошибки в оценке философии Спинозы, но и ошибку сугубо политического порядка. Расплывчатые положения Спинозы, характерные для него как идеолога революционной буржуазии определенной эпохи, его положения о «всеобщем и высшем счастьи», о необходимости согласования души и тела, как говорил Спиноза, о необходимости взаимопомощи для удовлетворения нужд и для спасения от опасностей, о необходимости гармонически согласовать коллективные силы человечества, это — типично буржуазные идеалы, которые были вызваны определенными историческими, классовыми условиями эпохи. Это — идеалы, которые были затем написаны на знамени буржуазной французской революции в виде идеалов — «свобода, равенство и братство» и т. д. Все эти идеалы Деборин выдает за чисто социалистические идеалы. Это только показывает, на каком уровне стояло понимание действительно социалистических идеалов у самого Деборина, когда он писал статью в «Летописях марксизма».

Вот вкратце основные черты, которые характерны для деборинского подхода к философии Спинозы. У меня нет здесь возможности останавливаться на «писаниях» Карева о Спинозе, на ошибках, которые имеются в прежних работах т. Луппола. Приведенного здесь материала из статей самого Деборина вполне достаточно для того, чтоб сделать общие выводы. Меньшевиствующий идеализм, развивая свой некритический подход к различным представителям старых философских учений, выдавал Спинозу за вполне последовательного материалиста, сближал его с идеологией пролетариата. Не придавая никакого значения теологическому привеску Спинозы, он протаскивал идеалистические моменты в наше мировоззрение. Ясно, что с такой точкой зрения должна проводиться решительная борьба.

Перехожу теперь к рассмотрению ошибочных позиций по вопросу о философии Спинозы, которые выявились у механистов, в особенности у Аксельрод (Ортодокс).

Между механистами и меньшевиствующим идеализмом на протяжении нескольких лет шла ожесточенная дискуссия о философии Спинозы. В то время как меньшевиствующий идеализм подкрашивал некритически Спинозу под последовательного материалиста, чуть ли не под диалектического материалиста, механисты — Аксельрод, Варьяш — отмечали у Спинозы только и исключительно одни его непоследовательности, скатываясь тем самым на идеалистическую трактовку спинозовской философии, характерную для всей буржуазной истории философии.

Особенно ясно формулировала эти взгляды Аксельрод (Ортодокс). В этом вопросе наиболее преданная последовательница Плеханова отступила от взглядов своего учителя. Она занимает диаметрально-противоположную позицию в этом вопросе по сравнению с точкой зрения Деборина. Аксельрод в своей оценке философии Спинозы отступала от важнейших вопросов материалистического мировоззрения вообще. Вот что она писала: «Я же отрицаю, что субстанция Спинозы есть материя, и тем не менее причисляю его к материалистам». Встает немедленно вопрос, в чем же тогда материализм Спинозы, в чем суть его субстанции. На эти вопросы она отвечала следующим образом: «Спиноза же стоит в ряду материалистов по своему учению о единстве мира, по своей исчерпывающей критике трансцендентной телеологии и отрицанию акта творения, короче, по своему механическому пониманию мира».

Нужно сказать, что в этом действительно совершенно чудовищном положении Аксельрод нет ни грана марксизма, ни грана материализма. Аксельрод, во-первых, допускает, как мы видели, материализм у Спинозы, но допускает его без материальной субстанции, иначе говоря, допускает материализм без материи. Далее, один из признаков материализма Спинозы, по ее мнению, состоит в том, что она характеризует как учение о единстве мира, или как монизм Спинозы. Но мы знаем хорошо, что монизмом не характеризуется еще учение материализма. Монизм не означает еще сам по себе материализм. Мы знаем например идеалистические монистические системы. Поэтому под данным положением Аксельрод может подписаться и любой идеалист, если он только стоит на монистической точке зрения «единства мира».

Аксельрод далее говорит о том, что отрицание трансцендентной телеологии является характерным моментом для материалистической точки зрения. И в этом вопросе Аксельрод ошибается. Я не могу сейчас заниматься подробным разбором этого ее положения, я могу лишь сказать следующее, что есть такие философские системы, идеалистические философские системы, которые, отрицая трансцендентную телеологию, вместе с тем стоят на точке зрения имманентной телеологии. Поэтому считать признаком материализма отрицание трансцендентной телеологии является сугубо ошибочным. Материализм есть отрицание как трансцендентной, так и имманентной телеологии. Однако отрицание трасцендентной телеологии не есть еще материализм. Выдвигать это положение — отрицание трансцендентной телеологии — в качестве признака, характеризующего якобы материализм, является несомненно полным непониманием самой материалистической точки зрения.

Наконец отметим еще последний признак, который выдвигает Аксельрод при характеристике материализма Спинозы. Она говорит: «Этот признак состоит в том, что Спиноза дает картину механического понимания

мира, общую механическую картину мира». Однако и здесь, в положении Аксельрод, надо сказать, нет ни грана материализма, ибо в самом деле механическую картину мира мы имеем у целого ряда идеалистов. Как раз сама Аксельрод в этих своих положениях является очень характерным примером, показывающим срастание между механицизмом и идеализмом.

Итак, мы рассмотрели одно небольшое положение, одну фразу у Аксельрод по вопросу о философии Спинозы, положение, в котором, правда, затрагивается самая суть вопроса. Это рассмотрение показывает, что в ее подходе к философии Спинозы, в ее трактовке спинозовской философии мы не имеем ни грана марксизма, ни грана материализма, что она тут сочетает механицизм с идеалистической точкой зрения.

Ясно в связи с этим, почему Аксельрод становится в трактовке спинозовской субстанции, как она сама подчеркивает, на точку зрения буржуазного идеалиста, на точку зрения Гефдинга. Она сама пишет: «Я вполне разделяю взгляд Гефдинга, который понимает субстанцию Спинозы как верховный, абсолютный закон».

Деборин исходил из плехановских позиций в трактовке спинозовской философии, но только их дальше «углублял». «Углубляя» эти позиции, он подходил с другого бока к идеалистической точке зрения. Аксельрод воюет очень резко с Дебориным по вопросу о всеобщей одушевленности материи, по вопросу о понимании Дебориным атрибутов, по вопросу о понимании соотношения между субстанцией и атрибутом и т. д. Критикуя Деборина, она нападает по существу на точку зрения Плеханова. Тут ирония истории оказалась такой, что Аксельрод, критикуя эти положения Деборина, в пылу ожесточенной полемики с ним должна была выступать и против Плеханова. Аксельрод несомненно права, когда она видит метафизический характер концепции двух атрибутов, как она развернута у Спинозы. Она неправа постольку, поскольку видит тут только метафизику и не видит материализма. Плеханов, поскольку он рассматривал Спинозу как материалиста, несомненно был головой выше Аксельрод в этом вопросе. Мы в данном случае должны выступать «в защиту» Плеханова от самой Аксельрод (Ортодокс).

* * *

Наша партия придает исключительное значение революционной теории. Ее роль особенно вырастает на данном этапе социалистического строительства и мировой классовой борьбы. Что является основным в характеристике со стороны Коминтерна нынешнего периода развития классовых отношений, классовой борьбы? Несомненно самым важным является та характеристика, которая дана в решениях последнего пленума Коминтерна, что в настоящий период речь идет о приближении нового тура революций и войн. Несомненно, это является важнейшей чертой, характеризующей современный исторический период. Наша партия вступила в первый тур империалистической войны и революций с гигантским теоретическим багажом. Надо иметь в виду, что в период развития империалистической войны в 1914 — 15 и 16 гг., тогда, когда гремела империалистическая война, Ленин как раз в это время для того, чтобы теоретически оснащать нашу партию, для того, чтобы дальше развивать марксизм, для того, чтобы давать наиболее глубокий и правильный анализ обстановки с точки зрения марксовой диалектики, усиленно занимается теоретической работой и в частности, казалось бы, такими сугубо абстрактными вопросами, какими являются вопросы философии, вопросы материалистической переработки гегелевской диалектики.

Мы находимся сейчас в периоде перехода к новому туру революций и войн. Мы подходим к победоносному завершению первой пятилетки и к вступлению во вторую пятилетку. Теоретическая работа партии и борьба на теоретическом фронте имеют исключительное значение. И если мы с этой точки зрения подойдем к выступлениям т. Сталина за последние полтора — два года, к выступлениям его по вопросу о роли теории, для нас станет понятным, почему с такой остротой ставит он эти вопросы. И если сегодня ряд проблем, связанных с общей борьбой двух систем, решается теоретически, то завтра он будет решаться с оружием в руках. Поэтому ко всем вопросам, которые сейчас перед нами стоят, — будь то вопросы экономики, будь то вопросы политики, будь то вопросы идеологии, — партия подходит так, как она подходила всегда на всем своем историческом пути развития. С этой точки зрения понятно, какое громадное значение придает наша партия и вопросам философии диалектического материализма, вопросам материалистической диалектики. С этой точки зрения понятно, какое значение имеют для нас вопросы истории философии, вопросы правильной оценки тех или других предшествовавших диалектическому материализму мыслителей-материалистов. Борьба за материализм — несомненно один из важнейших моментов, одна из важнейших задач, которые стоят сейчас перед нами. Под этим углом зрения мы проводим юбилей Спинозы, под этим углом зрения мы будем наносить удары по всяким буржуазным интерпретаторам спинозовской философии, по всяким представителям буржуазной философии. Под этим углом зрения мы будем наносить и беспощадные удары по тем, кто извращает марксистскую философию, с какой бы стороны это извращение ни исходило.

Историческое значение философии Спинозы*)

И. Луппол

Товарищи, после двух выступлений, когда все уже устали, в краткой форме представить исторический смысл философии Спинозы, показать то место, которое занимает Спиноза в истории философии, является, мне кажется, задачей нелегкой. И пусть поэтому не посетуют товарищи, если в моем сообщении будет отсутствовать сколько-нибудь детальный анализ философии Спинозы и если многие частности останутся вне поля зрения.

Об истоках философии Спинозы много уже сказано, много написано. Две традиции наиболее сильны в этом отношении: гегелевская традиция, выводящая Спинозу непосредственно из Декарта, и традиция, выводящая Спинозу из иудейства. Я не говорю о целом ряде других, менее значительных, менее принятых в современной историко-философской литературе, концепций. Взятая односторонне, ни та, ни другая традиция не может быть принята.

Часто Спинозу как представителя передовой буржуазной мысли XVII в. противопоставляют непосредственно феодализму, средневековью, схоластике. Это правильно, но это правильно так же, как правильно скелет передает живого полнокровного человека, человека с мускулами, нервной системой, кожным покровом. Нельзя забывать того, что XVII веку предшествуют вв. XV и XVI. Нельзя забывать того, что Спиноза отделен от феодализма, так сказать, и пространственно и временно. Спиноза — это нужно ясно усвоить — стоит на плечах так называемого Ренессанса.

Распад европейского феодализма начался не в Нидерландах, где родился и умер Спиноза, а в другом месте и в других условиях. Удобное и удачное положение Италии как центра Средиземноморья, как отправного пункта для вооруженных торгово-капиталистических экспедиций на Восток, именуемых «крестовыми походами», обусловило то, что именно здесь, в итальянских городах, была нанесена первая, но уже непоправимая брешь феодализму. С Востока шла на европейский феодализм струя новых фактов, новых идей, новых образов, струя, принявшая форму возрождения античности.

На обратном пути крестоносцев и родилась легенда о трех обманщиках — пожалуй первая катапульта, начавшая пробивать монопольную идеологию католицизма. Не только Иисус, но и Моисей и Магомет — вот три родоначальника современных по тому времени религий, и все трое оказываются обманщиками. Вот смысл той легендарной книги о трех обманщиках, о которой говорили с XII—XIII вв. до в. XVIII и которую приписывали 49 авторам, и в том числе Спинозе. Эта идея о трех обманщиках проявляется уже в «Декамероне» Бокаччио в рассказе о трех кольцах. Но даже в XVIII в. в отсталой Германии у Лессинга в «Натане Мудром», в его рассказе о трех перстнях, скажется еще ее освободительное влияние.

---

*) Стенограмма доклада на торжественном заседании в Комакадемии.

Однако эти вооруженные торгово-капиталистические экспедиции на Восток оказались лишь началом многочисленных конквистадорских походов в восточные богатые страны и в частности в Индию. Индия, начиная уже с XIV и особенно в XV в., не давала покоя рыцарям первоначального накопления. Последнее десятилетие XV и первое десятилетие XVI вв. дают нам ряд имен—Колумба, Васко-де-Гамы, Магеллана, Кортеца, Пизарро и т. д.— всех тех, кто открывал новые страны и таким образом открывал новые рынки. Перед взором растущей буржуазии на протяжении каких-нибудь пяти десятков лет представились две Индии — одна на востоке, другая на западе. Я имею в виду Вестиндские острова. Это неимоверно расширило географический кругозор по сравнению с тем, что было еще несколько десятков лет назад. Но расширился не только географический кругозор, невероятно расширился и кругозор космографический. Коперник, Галилей и Кеплер сделали свое дело на протяжении каких-нибудь полутора столетий.

Не осталось ни одной идеологической области, где бы не произошла революция. Если идеалом церкви являлся святой, отшельник, аскет, который должен был, по учению церкви, заботиться больше о царствии небесном, чем о царстве земном, то новым идеалом, идеалом молодой буржуазии, был смелый герой, неустрашимый пловец, человек, полной жизни, жизнерадостное существо. Наука стала искать начало мира в самом мире, а не в боге. Искусство заставило улыбаться мадонн. Искусство освободило тело от одежд. Литература стала называть вещи своими именами, начала глумиться над монахами. Достаточно вспомнить Бокаччио, Бонавентуру де-Перье, Рабле, чтобы представить себе, как в течение нескольких десятков лет изменилась вся структура, содержание и форма идеологических надстроек.

Естественно, что и философия не осталась на задворках. Философия быстро засверкала блестками материализма, проявившегося прежде всего — и по вполне понятным причинам — в натурфилософии. Натурфилософия стала материалистически обобщать новые, добытые практическим путем, факты и наблюдения. Материализм пробивается с каждой страницы Джордано Бруно. Буржуазия выступает против церковных и светских феодалов, не только пуская в ход критику оружием, но и применяя оружие критики. Классовые битвы становятся чрезвычайно острыми. И в сфере философии развивается классовая борьба. Бруно погибает на костре. На этом костре он не одинок, ему сопутствуют десятки и сотни более обыденных и менее значительных, чем Джордано Бруно, «язычников», «еретиков», которые также заканчивают свои дни на кострах.

Но это начавшееся в Южной Европе возрождение все же приходит к концу. Идеологические битвы наполнены рядом противоречий. Сильны еще столетиями созданные, католицизмом освященные схоластические традиции. Ожесточенно борется возрожденная светская антицерковная античная мысль. Пробиваются ростки действительно новой мысли, новой науки, новой философии. Эта борьба приводит окончательно к тому, что средневековая схоластика уходит в монастыри, делая оттуда довольно эффективные вылазки в лице инквизиции, а идеологически впадая либо в ортодоксальную либо в религиозно-еретическую мистику. Возрожденная античность не может долго поставлять годное острое оружие. Это оружие, оружие античности, к 1600 г. ржавеет и неспособно уже пробивать путь вперед сквозь густую чащу. Новые ростки, ростки новой науки и философии, не укрепленные теорией познания, полны еще научно не обработанных, непроверенных фактов, весьма часто фантазируют и, прогрессивные, радикальные в своей основе, устремляются в магию, в астрологию, в алхимию

Исход так называемого Возрождения — это слептицизм, это Монтень. Монтень спрашивает: что я знаю? Был Аристотель, написал книги,

пришли арабы, написали комментарии к Аристотелю, появились схоласты глоссаторы, написали комментарии к комментариям. Мы только и делаем, что друг друга комментируем, а истина между тем затерялась. Но и Монтень находит все-таки тот подлинный об'ект, к которому призывает устремиться. Недаром французы говорят, что Монтень научил их мыслить. Природа — вот тот об'ект, на который указывает уже скептик Монтень. И если эта переходная от феодализма к капитализму пора, которую конечно условно можно ограничить XV — XVI вв., заканчивается скепсисом, то, повторяю, природа как об'ект приложения сил человека уже найдена, и новый период, период ранних стадий капиталистического общества, начинается уже с твердо обретенного об'екта — природы. И это завоевание Ренесанса в снятой форме заключается уже у Спинозы.

Новый период в истории философии берет начало в ином месте. Открытие Америки, открытие морского пути в Индию, превращение средиземноморских путей в пути океанические вызвали смещение экономических центров, что повлекло за собою смещение и перемещение и идеологических центров. Испания, Португалия, в особенности Португалия как страна, расположенная уже на побережье Атлантического океана, на время выносятся на первое место. Однако лишь на время. Уже в XVI в. возвышаются Нидерланды. Погрязшая в монополиях дворянства, в католической религии Испания жестоко эксплоатирует свою своеобразную европейскую колонию — Нидерланды. Там вспыхивает буржуазная революция, первая из серии буржуазных революций в Европе. Эта революция заканчивается 1588 г. приходом к власти буржуазии. Но война с Испанией затягивается еще надолго, вплоть до 1648 г. (а это — уже эпоха Спинозы), когда прокламируется независимость семи Нидерландских провинций, главной из которых является Голландия.

Голландия становится образцовой капиталистической страной XVII в. В 1602 г. основывается Остиндская компания, своеобразная вооруженно-торговая колониальная организация капиталистов того времени для угнетения и эксплоатации туземного населения. В 1623 г. создается аналогичная Вестиндская компания. Несколько раньше, в последнее десятилетие XVI в., голландцы сами ищут морской путь в Индию иным путем: не на юге, не мимо мыса Доброй Надежды, а на севере, через Северное полярное море. Однако дальше Шпицбергена они не продвинулись и должны были вернуться. И если сейчас, в 1932 г., мы поражаемся тому геройству, которое проявили «Сибиряков» и сибиряковцы, то мы не должны забывать, что тот факт, о котором я говорю, относится к последнему десятилетию XVI в.

Можно ли сказать, что у голландской буржуазии был противник только справа — лишь феодал, лишь католическая церковь? Конечно нет. Классовая борьба была уже в высшей степени сложна, и мы ни на одну минуту не должны забывать и эксплоататорской колониальной политики алчной нидерландской буржуазии и того унетения, которое нидерландская буржуазия практиковала в отношении народной массы, об'единенной в общины крестьян, мелких ремесленников, подмастерьев и даже работников мануфактур. Но мы не должны терять из виду и историческую перспективу, иначе у нас получится антиисторическое рассмотрение Спинозы, иначе мы не поймем, чем для нас и сейчас, через 300 лет, велик Спиноза.

Передовым, шедшим и только что пришедшим к власти классом, который выковал уже свою идеологию, была голландская буржуазия. Отсюда освобождение крестьянства от крепостной зависимости впервые в Европе, отсюда так называемая религиозная терпимость, свободомыслие, либертинство, как выражались в XVI в., в отличие от кольвинизма народной массы. Отсюда сравнительная свобода печати. Отсюда расцвет науки, искусства и философии.

Я не могу об этом говорить сколько-нибудь подробно в своем кратком сообщении, но достаточно будет вспомнить ряд имен, ряд научных открытий и технических изобретений, которые имели место как раз в данный период в Нидерландских провинциях, в частности в Голландии. Перечислим наиболее известные. Сложный микроскоп был изобретен голландским шлифовальщиком стекол Захарием Янсеном около 1590 г. — это примерно поколение отца Бенедикта Спинозы; телескоп в своем первоначальном догалилеевском виде был дан голландским фабрикантом очков Иоганном Липперсгеем. Стэвин со своими исследованиями по механике жидкостей выступил примерно за одно поколение до Спинозы. Вангельмонт со своими работами по химии был старшим современником Спинозы. Гюйгенс, знаменитый Гюйгенс, занимавшийся оптикой, механикой, раскрывший тайну колец Сатурна, давший теорию часов с маятником, был прямым современником Спинозы и умер уже после него. Ян Сваммердам, современник Спинозы, дал ряд зоотомических работ и между прочим в принципе правильно трактовал проблему самозарождения. Наконец Левенгук, современник Спинозы (родился в один год с ним), с рядом микроскопических открытий, с открытием инфузорий. Таков краткий и далеко неполный перечень того, что дала голландская наука эпохи Спинозы.

Не менее блестяще обстояло дело в сфере искусства. Если в Италии оно, эмансипированное от средневековых условностей позы, уже характеризовалось полнокровными позами и действиями живых людей, то все-таки еще достаточна сильна была религиозная тематика. В Нидерландах эта тематика встречается уже значительно реже. Правда, у Рембрандта религиозные и мифологические сюжеты сильны, но именно в Голландии и как раз в эпоху Спинозы расцвело пышным цветом буржуазное искусство со своей тематикой, со своими сюжетами, со своей формой подачи материала, с реалистической трактовкой художественных проблем. Сцены обычной буржуазной жизни, обычного буржуазного быта, сцены жизни уличной и домашней — вот то, что к концу сороковых годов (опять-таки центр жизни Спинозы) в особенности проявляется в голландской живописи. Бесчисленны картины из жизни городской зажиточной буржуазии; печать благополучия, спокойствия, уверенности в завтрашнем дне лежит на изображаемых лицах. Вспомним несколько имен: Герард Терборх — простые композиции, без всякого психологизма. Тематика его—«Бокал лимонада», «Урок музыки», «Письмо». Питер де-Гох, особенно выпукло изобразивший всю сущность буржуазного уклада, повседневную жизнь в доме; его произведения — «Госпожа и служанка», «Концерт». Габриэль Метсю — «Семейный завтрак», «Блудный сын», причем «Блудный сын» не в библейской подаче, а в самой реалистической манере, которая только и была возможна и смогла появиться в портовом городе со всякими прелестями его вплоть до притонов.

И наконец философия. Сюда, в Голландию, прибыл в своеобразную философскую эмиграцию из феодальной Франции Декарт. Здесь первые материалистические выводы из системы Декарта сделал Леруа. Здесь прошла жизнь старшего современника Спинозы, Уриеля Акосты. Жизнь Уриеля Акосты во многом напоминает жизнь Бенедикта Спинозы, ибо его тоже подвергали проклятью, изгоняли из общины. Здесь наконец воплотился венец философского здания XVII в. — Спиноза.

Уриель Акоста, о котором мы знаем очень мало и пожалуй, в лучшем случае, по провинциальным утренникам пьесы Гуцкова «Уриель Акоста» принадлежал к старшему поколению Спинозы, поколению его отца, Михаила д'Эспинозы. Он бежал, как и отец Спинозы, из Португалии между 1612 и 1615 гг. Еврейские семьи, которые эмигрировали в Голландию с Пиринейского полуострова, прошли через южноевропейский ренессанс. Они несли в себе западные сефардистские традиции, выросшие на плечах Ренессанса, а нахо-

дили в Голландии иудейство, сложившееся в процессе двух тысяч лет в восточных традициях ашкеназим. Эти противоречия раздирали голландские еврейские общины того времени. С одной стороны, совершалось продолжение и дальнейшее развитие Ренессанса на новой основе; это, так сказать, западные моменты, которые содействовали идеям эмансипации от средневековья, радикализировали и революционизировали философскую мысль, а с другой стороны, там имелись сильнейшие восточные традиции, традиции талмуда, каббалы. В этом столкновении и пал жертвой Уриель Акоста.

Уриель Акоста вышел первым с критикой учения о бессмертии души. За это его назвали саддукеем, а он своих противников — фарисеями. Но учение Уриеля Акосты о смертности души направлялось не только против иудейства, а и против христианства. Уриель Акоста начал критику библии, что тоже было и по иудейству и по христианству. Однако Уриель Акоста—старшее поколение Спинозы, он — еще не атеист. Спиноза в деле критики библии продолжает акостовскую линию, но он не только критикует, а и создает свою систему. Он начинает там, где кончает Уриель Акоста, он создает синтез всей предшествующей философии, он создает новую философскую систему.

Универсальный характер системы Спинозы представляет собою наиболее грандиозное выражение в наиболее метафизической форме настроений буржуазии того времени. В этом — своеобразие, в этом и трудность учения гаагского мудреца.

При анализе системы Спинозы у нас обычно говорят почему-то только о субстанции и атрибутах. В учении Спинозы о субстанции и атрибутах, несомненно, заложен ключ к разгадке его мировоззрения. Но только ключ. Если он учил только о субстанции и атрибутах, почему основное его произведение носит название «Этика»? Почему другое, пожалуй не менее важное, его произведение носит название «Трактат об очищении интеллекта»? Целостность философии Спинозы — вот то, чего нельзя забывать. Нельзя взять только проблему субстанции и атрибутов и оставить все остальное вне поля зрения не потому, что это недостаточно для обоснования материализма Спинозы, нет, в этом конечно — основа его материализма, но потому, что, если мы поступим только так, то мы не сможем ответить на целый ряд возражений, которые нам могут сделать наши противники.

Как это ни странно, но Спиноза ставит перед собою практическую цель: как достигнуть истинного блага. И это созвучно, это перекликается с остальной проблематикой, которая стояла перед тогдашней буржуазией в иных может быть областях знания. Эта задача разрешается Спинозой таким образом: истинное благо есть истинное знание, а истинное знание есть познание единства духа с природой. Так увязываются и этические проблемы — истинное благо, и теоретико-познавательные — истинное знание, и онтологические — познание единства духа и природы.

Если, таким образом, истинного блага можно достигнуть лишь в процессе истинного знания, то Спиноза конечно не мог избежать тех вопросов, которые стояли перед каждым, кто ставил эту проблему перед собою: каковы источники познания, каковы виды познания. Не Спиноза открыл знание имагинативное, чувственное, знание рациональное, рассудочное и даже знание интуитивное,— это было и у Декарта. Но то, что дал Спиноза, есть значительный шаг вперед от Декарта. При помощи имагинативного познания, учил Спиноза, мы познаем отдельные вещи, отдельные состояния, не необходимые и в этом смысле случайные состояния субстанции — модусы. При помощи ratio, рассудка, мы идем дальше, мы познаем уже атрибуты субстанции, т. е. такие существеннейшие свойства субстанции, без которых она не может ни существовать, ни даже мыслиться. И лишь при помощи

интуитивного знания, так называемого scientia intuitiva, мы познаем, по учению Спинозы, самое субстанцию, сущность вещи из самой вещи. Так в форме не простого перечня, а в форме таблицы дает Спиноза структуру знания.

Однако если он для своей эпохи прав в том, что мы отдельные проявления субстанции, отдельные вещи и предметы можем понять чувственным знанием, что до понимания таких категорий, как, скажем, протяжение. мышление — атрибуты Спинозы, мы можем дойти лишь в процессе абстракции, определенной рассудочной, логической операции, то гораздо хуже обстояло у него дело с интуитивным познанием, в котором в особенности проявился интеллектуализм Спинозы.

Это то, на что необходимо обратить внимание. В этом он был неправ, и в этом заключалась та проблема, которая была поставлена Спинозой последующим поколениям материалистов. В рационалистической в основном теории познания Спинозы имеется и ряд частных дефектов: от имагинативного познания к рациональному познанию нет перехода, так же как и от рационального познания к интуитивному. Чисто рационалистическим является у него и критерий истины, критерий истинности представлений: для убеждения в истине нужно обладать лишь самой истиной.

Итак, субстанция Спинозы познается лишь в интуитивном знании. Что такое субстанция и почему именно так решил Спиноза в познавательном отношении эту проблему? Субстанция есть самостоятельная сущность, несводимая ни к какой другой и независимая ни от какой другой сущности. Декарт утвердил тело как субстанцию с атрибутом протяжения. Но, по учению Декарта, и душа со своим атрибутом — мышлением также была субстанцией, и даже обе они как субстанции были созданы еще первообразующей субстанцией — богом. Здесь не место говорить о том, какую роль играет бог в системе Декарта. Но ясно одно, что у Декарта налицо дуализм бога и природы, дуализм тела и души. Это было тем наследством, которое Декарт оставил Спинозе. Спиноза решает эту важнейшую проблему иначе.

Для Спинозы существует лишь одна субстанция, и эта субстанция — природа. Ну а бог? Бог — это то понятие, без которого еще невозможно представить себе жизнь в XVII столетии в той же Голландии, среди той же буржуазии. Спиноза как бы обращается к своим современникам и предшественникам, к христианству и иудейству, к схоластике и картезианству: вы говорите — есть бог, да, прекрасно! Но знаете ли вы, что такое ваш бог? Бог есть природа!

Если мы говорим, что в зависимости от уровня состояния научных знаний материализм принимает различные формы, то мы это вправе сказать и в отношении атеизма. Атеизм диалектического материализма не есть атеизм французских материалистов, у которых он был связан с механическим материализмом, а атеизм французских материалистов не есть атеизм эпохи Возрождения или даже Голландии XVII в. Для своей эпохи, на своем языке, в понятиях, в терминологии того времени Спиноза дал несомненно атеистическое решение проблемы, уничтожив, так сказать, утопив бога в природе.

Итак, субстанция едина. Но поскольку эта субстанция едина и нет никакой трансцендентной сущности, находящейся вне ее, постольку субстанция есть причина самой себя. У этой бесконечной субстанции существует бесконечное количество атрибутов. Мы знаем два: протяжение и мышление. Отсюда ни в коем случае нельзя сделать вывода, как это делают неокантианцы, что Спиноза агностик, что, утвердив бесконечное количество атрибутов, он об'являет их непознаваемыми. В данном случае мы имеем типичный пример того, как происходит борьба в философии за крупнейших мыслителей прошедших веков. На самом деле здесь у Спинозы налицо его

твердая, жесткая логика. Если субстанция бесконечна, то он не может ограничить ее двумя атрибутами, ибо всякое ограничение бесконечной субстанции было бы ее отрицанием, было бы отрицанием бесконечности субстанции. Эмпирически же он мог указать лишь два атрибута — протяжение и мышление.

И схоласты понимали, что тело протяженно, так что в том, что материя протяженна, тело протяженно, Спиноза нового ничего не сказал. Но Спиноза сказал: материя протяженна, протяжение есть атрибут материи, т. е. существеннейшее, необходимейшее свойство материи, без которого она не может ни быть, ни даже мыслиться, и эта же протяженная материя м ы с л и т. Мышление есть также атрибут субстанции. В этом—материализм Спинозы, в этом его монизм.

Если бы Спиноза сказал: протяжение и есть мышление—это была бы философия тождества насквозь идеалистическая, это бы означало уничтожение протяжения в мышлении. Если бы Спиноза сказал: мышление и есть протяжение — это означало бы вульгарно-материалистическое разрешение проблемы, это означало бы, что мысль, мышление можно взвешивать на килограммы и измерять на метры. Спиноза дал е д и н с т в о п р о т я ж е н и я и м ы ш л е н и я. Спинозовская субстанция — не атрибуты плюс некоторый носитель, субстрат, отличный от носимого, спинозовский бог без атрибутов—ничто, понятие без содержания, схоластическое измышление. Атрибуты не вытекают в порядке некоей эманации неоплатоников, а составляют субстанцию. Поэтому Спиноза и говорит: «Deus sive omnia dei attributa» — «бог или все атрибуты бога». Однако субстанция Спинозы не есть эмпирическая природа. Она есть природа, а не что-либо иное, но природа метафизически переряженная, метафизически перевернутая, метафизически переодетая в ее оторванности от человека. Об этом писал Маркс в «Святом семействе».

Что это значит? Здесь встает вопрос об отношении субстанции к модусам, об отношении этой всеединой, всеохватывающей в своем единстве сущности ко всем отдельным ее проявлениям, состояниям, отдельным ее модусам. В этом вопросе об отношении спинозовской природы к человеку, на абстрактно теоретическом, философском языке — вопросе о переходе от общего к частному, — слабое, больное место, камень преткновения всех рационалистов и в том числе и Спинозы.

Если бога нет, если субстанция едина, если она причина самой себя, то как же наметить переход от единой, неделимой (ибо нельзя говорить — полсубстанции, четверть субстанции, 5 проц. субстанции) субстанции к частностям, отдельностям, индивидуальностям? Спиноза делает это таким образом: субстанция едина, но она выступает перед нами как п р и р о д а п р о и з в о д я щ а я и в то же время как п р и р о д а п р о и з в е д е н н а я. Природа произведенная — это мир модусов, мир отдельных частностей. Природа производящая — субстанция как таковая. Если субстанция, природа производящая, есть с у щ н о с т ь вещей, то модусы, природа произведенная, есть с у щ е с т в о в а н и е. Налицо два разреза, два аспекта единой субстанции, единой природы. Каждое из этих двуединств не мыслится одно без другого — субстанция и модусы, природа производящая и природа произведенная, сущность и существование,— хотя логически и не совпадает со своим другим. Природа произведенная, или мир модусов, есть осуществление во времени того, что имеется, что заложено в природе производящей. Здесь-то и кроется слабость Спинозы, слабость его материализма, которая была ясна уже материалистам последующего поколения и которая не принижает, не преуменьшает материализма Спинозы, но об'ясняет его сложное и для своей эпохи единственное, хотя и недостаточное разрешение проблемы.

Мир модусов, природа произведенная, есть осуществление во времени того, что заложено в субстанции, а сама субстанция вечна. Модусы, взятые в своей совокупности, тоже вечны. Но в каком смысле? Они вечны в смысле длительности, бесконечной продолжительности во времени, а субстанция вечна в смысле безвременности. Спинозовскую субстанцию можно созерцать лишь «sub specie aeternitatis». В этом и состоит метафизический наряд спинозовской субстанции, спинозовской природы.

Решил ли Спиноза проблему? Он решил ее в том смысле, что дал своим современникам, ортодоксально церковно или еретически в пределах религии мыслящим, ответ, достаточный для философии того времени. Но он не решил этой проблемы, как не решил ее вообще односторонний рационализм, который не может дать переход от общего к частному. Спиноза не дал перехода от субстанции к модусу, от сущности к существованию.

Субстанция как природа производящая об'ясняет все видимое многообразие вещей. Это видимое многообразие проистекает вследствие движения. Это уже было у Спинозы. Но движение у Спинозы было лишь в мире модусов. Декарт говорил: движение есть модус и притом не модус мышления, а реально существующий истинный модус. Однако лишь модус наряду с покоем, а не атрибут, т. е. необходимое состояние субстанции. Спиноза пошел дальше, он сказал: движение есть бесконечный модус, потому что все может находиться в движении. Но движение и покой являются все же бесконечными модусами, т. е. принадлежат к природе произведенной, а не к природе производящей, не к субстанции, атрибутом которой движение не является. Отсюда и получается статизм Спинозы, метафизика его, о которой Маркс писал, что французские материалисты боролись с метафизикой Декарта, Мальбранша, Лейбница и Спинозы. В этом также состоит метафизическая переряженность спинозовской природы.

Отсюда проистекают весьма важные выводы: природа произведенная не является историческим действием природы производящей, а является ее логическим следствием, подобно тому как из природы треугольника вытекает, что сумма всех его трех углов равна двум прямым.

Здесь же лежит ключ к той загадке, к той проблеме, о которой приходится много говорить и в отношении которой дан ряд неправильных решений. Это — проблема гилозоизма Спинозы. Спиноза действительно гилозоист. Диалектический же материализм ни в коем случае не является гилозоизмом. Спиноза рассуждает так: что существует? Природа. Природа есть субстанция. Эта субстанция протяженна. Что мыслит? Мыслит эта же субстанция, не какой-то бог, не какая-то витальная сила, хотя и заложенная внутри материальной субстанции, но ей не подчиняющаяся, а действующая и живущая по каким-то иным законам. Нет. Мыслит та же протяженная материя. И это было правильным решением вопроса в ту эпоху. Но это было правильно при условии такого решения проблемы движения и времени, какое мы имеем у Спинозы, когда время распространяется лишь на мир модусов и движение как бесконечный модус существует лишь в мире модусов.

Однако когда последующие материалисты сказали: Спиноза принципиально прав — субстанция материальна, протяженна и она же мыслит, но время есть форма существования материи (это уже совершенно ясно и членораздельно сказали в XVIII веке французские материалисты), когда материалисты уже следующего за Спинозой поколения сказали: Спиноза принципиально прав — субстанция протяженна, она же мыслит, но движение есть тоже атрибут субстанции, т. е. не может быть субстанции без движения,— дана материя и тем самым дано движение,— движение тоже атрибут субстанции в том смысле, что представляет собою необходимейшее, существеннейшее свойство, без которого не может быть

и даже мыслиться материя, когда материализм шагнул на такую более высокую уже, чем у Спинозы, ступень, тогда только и встала проблема, тогда только и мог встать вопрос: всякая ли материя мыслит?

Поскольку уже оперировали категорией движения и категорией времени, то встал вопрос: материя мыслит сейчас, а 80 миллионов лет назад (такими периодами уже оперирует Бюффон и французские материалисты) мыслила ли она или нет? И ясно, что XVIII век ответил: мыслит материя, лишь известным образом организованная. XIX век ответил: мыслит материя, находящаяся на известной ступени развития. Ленин сказал: в фундаменте самого здания материи можно предполагать наличие способности, сходной с ощущением.

Была ли это такая мысль, линия, философская традиция, которая отрекалась бы от Спинозы, шла куда-то в сторону, в бок? Это было дальнейшим развитием того, что было заложено у Спинозы, но развитием, в котором плод, результат, ни в коем случае не является тождественным эмбриону, начальному пункту отправления. И соответственно этому,—что очень характерно,—в XVIII веке говорят уже не о мышлении, а о чувствительности как свойстве материи. Робинэ говорит: всякая материя чувствительна, значит всякая материя органична. Гольбах возражает: не всякая материя чувствительна, а лишь надлежащим образом организованная.

Итак, нет бога, а есть единая субстанция с едиными законами. Отсюда вывод: нет случайностей, все обусловлено; нет свободы воли, все необходимо. Творение по целям отвергается. Телеология не научна, над ней Спиноза глумится. И пожалуй наиболее острые, живые и сочные страницы «Этики» посвящены как раз опровержению телеологии, борьбе с ней.

Я говорил вначале, что, по учению Спинозы, истинное знание есть познание единства духа с природой. Достигается это познание единства духа с природой в интуиции. Почему? Потому что спинозовская субстанция была метафизичной и до нее никаким иным путем добраться было нельзя. В чем заключалась задача последующих материалистов? В том, чтобы найти новый путь, новую лесенку, ведущую к этой метафизической субстанции? Нет, это было бы вреднейшей и неблагодарной задачей. Почему? Потому что неблагодарен был об'ект в том смысле, что он был метафизичен. Не какой-то новый путь вместо интеллектуальной интуиции нужно было найти к спинозовской субстанции, а ее нужно было лишить теологического привеска, метафизических одежд. Ее нужно было освободить от этих метафизических нарядов, раздеть и показать как эмпирическую природу. Это и было сделано путем распространения времени на субстанцию и динамизирования ее.

У самого Спинозы познание единства духа с природой как истинное знание есть истинное благо. Так увязывается решение им этических проблем. Когда предметы воздействуют на меня, на мои органы чувств, аффицируют мою чувственность, то это будут, как сказал уже раньше Декарт, пассивные состояния суб'екта, которые на средневековом латинском языке называются «passiones». Это — страдания, страдательные состояния души. «Аффект» и есть страдательное состояние души. Но есть,— мы это и из грамматики знаем,—страдательный залог, пассив, а есть и действительный залог, актив. Точно так же и у Спинозы кроме страдательных состояний души имеются активные, действенные состояния души, actiones.

Активное состояние души, по терминологии Спинозы, вызывается рассудочным, рациональным познанием, когда я не просто воспринимаю, находясь под влиянием предмета существующего вне меня, а когда я логически действую, умозаключаю. Активные состояния души, которые получаются в результате рассудочного вида познания, доводят до понимания атрибутов субстанции. Это сопровождается уже чувством удовольствия. Высшая ступень удовольствия, по учению Спинозы, достигается в интуитивном познании,

в котором открывается субстанция и постигается единство духа с природой: это и есть amor dei intellectualis, интеллектуальная любовь к богу.

Если с интеллектуальной любви к богу совлечь метафизические одежды, отсечь теологический привесок, то вскроется не что иное, как познавательная любовь человека к природе, т. е. сопровождаемое чувством наслаждения постижение человеком своего единства с природой. По учению Спинозы, именно здесь, в чувстве единства с материальной природой, должен человек искать и найти наслаждение, а не в некоем потустороннем, загробном мире религии или трансцендентном мире метафизики.

Недостатки материализма Спинозы, обусловленные исторически данной эпохой, были видны уже ближайшим поколениям материалистов. Я не могу останавливаться на этом сколько-нибудь подробно. Известно, что Толанд в одном из своих «Писем к Серене» подверг критике спинозовское учение о движении — не основы спинозизма, т. е. учение о единой протяженной и мыслящей субстанции, а то, что его субстанция не находилась в движении. Французские материалисты утвердили время формой существования материи, а движение — таким же свойством ее, как и протяжение. Этим они уже в известном смысле совлекли метафизические одежды с субстанции Спинозы, хотя сами еще оставались, как известно, метафизиками в смысле недиалектиков.

Классический немецкий идеализм развивался по иному пути, но если будем внимательно читать «Святое семейство» Маркса, то мы узнаем, как элементы спинозизма проникают и в немецкую философию XIX века. Маркс говорит, что самосознание Фихте есть метафизически переодетый, переряженный дух в его оторванности от природы. А у Гегеля мы имеем метафизически перевернутое, метафизически переодетое единство природы Спинозы и духа Фихте. Гегелевский абсолютный дух есть субстанция Спинозы, понимая как суб'ект Фихте. Штраус отправлялся от субстанции, от спинозовского элемента в философии Гегеля и отсюда поэтому пришел к материализму в своей «Жизни Иисуса». Бауэр же, отправляясь от самосознания, от фихтеанского момента, пришел к идеализму. У Фейербаха налицо единство суб'екта и об'екта, материализм, но материализм созерцательный, пассивный, потребительский.

Диалектический материализм разрешил полностью проблему единства суб'екта и об'екта, конкретно, исторически и действенно-практически, и именно диалектический материализм, а не эпигонствующая буржуазная философия, представляет собой дальнейшее историческое развитие исторически данного спинозизма, со всеми теми ступенями развития, которые создали славную материалистическую традицию Толанда, Гольбаха, Дидро, Фейербаха. При этом надо отметить, что диалектический материализм есть высшая ступень в этом развитии.

Говорить о том, что марксизм есть род спинозизма, было бы совершенно неверно. Но именно в диалектическом материализме нашел свой исторический и логический исход материализм Спинозы. Вот почему с таким вниманием, с таким интересом в дни трехсотой годовщины со дня рождения Спинозы мы и воскрешаем облик этого великого материалиста.

К вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания*)

Е. Ситковский

Постановка вопроса

Тезис о совпадении в диалектическом материализме логики, диалектики и теории познания имеет решающее значение в понимании существ ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Он содержит в себе краткое резюме ленинского понимания диалектического материализма как философской науки, взятой в ее внутреннем развитии, в последовательности ее категорий, в ее структуре. Он содержит в себе — и это особенно для нас важно и существенно — формулировку ленинской принципиальной точки зрения на философию, на ее предмет и задачи, на ее связь с практикой, конкретными науками, политикой.

Общеизвестна механистическая постановка вопроса. Она идет по линии отрицания философии как особой науки и растворения ее в конкретных науках, в естествознании в частности. Полезно напомнить некоторые высказывания механистов по вопросу о философии как науке. Вот например высказывание И. Степанова: «Для марксизма не существует области какого-то философствования, отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для него — последние и наиболее общие выводы естествознания»[1]). Механист проф. Самойлов «в порядке дискуссии» на страницах «Под знаменем марксизма» в 1926 г. писал: «Можно было бы себя спросить, какую роль играл и играет диалектический метод в естествознании, если последнее делает без него все свои завоевания» [2]). В завуалированной форме и здесь и там развивается мининский лозунг: «Философию за борт», а также следующее положение Э. Енчмена: «Некое философское мировоззрение, именуемое диалектическим материализмом, будет повержено в прах, ибо благодаря биологической тренировке исчезнет необходимость в логике, отомрет знание, мышление, и только физиологическая реакция хохота будет напоминать об эксплоататорском диалектическом материализме, одурачивавшем невинные головы передовых революционных рабочих» [3]).

Ликвидация материалистической диалектики как науки, растворение ее в конкретных областях знания — вот точка зрения механистов. Она аргументировалась ложно истолковываемыми заявлениями Маркса и Энгельса о смерти старой, домарксовой, системотворящей, действительно противо-

*) Обработанный доклад, сделанный на семинаре т. Митина 2-го курса ИКП философии в апреле 1932 г. В настоящем номере печатается первая часть доклада.

[1]) «Исторический материализм и современное естествознание», стр. 57.

[2]) «ПЗМ», № 4—5 за 1926 г.

[3]) Цит. по ст. Баммеля в «ПЗМ», № 10—11 за 1927 г.

стоящей конкретным наукам, метафизической философии. В полном согласии с указанием Энгельса о том, что «люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем» [1]), наши механисты плетутся в хвосте кантианства, фрейдизма, позитивизма и т. д. Само отрицание философии как науки ничуть не ново и является перепевом идей позитивиста О. Конта. Следует отметить, что подобного рода отношение к философии у механистов является выражением отрыва практики от теории, хвостизма, ползучего эмпиризма, делячества, которое вообще свойственно им, как и правому оппортунизму, методологами которого они в основном являются.

Меньшевиствующие идеалисты вели борьбу с механистическим отрицанием философии как науки. Однако последовательно проводимый ими отрыв теории от практики, превращение философии не то что в имеющую свою область науку, но в науку о самодвижении чистого мышления, оторванного от конкретных областей знания и актуальных задач социалистического строительства, превращение философии в некий чистый метод, парящий над конкретной наукой, — все это лишало меньшевиствующих идеалистов оружия в борьбе с механистами и, напротив, создавало новую почву для механистов, использовавших действительную гегельянщину деборинской школы для борьбы с диалектическим материализмом. Когда например Степанов пишет о деборинской школе, что «ее представители полностью и целиком находятся в плену метафизической системы» [2]), то тут выражена доля истинности по адресу меньшевиствующего идеализма, хотя в целом позиции Степанова неверны. На самом деле, когда Гоникман заявляет, что «мысль Ленина имеет и другое еще содержание: она говорит о замкнутой системе диалектики...» [3]), или когда Дмитриев пишет, что «в настоящее время центральным узлом всех проблем, которые определяют вид, конструкцию, тип построения нашей материалистической логики, является не столько вопрос о характере самих категорий, из которых должна состоять эта логика, а проблема порядка их расположения» [4]), то ясно, что в обоих случаях речь идет именно о метафизической системе, хотя и не о такой, о которой думает Степанов, подводящий под метафизическую систему и материалистическую диалектику. Точно так же, когда Карев пишет: «Как мы видели уже ранее, философия — особая наука в ином смысле слова, как обнимающая и проникающая другие науки» [5]), то тут тоже речь идет о системе в худшем смысле слова, о философии как «науке наук». Когда наконец тот же Карев видит «значение философских понятий» в том, «что они представляют результат длительного развития мысли» [6]), не говоря вместе с тем, что они являются результатом отражения материальной действительности, когда он предлагает всю логику вывести из п о н я т и я движения и пишет: «все дальнейшие категории л о г и ч е с к и являются опирающимися на п о н я т и е движения орудиями нашего познания различных его форм» [7]), или когда Тымянский начинает выводить п о н я т и е самодвижения из п о н я т и я всеобщего движения, то ясно, что здесь мы имеем идеалистическую философскую с и с т е м у, прикрывающуюся флагом материалистической диалектики.

Меньшевиствующие идеалисты хорошо знали о существовании ленинского тезиса о совпадении логики, теории познания, диалектики. Если механисты вместе с философией выбрасывают за борт это ленинское положение,

[1]) Э н г е л ь с, Диалектика природы, стр. 37.
[2]) «Диалектический материализм и деборинская школа», стр. 4.
[3]) Цит. по сб. «За поворот на философском фронте», стр. 220.
[4]) В. К. А., № 35—36, стр. 94.
[5]) «ПЗМ», № 8—9 за 1925 г.
[6]) Там же.
[7]) «Большевик», № 15 за 1929 г., стр. 97.

то они (меньшевиствующие идеалисты) пишут о нем на разные лады. Однако они не идут дальше: 1) понимания философии как наднаучной системы и 2) понимания философии как науки, опирающейся на чисто-мыслительную деятельность, оторванную от материальной практики, классовой и партийной борьбы. В ленинском тезисе они видят указание лишь на способы построения «замкнутой системы» и лишь на часть мыслительную деятельность и историю только этой деятельности человека как базу логики.

Необходима решительная борьба с механическим и деборинским пониманием предмета философии. Вопреки меньшевиствующим идеалистам надо подчеркнуть, что материалистическая диалектика не «охватывает» все науки наподобие какой-то натурфилософии и не «вносит внутреннюю связь в конкретное содержание», как выражается Деборин, но использует данные современного естествознания и всех прочих наук для своих обобщений с тем, чтобы затем эти обобщения использовались бы как метод и как мировоззрение, как сознательно применяемая материалистическая диалектика, в научном исследовании и практической деятельности. Вопреки меньшевиствующим идеалистам надо подчеркнуть, что в основе материалистической диалектики лежит не оторванная от материальной практики мыслительная деятельность, но история познания, выросшая на базе этой практики и взятая в единстве с нею.

На этой же базе глубокого изучения практики социалистического строительства и классовой борьбы, глубокого изучения содержания законов материалистической диалектики и категорий, в которых резюмируется эта практика, необходимо изучать вопросы, касающиеся структуры диалектико-материалистической логики, касающиеся ее как науки, взятой в целом, с точки зрения ее внутреннего развития и содержания. Ленин придает громадное значение разработке материалистической диалектики, как философской науки, взятой в целом.

Это последнее обстоятельство необходимо отметить против механистического, зрящного отрицания философии. Что касается механистов, то им надо указать, что борьба с деборинским пониманием философии отнюдь не означает отказа от той точки зрения, что материалистическая диалектика есть наука, философская наука, имеющая свой самостоятельный научный материал, который является обобщением всей практики человечества и истории наук, но который нельзя по-механистически растворять в конкретных областях знания. В последнее время мы имели некоторые проявления механистических утверждений, идущих по линии упразднения философии. Так например в предисловии к «Заочному курсу диамата» делается следующее механистическое заявление: «там, где имеет место открытие, будь то в области физики, химии, механики и физиологии, всюду, если сделавший открытие и не владеет диалектикой, она стихийно применяется им в своей работе»[1]). Из этого положения вряд ли научный работник выведет заключение о необходимости изучать диалектический материализм. Вполне в этом же духе сделано другое заявление: «автор недостаточно ухватывает основное звено в ленинском этапе, а это основное звено заключается в том, что Ленин разрабатывает философию прежде всего как теорию пролетарской революции»[2]). Смысл этого утверждения заключается в том, что в нем учение о пролетарской революции отождествляется с философией и диалектическим материализмом. В свою очередь диалектический материализм, наука об общих законах природы, общества и человеческого мышления, сводится к учению о пролетарской революции. Несомненно то, что

[1]) «Заочные курсы по диамату для научных работников», вып. I.
[2]) Журнал «Антирелигиозник» № 10 за 1931 г., стр. 107.

Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин разрабатывают материалистическую диалектику в теснейшей связи с практикой борьбы за пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата и с теоретической разработкой в первую очередь этого основного вопроса, т. е. в тесной связи с учением о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата, о социалистическом строительстве, о союзниках пролетариата. Марксистско-ленинская философия должна быть партийной философией, участницей революционного преобразования мира, защитницей генеральной линии партии. Все это тем не менее не дает ни малейшего основания, с одной стороны, превратить учение о пролетарской революции в философию, свести все три стороны марксизма-ленинизма, о которых говорил Ленин, к одной из них, к философии, а с другой стороны, свести философию к учению о пролетарской революции. Материалистическая диалектика есть составная часть марксизма-ленинизма. Сталин говорит, что «диалектика есть душа марксизма» [1]). Ленин пишет: «Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания»[2]). Материалистическая диалектика есть особая наука со своим специфическим научным материалом. Ленин говорит по адресу Плеханова: «О большой логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика, как философская наука) — ничего!!» [3]). Наконец нельзя забывать высказываний Энгельса об относительной самостоятельности исторического развития всякой идеологии. Философия как наука имеет «налицо философский материал, доставленный предшественниками» [4]). Ленинский тезис «диалектика, как теория познания» требует каждую науку (и философию) рассматривать исторически, включая в определенном смысле в теоретическое изложение науки ее историю. Все это ни в малой степени не умещается с отождествлением философии с учением о пролетарской революции.

Диалектичность предмета марксистско-ленинской философии сказывается в том, что подчеркивается связь философской науки с конкретными областями знания и с практикой строительства социализма и мировой революции, а с другой стороны, отмечается наличие у этой науки своего специфического научного материала, который нельзя механистически сводить к конкретным наукам и растворять в них. Это прекрасно выражено в правильно понимаемом положении Ленина о диалектике как теории познания. Логика и теория познания совпадают, поскольку обе являются обобщением, квинтэссенцией истории человеческого знания. История же человеческого знания не есть замкнутый в себе процесс оторванной от практики мыслительной деятельности человека, как это изображает меньшевиствующий идеализм, но процесс, в котором резюмируется материальная практика человечества, его производственная деятельность в исторически определенных формах, классовая борьба.

Предмет марксистско-ленинской философии: диалектика как теория познания. Сказанным определяется в общей форме основная задача марксистско-ленинской философии — диалектическая обработка истории человеческого знания — квинтэссенции материальной практики, в которую в равной мере и в первую очередь включается и философское осмысливание современности, каковое единственно возможно конечно при активном участии самой философии в этой современности, т. е. социалистическом строительстве и мировой рево-

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 511.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 28.
[3]) XII Лен. сб., стр. 225
[4]) «Письма Маркса и Энгельса», стр. 346.

люции. Мы можем сказать, что ленинский тезис о совпадении диалектики и теории познания «включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы». Основное, что подчеркивает этот тезис,— партийность философии, разработка ее на практике строительства социализма и мировой революции, равно как и активное участие ее в «изменении мира» и защита ею генеральной линии партии.

Известно, что Энгельс определяет диалектику как науку о наиболее общих законах всякого движения, как науку о законах движения природы, общества и человеческого мышления [1]). Ленинский тезис о диалектике как теории познания развивает это определение диалектики, данное Энгельсом, внося в него указание на человеческую практику, на момент действенности, партийности. Известно, что это ленинское развитие определения диалектики, данного Энгельсом, вполне соответствует точке зрения Маркса и Энгельса на активность, действенность философии. Более того, Ленин указывает, что «в «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма» [2]). Впервые разработанное Марксом и Энгельсом положение о том, что материалистическая диалектика и есть теория познания, блестяще подтвержденное Марксом на разработке «Капитала», Ленин развивает дальше, применяя к материалистической диалектике как философской науке. «Таков же должен быть метод изложения respective (изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть частный случай диалектики» [3]).

Аналогично этому в ленинском тезисе о диалектике как теории познания развивается определение диалектики как учения о единстве противоположностей.

История и логика, метод и теория познания у Канта и Гегеля

Марксистско-ленинское понимание философии как единства логики, диалектики и теории познания противостоит прежде всего кантианскому разрыву отдельных сторон философии, противопоставлению логики, онтологии, гносеологии, метода и т. д. Базой такого разрыва является кантианское и неокантианское понимание соотношения материала познания и форм познания, истории и логики, практики и теории. На кантианских позициях в данном вопросе стоят целиком механисты и отчасти меньшевиствующий идеализм.

Гегель дал решительную критику кантовой постановке вопроса о логике, теории познания и т. д. На почве идеалистической диалектики Гегель сумел преодолеть кантов разрыв логики и истории, теории познания и диалектики. «Диалектика и есть теория познания (Гегеля) и марксизма»—говорит Ленин [4]). С этой стороны взгляды Гегеля дают несомненно ценный материал для материалистической переработки. Все же гегелевское идеалистическое понимание познания, истории, практики, преодолевая Канта, не дает само по себе выхода для философии к материальной практике, истории, познанию. Гегелевское преодоление Канта половинчато, непоследовательно. Только материалистическая диалектика в полной мере преодолевает разрыв теории и практики, логики и истории, делая философию «духовным оружием пролетариата» (Маркс) в его борьбе за переустройство мира.

Разрыв исторического и логического в кантианстве наиболее четко выражен школой Риккерта. Идеолог империалистической буржуазии в развитой форме дает по отношению к историческим законам то, что у идеолога

[1]) Энгельс, Диалектика природы, стр. 95.
[2]) Лен. сб. XII, стр. 292.
[3]) Там же, стр. 324.
[4]) Там же, стр. 325.

ранней буржуазии — Канта — имеется в общефилософской постановке. Логическое (закон) с точки зрения риккертианства является антиподом конкретно-исторического, так как оно абсолютно лишено конкретного содержания. Процесс логической обработки действительности устраняет из нее все конкретное, все индивидуальное. В свою очередь историческое является неповторяемой живой и конкретной индивидуальностью в его единственности и однократности, исключающей возможность об'ективных обобщений, законов, логики. Там, где есть логика, там исключена и с т о р и я — так можно коротко сформулировать взгляд Риккерта на соотношение исторического и логического. На этом основано совершаемое им противопоставление наук о природе наукам о культуре. Первые генерализируют, т. е. обобщают, подводят действительность под з а к о н. А это и есть с точки зрения Риккерта исключение всего конкретного, индивидуального, исторического из естествознания и изучаемых им явлений. Естествознание антиисторично, утверждает Риккерт, противополагая свой взгляд Энгельсу, утверждающему в «Немецкой идеологии», что природа и общество суть части единой исторической науки [1]). Риккерт отрицает исторический момент даже в исторической биологии. Он считает ошибочной ту точку зрения, которая считает и с т о р и ч е с к о й теорию Дарвина. Напротив, она «построена вполне согласно генерализирующему, а ,следовательно, естественно-научному методу и не имеет с историей даже в логическом смысле этого слова ничего общего» [2]). Исторические науки, по Виндельбанду и Риккерту, суть и д и о г р а ф и ч е с к и е, т. е. описывающие науки. Так как подлинная история, а таковую мы имеем только в общественных явлениях, утверждают неокантианцы, строго индивидуальна, а потому совершенно исключает возможность подведения индивидуальных исторических фактов под общий закон, исключает л о г и к у, то историку остается эти факты лишь описывать. В лучшем случае — оценивать. Образовывающуюся у Риккерта непроходимую пропасть между историей и логикой его последователи пытаются заполнить при помощи так называемых «идеальных типов» — суб'ективных культурно-ценностных «точек зрения» буржуазного историка, «утопических утопий», не имеющих никакой об'ективной значимости по отношению к самому историческому материалу [3]). Совершенно ясно, что отношение между логикой и «культурно-ценностными точками зрения», с одной стороны, и конкретно-историческим материалом — с другой, у риккертианцев в точности воспроизводит по отношению к исторической науке то, что у Канта имеется в общей постановке между его «формами созерцания» и «рассудочными формами», с одной стороны, и «материей познания», «хаосом восприятий» — с другой.

Кант дуалист не только потому, что он разрывает вещь в себе и сознание, но он является дуалистом и потому, что внутри сознания он проводит последовательный разрыв «материи познания» и тех «форм», в которых оно существует. Это накладывает печать и на кантову постановку вопроса о логике и теории познания.

Кант делит логику на общую и трансцендентальную. Первая дает обоснование аналитическим суждениям, соответствует «эмпирическому» рас-

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 214: «Мы знаем одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны...»

[2]) Р и к к е р т, Наука о природе и наука о культуре, стр. 151.

[3]) «Утопическими утопиями» называет идеальные типы Вебера русский последователь Риккерта Петрушевский. См. главу: «О некоторых логических проблемах современной исторической науки» в его книге «Очерки из экономической истории средневековой Европы».

судку, производящему эмпирические понятия предметов, отвлекается от всякого содержания суждения и по собственному определению Канта является традиционной формальной логикой, логикой бессодержательных форм. Гордостью кантианцев является трансцендентальная логика, обосновывающая возможность синтетических суждений a priori, соответствующая чистому рассудку, производящему чистые понятия рассудка — категории. Чистые формы рассудка составляют априорный элемент познания. Они проявляются только в опыте и не имеют вне опыта смысла. Они пусты без опыта, точно так же, как опыт без них слеп. Однако то положение, что познание начинается вместе с опытом, не означает, по Канту, что все познание происходит из опыта. В частности априорные формы рассудка не происходят из опыта, а даны до всякого опыта. Хотя они выступают всегда вместе с опытом, тем не менее они являются теми предварительными условиями опыта, которые вносят в него связь, порядок, необходимость, под которые опыт подводится, которые налагаются на опыт. Категории Канта как внешние формы накладываются на содержание, указывает Гегель [1]). Отсюда кантово определение логики: «Логика есть наука о разуме не по материи, но только по форме,—наука a priori о необходимых законах мышления» [2]). В «Основоположении» Кант пишет: «Все познание из разума или материально и рассматривает какой-нибудь об'ект, или формально и занимается только самой формой рассудка и разума и общими правилами мышления вообще, без различия об'ектов. Формальная философия называется логикой [3]). С выпадением содержания из логических форм последние лишаются об'ективного критерия классификации. Кантова таблица категорий произвольна, в ней нет, указывает Гегель, необходимости в развитии категорий, а есть лишь голое перечисление категорий, нет субординации их, а есть координация. Кантова философия, говорит Гегель, «оставляет совершенно неприкосновенными категории и метод обычного познания» [4]).

Заслугой Канта является постановка им в качестве научной проблемы диалектики. Однако Кант ее понимает ограниченно. Диалектическая противоречивость признается Кантом необходимым свойством разума, но не самой об'ективности, и то не всеобщим, а проявляющимся в особых случаях: когда разум пытается выйти за границы познания в мир вещей в себе. Тогда он впадает в антиномии. Так как формальная логика является у Канта основой познания, то он, во-первых, ограничивает число антиномий четырьмя в соответствии со своей таблицей категорий, а, во-вторых, со всей силой формально-логических доказательств оспаривает каждый тезис антиномии. Сам факт антиномичности разума служит у Канта лишь доказательством ограниченности познания, а диалектика рассматривается как служебная часть формальной логики. «Мы имели бы,— говорит Кант,— две части логики: аналитику, излагающую формальные критерии истины, и диалектику, которая содержала бы признаки и правила, благодаря которым мы могли бы узнавать, что то или другое не согласуется с формальными критериями истины, хотя и кажется прямо согласным с ним» [5]). Диалектика есть у Канта «критика видимости», «логика иллюзий».

Кант остается дуалистом, разрывающим историю и логику, материал познания и его форму, и в центральной проблеме своей философии — в теории познания. Задачей критицизма является «обоснование» познания, установление способностей и границ разума. Это должно быть, по Канту, сделано

---

[1]) Гегель, Наука логики, предисловие ко 2-му изд., I, XXI.
[2]) Кант, Логика, русский пер., стр. 6.
[3]) Кант, Основоположение к метафизике нравов, рус. пер., стр. 1.
[4]) Гегель, Соч., т. I, стр. 111.
[5]) Кант, Логика, стр. 8.

путем выхода за пределы познания, исследования разума до и вне процесса познания. Познание без такого предварительного исследования Кант называет догматизмом. В итоге теория познания Канта столь же оторвана от материала и истории познания и столь же формальна, как и его логика. «Она занимается не об'ектами разума, разнообразие которых бесконечно, а только самим разумом, только задачами, возникающими исключительно из его недр и предлагаемыми ему собственной его природой, а не природой вещей, отличных от него» [1]).

В заключение отметим характерное понимание у Канта категории и метода. Категория, говорит Кант, есть чисто логическая функция, суть и назначение которой — быть орудием познания. «Они служат как бы для складывания явлений, чтобы можно было читать их как опыт» [2]). Точно так же Кант понимает и метод: «названия метода заслуживают приемы, руководимые основоположениями» [3]). «Под методом мы разумеем, именно, вид и способ того, как лучше познается известный об'ект, к назначению которого он (метод) приспособлен» [4]). Постановки вопроса о категории как отражения известного об'ективного содержания и о методе науки как «о природе ее содержания, движущейся в научном познании», что есть у Гегеля, у Канта по понятным причинам нет, хотя имеются указания на то, что метод разнообразится в зависимости от природы науки.

Если отбросить кантово учение о вещи в себе (материалистический момент у Канта), то центральный пункт его философии, учение об априоризме, положение, что рассудок диктует законы природе, является суб'ективно-идеалистическим. Исходная позиция кантовой теории познания — суб'ективное сознание человека, несмотря на все попытки кантианцев об'явить кантово единство самосознания об'ективно-идеальной сущностью.

Гегель противопоставляет суб'ективизму Канта в теории познания (и логике) идеалистический об'ективизм. Исходная позиция Гегеля в теории познания (и логике) — об'ективный (хотя в тоже время и идеальный) по отношению к индивидуальному сознанию человека мир. Особенно наглядно об'ективный характер гегелевского идеализма сказывается в его взглядах на общество. Индивида, который у Канта диктует законы природе, Гегель низводит до степени орудия в руках об'ективного духа. Гегель указывает, что в истории осуществляются иные результаты, чем те, к которым стремится индивид. Осуществляется об'ективная необходимость, которая есть разум, дух, остающийся на заднем плане истории недосягаемым для индивида. Лишь благодаря хитрости об'ективного разума индивиды действуют в направлении общего, и «частный интерес неразрывно связан с проявлением всеобщего» [5]). Даже великие люди в истории суть лишь делопроизводители всемирного духа. В «Феноменологии духа» Гегель протестует против такого «психологического» исследования личности, которое берет ее вне связи с всеобщим,— «брать сознательную индивидуальность бездушно, как отдельное сущее явление, это противоречит тому, что ее сущность есть всеобщность духа», т. е. наличных обстоятельств, положения, обычаев, нравов, религии и т. д., вне которых «индивид во всяком случае не был бы тем, что он есть» [6]). Подчиняя всецело индивидуальное все-

[1]) Кант, Критика чистого разума, пер. Лосского, стр. 35.
[2]) Кант, Пролегомены, стр. 116 и 88.
[3]) Кант, Критика чистого разума, стр. 464.
[4]) Кант, Логика, II.
[5]) Гегель, Философия истории. Отрывок в «Книге для чтения по истории философии», т. II, стр. 344.
[6]) Гегель, Феноменология духа, стр. 137—138.

общему, Гегель старается это истолковать как их диалектическую связь, а не как полное поглощение индивидуального всеобщим. Само «всеобщее является результатом частных и определенных интересов и их отрицания». «Их (индивидуальностей.— *Е. С.)* душою и сущностью является всеобщая субстанция, и это всеобщее опять-таки есть их же делание, как единичных, т. е. ими же выполняемое произведение» [1]). Об'ективизм Гегеля здесь и дальше, в понимании им роли практики, явно обнаруживает глубокое понимание Гегелем общественных отношений людей. Это выгодно отличает его от Канта. Здесь несомненно сказывается различие особо отсталых общественных отношений Восточной Пруссии, в условиях которых работал Кант и которые наложили отпечаток на его философию, и сравнительно передовых отношений близкого к «Франции запада и центра Германии, в условиях которых жил Гегель. Это различие, до сих пор существующее в Германии, имелось и тогда, однако при наличии общей отсталости тогдашней Германии, определившей идеалистический характер всей, включая и Гегеля, классической немецкой философии, этой идеологии прогрессивной, но трусливой и непоследовательной предреволюционной немецкой буржуазии. Последнее обстоятельство наложило отпечаток на гегелевский об'ективизм. Как идеолог буржуазии и как идеалист Гегель конечно не мог материалистически истолковать свое общественное всеобщее, как не мог последовательно диалектически разрешить и вопрос о его соотношении с индивидом. Индивид в конечном счете не только растворяется Гегелем во всеобщем, в духе, но и оказывается возникшим к существованию из этого духа. Семья, гражданское общество и «действительные суб'екты», говорит Маркс, являются реальными предпосылками государства, у Гегеля же наоборот, они становятся лишь об'ективными моментами идеи. Всеобщее Гегеля, общественный разум, дух оказываются лишь «необходимой ступенью развития вечной идеи». Но, как указывает Ленин, всякий знает, что такое человеческая идея, но идея без человека и до человека, идея в абстракции, идея абсолютная есть теологическая выдумка идеалиста Гегеля. Ленин говорит, что «божеской стала у Гегеля обыкновенная человеческая идея, раз ее оторвали от человека и от человеческого мозга» [2]). Так, в силу идеалистической непоследовательности Гегеля суб'ективное сознание человека оказывается истиной его об'ективизма.

Однако хотя непоследовательный, но об'ективный подход к познанию у Гегеля дает ему возможность несравненно научней, чем у Канта, поставить вопрос о роли практики в познании. Гегель ядовито критикует старание Канта априорно установить способности и границы разума. Это — схоластика, говорит он, ибо нельзя научиться плавать, не прыгнув в воду. Ждать с познанием, пока не будет исследован разум,— это то же, что ждать с пищеварением до тех пор, пока не окончено изучение физиологии. Надо подвергнуть недоверию само недоверие к познанию, ибо страх ошибиться уже сам есть заблуждение. Знать границы познания можно, лишь выходя за эти границы. Гегель приглашает на пороге науки отбросить всяческие страхи и предубеждения и критиковать познание вместе с самим познанием, в процессе познавания. Гегель, как верно характеризует его Шеллинг, «не терпит церемоний с философией и, не дожидаясь молитвы перед трапезой, сразу приступает к ней с хорошим аппетитом».

Как же понимает Гегель практику? Во-первых, в отличие от созерцательного метафизического материализма Гегель берет практику как деятельность и глубже — как такой процесс взаимодействия познания и предмета познания, в котором познание не пассивно отражает

---

[1]) Гегель, Феноменология духа, стр. 159.
[2]) Ленин, Соч., т. XIII, стр. 186.

действительность, но видоизменяет ее[1]). В соответствии с таким пониманием практики Гегель определяет и опыт, понимая его широко как диалектическое движение знания взаимодействующего с предметом знания. Исходя из такой роли практики в процессе познания, Гегель в «Науке логики» указывает практическую идею как звено в процессе перехода от суб'ективного понятия к об'ективной истине и расценивает практику выше теоретического познания, что впрочем вытекает уже из его критики кантова априоризма. Это чрезвычайно важное для материалистической переработки гегелевское понимание практики отмечает и Маркс, указывающий, что Гегель «усматривает сущность труда и понимает предметного человека, истинного, действительного человека, как результат его собственного труда» [2]). Это дает право Ленину сказать, что «Маркс, следовательно, непосредственно к Гегелю примыкает, вводя критерий практики в теорию познания» [3]). Однако было бы неверно по-деборински преувеличивать гегелевское понимание практики, выдавая его за «всемирно историческую» практику. Гегелевское понимание практики ограничено его идеализмом. Нельзя забывать, что в тезисах о Фейербахе Маркс не только отмечает действенную сторону Гегеля, но и указывает, что Гегель не знал действительной, чувственной деятельности как таковой, понимал деятельность абстрактно.

Поэтому, во-вторых, Гегель как идеалист понимает практику и опыт как духовный процесс, как мыслительную деятельность, как акт чистого познания. «Гегель знает и признает только один вид труда, именно абстрактно-духовный труд» [4]). Взаимодействие человека с предметом познания есть лишь взаимодействие конечного духа с абсолютным, а изменение мира в процессе познания — лишь смена логических понятий или форм конечного духа, т. е. движение самого познания, в каковом и резюмируется гегелевский мир. Отметим, что так же в основном понимает практику и меньшевиствующий идеализм.

Гегель считает тривиальной кантову постановку вопроса о диалектике. Если у Канта антиномично только мышление, оторванное от вещей в себе, но не сами вещи, то у Гегеля «все предметы всякого рода» диалектичны, а диалектика является «принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в действительности» [5]). Однако поскольку Гегель — идеалист, «все предметы» у него диалектичны, потому что они в конечном счете суть моменты об'ективного, диалектически развивающегося мышления, познания. Как и практика, диалектика для Гегеля есть логический, мыслительный, познавательный процесс. «Диалектическое движение представляет собою действительное умозрительное», «его сфера есть чистое понятие» [6]). Это препятствует Гегелю диалектически подойти к природе, но не препятствует ему диалектически, а следовательно исторически, подойти к логике, процессу познания, явлениям человеческого общества, т. е. к тем сферам, в которых с его точки зрения логическая идея присутствует не в форме инобытия, но в чистом виде. Здесь Гегель обнаруживает «то огромное историческое чутье», которое отмечает у Гегеля Энгельс.

Познание для Гегеля есть длительный диалектический процесс постепенного приближения суб'ективной мысли человека к об'ективности, постепенной реализации истины. Сама истина не есть для Гегеля отчеканенная

[1]) Гегель, т. III, Наука логики, стр. 197, или Феноменология духа, стр. 138.
[2]) Маркс и Энгельс, Том III, стр. 639.
[3]) Лен. сб. IX, стр. 239.
[4]) Соч. Маркса и Энгельса, т. III, стр. 639.
[5]) Гегель, Соч., т. I, стр. 185.
[6]) Гегель, Феноменология духа, стр. 30—31.

монета, не есть готовый результат, не есть мертвый покой или собрание готовых догматических положений, которые остается зазубрить, коль скоро они открыты. «Для него истина,— пишет Энгельс,— заключалась в самом процессе познавания, в длинном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на высшие» [1]). Истина для него находится не в начале познания и не в конце его, а в продолжении. Истина для Гегеля — путь к истине. Этот путь Гегель не представляет себе как спокойное шествие, но как путь, в котором заблуждение само является ступенью в постижении истины, в котором познанию приходится отступить, чтобы затем дальше прыгнуть, лучше познать, в котором индивид может понять свою субстанцию не с меньшей затратой усилий, чем сам «мировой дух». Но и результат познания, достигнутая истина, поскольку можно говорить о таковой, не может быть понята вне процесса ее возникновения. «Чистый результат есть труп, оставивший тенденцию позади себя» [2]), говорит Гегель. Путь к научному результату идет со ступеньки на ступеньку, все выше к познанию абсолютного духа. Этот путь диалектичен, так как, во-первых, пройденные ступени не отбрасываются в результате, но остаются в нем в форме «стертых следов», а во-вторых, развитие науки идет по кругу (спирали), в котором, согласно закону отрицания отрицания, в конце развития оказывается снова то, что было в его начале, хотя, правда, в развитой и опосредствованной форме. Таким образом начало развития не есть нуль, но неразвитое основание, которое в движении науки опосредствуется и развивается. На этом основании Гегель признает «необходимым считать результатом то, к чему возвращается развитие как к своему основанию» [3]). Гегель в силу идеалистической непоследовательности в конечном счете изменяет этому своему историзму. Во-первых, он изымает из него всю область инобытия абсолютной идеи, т. е. природу, где нет развития, но лишь размещение в пространстве внешних друг другу предметов. Во-вторых, «бесконечному» процессу научного познания ради нужд системы, об'являющей все догматическое содержание гегелевской философии окончательной истиной в последней инстанции, кладется предел. В-третьих, поскольку процесс научного познания отождествляется Гегелем с движением самого бытия («этот ход есть движение самого бытия» [4]), у него нет появления в процессе развития качественно нового, но есть лишь игра мышления с самим собой и в этом смысле, в конечном счете, не прогресс, а топтание на месте. В этом сказывается идеолог буржуазии — в лице Гегеля буржуазия близко подошла к пониманию закономерно-исторического развития всего добуржуазного человечества, оказавшись не способной распространить этот историзм на буржуазное общество и его идеологию. Но даже на базе этого идеалистически-ограниченного историзма Гегель дает теорию познания включающую в себя практику (практику в гегелевском смысле) познания, т. е. его историю, дает теорию познания, которая рассматривает свой предмет исторически [5]).

Гегелевская история познания изложена в «Феноменологии духа». Это сочинение Гегеля представляет собой, во-первых, картину исторического развития форм человеческого познания, начиная от простейших (чувственная достоверность, восприятие, рассудок), когда познание не замечает за материальными вещами их духовной сущности, через сознание, когда предметом познания впервые становится истина собственной достоверности

---

[1]) Энгельс, Л. Фейербах, изд. 1928 г., стр. 33.
[2]) Гегель, Феноменология духа, стр. 2.
[3]) Гегель, Наука логики, т. I, стр. 21—22.
[4]) Гегель, Наука логики, т. II, стр. 1.
[5]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 11.

сознания, через различные формы абсолютного суб'екта (разум, дух, религия), когда предметом познания становится идеальная сущность как таковая, как суб'ект вплоть до последней формы абсолютного суб'екта — абсолютного знания. Последнее есть философское познание, в котором человечество приходит к возможности воспроизвести весь путь развития подлинной сущности мира — абсолютной идеи как в ее домировом бытии в форме чистой божественной мысли («логика»), так и в ее мировом воплощении в виде материального инобытия — природы («Философия природы») и в форме духа — конечного (суб'ективного и об'ективного) и абсолютного («Философия духа»). Плод этого абсолютного знания — «Энциклопедия» Гегеля. Следует отметить, что «Феноменология духа»» дает картину развития не только совокупного общечеловеческого познания, но и отдельного человека, почему Энгельс называл ее «параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, развитием индивидуального сознания на различных его ступенях, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием» [1]). Следует отметить также, что поскольку для Гегеля развитие человеческого познания есть в то же время и процесс развертывания самой об'ективности становящегося духа, то «Феноменология духа» есть и история развития мира в этой форме.

Во-вторых, будучи историей общечеловеческого и индивидуального познания и историей становления духа как об'ективности, «Феноменология духа» есть в то же время и их теория. Исторические моменты развития: сознание, самосознание, разум и дух (как одна из форм) суть в то же время единичные принципы завершенного познания, или абсолютного духа. «Замкнутая совокупность их образует дух в его мировом наличном бытии вообще» [2]). При этом в теоретическом анализе завершенного (взятого в целом) познания или духа сохраняется, с одной стороны, в логическом порядке моментов историческая последовательность их возникновения («эти линии, собранные в один пучок, тотчас симметрично соединяются, так что одинаковые различия, в которых сформировалась каждая отдельная линия — внутри себя совпадают» [3]), а с другой стороны, именно в силу первого момента в целом сохраняется жизнь, логическая связь и логический переход друг в друга отдельных принципов («соединив в себе все эти моменты и сохраняя их, субстанция движется в этом собранном богатстве своего действительного духа»), а в каждом отдельном, более высоком принципе в снятом виде, в форме «стертых следов» содержатся все низшие принципы, равно как и определенность целого.

«Феноменология духа» подвергнута Марксом суровой критике. Маркс материалистически критикует ее за то, что она ставит мир на-голову, мистически отождествляя бытие и мышление, рассматривая реальное как отражение идеального, как простое самоотчуждение последнего, за то, что она делает знание и абстрактно-духовную деятельность единственной формой существования человека и тем самым ставит знание на место реального человека, превращает последнего в форму духа, в спиритуалистическое существо, порожденное абстракцией, в невещественное чудовище, за то, что она, оставляя в стороне материальные предметы, рассматривает мир, как диалектику чистой мысли и противоречие философии с самой собой, тем самым впадая в суб'ективный идеализм, за то, что она путем мистификации оправдывает в конечном счете капиталистическую эксплоатацию, превращая «реальные, об'ективные, вне меня существующие цепи

[1]) Энгельс, Л. Фейербах, стр. 36. См. «Феноменологию духа», стр. 12—13.
[2]) Гегель, Феноменология духа, стр. 309.
[3]) Там же, стр. 310.

в исключительно идеальные, исключительно суб'ективные, исключительно во мне существующие цепи» [1]). В то же время Маркс подчеркивает наличие положительного содержания в «Феноменологии духа» — «феноменология Гегеля вопреки своему спекулятивному первородному греху дает по многим пунктам элементы действительной характеристики человеческих отношений» [2]). К числу положительных моментов ее должен быть отнесен и тот диалектико-исторический характер анализа истории и теории познания, который она дает.

«Феноменология духа» не развертывает философского («абсолютного») знания в его полном об'еме, так как ее задачи — показать лишь «работу духа над преодолением своего несовершенного формирования». «Энциклопедия» же Гегеля есть общий обзор всего пути, пройденного абсолютной идеей, в том числе и той его части, которая изложена в «Феноменологии духа», но с точки зрения философского («абсолютного») знания. «Вся «Энциклопедия» есть не что иное, как расширенная сущность философского духа», указывает Маркс [3]). Поэтому во всех частях «Энциклопедии»: в «Философии природы» (в предметной форме) и в «Логике» (в категориях) Гегель дает диалектико-исторический анализ теории познания, аналогичный данному в «Феноменологии духа». Остановимся подробнее только на логике.

Гегель резко критикует формальную логику за то, что она устанавливает формы мышления, как лишенные содержания, в которые извне вкладывается чуждое им содержание. Указывая на «невыносимую пустоту» категорий формальной логики [4]) и неприменимость их ни в теории, ни на практике, он настаивает на том, что ни само конкретное содержание не нуждается в извне навязываемых ему формах, поскольку оно само в своем развитии порождает формы, ни сами категории, поскольку речь идет о диалектической логике, не нуждаются в наполнении их извне материалом, поскольку они являются не только формами движения изолированного от бытия мышления, но и формами самого движущегося бытия, самой об'ективности, т. е. категории диалектической логики не пусты, но имеют об'ективное содержание. «Гегель же,— говорит Ленин,— требует логики, в коей формы были бы содержательными формами, формами живого реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» [5]). Правда, это гегелевское содержание в конечном счете есть пустая логическая идея. Ленин его материалистически оборачивает, когда говорит, что Гегель угадал, что логические формы — не пустая оболочка, а отражение движения вещей. Все же внесение об'ективного содержания в логику и логические формы дает Гегелю возможность отвергнуть кантово ограниченное понимание категории и метода как орудия познания — и только [6]). Категория, доказывает Гегель, не только полезность и не только служит людям на практике, но в первую очередь является ступенью в развитии самой об'ективности. Метод — форма внутреннего самодвижения содержания науки, тождественная с этим содержанием, сам себя конструирующий путь науки [7]). Таким образом Гегель не разрывает, как это делают Деборин и Карев, метод и теорию. Это же внесение об'ективного содержания в логику дает Гегелю об'ективный критерий для классификации категорий логики, для систематического развертывания всего содержания логики. Гегель критикует формальную логику за отсутствие в ней

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 106.
[2]) Там же, стр. 226, 638.
[3]) Там же, стр. 636.
[4]) Гегель, Наука логики, т. I, стр. XXXII.
[5]) Лен. сб. IX, стр. 21, см. у Тренделенбурга, т. I, стр. 41.
[6]) Это свойственно и Деборину. См. Лен. сб. XII, стр. 357—«глупый термин».
[7]) Лен. сб. IX, стр. 13.

внутренней связи категорий, за голое их перечисление и отсутствие необходимости в их развитии, за их координацию вместо субординации. Логика — царство абсолютной идеи в ее чистом домировом бытии. Диалектика — способ существования абсолютной идеи. Диалектическое развитие абсолютной идеи или познания — таков об'ективный критерий «субординации» категорий гегелевской логики. Логика Гегеля—диалектическая логика. Как диалектик, он требует текучести категорий, их взаимопереходов, диалектического отрицания одной категории другою, и так через всю логику. Гегель включает в свою логику живую жизнь, говорит Ленин. Однако логика Гегеля как «царство абсолютной идеи» есть идеалистическая логика. Подлинно живое, материальное содержание из нее изгоняется. Его сфера—инобытие идеи, «Философия природы». Если оно все же есть в логике Гегеля, то это—поскольку подлинно живая жизнь пробивается сквозь спекулятивную оболочку. Категории логики—определения божественной идеи, чистые духи, чистые абстракции. Гегелю надо доказать, что материальный мир есть лишь «натурфилософская форма логики» [1]). Ему надо доказать, что категории предсуществуют, а реальные вещи являются лишь земным воплощением этих духовных сущностей, их отблеском. Для этого Гегель реальную действительность испаряет до степени абстракции («плод вообще»), а затем эту абстракцию, этот плод, мыслительное отвлечение об'являет причиной существования реальной действительности («грешных земных плодов») [2]). В итоге, если отбросить незаконное вторгшееся в логику Гегеля материальное содержание, ей придется одеть нищенскую суму, она окажется оторванной от содержания, т. е. в конечном итоге страдающей теми же пороками, что и формальная логика. Если Гегель обвиняет последнюю в «пустоте невыносимой», то Маркс говорит то же о логике Гегеля («скука, тоска по содержанию», III, 651). Это сказывается и на развитии материала (выведение категорий), которое представляет, по выражению Энгельса, ужасную и вымученную картину, с которой мир, хочет ли он того или нет, должен согласоваться, так что в итоге оказывается, что формально-логическое «чисто внешнее расположение материала так же недостаточно, как гегелевские искусственные диалектические переходы» [3]). Это придает определенный характер всему методу Гегеля, который, как «чисто логическая формула движения или движение чистого разума» [4]), есть голая и бессодержательная абстракция движения, которая сама себя полагает, себе самой противополагает и сама с собой слагается.

Однако материальное содержание все же врывается в логику Гегеля сквозь спекулятивную оболочку чистой мысли и божественной идеи. Сама чистая мысль и идея сказывается в общем лишь абсолютизированной копией обыкновенной человеческой мысли, а ее спонтанейное развитие — лишь логическим воспроизведением действительной истории человеческого познания. На базе этого об'ективного содержания Гегель дает решение ряда вопросов по существу предмета философии. Мы уже указали на совпадение исторического и логического анализа в «Феноменологии духа», а также на гегелеву постановку вопроса о результате развития. Это же понимание диалектического соотношения логики и истории проводится Гегелем в его логике, категории которой следуют в порядке, в общей форме воспроизводящей основные узлы в истории человеческого познания. Второй момент—понимание логики как ядра всей философии. Метод, логика, диалектика, равно как и теория познания, для Гегеля совпадают: «метафизика, как и вся

---

[1]) Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 653.
[2]) Там же, стр. 80.
[3]) Энгельс, Диалектика природы, стр. 22.
[4]) Маркс, Нищета философии, стр. 103.

вообще философия, резюмируется, по мнению Гегеля, в методе»[1]), который в чистом виде дается в логике. Логика—домировое бытие логической идеи, по отношению к которому вся остальная философия есть лишь мирская реализация. Логика—деньги духа, как остроумно выражается Маркс, т. е. всеобщее абстрактное выражение сущности всех проявлений мира. Поэтому в ней, по Гегелю, дано ядро всей философии. Система и метод, таким образом, у Гегеля совпадают. В литературе меньшевиствующего идеализма практикуется разрыв гегелевской системы и его метода, что является прикрытием протаскивания идеалистической диалектики в марксизм. Система — идеализм, метод — материализм, так рассуждает, например, Карев: «По определению Энгельса и Ленина, гегелевская философия была материализмом, поставленным наголову. Материалистическим в ней был именно метод» — говорит он[2]). Еще более резко непонимание совпадения системы и метода у Гегеля выразил Дмитриев. «Диалектический метод материалистичен по своей природе», — заявляет он. В свою очередь метафизический метод «по самой своей сути идеалистичен». Философия Гегеля, по изображению Дмитриева, и представляет собой внешне-механическое соединение идеалистической метафизики системы и материалистической диалектики метода[3]). Ничего общего с действительной философией Гегеля, в которой метод и система есть одно неразрывное целое, представляющее собой диалектический идеализм или идеалистическую диалектику, точка зрения Дмитриева не имеет. Неверно, что всякая метафизика идеалистична, как неверно и то, что всякая диалектика материалистична. Правильно иное — последовательной может быть только философия диалектического материализма. Всякая иная философия — метафизический материализм или идеализм, или идеалистическая диалектика — равно обречена на непоследовательность в смысле проникновения в нее чужеродных для нее материалистических или идеалистических, диалектических или метафизических элементов. В этом смысле непоследовательна философия Гегеля — его диалектический идеализм содержит в себе ряд материалистических моментов и в конечном счете переходит в метафизический идеализм.

Остановимся подробнее на совпадении диалектики и теории познания в гегелевской философии. Основу этого совпадения Ленин видит в том, что у Гегеля как логика, так и теория познания в равной мере рассматривают свой материал исторически, в логической форме, в категориях логики, отображая основные узлы исторического развития человеческого познания, обе представляют «квинт-эссенцию, или, проще, результаты и итоги истории мысли» — «в таком понимании логика совпадает с теорией познания», — говорит Ленин[4]). Ленин это подтверждает анализом плана «Малой логики», расположение категорий которой соответствует ходу истории (а следовательно, по Гегелю, и истории познания): «понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.) — таков действительно общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще... Диалектика Гегеля есть постольку обобщение истории мысли»[5]). Если мы обратимся непосредственно к «Малой логике» Гегеля, мы увидим, что он каждую категорию характеризует двояким образом: сначала вскрывается логическое содержание, понятия, затем следует (в прибавлениях) установление места категории в познании и истории фило-

[1]) Маркс, Нищета философии, стр. 100.
[2]) «ПЗМ» № 8—9 за 1925 г., стр. 9. Это место выброшено в сб. «За материалистическую диалектику», стр. 16.
[3]) «ПЗМ» № 4 за 1930 г.
[4]) Лен. сб. IX, стр. 173.
[5]) Лен. сб. XII, стр. 290.

софии. Так например в § 86 сначала указывается, что бытие есть чистая мысль, ничем не опосредованная и т. д. В прибавлении 1-м констатируется, что, начиная мыслить, мы уже обладаем этим бытием, хотя не можем его ни отрицать, ни созерцать, ни представлять. В прибавлении 2-м говорится, что «логика начинает тем же, чем начинает история философии», и указывается, что в учении Парменида впервые фиксирована чистая мысль, т. е. бытие. Точно так же в § 88 становление сначала определяется как единство бытия и небытия, а затем указывается, что становление есть первая конкретная мысль в познании и что этой ступени логической идеи соответствует философия Гераклита и т. д. Так что совпадение логики и теории познания у Гегеля видно не только в общем плане логики, но проведено им через каждую категорию. Энгельс показывает это на гегелевской классификации суждений (единичности, особенности, всеобщности), каждое из которых соответствует определенной исторической ступени в развитии человеческого знания [1]). Вся проблема совпадения диалектики и теории познания теоретически сформулирована Гегелем во введении к III отделу («Идея») II части «Науки логики» и в §§ 213—5 «Малой логики», о которых Ленин говорит, что «здесь же замечательно гениально показано совпадение, так сказать, логики и гносеологии» [2]).

Здесь Гегель формулирует те моменты — об'ективность логических форм, практика, исторический подход к познанию и т. д., — на почве которых логика совпадает с гносеологией и о которых выше подробно говорилось.

Таково громадное преимущество гегелевского понимания диалектического единства логики и гносеологии, истории и логики, теории познания и истории познания, теории и практики вообще по сравнению с кантианским их разрывом. Ясно также, насколько ценный материал представляет Гегель для материалистической переработки. Было бы однако ошибочным упустить те черты идеалистической ограниченности Гегеля, которые показывают, что он не вполне преодолел и, как идеалист, не мог вполне преодолеть кантовского дуализма и в конечном счете возвращается к нему, но только на особый, отличный от кантовского, «гегельянский» манер. Гегель стоит на почве отождествления материального бытия и мышления — логики. Но такое отождествление подлинной субстанции — материи с ее подчиненным свойством есть на самом деле подчинение ее этому свойству и об'явление последнего субстанцией, что и свойственно всякому идеализму. Исходная точка, примат в философии Гегеля — логика, которая оказывается априорной по отношению к действительному миру и диктующей ему свои законы, поскольку об'ективная диалектика, реальная история, реальная практика оказываются творчеством логики, ее инобытием, отблеском. Задача Гегеля — не логику вывести из об'ективной действительности, но, наоборот, дедуцировать об'ективную действительность из логики, показать, каким образом логика ее рождает. Практически, поскольку Гегель в отличие от своих учеников не делал добродетели из невежества, а был одним из образованнейших людей всех времен [3]) и поскольку действительность прорывалась в его философию сквозь спекулятивную оболочку последней, у него очень во многих случаях получалось так, что на самом деле логика выводилась из действительной истории и действительного хода человеческого познания. Помогало Гегелю и то, что об'ективный характер его идеализма в отличие от суб'ективного идеализма Канта менее препятствовал ему в понимании об'ективной материальной истории. Все же принципиально, а потому это общее правило для Гегеля, наглядно вскрытое Марксом в «Критике гегелевской

[1]) Энгельс, Диалектика природы, стр. 127—128.
[2]) Лен. сб. IX, стр. 203.
[3]) См. реценз. Энгельса на «Введение к критике» Маркса, 1929 г., стр. 8.

философии права», Гегель заранее априорно-установленную логическую схему навязывает действительности. При этом содержательная живая действительность сводится к абстракции. Словом, у Гегеля существует разрыв между живой действительностью и его логикой. Особого развития этот разрыв достиг у гегелевских эпигонов — Бауэра, Прудона, которые как раз делали добродетель из невежества. Критикуя гегелевских эпигонов, доводивших недостатки Гегеля до конца, Маркс и формулирует свое обвинение по адресу Гегеля в дуализме его логике [1]). Наиболее резкая формулировка дана по адресу Прудона, хотя она целиком относится к Гегелю: «Т. к. г. Прудон ставит, с одной стороны, вечные идеи, категории чистого разума, а с другой — людей и их практическую жизнь, которая, как он утверждает, является применением этих категорий, то вы с самого начала наталкиваетесь у него на дуализм между жизнью и идеями, между душой и телом,—дуализм, который затем выплывает у него в разных формах» [2]) — народа и государства [3]), массы и вождей [4]), что особо развито было эпигонами Гегеля, формы и содержания [5]). Все это вместе взятое расценивается Марксом, «как спекулятивное выражение христианско-германской догмы о противоположности духа и материи, бога и мира» [6]). Маркс развивает далее это свое обвинение и на многих примерах показывает, как природа мстит за себя Гегелю и как он с высоты спиритуализма ниспадает в вульгарный эмпиризм вульгарной эмпирической единичности (вроде князя), приписывает бытие идеи и выдает ее за сущность, хотя она вовсе не является таковой, впадает в механицизм, представляя себе публичное сознание, как сумму частных, растворяя идею государства в идее организма, вводя «дуалистическую» категорию «духовного равновесия» и т. д.

Таким образом в гегелевской диалектической логике мы встречаем в конечном счете некоторые мотивы, сходные с кантианством. Значит ли это, что Гегель не пошел дальше Канта? Значит ли, что эта критика Маркса сводит на-нет весь этот ценный материал для материалистической переработки, который еще и поныне дает Гегель? Нет, конечно. Сам Гегель пишет: «В наше время мы вышли за пределы кантовской философии, и каждый утверждает, что он пошел дальше ее. Но можно двояким образом пойти дальше: можно пойти дальше вперед и дальше назад. Многие наши философские стремления, если присмотреться к ним ближе, оказываются не чем иным, как методом прежней метафизики, некритическим и безотчетным мышлением [7]). Мы знаем, что последняя фраза Гегеля целиком относится к Канту, но отчасти справедлива и по отношению к Гегелю. Все же нельзя не согласиться с самим Гегелем, считающим, что он пошел вперед от Канта по пути сокрушения прежней метафизики и сделал в этом отношении немало. Его преимущества по сравнению с Кантом: об'ективный идеализм, который сам по себе, будучи огромным препятствием для правильного взгляда на мир, в то же время является огромным преимуществом по сравнению с суб'ективно-идеалистической точкой зрения Канта; идеалистическая диалектика, проведенная через всю философию Гегеля, несмотря на ее идеалистическую ограниченность, является громадным шагом вперед по сравнению с кантовой диалектикой «видимости»; критерий практики в теории познания, хоть и мыслительной практики, хоть и не везде последовательно проведенный; понимание диалектического единства историче-

[1]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 547, 610 и др.
[2]) Маркс, Нищета философии, письмо к Анненкову, стр. 89.
[3]) Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 586.
[4]) Там же, стр. 587.
[5]) Там же, стр. 589.
[6]) Маркс и Энгельс, т. III, стр. 109.
[7]) Гегель, Соч., т. I, стр. 85.

ского и логического, хотя и на неверной базе логического, но являющееся шагом вперед по отношению к абсолютному их разрыву у кантианцев; историческая точка зрения на развитие познания; логика, как теория познания и т. д. Все это — движение вперед от Канта. Но Гегель вырос в общем на одной классовой почве с Кантом. Они — представители одной в общем эпохи. Гегель—не только критик Канта, но и завершитель немецкой классической философии, начатой Кантом, со всеми исторически обусловленными недочетами этой философии, которые он, поскольку он оставался на почве идеализма, не мог преодолеть. Не мог их преодолеть на почве метафизического материализма Фейербах. Их преодолел только диалектический материализм, философия пролетариата, являющаяся «наследником классической немецкой философии».

Среди прочих форм гегелевского «дуализма» Маркс указывает одну, имеющую значение для проведения различия между Кантом и Гегелем, — это отрыв теории от практики у Гегеля. Мы знаем, что этот отрыв для Канта принципиален, последовательно им проводится по всем направлениям и вытекает из основного дуалистического принципа его философии. Маркс, и это характерно, не говорит о разрыве теории и практики у Гегеля, а, напротив, об их отождествлении, указывая при этом, что отождествление приводит к разрыву. «Спекулятивное мистическое тождество бытия и мышления повторяется поэтому в критике рядом с одинаково мистическим тождеством практики и теории. Этим об'ясняется ее раздражение против практики, которая хочет быть чем-то отличным от теории, и против теории, которая хочет быть чем-то отличным от растворения определенной категории в «беспредельной всеобщности самосознания»[1]). Это сказано Марксом по поводу эпигонов Гегеля, делавших из невежества добродетель и в этом отношении «углублявших» Гегеля. Но совершенно ясно, что здесь речь идет о специфически гегельянском отрыве теории от практики, отрыве кувырком через их отождествление, через подчинение практики теории, логике, логической схеме. Это чрезвычайно важно отметить в связи с тем, что тот отрыв теории от практики, который в решении ЦК ВКП(б) о журнале «П. З. М.» записан за меньшевиствующим идеализмом в качестве основного и определяющего извращения со стороны последнего, иногда истолковывается как явное и подкрепленное решением ЦК доказательство кантианского характера деборинщины. На деле же мы видим, что и Гегелю, а особенно его эпигонам, свойственен отрыв теории от практики, являющийся результатом гегельянского отождествления теории и практики, которое в свою очередь возможно на почве гегельянского идеалистического понимания практики как духовной деятельности. Надо отличать механистический, имеющий своим истоком кантианство, отрыв практики (хвостизм, делячество) от теории (истины «вообче» а ла Спенсер») и деборинский, имеющий истоком гегельянство, отрыв теории и теоретической деятельности от практики (понимаемой материалистически), как надо различать правооппортунистический хвостизм и делячество от «левацкого» (а также свойственного контрреволюционному троцкизму) схематизма, формализма, волюнтаризма и т. д. Само собою, что правые и «левые» оппортунисты—не антиподы, а близнецы и что меньшевиствующие идеалисты, будучи в основном, в том числе и в отрыве теории от практики, гегельянцами, как эклектики, имеют и кантианские элементы.

---

[1]) Маркс и Энгельс, т. I, стр. 225.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

О книге Филиппа Франка „Закон причинности и его границы"

Philipp Frank Das Kausalgesetz und seine Grenzen. Wien, Verlag von I. Springer, 1932, стр. XV+308.

Филипп Франк по специальности—физик. С 1912 г. он—профессор теоретической физики в немецком университете г. Праги (Чехо-Словакия). Но он не в первый раз выступает с попыткой философского анализа наиболее общих понятий науки. В своей книге о законе причинности он пытается дать широкую трактовку целого ряда философских проблем. Книга эта встретила восторженный прием у австро-«марксистов», с которыми Ф. Франк находится в самой тесной дружбе. Вот что пишет о книге Франка Отто Нейрат в № 8—9 австро-«марксистского» журнала «Дер Кампф»: «Тот, кто усвоит изложение Франка, сможет успешно полемизировать с реакцией» в лице «идеалистической школьной философии наших дней» (стр. 386—387). «Каждый марксист может здесь почерпнуть для себя серьезные сведения по вопросу о связях между новейшей физикой и марксизмом, а также и о связях между философией в Советском союзе и философией в остальном мире... Филипп Франк остался верен себе: подобно тому, как до войны во времена Габсбургов, будучи молодым приват-доцентом, он имел мужество выступить против реакции на галилеевском празднестве «Свободной школы», так теперь в качестве члена «Венского кружка» он сотрудничает в деле борьбы против буржуазной идеологии в области науки и философии, ведя эту борьбу самыми новейшими средствами» (стр. 389).

Мы сейчас увидим, что борьба, которую ведет Ф. Франк, направлена не только против таких идеалистических течений, как витализм, но прежде всего и главным образом против материализма (особенно против диалектического материализма) и что те «самоновейшие средства», которыми ведется эта борьба, суть давным-давно известные нам идеи юмизма, эмпириокритицизма, махизма. Считать Ф. Франка «борцом против буржуазной идеологии» — это все равно, что об'являть Эрнста Маха, этого «идеолога реакционного мещанства» (Ленин), революционным, пролетарским мыслителем.

I. Основные философские установки Филиппа Франка

Франк называет себя представителем «чисто научного мировоззрения» и противопоставляет этому мировоззрению «школьную философию», которая-де является «опиумом для науки» (стр. 272, III). Франк считает, что нет и не может быть философии, находящейся вне положительных наук и навязывающей наукам свои апри-

орные предписания. Он считает такую философию помехой для развития науки, реакционной силой, защищающей пережитки анимизма и всякого рода устарелые воззрения, господствовавшие в науке прошлых времен. В этих выпадах против школьной философии немало правды, хотя Франк, как и следовало ожидать, нигде не доходит до классового анализа различных философских систем. Но положительное значение франковской критики школьной философии сводится почти на-нет тем обстоятельством, что сам Франк противопоставляет ей не действительно научное мировоззрение диалектического материализма, а путанный идеализм в духе Маха. Франк сам заявляет, что защищаемая им точки зрения есть «последовательное дальнейшее развитие учений Маха» (стр. 270). Основная посылка, на которой покоится все «чисто научное мировоззрение» Франка, заключается в отождествлении реального мира с нашими переживаниями. «Под миром,—вещает проф. Франк,—мы всегда должны понимать вполне конкретно наши переживания» (стр. 20). Или в другом месте: «В чисто научном мировоззрении можно говорить о реальности только внутри мира переживаний» (стр. 273). Франк не находит нужным доказывать, почему мы под миром д о л ж н ы понимать наши переживания, почему нельзя говорить о реальном мире вне наших переживаний. Он считает, что это аксиома для всякого сторонника «чисто научного мировоззрения» и что всякие разговоры об об'ективном мире, существующем вне наших переживаний, лишены всякого смысла. Кто с этим не согласен, тот, мол, находится в плену у «школьной философии». Ибо, по мнению Франка, признание об'ективно-реального мира (Франк большей частью вместо «об'ективно-реальный» говорит «истинный мир», неизменно заключая в кавычки слово «истинный»: это делается для того, чтобы смешать в одну кучу действительный эмпирический материальный мир и сверхопытный, потусторонний мир «истинных сущностей», о котором говорят такие метафизики-идеалисты, как Платон) есть «собственный признак старой школьной философии» (стр. 27).

Если об'ективная реальность есть бессмыслица, то наука, естественно, не может рассматриваться как отражение (все более глубокое и адэкватное) действительного мира. И вот Франк об'являет, что наука — это «система символов», к которым мы приурочиваем (zuordnen) те или другие наблюдения или переживания. Тут Франк опять-таки повторяет и «развивает» Маха, говорившего, что вещи суть «мысленные символы для комплексов ощущений», и французского махиста Пуанкаре, по учению которого законы природы суть символы, «условности», создаваемые человеком ради «удобства». Франк сам признает теснейшую связь между защищаемым им «чисто научным мировоззрением» и «конвенционализмом» Анри Пуанкаре. Франк пишет: «Великая заслуга конвенционализма состоит в том, что он усмотрел тавтологический характер наиболее общих положений физики в той форме, в какой они обыкновенно высказывались. И это утверждение никогда не было опровергнуто. Напротив того: именно установление этого тавтологического характера наиболее общих положений науки привело впервые к тому, что люди стали стараться определить и выяснить, какого рода высказывания о действительном мире (т. е о наших переживаниях) скрываются в этих положениях. Если в наши дни при всякой формулировке всеобщих положений величайшее внимание обращают на то, чтобы выяснить себе, что́ они высказывают о мире действительных переживаний, то это — заслуга конвенционализма, который среди физиков лучше всего и действеннее всего был представлен французом А. Пуанкаре» (стр. 24).

Все осмысленные высказывания Франк делит на высказывания о действительном мире или о наших переживаниях (для Франка это одно и то же) и высказывания тавтологические. К последним Франк относит все положения логики и математики. Перед нами старое юмовское деление всех об'ектов познания на «факты» и «отношения между идеями». И подобно тому, как, по мнению Юма, положения математики, которые он считал суждениями об отношениях между идеями, «открываются одними лишь операциями мышления, независимо от всего существующего во вселенной», так и Франк заявляет, что «истинность тавтологи-

ческих положений не зависит от процессов действительного мира. Они высказывают нечто только о том, как мы говорим о действительном мире, но ничего не высказывают о самом этом мире» (стр. 5).

Признание математики и логики собранием чисто тавтологических положений, ничего не говорящих о действительности,— это вторая основная ложь философской концепции Франка (первая основная ложь — это отождествление действительного мира с нашими переживаниями). «Чистая математика, – говорит Энгельс,— имеет своим предметом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, т. е. весьма реальное содержание» («Анти-Дюринг», изд. 1928 г., стр. 33). А Ленин указывает: «Математика и другие науки абстрагируют о д н у из сторон тела, явления, жизни» (Лен. сб. XII, стр. 338). Равным образом и логика отнюдь не является собранием чисто тавтологических положений, не имеющих якобы никакого отношения к действительному миру. «Логика,— пишет Ленин,— есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира» (Лен. сб. IX, стр. 40)

Отрывая математику и логику от действительного мира, Франк фактически становится на путь априоризма. В его «философии» имеется непреодолимый дуализм «переживаний» и «чистой мысли» (в виде «тавтологических положений»).

«Философская» концепция Франка ведет к полнейшему искажению и к крайнему обеднению смысла и содержания науки. Вот как описывает Франк цель и метод науки: «Все науки имеют своею целью на основании непосредственных переживаний предсказывать будущие переживания и по возможности управлять ими. Также и там, где предметом исследования является «прошлое», стремятся по сути дела к такому расширению базы, состоящей из непосредственных переживаний, опираясь на которое можно легче и лучше предсказывать будущее. Для достижения этой цели все науки пользуются в основном одним и тем же методом. Повсюду к непосредственным переживаниям прежде всего приурочивают (zuordnen) знаки, символы, как например в физике — численные значения координат и скорости материальных точек (Massenpunkte), градусы температуры и т. д., в биологии — некоторые графически изобразимые пространственные образования, каковы клеточное ядро, протоплазма и т. п., которые до сих пор еще не вполне могут быть переведены на язык физических символов; в социологии символы все еще состоят зачастую в таких словах, как государство, народ, общество и др. Собственное дело науки заключается в постепенном построении инструмента, с помощью которого она может ближе подойти к своей цели. Этот инструмент состоит из отношений между символами, каковые отношения позволяют из данных символов выводить другие символы без того, чтобы при этом всегда обязательно снова обращаться к действительному опыту. Наиболее известный пример—это математическая физика, где, например в механике, между символами, отмечающими пространственное и временное положение масс, в качестве связи имеют место ньютоновские уравнения движения... В биологии мы имеем вместо этого утверждения относительно пространственных и временных судеб клеточного ядра и протоплазмы; в социологии, согласно, скажем, материалистическому пониманию истории,— утверждение о переходе феодализма в капитализм и затем в социализм и т. п. Все эти отношения между символами ничего не говорят о действительных переживаниях: они суть только части инструмента, применяемого для господства над ними. Употребление инструмента «наука» совершается таким образом, что прежде всего к нашим переживаниям в момент времени t_0 приурочиваются соответствующие символы; затем эти символы подвергаются преобразованию в символы, соответствующие другому пункту времени t_1, с помощью отношений, которые предоставляются в наше распоряжение самим инструментом науки, и с помощью правил преобразования, имеющих

силу для весьма общих классов символов и охватываемых логикой и математикой. Если затем ищут переживание, приуроченное к новому символу, то нам известно, какого рода переживаний мы должны ждать на основании нашей «науки» для этого момента времени. Таким образом каждое научное предсказание нуждается в однократном преобразовании отношений между символами, производимом с помощью логических и математических правил, и в двукратном применении правил приурочивания символа к переживанию» (стр. 1—2).

Такова «теория науки», развиваемая Франком. Действительный мир отождествляется у него с переживаниями. Формулы, выражающие отношения между реальными вещами и реальными моментами становления, отрываются от действительности и об'являются тавтологическими «преобразованиями». Научные понятия, отражающие те или иные составные части или моменты действительного мира, об'являются простыми «символами», чисто внешним, чисто условным образом связанными с теми непосредственными восприятиями, которые представляют собою отражения той же об'ективной реальности, но только отражения непосредственные, поверхностные, нерасчлененные.

«Мысль человека,— пишет Ленин,— бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т. д., без конца» (Лен. сб. XII, стр. 182). «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит—если оно правильно—от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания об'ективной реальности» (Лен. сб. IX, стр. 182—184). «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними уже включают в себя представление, убеждение, сознание закономерности об'ективной связи мира... Уже самое простое обобщение, первое и простейшее образование понятий (суждений, заключений и т. д.) означает познание человеком все более и более глубокой об'ективной связи мира» (Лен. сб. IX, стр. 196).

Вот как обстоит дело с наукой в действительности. У Франка же наука сводится к системе символов, упорядочивающей наши переживания и позволяющей на основании наличных переживаний предсказывать будущие переживания. По Франку наука устанавливает чисто внешние связи между отдельными переживаниями. Франк отвергает при этом обвинение в скептицизме и агностицизме, заявляя, что с его точки зрения «все вопросы, могущие быть поставлены наукой осмысленно, т. е. в качестве вопросов о действительных переживаниях, принципиально разрешимы научными же методами» (стр. 275). Как видим, Франк вертится в порочном кругу. Конечно, если заранее признать, что единственный предмет научного исследования — это наши переживания и что ничего кроме этих последних не существует, тогда вопрос о скептицизме такого рода концепции отпадает. Другое дело — возможно ли сколько-нибудь последовательно проводить такую точку зрения. Разумеется, это невозможно, и сам Франк на каждом шагу вынужден тайком протаскивать в свои рассуждения кусочки материализма. Так, он нередко вместо «мира наших переживаний» говорит о «мире наблюдаемых процессов». В результате получается страшная путаница: основные посылки Франка суть посылки идеалистические, на них покоятся все его «философские» рассуждения, а применяются они сплошь и рядом к таким понятиям, которые в скрытой форме предполагают существование об'ективной реальности, независимой от наших переживаний.

Феноменализм Франка, как и всякий феноменализм, оставляет широкую лазейку для всякого рода поповщины, ибо он не исключает возможности «вненаучных» понятий и точек зрения. Франк усиленно подчеркивает, что виталистические и телеологические понятия «не имеют смысла» внутри науки, что они стоят вне науки (см. например стр. 278). Отсюда очень легко сделать тот вывод,

что вне науки эти понятия сохраняют все свое значение. Получается нечто вроде кантовского разграничения «знания» и «веры»: «божественные» предметы изгоняются из области знания, но сохраняются как об'ект веры.

Более того. В борьбе с виталистической биологией Франк доходит до того, что приписывает «последовательной теологии» своеобразный «научный смысл». Он пишет: «Действительное теологическое понимание природы имеет свой научный смысл. Психология бога имеет там свои законы, знание которых дается откровением или выводится из опыта. Даже то совсем грубое представление, согласно которому в природе действуют ангелы и черти, имеет свой смысл. если известны законы душевной жизни ангелов и чертей, и всякая действительно последовательная теология действительно выставляет такого рода законы. Но современный виталистический биолог не желает признавать никаких сверхестественных интеллигенций, и потому у него остаются одни лишь голые а н а л о г и и из душевной жизни, следовательно весьма поверхностное понимание природы... Чем научнее желает быть витализм, тем более удаляется он от истинной науки» (стр. 88).

Нечего сказать, хорошенькое «опровержение» витализма! Правда, это не единственный «аргумент» Франка «против» витализма: в других местах своей книги он дает ряд дельных соображений, критикующих виталистическую биологию. Но приведенная выдержка отнюдь не случайна для общей концепции Франка; в ней отразилась одна из характерных черт защищаемого им «чисто научного мировоззрения», противопоставляемого у него всякой «школьной философии», куда он относит также и диалектический материализм.

II. Филипп Франк о законе причинности

Мы познакомились с основными философскими установками проф. Франка. С этими установками он подходит к трактовке проблемы причинности, составляющей собственную тему его книги. Франк сообщает, что главным мотивом, побудившим его заняться этой проблемой, было желание выступить против того «злоупотребления, которому в наше время часто подвергаются новые концепции причинности и которое имеет целью использовать их в интересах самых отсталых и самых ненаучных устремлений» (стр. IV). Намерение Франка, как мы видим, самое похвальное. Однако мы уже заранее можем сказать, что на почве тех философских взглядов, которых придерживается Франк, никакая успешная борьба против реакционного «злоупотребления» новейшими концепциями причинности невозможна. Мы сейчас увидим, что́ получается у Франка из его «анализа» причинности.

Прежде всего необходимо заметить, что франковская трактовка проблемы причинности носит чрезвычайно путанный характер. Это и понятно: свою идеалистическую, антидиалектическую общую концепцию он применяет к конкретному научному материалу, добытому в основном на почве стихийного материализма. Основной вопрос заключается здесь в том, существует ли об'ективная закономерность природы и истории, и если существует, то каковы различные типы этой закономерности и как они отражаются в наших теориях и концепциях? Франк прямо не ставит этого вопроса и не подвергает его систематическому обсуждению. Он сразу же запутывает вопрос, сводя причинность к предопределенности, а предопределенность к нашему умению предсказать наступление тех или иных переживаний. Vorausbestimmtheit отождествляется у Франка с Voraussagbarkeit (см. например стр. 51). Между тем совершенно очевидно, что подобно тому, как нельзя отождествлять действительный мир с нашими переживаниями, так нельзя отожествлять об'ективную закономерность мира с нашими предсказаниями о наступлении тех или иных явлений. Наше знание об'ективного мира непрерывно растет, углубляется и совершенствуется, а тем самым растет и точность наших предсказаний. Если вчера мы могли лишь весьма приблизительно и суммарно предсказывать

наступление тех или иных явлений, то сегодня мы это делаем уже более точно, а завтра будем делать это еще более точно и т. д. Между тем закономерность самих явлений действительности была столь же строга вчера, как и сегодня.

Открывая и устанавливая все более и более глубокую об'ективную связь мира, человек все более и более расширяет возможность научного предсказания будущих явлений, все более и более увеличивает свою власть над ними. При этом каждый отдельный закон, формулирующий ту или другую взаимозависимость явлений, дает всегда лишь относительную и приблизительную истину, которая с развитием науки уточняется, исправляется и дополняется другими частичными истинами: «относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед» (Лен. сб. IX, стр. 198).

Отождествивши Vorausbestimmtheit с Voraussagbarkeit, Франк приступает к разбору различных формулировок закона причинности. Самой строгой формулировкой он считает лапласовское требование единой всеохватывающей мировой формулы. Как известно, Лаплас считал, что такой всеохватывающий ум, которому были бы известны все действующие в природе силы и расположение всех частиц, составляющих вселенную, мог бы путем анализа этих данных притти к такой формуле, которая бы выражала законы движения всех тел, от самых мельчайших до самых больших, и которая давала бы возможность из данного состояния мира вычислить его состояние для любого момента времени, как будущего, так и прошедшего. Разбирая эту формулировку, Франк утверждает, что допущение сверхчеловеческого ума является самым существенным моментом в этой формулировке и что без него она превращается в простую тавтологию, если одновременно конкретно не указаны те законы, с помощью которых люди могут вычислять будущее. А так как дальнейшее развитие науки показало, что законы ньютоновской механики, которые имел в виду Лаплас, не применимы к мельчайшим частицам какого-нибудь тела, и так как далее изучение таких явлений, как электромагнитные, привело к введению в физику понятия электромагнитного «поля», закон которого отличается гораздо бо́льшей сложностью, чем законы Ньютона, то все это, по мнению Франка, лишило закон причинности всякой определенности и свело его к принципу: «за одинаковыми начальными состояниями всегда должно следовать одинаковое» (стр. 50). А этот принцип очень легко превращается в простую тавтологию, в простое определение понятия «одинаковое начальное состояние» («одинаковыми начальными состояниями называются такие, за которыми всегда следуют одинаковые последствия»), если не указывается определенное (притом не слишком большое) число величин (Zustandsgrössen), характеризующих то или иное состояние данной системы.

Все эти затруднения возникают для Франка в результате того, что он не желает признавать об'ективной закономерности природы и не понимает диалектического процесса все более полного, глубокого и точного отражения этой об'ективной закономерности в человеческих теориях, в тех научных законах, которые, несмотря на свой относительный и приблизительный характер, заключают в себе частицу об'ективной абсолютной истины. В частности Франк совершенно неправильно оценивает точку зрения Лапласа, утверждая, будто признание сверхчеловеческого духа — самое главное в лапласовской формулировке принципа детерминизма. Лаплас говорит именно об об'ективной закономерности мира, независимой ни от человеческого, ни от сверхчеловеческого ума. Основная ограниченность и основной недостаток его формулировки заключаются в том, что он думал, будто всякая закономерность есть закономерность механического движения, выражаемая законами ньютоновской механики, и в том, что он развивал концепцию абстрактного метафизического детерминизма, отрицая об'ективность случайности и не учитывая диалектического взаимоотношения между необходимостью и случайностью.

Поэтому нельзя утверждать (как это делает Франк), что лапласовская концепция детерминизма является самой строгой формулировкой закона причинности

и что всякая критика этой формулировки означает борьбу против закона причинности.

В дальнейшем изложении Франк пытается дать анализ понятия случайности. Он начинает с такого определения: «Случай — это такое событие, которое наступает, несмотря на то, что оно не могло быть предусмотрено на основе примененного нами причинного закона» (стр. 156). Это понятие случая, говорит Франк, имеет лишь отрицательное содержание. И для того, чтобы найти положительное содержание понятия случайности, Франк переходит к рассмотрению так называемых «коллективных экспериментов», т. е. рядов однородных опытов. Например если мы укрепим винтовку в неподвижном положении на неподвижном станке и будем стрелять из нее в неподвижную мишень, то, как бы мы ни старались, мы никогда не добьемся того, чтобы пули попадали всегда в одну и ту же точку: они будут попадать то чуть-чуть выше, то чуть-чуть ниже, то чуть-чуть правее, то чуть-чуть левее, то наконец в самый центр. Это явление называется явлением «рассеяния». И в результате этого мы не можем предсказать точное место попадания каждой отдельной пули, но можем предсказать, что она пробьет мишень в пределах некоторой очень небольшой зоны «рассеяния». Результат каждого отдельного выстрела случаев в «положительном смысле» понятия случайности. Если проделать достаточно большое число опытов, то можно вычислить, в скольких случаях из 100 пуля попадет точно в центр, в скольких случаях она даст наибольшее отклонение от центра и в скольких случаях отклонение будет равно, скажем, двум кольцам мишени. Таким образом является возможность предсказать не результат отдельного единичного опыта, а только частоту наступления каждого отдельного возможного результата внутри достаточно большого ряда опытов.

Франк полагает, что то же самое имеет место не только во всех азартных играх, но и во всяком физическом ряде экспериментов. Например если мы хотим экспериментальным путем проверить правильность тех формул, по которым артиллерист вычисляет местонахождение снаряда для какого-нибудь определенного момента времени, то мы не можем ограничиться однократной стрельбой, так как результат её не может сказать нам ничего определенного о том, верны ли примененные нами формулы; даже если снаряд попадет как раз в то место, которое было вычислено нами, то это может быть чисто случайным попаданием. Только на основании большого числа опытов можно судить о правильности наших формул.

Эти соображения относительно «рассеяния», имеющего место, по мнению Франка, при всяком ряде экспериментов, Франк кладет в основу своей формулировки «детерминистической гипотезы» (так он называет принцип детерминизма). Детерминистической гипотезой Франк называет утверждение, что путем все бо́льшего и бо́льшего усовершенствования экспериментальной техники можно сделать как угодно малым то «рассеяние» конечного результата эксперимента, о котором мы говорили выше. Противоположная гипотеза, по Франку, состоит в утверждении, что в своем стремлении все больше и больше уменьшать рассеяние конечного результата мы наталкиваемся на известные границы, которые мы не можем переступить, так как, мол, они «обусловлены эмпирической структурой действительного мира» (стр. 162). Хотя тут Франк и апеллирует к «эмпирической структуре действительного мира», но вопрос он ставит целиком и полностью со своей основной идеалистической позиции, отождествляющей мир с переживаниями, Vorausbestimmtheit с Voraussagbarkeit. Вопрос о детерминизме или индетерминизме вовсе не есть вопрос о том, существует ли или не существует принципиальная граница для усовершенствования наших аппаратов и инструментов.

Спутав и смешав эти два вопроса, Франк переходит к рассмотрению «антикаузальной концепции» в новейшей квантовой механике.

Франк говорит, что «детерминистическую гипотезу только в том случае можно считать высказыванием о действительных переживаниях (а не «тавтологи-

ческим положением»), если известны законы, согласно которым положение и скорости небесных тел связываются с нашими наблюдениями,—следовательно, законы классической механики и оптики. Однако новейшие опыты, касающиеся явлений, которые мы связываем с тончайшей структурой тел, все больше и больше показывают нам, что законы оптики и механики только в отношении больших величин гласят так, как это принималось в классической физике, но что, когда мы имеем дело с тончайшими процессами, всякий световой луч, с помощью которого материальные точки отражаются либо прямо в глазу, либо в каком-нибудь инструменте наблюдения, так изменяет состояние (местоположение и скорость) измеряемого предмета, что наблюдаемое явление, т. е. действительное переживание, связанное с материальными точками, никоим образом не может быть приведено в однозначную связь с местоположением и скоростью этих материальных точек. Никакими способами нельзя сделать как-угодно малым различие местоположений и скоростей, принадлежащих к одному и тому же переживанию; для численных значений, приуроченных к состояниям материальных точек, всегда остается некоторое рассеяние, несмотря на самое точное и тщательное наблюдение» (стр. 172).

Франк ссылается на работы Гейзенберга, установившего так называемые «отношения неточности» (Unschärfebeziehungen). Гейзенберг указал на то, что определение местоположения мельчайших частиц может быть дано в лучшем случае только с точностью такого порядка, который выражается длиной световой волны, применяемой для фотографирования данной частицы. Но чем меньше длина световой волны, тем больше то неподдающееся учету воздействие световых квант на частицу, которое неподдающимся учету образом изменяет скорость рассматриваемой частицы. Таким образом, чем точнее мы определяем местоположение частицы, тем менее точно известна нам ее скорость, и наоборот. Это обстоятельство Гейзенберг и назвал «отношениями неточности», которые он и выразил в виде математической формулы, куда входят «рассеяние» при определении местоположения, рассеяние при определении скорости, масса исследуемой частицы и планковский «квант действия» (Wirkungsquantum). При достаточно большой массе исследуемого тела «отношение неточности» превращается в исчезающе-малую величину, и им вполне можно пренебречь. Но при очень малых массах это отношение таково, что оно делает невозможным точное предсказание результата какого-нибудь отдельного опыта. Однако по формуле Гейзенберга можно вычислить средние значения для обоих рассеяний, а стало быть и среднее значение для результата целого ряда одинаковых опытов.

Допустим, что Гейзенберг прав, утверждая существование «отношений неточности» при определении местоположения и скорости мельчайших частиц с помощью светового луча. Но отсюда отнюдь не следует, чтобы те индивидуальные отклонения от средних величин, которых мы не можем в настоящее время учесть и измерить, были ничем не обусловлены. Во-вторых, отсюда не следует, чтобы со временем мы не выработали таких методов измерения, которые позволяли бы учитывать и элиминировать воздействие средств наблюдения на наблюдаемые процессы. Наконец, в-третьих, и Гейзенберг и Франк совершенно упускают из виду, что в науке сплошь и рядом существенное значение имеют как раз средние величины, тогда как индивидуальные отклонения от них несущественны для установления тех об'ективных закономерностей, которым подчиняется общий ход развития той или иной области явлений. Например в политической экономии Маркс сознательно ограничивает задачу науки рассмотрением таких средних величин, как «средний общественный состав капитала», не потому только, что практически невозможно учесть индивидуальные особенности всех единичных капиталов во всех различных отраслях производства, а еще и потому, что эти индивидуальные особенности для установления общих законов капиталистической экономики несущественны.

Сам Франк признает, что если оперировать только понятием «рассеяния», то «может показаться», что перед нами лишь «технические трудности», которые со временем могут быть преодолены (стр. 179). Чтобы показать, что дело не в технических трудностях, а в том, что «осуществление одинаковых начальных состояний при большом числе опытов несовместимо со свойствами действительного мира» (стр. 180), он переходит к изложению основных понятий новейшей волновой механики.

«Основная мысль волновой механики, — пишет Франк, — это та мысль, что материальные частицы мыслятся управляемыми «материальными волнами» точно так же, как световые кванты управляются световыми волнами, и что следовательно для материальных частиц, если только они достаточно малы, законы ньютоновской механики не имеют больше силы, но лишь их число определяется амплитудами волн, которые подчиняются «волновым законам», не обязательно совпадающим с законами световых волн. Было бы очень неправильно представлять себе эти «волны материи» как некоторые материальные колебания, ибо в этом случае колеблющиеся частицы определялись бы в своем движении законами ньютоновской механики. Допущение волн материи означает лишь то утверждение, что число частичек в единице об'ема может быть вычислено тем путем, что указываются законы волн и из их амплитуды выводится число частичек. Поэтому вопрос о «реальности» волн материи не имеет никакого смысла. Чтобы придать ему смысл, надо было бы указать какой-нибудь наблюдаемый процесс, который для «реальных» волн протекал бы иначе, чем для «нереальных». Но бессмысленность такого рода представлений ясна. Ибо единственная вещь, наблюдаемая в отношении волн материи, это как раз плотность материальных частиц, управляемых этими волнами. Наблюдать «наряду с» частицами еще сами волны так же невозможно, как невозможно «наряду с» наблюдаемой интенсивностью света видеть еще световые «волны» (стр. 182).

Это «наряду с» выдает Франка с головой. Кто же утверждает, что световые волны существуют н а р я д у со светом? Световые волны — это внутренняя структура тех явлений, которые мы называем явлениями света. Если ощущение света представляет собой непосредственное, поверхностное, внешнее, нерасчлененное отражение в нашем сознании об'ективных световых явлений так, как они существуют по отношению к нам, то теория световых волн является опосредствованным, расчлененным мысленным отражением сущности тех же об'ективных процессов, как они существуют вне отношения к нашему восприятию,— отражением приблизительным, неокончательным, не абсолютно точным, но все же дающим нам представление о внутренней структуре световых явлений. С прогрессом науки это отражение становится все более адэкватным, все более глубоким. Точно так же и волны материи, если эта теория действительно подтверждается результатами опытов и наблюдений, существуют не «рядом с» плотностью материальных частиц, а представляют собою внутреннюю структуру соответствующих материальных процессов. Или, лучше сказать, теория волн является попыткой отобразить в нашем сознании те тончайшие процессы, которые определяют собою структуру материи. Будущее покажет, насколько хорошо отображается об'ективная реальность теориями волновой механики. Во всяком случае речь идет здесь именно о внутреннем строении материи и о более глубоком отражении этого строения в наших теориях. Заявление Франка, что самый вопрос о реальности волн материи бессмысленен,— это лишь перепев старого-престарого тезиса о тождестве мира с нашими переживаниями и о чисто «условном» характере всех «символов» вроде «материи», «атома», «электрона» и т. д.

Согласно волновой теории, говорит Франк, «стрельба в цель мельчайшими частицами массы невозможна» (стр. 187). Если при обыкновенной стрельбе в цель из неподвижно установленного ружья мы, с точки зрения классической механики,

можем путем все большего и большего усовершенствования техники этой стрельбы добиться того, чтобы «рассеяние» результата стрельбы становилось все меньше и меньше, другими словами, чтобы пуля все точнее попадала в цель, то «из волновой механики следует, что при очень малых частичках массы это рассеяние не может быть сделано меньше определенной величины, которая выражается гейзенберговским отношением неопределенности и приближается к нулю для больших масс» (стр. 188). Франк утверждает, что «в волновой механике вообще нет символа, к которому приурочивалось бы наблюдение: «частица в определенном месте с определенной скоростью» (стр. 189). Что это значит? В волновой механике нет места понятию частицы, занимающей определенное место и обладающей определенной скоростью? Можно вполне допустить, что частица совершает волнообразные колебания, в результате которых ее местоположение и ее скорость могут быть определены лишь приблизительно; можно даже допустить, что уточнение этих определений наталкивается на непреодолимый предел, обусловленный, скажем, явлением дифракции [1]), но все это не лишает смысла понятие определенного местоположения и определенной скорости. Чисто махистским вывертом, извращающим самый смысл научной теории, является дальнейшее утверждение Франка о том, что «так как научные высказывания касаются лишь символов, то в волновой механике вообще нельзя сформулировать вопрос о том, что произойдет, если частицам все снова и снова давать одно и то же начальное местоположение и одну и ту же начальную скорость» (стр. 189).

Подводя итоги своего изложения волновой механики, Франк устанавливает, что на основе этой теории можно предсказать «волновое состояние и из него плотность частиц (т. е. количество частиц, приходящееся на единицу об'ема), другими словами—результат коллективного эксперимента (т. е. целого ряда опытов), но нельзя ничего предсказать относительно судьбы отдельной частицы» (стр. 191).

Далее Франк переходит к рассмотрению новейших попыток использовать квантовую и волновую механику для обоснования существования «иррациональных факторов», «свободной воли», «духовных моментов в физике» и т. п. Франк указывает, что почти всегда крутая ломка старых физических теорий сопровождается оживлением анимизма, мистицизма и т. д. «В квантовой механике.— пишет Франк,— имеются в основном три пункта, в которых некоторые люди склонны были усмотреть действие иррациональных факторов, вмешательство аналогичных душе агентов:

1. Определение частоты света, излучаемого атомом при скачкообразном изменении состояния, зависит не только от начального состояния, но также и от конечного состояния, что должно, дескать, рассматриваться как доказательство в пользу столь излюбленного в биологии допущения конечных (целевых) причин — воздействия будущего на настоящее.

2. Та концепция, развиваемая волновой механикой, согласно которой физические явления могут быть лучше изображены в одних случаях с помощью представления о частичках массы, приблизительно удовлетворяющих законам классической механики, а в других случаях с помощью волн, наполняющих все пространство, является дуалистической концепцией. Она утверждает, что мир состоит одновременно из мельчайших телец и из волн, хотя оба эти представления повидимому противоречат друг другу. Взаимоотношение между этими двумя пред-

[1]) В оптике дифракцией называется отклонение лучей от прямого направления при прохождении сквозь узкое отверстие в экране. Согласно волновой механике аналогичное явление имеет место в отношении движения мельчайших частиц массы. При этом законы дифракции не дают возможности предсказать угол отклонения каждой отдельной частицы (этот угол может быть и очень мал, и очень велик, и средних размеров), но указывают лишь вероятность (т. е. частоту возникновения) некоторых определенных углов отклонения для целого «роя» частиц.

ставлениями полно таинственности, оно не может быть раз'яснено средствами физики и походит на отношение между телом и душой, между Я и не-Я.

3. Наиболее важным для использования квантовой механики против механистического миропонимания является то утверждение, что начальное состояние какой-нибудь системы не дает однозначного определения конечного состояния. Только результат коллективного эксперимента может быть предсказан, судьба же отдельных частичек массы неопределима из эмпирических начальных условий и, стало быть, должна определяться нефизическими, духовными, быть может даже сверхестественными, факторами» (стр. 196).

Франк отвергает поползновения «иррационализма» по всем этим трем пунктам.

По первому пункту он указывает, что «наблюдения (над явлениями перескакивания электрона с одной орбиты на другую) вовсе не настолько тесно примыкают к физическому символу, чтобы мы могли знать, действительно ли излучение начинается уже до того, как электрон перешел на новую орбиту» (стр. 135).

По второму пункту Франк заявляет, что дуализм корпускулярной и волновой концепции «не имеет в себе ничего мистического, но является лишь одним из признаков современной теоретической физики — быть может таким несовершенством, которое когда-нибудь исчезнет, а быть может и таким неприятным свойством, которое останется и впредь» (стр. 197).

Более обстоятельно Франк останавливается на третьем пункте, имеющем наибольшее отношение к теме его книги. Он признает наличие так называемых «разрывов» или «пробелов» (Lücken) в физических законах, дающих возможность предсказывать будущие состояния на основании настоящих. «Однако,— продолжает он,—если мы стремимся к возможно более трезвой формулировке утверждений квантовой механики, то она дает лишь отрицательные высказывания о проблеме «пробелов». Современная физика не знает законов, с помощью которых можно было бы из наблюдаемого начального состояния системы предсказать до мельчайших подробностей конечное состояние как предмет будущего наблюдения, но лишь законы, с помощью которых из ненаблюдаемого волнового состояния в данный момент времени можно однозначно предсказать равным образом недоступное наблюдению волновое состояние в позднейший момент времени» (позволительно спросить: если эти волновые состояния ни прямо, ни к о с в е н н о не могут быть предметом нашего наблюдения, то что это такое и зачем они нам нужны в нашей физической теории?); «а с другой стороны, законы, согласно которым из условий опыта можно предсказать наблюдаемый результат коллективного эксперимента, однако так, что в этом предсказывании не содержится никаких высказываний о судьбе каждой отдельной частицы. Здесь в известном смысле действительно имеется известный «пробел». Он мог бы быть заполнен в том только случае, если бы были найдены законы, определяющие судьбу отдельной частицы. Такие утверждения, как: будущее отдельной частицы хотя и не определено законами физики, но все же как-то определено, суть либо тавтологические утверждения, если слово «определено» понимается в том смысле, что в действительности всегда должно иметь место какое-нибудь определенное событие, либо теологические утверждения, если при этом имеют в виду, что высшее существо тем не менее должно было бы быть в состоянии однозначно предсказывать будущее. Квантовую механику можно было бы использовать в интересах вмешательства духовных сил лишь в том случае, если бы можно было указать законы, определяющие судьбу отдельной частицы, и если бы можно было установить сходство этих законов с психологическими законами, коими регулируются поступки одушевленных существ. Но в пользу этого никто еще не привел ни малейшего доказательства или хотя бы намека на доказательство. Все авторы ограничиваются лишь указанием на пробелы и на возможность вмешательства духовных сил.

И едва ли можно будет питать большие надежды в этом отношении, если принять во внимание, что законами квантовой механики однозначно определяется, правда, не судьба отдельной частицы, но средняя судьба большого количества частиц и что следовательно судьба мира в общем и целом также и согласно квантовой механике не может подвергаться воздействию каких-либо личных или индивидуальных факторов, так как эти факторы могли бы внести изменения лишь в мелкие частности, тогда как общий ход мирового процесса все еще был бы предоставлен «слепой» механической причинности» (стр. 199—200).

Позитивист Франк оставляет открытую лазейку для допущения воздействия мистических сил на мелкие частности. Только безоговорочное признание об'ективной реальности, независимой от наших переживаний, и об'ективной закономерности, независимой от наших предсказываний, и притом только на основе диалектического понимания взаимоотношения между необходимостью и случайностью, может вывести из кризиса современную квантовую механику, навсегда освободив ее от всех поповских «толкований» и инсинуаций.

Бесплодность, агностицизм и механицизм франковской трактовки причинности с особенной выпуклостью выступают в главе, озаглавленной «Трудности при формулировке общего закона причинности». Результаты обсуждения этих трудностей Франк резюмирует следующим образом: «Закон причинности либо опирается на повторение одинаковых событий (всякий раз, когда повторяется состояние A, за ним следует одно и то же состояние B),—тогда он не многое высказывает, ибо повторение конкретных переживаний никогда не имеет места; либо он опирается на существование законов (для всякого случая существует закон, позволяющий из состояния A вычислить следующие состояния B, C и. т д.),—тогда он опять-таки немногое высказывает, ибо голое утверждение законов говорит очень мало о действительном мире» (стр. 240). Это «общее утверждение существования какого-нибудь закона только в том случае высказывает нечто о мире, если мы или предположим некоторый всеоб'емлющий ум, знающий все законы, причем эти законы существуют тогда в его сознании, или если о характере закона в каждом данном случае утверждается нечто вполне специальное и определенное» (стр. 239—240). Для того, чтобы сохранить значение закона причинности для таких областей, которые «еще не вполне исследованы» (а разве есть вполне, до конца исследованные области?), Франк предлагает такую неопределенную формулировку: «Всякое состояние может быть охарактеризовано сравнительно небольшим числом величин» (стр. 242). Например для характеристики состояния погоды достаточно знать такие величины (Zustandsgrössen), как сила ветра, высота барометрического давления, температура воздуха и т. д.

К этим трудностям присоединяются, по Франку, трудности, связанные с «приурочиванием» физических «символов» к «переживаниям». Франк заявляет: «Даже если уравнения физики сами везде имеют каузальную форму, то этим еще ничего не говорится о причинной связи между наблюдаемыми явлениями» (стр. 247). С точки зрения теории «приурочивания» «символов» к «переживаниям» конечно связи между символами ничего не говорят об об'ективных связях действительности. Но это только лишний раз демонстрирует глубокую фальшь этой теории.

Мы подошли к общим выводам, которые делает Франк из своего рассмотрения проблемы причинности. Франк пишет: «Мы видим огромные трудности, связанные с попыткой формулировать общий закон причинности как одно положение, и притом так, чтобы он высказывал нечто о действительном мире. Если это не удается, то еще менее может удастся ответить на вопрос о том, поколебали ли значение закона причинности новейшие физические теории, или на вопрос о том, имеет ли закон причинности такую же силу в истории, как

в физике, или еще на другие, подобные этим вопросы. Если поставить вопрос: действительно ли закон причинности имеет силу в природе?— то, как ни вертеть эту проблему, мы всегда придем к тому, что решение этого вопроса невозможно. Если отказаться от достоверного решения этой проблемы и спросить только о том, является ли закон причинности наиболее удобной гипотезой для изображения наблюдений, то и тут нет никаких средств для ответа на этот вопрос» (стр. 248, разрядка наша. — **В. Б.**).

И Франк резюмирует результаты своего исследования в виде следующей «антиномии»:

«Из наших переживаний нельзя вывести никакого доказательства, хотя бы даже лишь вероятного, в пользу или против значимости закона причинности в природе, и, наоборот, из значимости закона причинности мы не можем ничего вывести для наблюдаемых явлений.

Однако, с другой стороны, вся наша наука и вся наша практическая жизнь покоятся, повидимому, на постоянном применении закона причинности. Вся наша жизнь построена на доверии к этому закону; всякий взмах руки, который мы делаем, сопровождается ожиданием определенных результатов, — ожиданием, которое мы можем почерпнуть только из веры в то, что за одинаковыми начальными условиями всегда последуют одинаковые результаты» (стр. 251, разрядка наша. — **В. Б.**).

Мы подчеркнули слова, представляющие собою прямое заимствование из юмовской теории причинности. Как же разрешает Франк эту свою «антиномию»? Он об'являет, что оба утверждения верны и не противоречат друг другу, так как, мол, никакого реального мира не существует. «Обе концепции верны и потому не могут находиться в отношении действительной противоположности друг к другу. Видимость такого противоречия возникает лишь вследствие того, что часто люди имеют неясное представление об отношении между «реальным» миром и миром наших переживаний, так как старая традиция приучила нас позади живого, но расплывчатого мира наших переживаний искать резко очерченный мир «реальных» вещей. Это представление кажется нам настолько же само собой разумеющимся, насколько в действительности оно является вводящим в заблуждение и препятствующим пониманию более тонких черт науки» (стр. 251, разрядка наша. — **В. Б.**).

Мы подчеркнули слова «резко очерченный», так как они указывают на один из мотивов, толкающих некоторых физиков в болото махизма. Мотив этот состоит в том, что современная физика не мирится с метафизическим (антидиалектическим) представлением о мире как совокупности застывших, резкими гранями отделенных друг от друга вещей, которым противопоставляется живой, подвижный мир переживаний. Не умея в силу своей буржуазной ограниченности преодолеть метафизичность старого материализма, многие буржуазные физики скатываются с позиции «двух миров» на позиции махизма, куда их толкает вместе с тем и логика классовой борьбы против революционного пролетариата и его революционной идеологии — диалектического материализма.

По мнению Франка, «только с точки зрения школьной философии имеет смысл вопрос о том, господствует ли в природе строгая причинность» (стр. 287). «Истинными или ложными могут быть только высказывания о переживаниях.. В сфере же переживаний без сомнения нет строгой причинности. Но столь же надежно обоснована всеми нашими опытами наша уверенность в том, что за одинаковыми переживаниями опять будут следовать приблизительно одинаковые другие переживания без того, чтобы можно было точно определить, в чем, говоря вообще, заключается это «приблизительно» и где его границы» (стр. 287).

«Неоспорим тот факт, — продолжает Франк, — что те законы, согласно которым мы ориентируемся и действуем в практической жизни, имеют каузальную

форму, причем «каузальный» понимается здесь конечно лишь в грубом статистическом смысле, и что эти законы имеют для нас то великое значение, что с их помощью мы можем ориентироваться в будущем. Но переживания связываются также и посредством законов совсем другого рода, например посредством законов, связывающих какое-нибудь явление не с непосредственно за ним следующим, но с каким-нибудь таким явлением, которое лежит дальше, например законы, приводящие в связь форму океанов с их пользой для мореплавания... С точки зрения чисто научной концепции правомерно всякое такое упорядочивание переживаний, которое правильно, т. е. связывает между собою наши фактические переживания И практическое значение каузального упорядочивания заключается не в выставлении общего закона причинности, а в установлении специальных законов, имеющих каузальную форму» (стр 290).

Наконец по вопросу о том, что нового внесла новейшая волновая механика в проблему причинности, вывод Франка гласит, что это новое лежит не в характере самой «математической схемы, посредством которой теоретическая физика изображает наши переживания», а в способе «приурочивания» наших переживаний к «символам», входящим в эту схему. «Сама схема, — пишет Франк, — всегда связывает данные значения тех или иных величин с будущими их значениями вполне однозначным образом, и потому схема, рассматриваемая как схема, всегда чисто каузальна. Но смотря по тому, как связываются математические величины с переживаниями, совокупность схемы и правил приурочивания может составить либо каузальную, либо некаузальную теорию. Последнее имеет место, когда математические величины приурочиваются не к отдельным переживаниям, но, как это происходит в современной волновой механике, к целой группе переживаний, полученных из ряда опытов, произведенных при определенных условиях. Современная физика держится того мнения, что только теории последнего рода возможны для предсказывания тончайших явлений... Все это однако не имеет ни малейшего отношения к какому бы то ни было переходу от механистической причинности к таким понятиям, как план, цель, душа атома и т. п.; все подобного рода утверждения представляют собой не естественно-научные утверждения, но эмоциональный остаток анимистической эпохи человеческого мышления» (стр. 297)

Так заканчивается эта путанная книга, проповедующая реакционный махизм под флагом борьбы против мистицизма, анимизма, идеализма, искажающая и принижающая значение науки под видом борьбы за «чисто научное мировоззрение».

III. Филипп Франк о деалектическом материализме

Для нас книга Франка представляет интерес еще в одном отношении. Автор ее не просто игнорирует диалектический материализм, как это делает большинство буржуазных философов, а пытается учесть факт существования марксистско-ленинской философии и выступает с «критическими» замечаниями о ней. Филипп Франк повидимому неплохо знает русский язык. Во всяком случае он цитирует «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина по русскому изданию; цитирует он также «Диалектику и естествознание» Деборина, сочинения Плеханова и ряд статей из «Под знаменем марксизма». Однако знание русского языка не помогло Франку понять и оценить гениальное произведение Ленина: читать он его читал, а толку из этого никакого не вышло.

Диалектическим материализмом Франк заинтересовался, по его словам, потому, что эта «философская система» принадлежит, дескать, к числу тех систем, «которые в наше время дали сильные импульсы для действительных действий», «для вненаучной деятельности»,—так именует проф. Франк всякую политическую деятельность. При этом Франк ставит на одну доску с диалектическим материализмом так называемую «философию целостности», являющуюся, по его собственным словам, «философской основой тех политических течений, которые обыкно-

венно обозначаются как правые течения, например итальянский фашизм и немецкий национал-социализм» (стр. VII).

«Левый» позитивист Франк называет фашизм не правым течением, а только таким, которое «обыкновенно обозначается как правое»! Это очень характерно для современного позитивизма, рядящегося в тогу беспартийности и надпартийности. Всеми этими рассуждениями Франк хочет подсунуть ту мысль, что, дескать, и диалектический материализм и философия целостности одинаково стоят вне подлинной науки и даже уступают в «остроумии» другим философским системам, но, несмотря на это, они заслуживают особого внимания ввиду своей тесной связи с политикой. И вот эту гнусную попытку сопоставить и сблизить философию революционного пролетариата, представляющую собою высшее достижение человеческой науки, с реакционнейшей тарабарщиной и оголтелым мракобесием фашизма социал-демократ Отто Нейрат выдает за «борьбу против буржуазной идеологии в области науки и философии»! Что может быть отвратительнее такого лакейства перед буржуазией!

Параллель между диалектическим материализмом и философией фашизма Франк проводит почти на протяжении всей своей книги. Правда, он признает, что диалектический материализм борется против традиционной школьной философии. Но Франк утверждает, что и сам диалектический материализм не свободен от существеннейших элементов этой философии и постольку стоит «вне науки». Мы уже видели выше, что под «школьной философией» Франк понимает не только традиционный идеализм, но и всякого рода материализм, как метафизический, так в особенности и диалектический. Заключая в одни скобки такие диаметрально противоположные концепции, как школьный идеализм и диалектический материализм, Франк—сознательно или бессознательно—стремится спутать все карты, завуалировать коренную противоположность между материализмом и идеализмом, чтобы с тем большей ловкостью протащить свою проповедь махистского идеализма, который он не решается прямо назвать идеализмом, а предпочитает титуловать «чисто научным мировоззрением».

Кое-где Франк пытается своими словами изложить те или другие основные положения диалектического материализма. При этом он обнаруживает полную неспособность понять самые основы этого учения. Так например Франк полагает, что согласно диалектическому материализму «единство картины мира состоит в том, что законы природы и истории формально те же, что и законы человеческого мышления» (стр. 118). И он «развивает» эту мысль следующим образом: «Речь идет тут... о диалектической логике Гегеля... То, что в этой диалектической логике может быть ясно сформулировано, это, как мне кажется, только то, что смысл ни одного предложения не может быть ясно схвачен, если также и противоположное ему положение не мыслится как имеющее смысл. Этот переход в противоположное, соединение противоположностей в одной единой концепции на более широкой основе, постепенный (!!) переход количественных различий в качественные, которые играют роль в действительном мышлении, рассматриваются также и как законы действительных процессов во внешнем мире» (там же). Получается стало быть какой-то перенос психологических фактов и психологических законов на процессы внешнего мира. Франк не может понять, что суб'ективная диалектика есть отражение в нашем сознании об'ективной диалектики природы и истории. Он не может понять не только материалистической диалектики Маркса—Энгельса—Ленина, но и идеалистической диалектики Гегеля: говорить о «постепенном» переходе количественных изменений в качественные (т. е. о «постепенном скачке») непозволительно даже с точки зрения Гегеля.

Неудивительно после этого, что Франк провозглашает, что «способ выражения» Энгельса (Франк имеет в виду слова Энгельса: «Хотя механические законы продолжают действовать в области живых существ, однако они отступают на задний

план перед другими, высшими закономерностями») «очень напоминает способ выражения многих виталистов» (стр. 120).

Как известно, некоторые из наших механистов тоже непрочь были обвинить Энгельса в «витализме».

Франк вообще до такой степени чурается диалектики, что готов даже делать реверансы по адресу механистического материализма, оказывая ему безусловное предпочтение перед материализмом диалектическим. Но при этом он ухитряется так «изобразить» механистический материализм, что весь материализм оказывается вытравленным и выхолощенным и остается один только механицизм. Это мы увидим еще в дальнейшем.

Сближая диалектический материализм с витализмом, Франк утверждает, что признавать качественное своеобразие биологических процессов и биологических закономерностей — это значит вводить «антропоморфический элемент» в науку. По мнению Франка, нельзя рассматривать количество и качество как «основные свойства действительных процессов природы». Это, мол, «совершенно поверхностное понимание» (стр. 122). Ибо «в наших переживаниях нам даны только качественные различия», а «если взять научную систему, то и различие между механикой и химией есть лишь количественное различие» (стр. 123). «Только путем приурочивания чисел к переживаниям впервые создается (!!) система величин (Zustandsgrössen: величины, характеризующие состояние той или иной вещи), между которыми имеют место количественные отношения» (стр. 122).

Итак, наука, по Франку, не знает никаких качеств. Она имеет дело т о л ь к о с к о л и ч е с т в а м и, причем эти количества, эти «системы величины» впервые создаются путем приурочивания чисел к переживаниям, между которыми имеют место одни лишь качественные различия. Спрашивается: откуда же в таком случае берутся числа, которые люди «приурочивают» к своим переживаниям? Этот вопрос у Франка даже не ставится: очевидно он и его считает «совершенно поверхностным». Отрицая об'ективность качеств, Франк доходит до того, что вместо «социальных состояний» говорит о «социальных величинах» (Soziale Zustandsgrössen, стр. 205—206, 237). Он перечисляет следующие «социальные величины», полагая, что задача социологии состоит в том, чтобы из данных численных значений этих величин вычислять их будущие значения: «плотность населения, профессиональное расслоение, государственное устройство, национальный состав, хозяйственная кон'юнктура» и т. д. (стр. 237). Остается только пожалеть, что Франк не попробовал на деле осуществить свою чисто количественную «социологию», — он дал бы массу материала для юмористического журнала.

Существует только одна наука, оперирующая исключительно одними только количествами. Это — математика (вернее не вся математика, а известные отделы ее: арифметика, алгебра, теория функций, которые изучают количественные отношения вещей, о т в л е к а я с ь от качественных особенностей этих вещей). Все остальные науки имеют дело с теми или другими качествами, причем конечно качества эти выступают в тех или иных количествах. Это — весьма элементарная истина. Но, разумеется, категориями качества и количества отнюдь не исчерпывается содержание конкретных наук. Задача науки — итти вглубь, устанавливать об'ективные связи действительного мира, законы, внутреннюю структуру вещей, закономерности их развития и т. д. Все это заменяется у Франка задачей нахождения чисто внешних отношений между «переживаниями» и «приуроченными» к ним величинами. Такова «не поверхностная» философия науки, противопоставляемая Франком «поверхностной», «антропоморфической» концепции диалектического материализма.

Впрочем в одном отношении Франк готов признать за диалектическим материализмом «большие заслуги», а именно — в том отношении, что «диалектический материализм всегда стремится к тому, чтобы поставить в связь с социальными

условиями эпохи те воззрения, которые господствуют в науке в ту или иную эпоху» (стр. 123). Но это замечание Франк делает только мимоходом; понять всю глубину марксистско-ленинской постановки вопроса об этой связи, о базисе общественной жизни, о классовой подоплеке тех или иных взглядов, об отношении между относительной и абсолютной истиной и т. д. ему не дано.

«Много верного с точки зрения социологии научных теорий» Франк готов усмотреть и в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (стр. 243). Но он считает, что Ленин не прав, относя его, Франка, к идеалистам (Ленин упоминает о Франке в связи с его статьей «Закон причинности и опыт», появившейся в 1907 г. в журнале «Анналы философии природы»). Франк заявляет далее, что только с точки зрения «школьной философии» можно считать Маха идеалистом (стр. 271). И вот этот насквозь лживый тезис он кладет в основу своей, с позволения сказать, «полемики» против гениального сочинения Ленина.

«В своей книге «Материализм и эмпириокритицизм»,—пишет Франк,—Ленин выступил против «махизма» как против мелкобуржуазной реакционной философии. И в современной России сторонник Маха считается противником господствующей социальной системы. Однако все это понимание учений Маха покоится, по моему мнению, на том, что так называемые (!!) защитники материализма против Маха недостаточно энергично проделали разрыв со школьной философией» (стр. 271, разрядка наша.—В. Б.). Вот до какой развязности доходит защитник «чисто научного мировоззрения»: Ленина и его учеников он об'являет «так называемыми» или «мнимыми» (vermeintliche) защитниками материализма, коснеющими в предрассудках школьной философии! Впрочем в этом приеме нет ничего оригинального: это старая позитивистская песня о том, что, мол, материализм есть метафизика, а позитивизм не есть идеализм. Это — старая попытка запутать коренную антитезу материализма и идеализма, замутить воду, чтобы тем легче было протащить идеализм под каким-нибудь более благовидным названием.

Чтобы окончательно запутать дело, Франк выставляет семь пунктов по вопросу об отношении между Махом и материализмом.

Пункт первый: «Неверно, будто материализм, как он например выступает у французских энциклопедистов XVIII столетия, утверждал «реальность» материи. Под материализмом в эпоху просвещения понимали просто-напросто тот взгляд, что все процессы природы, также и процессы в живых существах, могут быть представлены с помощью понятий и законов механики, стало быть с помощью понятий о двигающихся массах без помощи душеподобных субстанций; к вопросу о «реальности» это не имеет никакого отношения, так как разговоры об «истинном мире» являются чем-то таким, что должно еще быть добавлено к переживанию, одинаково как при допущении душеподобных факторов, так и при допущении механических масс,— между тем как отличительный признак материалистического мировоззрения заключается в простом применении движущихся масс в качестве средства изображения или изложения (Darstellungsmittel) без того, чтобы «истинный» мир играл здесь какую-нибудь роль» (стр. 272, разрядка наша.—В. Б.).

Вот с какой бесцеремонностью Франк фальсифицирует историю и искажает смысл материалистического миропонимания. Сказать, что французские энциклопедисты, например Дидро, не признавали реальности материи, что они были только механистами, но не материалистами,— это все равно, что сказать, что Маркс не был революционером или что Ленин не был марксистом.

Последуем дальше за нашим ученым фальсификатором.

Пункт второй: «Мах никогда не отрицал «реальности материи», так как у него, как мы уже видели, никогда не употребляется в этом смысле слово «реальность» (стр. 272).

Какая жалкая софистика! На предыдущих страницах Франк «раз'яснял», что, по Маху, нельзя сказать, будто «истинный мир» не существует или что он непозна-

ваем, ибо, дескать, словосочетание «истинный мир» есть бессмыслица, а «о бессмысленном я не могу решить, познаваемо ли оно или нет, существует ли оно или нет» (стр. 270). Мы уже указывали на то, что Франк нарочно употребляет выражение «истинный мир» вместо «об'ективно реальный мир», для того, чтобы максимально запутать дело, относя к понятию «истинный мир» всякого рода метафизические построения относительно «истинно сущего» (в противоположность только «кажущемуся» эмпирическому миру) и распространяя это же самое понятие на действительный материальный мир, существующий независимо от наших переживаний.

Пункт третий: «Из сказанного следует, что Мах ничего не может дать для «преодоления материализма» (стр. 272).

Пункт четвертый: «Мах не имеет никакого касательства к тому, что в философии обыкновенно называют «идеализмом» (там же).

Конечно, если произвольно изменить общепринятое значение слов «материализм» и «идеализм», то можно сказать все что угодно. Один хитроумный монах, которому очень хотелось в постный день покушать мяса, нашел очень простой выход из затруднения: он переименовал курицу в рыбу и решил, что теперь все в порядке. Едва ли однако подобного рода приемы допустимы в серьезных научных книгах.

Пункт пятый: «Полемика Ленина и его философских последователей имеет, правда, действительную правомерность по отношению к тем многочисленным философам, которые хотят толковать Маха в смысле школьной философии и которые вследствие этого должны сближать его с «идеализмом», но ни в коем случае не по отношению к самому Маху, если его понимать чисто научным образом».

Это уже прямо трюк: не решаясь начисто отрицать «правомерность» ленинского разоблачения махизма, Франк пытается провести «тонкое» различие между самим Махом и его «ненаучными» истолкователями. Но ведь Ленин с огромной силой показал и раскрыл как раз то обстоятельство, что Мах в основном только повторяет старые идеалистические учения Беркли и Юма, пытаясь принарядить их «новой» терминологией.

Пункт шестой: «До тех пор, пока материализм делает только такие высказывания, как например утверждение, что явления жизни могут быть сведены к физическим процессам, материализм является естественно-научной теорией и не имеет никакого касательства к учениям школьной философии об истинном мире» (стр. 272).

Пункт седьмой: «Развитие материализма в русской литературе зачастую обнаруживает отход от классического «механистического» материализма эпохи просвещения и сильное подчеркивание диалектической стороны «диалектического материализма», снова приближающее его к философии Гегеля, из которой его вывели Маркс и Энгельс путем подчеркивания материалистической стороны и путем транспонирования гегелевской диалектики с идеалистической тональности на материалистическую. Теперь же мы видим при случае выдвигание и выпячивание аналогии между психологическими законами человеческого мышления и процессами в неодушевленной и одушевленной природе, стало быть изображение процессов природы с помощью психологических аналогий; говорят о тенденциях и т. п.,— а это те самые вспомогательные понятия, устранение которых было главной целью материализма эпохи просвещения. И в самом деле, многие из тех, которые считают себя защитниками философских взглядов Ленина, выступают теперь против Маха уже как против сторонника «механического» материализма (?!) и ставят позитивизм и «махизм» в один ряд с отвергаемым теперь «механизмом» (стр. 273).

Эта тирада лишний раз показывает, что механистический материализм более приемлем для Франка, чем материализм диалектический, причем, как мы уже говорили, из механистического материализма Франк пытается вытравить весь

материализм, желая сохранить один лишь механицизм. Это вполне понятно, ибо и Мах и Франк являются по своей методологии механистами. Но совершенно ложно то утверждение Франка, будто последователи Ленина видят в Махе механистического материалиста. Мах не материалист, а путанный идеалист, и притом не диалектический, а механистический. Совершенно ложно и то утверждение Франка, будто употребление термина «тенденция» означает введение в науку каких-то психологических аналогий. Когда Маркс устанавливает «тенденцию общей нормы прибыли к понижению», то разве здесь речь идет об аналогии с психическими явлениями? И вообще, когда мы устанавливаем и исследуем те или иные об'ективные тенденции развития, то где же тут «психологические аналогии», «душеподобные факторы» и прочие глупости, изобретаемые Франком для посрамления диалектического материализма? Все эти выверты обнаруживают лишь полную неспособность проф. Франка понять философию диалектического материализма и его весьма упорное стремление во что бы то ни стало протащить под флагом «чисто научного мировоззрения» реакционную идеалистическую философию махизма и охаять единственно научную философскую концепцию марксизма-ленинизма.

* * *

Подведем некоторые общие итоги.

Книга проф. Франка — одно из проявлений глубочайшего методологического кризиса современной буржуазной науки и философии. Буржуазная наука за последние годы имеет ряд выдающихся достижений в отдельных областях так называемых точных наук, в частности в области теоретической физики. Но даже самые эти достижения раз'едаются глубокой ржавчиной всякого рода идеалистических построений, извращающих самый смысл науки, тормозящих ее развитие и открывающих двери самой оголтелой поповщине, самому махровому мракобесию.

Четверть века тому назад Ленин дал гениальный анализ незадолго до того начавшегося кризиса теоретической физики. И Ленин указал те пути, на которых только и возможен выход из кризиса. Ленин писал: «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим» (Собр. соч., т. XIII, стр. 250, разрядка наша. — **В. Б.**).

Кризис буржуазной науки затянулся. С каждым годом он обостряется и углубляется. Буржуазия не способна с ним справиться так же, как она не способна справиться со все углубляющимся чудовищным кризисом всей капиталистической системы. Перестроить науку на базе диалектического материализма могут только революционный пролетариат и его коммунистические идеологи.

Проф. Франк принадлежит к «левому» крылу буржуазного лагеря. Он является противником прямого и открытого введения в науку стопроцентной неприкрытой поповщины, как это делает целый ряд других современных буржуазных ученых и философов. Он рядится в тогу «чисто научного мировоззрения», он предпочитает, выражаясь словами Ленина, «более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм» в виде махизма, сдобренного элементами кантианства и «конвенционализма» А. Пуанкаре. Но этот «разжиженный фидеизм» он впускает в самые недра науки, отравляя им всю методологию, всю тематику и все понятия науки. Поэтому, несмотря на похвальное желание Франка дать отпор «наиболее отсталым и наиболее ненаучным устремлениям», использующим в своих интересах современный методологический кризис науки, книгу Франка приходится признать безусловно реакционным явлением, и те «левые» фразы, которые он кое-где употребляет, являются лишь особым приемом для прикрытия пропаганды «разжиженного фидеизма».

В. Брушлинский

О книге Дунина-Борковского „Спиноза по прошествии трехсот лет"

(Stan. von Dunin-Borkowski S. I., Spinosa nach dreihundert fahren. Ferd. Dümmlers Verlag, Berlin und Bonn, 1932, 204 стр.).

Написанная к юбилею Спинозы небольшая книжка известного «спинозоведа» иезуита и педагога графа Станислава фон-Дунин-Борковского обнаруживает колоссальную бездну учености (особенно в даваемом им беглом обзоре спинозовской литературы XVII, XVIII, XIX и XX веков), но касается всего слегка и проникнута некоторым барским духом. Правда, автор с самого начала предупреждает, что это — лишь предвестник большого обстоятельного исследования о Спинозе, подготовляемого им на основе более чем тридцатилетнего изучения Спинозы, его эпохи, его предшественников и его интерпретаторов. Но дело не только в недостатке должной обстоятельности, а прежде всего в основных методологических установках автора. Никакая ученость не поможет разобраться ни в философии Спинозы, ни в тысячетомной литературе о нем без четкого принципиального противопоставления материализма и идеализма как основных и противоположных философских направлений и без ясного понимания социально-экономических, политических, к л а с с о в ы х корней как философии самого Спинозы, так и философских подходов его бесчисленных истолкователей. Между тем ученый иезуит и аристократ сознательно не желает считаться ни с коренной антитезой философских направлений, ни с их классовой подоплекой. Он все делает для того, чтобы запутать этот основной вопрос и отвлечь внимание к таким вещам, как «духовный тип», «характериология» и т. п.

Дунин-Борковский надевает на себя маску полнейшей беспартийности и полнейшей об'ективности. Он отмежевывается и от «находящихся под властью аффектов» противников Спинозы и от восторженных поклонников этого философа. «Надежнее всех,— пишет он,— шагают великолепно-беспартийные (die prachtvoll Parteilosen — Дунин-Борковский пишет своеобразным, выспренним, местами очень трудным языком.—**В. Б.**). Они трактуют философа в полном соответствии с его желаниями, спокойно, без аффектов, как геометрическую фигуру. Они стараются не о том, чтобы любить этого человека, но они любят истину... Без устали и без отдыха и с самой педантичной тщательностью исследуют они самые незначительные обстоятельства в жизни и мышлении философа, влекомые не интересом к нему, а единственно только любовью к об'ективной действительности как таковой. Они остаются непотревоженными и холодными все равно, указывает ли стрелка исследования на добродетель или порок в предмете исследования, на его истинный путь или на его заблуждение. С одинаковым беспартийным спокойствием они отмечают указание источников на нечестие и их свидетельство в пользу высшего благородства души. Они не восторгаются и не проклинают. Они постигают» (стр. 103—104).

В соответствии с этой маскировкой под «беспартийность» книжка Дунина-Борковского написана в высшей степени осторожно и как будто «об'ективно». Но в отдельных местах сквозь маску беспартийности недвусмысленно проглядывает подлинное лицо иезуита, заклятого врага материализма и атеизма и бесцеремонного фальсификатора действительного положения вещей. Дунин-Борковский хочет внушить читателю ту мысль, что, мол, хотя Спиноза и заблуждался, отрицая личного бога, отличающегося от мира и действующего по своему произволу, однако он все же не был материалистом и атеистом, как это утверждают в своих политических, партийных интересах такие мало сведущие люди, как Фейербах или «современные русские интерпретаторы спинозизма». О Фейербахе он вещает: «Великие философы послекантовской эпохи и поэты проложили Спинозе пути

в Германию. Напротив того, фейербаховское диалектико-софистическое опровержение Спинозы в его «Истории новой философии» (1835) и в «Дополнениях» к этой «Истории философии» в издании 1847 г. означает шаг назад» (стр. 138). А о советских философах он замечает, говоря о различных искажениях в истолковании спинозизма, что они («некоторые теперешние русские излагатели спинозизма») «прикладывают к нему политический масштаб» (стр. 186). Разумеется, наш «политический масштаб» весьма не нравится ученому мракобесу.

Сам Дунин-Борковский с чрезвычайной легкостью разделывается с материалистической интерпретацией философии Спинозы. Он пишет: «В письме 43 к Остенсу Спиноза весьма решительно защищается от обвинения в атеизме. Критически и психологически бессмысленно принимать вместе с некоторыми новейшими интерпретаторами, что эти слова Спинозы представляют собою пустое враньe и что в основе своей он все же был атеист и материалист. Это значит считать его лжецом» (стр. 97—98). Дунин-Борковский прибегает здесь прямо к мошенничеству, ибо из контекста письма 43 ясно видно, что под атеизмом Спиноза имел здесь в виду несдерживаемую никакими моральными принципами погоню за богатством и почестями: «Ведь атеисты, — пишет Спиноза, — обыкновенно отличаются тем, что превыше всякой меры ищут почестей и богатств, каковые я всегда презирал, как это известно всем тем, кто меня знает» (Переписка Спинозы, изд. 1932 г., стр. 163).

Такое же чисто иезуитское мошенничество Дунин-Борковский пускает в ход на стр. 102 по поводу 73-го письма Спинозы, в котором Спиноза называет величайшей нелепостью основной догмат христианской религии о богочеловеке: «Если некоторые церкви, — пишет Спиноза, — утверждают, что бог принял человеческую природу, то я открыто и ясно заметил, что мне неизвестно, что они этим хотят сказать. Более того, признаться по правде, мне кажется, что они говорят не менее нелепо, чем если бы кто-либо сказал мне, что круг принял на себя природу квадрата» (Переписка, стр. 216). Дунин-Борковский по этому поводу уверяет, что Спиноза был плохо осведомлен насчет христианского вероучения и что если бы ему была известна подлинная точка зрения церкви на «воплощение» бога-сына, то он не нашел бы в этом учении никакой нелепости. Не правда ли, забавно?!

Печальным «недоразумением» об'являет Дунин-Борковский также и отрицательный отзыв Спинозы о Сократе, Платоне и Аристотеле, которых сам Дунин-Борковский считает «величайшими философскими гениями древности» (стр. 102).

Отрицая материализм и атеизм Спинозы, Дунин-Борковский однако нигде не утверждает, что Спиноза идеалист. Он даже прямо высказывается против тех «истолкователей», которые превращают Спинозу в мистика (стр. 188—189). А по вопросу об отношении между спинозизмом и религией он дает такую осторожную формулировку: «Философия, которая в своем основном направлении пытается выяснить отношение человека к бесконечному, все обосновывающему, мыслящему существу, содержит в себе религиозный э л е м е н т. Ничего больше» (стр 191—192). В другом месте мы читаем: «Философия Спинозы отнюдь не была «рациональной религией», о которой так много говорили в то время, но только религиозно-ориентированным рациональным познанием мирового целого в смысле чисто философским образом обоснованного отношения человека к бесконечному бытию» (стр. 107).

«Первоисточник», «основное ядро» и «стержень» спинозизма Дунин-Борковский видит в «необходимости, понятой как бесконечная действительность бытия» (Seinswirklichkeit, стр. 70, 73—74, 76, 78 144, 166, 179), как «осуществление бытия» (Seinsverwirklichung, стр. 179) или как «абсолютная полнота бытия» (стр. 71, 84), как «необходимая, бесконечно-активная полнота бытия» (стр. 161, 179). Дунин-Борковский полемизирует между прочим с Робинсоном, который в своем комментарии к «Этике» (1928) пытался свести монизм Спинозы всего лишь к тому, что в раз-

личных атрибутах господствует один и тот же мировой закон. Дунин-Борковский указывает (и тут он прав), что понятие абстрактного мирового закона, оторванного от необходимого бытия атрибутов, глубоко чуждо Спинозе. «Если же эта верховная необходимость существует сама по себе и сама из себя, то она как раз и является той единой и единственной, все обосновывающей действительностью бытия, которую Спиноза называет богом» (стр. 78).

Исходя из понятия необходимости как полноты бытия, Дунин-Борковский пытается дать краткое связное изложение системы Спинозы. «Необходимая субстанция, — пишет он, — требует, в качестве абсолютной полноты бытия, бесчисленных атрибутов, из которых мы познаем только два. Субстанция, существующая сама из себя и постигаемая сама через себя, является первоосновой всех вещей, которые сами из себя не имеют никакой действительности. Она производит все в силу единственно в своей сущности коренящейся необходимости, которая означает не что иное, как целокупную действительность бытия. Поэтому эта необходимость есть стержневое и основное понятие» (стр. 84).

Дунин-Борковский утверждает, что только исходя из понятия «необходимой действительности бытия» (стр. 172), можно притти к свободному от противоречий пониманию спинозизма. Сам Дунин-Борковский считает этот «стержень» спинозизма в корне несостоятельным положением, потому что он несовместим с божественным откровением (стр. 81). Соответственно этому даваемая Дуниным-Борковским общая оценка философии Спинозы гласит: «Значение философии Спинозы заключается не в этом недоказуемом ядре (имеется в виду «необходимая действительность бытия».—В. Б.) и в систематических выводах из него, но в постановках вопросов, в выдвигании новых проблем, в возбуждении внимания к дотоле мало исследованным взаимоотношениям между мировым целым и индивидуумом, в чрезвычайно глубоком понимании двоицы «познание и бытие», в замечательных политических концепциях и предложениях, в старании соблюдать строгий метод при всяком философском исследовании, и в особенности в его учении об аффектах, которое, даже будучи выделено из контекста системы, сохраняет свою полную ценность для мировой философии. Таким образом, должна быть достигнута некоторая независимая от системы нейтральная плоскость, на которой только и могут развернуться те куски философии Спинозы, которые консолидируются как имеющие пребывающее значение. Систему же неминуемо постигнет участь других философских построений» (стр. 91—92).

Исходя из этого, Дунин-Борковский довольно холодно относится к тому, что он называет «наше теперешнее второе возрождение спинозизма» [1]) (стр. 92).

Дунин-Борковский заявляет претензию на исторический подход к философии Спинозы. Он любит укорять тех или иных исследователей Спинозы за незнание философской терминологии или философской проблематики эпохи Спинозы. Однако, несмотря на всю свою колоссальную эрудицию в области философской, теологической и прочей литературы XVI, XVII, XVIII и других веков, Дунин-Борковский так же безнадежно далек от подлинного историзма, как и от понимания современной нам действительности. Самое бо́льшее, что он может дать в своих кропотливых исследованиях о Спинозе, это груду более или менее интересных цитат, сопоставлений и параллелей, подобранных в искусственной связи и представленных в ложном свете с конечной целью защиты католического мракобесия против всех подлинных проявлений прогресса.

В. Б.

---

[1]) Первое возрождение спинозизма имело место в Германии на рубеже XVIII и XIX веков.

„Научные основы селекции и эволюционное учение“

Проф. В. Ф. Натали.

Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931 г.

Книга проф. В. Ф. Натали, предназначенная для заочного педагогического образования, заслуживает большого внимания и серьезной методологической критики. Знание генетики научных основ селекции для советских педагогов совершенно необходимо.

Из решений ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР от 3 августа 1931 г. о селекции вытекает необходимость подготовки в кратчайший срок широких кадров соцземледелия, знакомых с научными основами селекции. Поэтому армия советских педагогов должна изучать генетику и уметь передавать знания многомиллионной массе работников социалистического земледелия.

«Президиум ЦКК ВКП(б) и Комиссия НК РКИ признают необходимым, чтобы проблема селекции и семеноводства была поставлена как большое общественное дело, над которым должны работать не только специалисты сельского хозяйства, органы НКЗ, колхозная система, совхозы, сельхозакадемии и органы РКИ. В это дело должны быть вовлечены все партийные и советские организации и широкие массы колхозников и рабочих совхозов» (постановление ЦКК ВКП(б) и НК РКИ).

Конференция по засухе в октябре 1931 г. наметила целый ряд практических мероприятий в области селекции по созданию новых засухоустойчивых, морозостойких, наиболее урожайных и т. д. сортов семян.

Исторические решения XVII партконференции ставят задачу решительного поднятия урожайности зерновых и технических культур и продуктивности (мясности, молочности, яйценоскости, скороспелости и т. д.) колхозных и совхозных сел.-хоз. животных.

Метизация, селекция и межвидовая гибридизация являются одним из основных путей по созданию новых, наиболее продуктивных сел.-хоз. животных и растений [1]).

Научно-популярный учебник генетики проф. Натали является полезным пособием, тем более, что такие учебники почти совершенно отсутствуют на книжном рынке.

Книга проф. Натали охватывает ряд основных вопросов генетики, дает достаточное количество фактического материала.

Автор пытается преодолеть буржуазную ограниченность генетиков (критика теории «присутствия — отсутствия» и т. д.), делает, хотя и слабые, попытки увязать научные основы генетики с задачами животноводства, растениеводства и т. д.

Наконец книга в понятной для широкого круга читателей форме излагает основы генетики. В конце каждого задания приведены задачи для упражнений и вопросники, активизирующие читателя, учащегося. Все это является положительными моментами книги.

---

[1]) Конечно генетика и селекция являются только частью агро- и зоотехнических мероприятий.

Но наряду с положительными сторонами рецензируемая книга имеет ряд существенных недостатков.

В задании № 4—стр. 5 (67—106) почти отсутствует исторический подход к освещению зарождения новой ветви биологии—генетики; не указано, что менделизм по существу метафизичен. Наряду с огромным вкладом, который внес Мендель в историю биологии, необходимо было указать и на его методологические ошибки (стр. 87).

Из гипотезы Менделя о чистоте гамет, об'ясняющей законы расщепления и независимого комбинирования признаков, вытекает, что наследственные задатки организма абсолютно неизменны, метафизически оторваны друг от друга и от организма в целом. Менделизм механистичен и метафизичен и в свое время дал почву для дальнейшего развития и конкретизации в генетике автогенеза, механицизма и т. д.

В том же задании № 4 большое внимание уделяется скрещиваниям лабораторных животных и растений (дрозофила, львиный зев и т. д.), обычно приводимых во всех сводках по генетике.

На стр. 76 для опытов по моногибридному скрещиванию автор рекомендует скрестить белого кролика с венским голубым, но при этом получается не моногибридное, а в лучшем случае—тригибридное расщепление. Лучше не называть его «короткошерстный» белый, так как к короткошерстным относятся кролики «рекс». Ту же ошибку автор делает и на стр. 77.

За последний год много достижений у нас имеется по генетике овец, в частности по генетике каракулевых овец и т. д. (см. книги Васина, вып. 1-й, 2-й и 3-й, и книгу Попова и т. д.). Между тем в учебнике проф. Натали генетика овец совершенно отсутствует.

Прекрасно изучена у нас генетика кукурузы, но и она не отражена в рецензируемой книге.

Генетику курицы необходимо было значительно расширить, так как она хорошо изучена и даже многое уже сделано в области составления карты хромосом у кур.

В связи с задачами развития скороспелого птицеводства знание генетики птиц особенно важно. У кур известно около 70 генов. Правда, нужные нам гены (мясности, яйценоскости, скороспелости и т. д.) почти не изучены из-за отрыва этого изучения от задач соцстроительства.

Генетика тутового шелкопряда достаточно изучена для того, чтобы найти освещение в данном учебнике (правда, главным образом в японских источниках, но есть материалы по этому вопросу и в ряде русских журналов и книг).

Конечно я не хочу сказать, что нужно из'ять из учебника лабораторные об'екты, наоборот, они являются незаменимыми об'ектами для исследования актуальных теоретических вопросов (дрозофила и др.) и для практических занятий учащихся. Однако необходимо было привести достижения в области хозяйственно ценных организмов более полно, чем это сделал проф. Натали.

В главе «Цитология наследственности» (стр. 107—126, о материальных основах наследственности) дается хромосомное об'яснение законов Менделя, где, казалось бы, необходимо было дать методологическую критику гипотезы Менделя о чистоте гамет, критику механистичности и метафизичности законов расщепления и независимого комбинирования. Доминирование Мендель об'ясняет также вульгарно-механистично, даже буржуазная генетика вносит поправку о том, что полного доминирования почти не бывает.

Доминирование устанавливалось всегда на-глаз, без микроскопического, биохимического и прочего анализа. По Менделю, во втором поколении рецессивный признак (ген) проявляется в абсолютно неизменном виде (движение по замкнутому кругу).

В той же главе, где говорится, что хромосомы и гены являются носителями наследственных свойств, совершенно отсутствует методологическая критика вейсманизма (стр. 114). Вопросы генетики проф. Натали рассматривает в связи с эволюционным учением, но он не упоминает о теории Лотси, который выпустил книгу «Эволюция при постоянстве генов». Два «кита»—вейсманизм и теория Лотси—должны были приковать внимание масс педагогов и учащихся, а книга совершенно не мобилизует мысли читателя на методологическую критику теории Вейсмана и Лотси.

Буржуазный идеолог Лотси пытался свести эволюцию организмов (дарвинизм) к перекомбинациям абсолютно неизменных, вечно существующих генов, т. е. с другого конца, в завуалированной утонченной форме он подошел к идеям Карла Линнея о постоянстве видов.

Между тем генетики — меньшевиствующие идеалисты некритически отнеслись к теории Вейсмана о непрерывности зародышевой плазмы и бессмертии половых клеток, о метафизическом отрыве сомы от наследственной плазмы и т. д.[1]).

Агол прямо писал: «Стоит ли добавить, что никакого влияния этот соматический «футляр» на зародышевый генотип не оказывал» (журнал «Э. Б.», вып. 4-й, 1930 г.). Н. Н. Дубинин писал, что разделение организма на две части—на сому и наследственную плазму—является крупнейшим достижением современной генетики (журнал «Естествознание и марксизм»), следовательно меньшевиствующие идеалисты—генетики вместе с Менделем, Вейсманом и др. считают, что организм в целом для половых клеток является только «футляром», не видя наряду с качественным различием их биологического (диалектического) единства, их взаимной обусловленности. Метафизический отрыв генотипа от фенотипа, части от целого, «внутреннего» от «внешнего» по существу ведет к недооценке роли организма и среды в модификации генотипа организма, в конечном счете ведет к недооценке таких агро-зоотехнических мероприятий, как кормление, содержание, борьба с болезнями, с сорняками и т. д., т. е. неправильно ориентирует практические мероприятия по улучшению и созданию новых пород с.-х. животных и сортов растений. Совершенно очевидно, что только на базе агро-зоотехнии в широком понимании возможно вполне научное изучение качества наследственных задатков организма, так как при плохих условиях содержания и хозяйственно ценный наследственный задаток не сможет в должной мере проявить свое действие (или вовсе не проявит).

Проф. Натали в главе о материальных основах наследственности не останавливает внимания педагогических и читательских масс на этих принципиальных методологических вопросах.

Между тем Ленин учил, что задача биологов-марксистов заключается в перестройке «тех завоеваний, которые делаются буржуазными учеными, в умении отсечь их реакционные тенденции, в умении вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил классов». Дальше Ленин писал, что буржуазным ученым ни в коей мере нельзя доверять, когда дело касается не специальных фактов, но общих вопросов методологии, ибо «теоретическая борьба есть одна из важнейших, неотъемлемых частей классовой борьбы пролетариата» (Ленин).

Эти заветы Ленина забыли меньшевиствующие идеалисты, не учел их при составлении книги и проф. Натали.

В задании № 7 (стр. 127—145) автор пытается критически подойти к современному состоянию вопроса о доминировании и теории «присутствия—отсутствия»

[1]) См. письмо Агола в журнале «ПЗМ», № 3—4 за 1932 г.

Бэтсона и Пеннета. Автор совершенно правильно пишет, что «бэтсоновская гипотеза является результатом довольно упрощенного механического представления...» (стр. 128). ...«Взамен механистического выпадения или ущербления гена мы признаем изменяемость гена» (стр 129).

Здесь проф. Натали сделал значительный шаг в сторону диалектического материализма, признавая лишь относительную устойчивость гена, т. е. его изменяемость. Признав относительную лабильность гена, автор к сожалению не делает решительного шага вперед и тут же впадает в противоречие, излагая без критического разбора бэтсоновское об'яснение наследования формы гребней у кур, являющееся исходным материалом для создания теории «присутствия — отсутствия». Тем самым он не разоблачает до конца теорию «присутствия — отсутствия» и метафизическое толкование о постоянстве генов.

Проф. Натали совершенно не останавливает внимания читателей на столь же вульгарно-механической теории проф. А. С. Серебровского, в новой форме протаскивающей теорию «присутствия — отсутствия» [1]). Серебровский сводит все многообразие мутационных процессов, а также и об'яснение доминирования к следующей единой вульгарно-механической схеме:

а) нормальное состояние организма—хромосома без изменений;

б) рецессивная мутация—выпала часть хромосомы...

в) сильно рецессивная мутация—выпала более значительная часть хромосомы...

г) доминантная мутация—выпавшая часть хромосомы настолько велика, что проявление мутации ясно заметно...

Для спасения приведенной вульгарно-механической схемы А. С. Серебровский придумал в согласии с механицизмом школы Моргана «надстройку» о дробимости гена.

Если школа Моргана рассматривает хромосому как состоящую из генов, механически рядом расположенных вдоль по хромосоме, подобно бусинам, то Серебровский и его ученики пришли в более завуалированной форме к тому же самому механицизму Моргана и др., рассматривая ген как состоящий из линейно расположенных «центров» вдоль по гену. Даже была высказана мысль о самостоятельности каждого «центра» гена.

А. С. Серебровский прямо пишет: «Можно будет попытаться об'яснить серию множественных аллеломорфов тем, что в разных случаях исчезают не совсем одинаковые по величине «участки» хромосомы. Если ген белоглазости является результатом исчезновения участка хромосомы, равной 0,1 морганиды, то эозин быть может = 0,05 морганиды и т. д., каждая из этих мутаций будет подлинным отсутствием согласно Бэтсону и в то же время не будет противоречить морганов-ской теории хромосомы». Приведенная мысль А. С. Серебровского впоследствии явилась исходной позицией для обоснования столь же вульгарно-механической теории о дробимости гена Achaete-scute (половая хромосома на 0,0 морганиде).

Из сказанного совершенно очевидно, что позиция А. С. Серебровского и др., пытающаяся об'яснить и доминирование и все многообразие мутационных процессов только на основе механических выпадений и перекомбинации больших или меньших частиц хромосомы, не имеет ничего общего с материалистической диалектикой марксизма-ленинизма, является выхолащиванием сути диалектического материализма.

---

[1]) «Теория о единой схеме мутации», см. статью проф. А. С. Серебровского в журнале «ПЗМ», № 3 за 1926 г.

Проф. Натали в главе «Множественные аллеломорфы» (стр. 130—132) совершенно правильно отмечает несостоятельность теории «присутствия — отсутствия», непримиримость с данными «множественного аллеломорфизма» генов и т. д., противопоставляя этой механической теории точку зрения о лябильности (изменяемости) гена и т. д. Однако методологическую несостоятельность теории «множественного аллеломорфизма» автор оставил без критического анализа. Таким образом проф. Натали не мобилизует критической мысли широких масс педагогов, читающих его книгу.

Автор учебника ограничился только следующими словами: «были попытки в целях спасения гипотезы («присутствия—отсутствия».—Н. В.) внести принцип количественного изменения или выпадения части гена. Но нам кажется, что все эти попытки носят механический характер» (стр. 132), а в чем именно, автор так и не вскрыл.

Следовательно проф. Натали, остановившись на глубоко принципиальных теоретических вопросах генетики, ограничился одной только фразой.

В книге, рассчитанной на массового читателя, необходимо было указать, что реакционность меньшевиствующе-идеалистических взглядов заключается в метафизическом отрыве наследственных задатков от организма в целом и их установки вредны для социалистического животноводства и растениеводства (недооценка роли кормления, агро- и зоотехнических мероприятий в их широком понимании). Кроме того меньшевиствующие идеалисты в ряде вопросов смыкаются с механистами (теория «присутствия—отсутствия», «центровая» теория и т. д.).

Автор упустил из внимания такой важный вопрос, как хромосомная теория наследования пола. Рассмотрение этого вопроса имеет существенное значение в деле антирелигиозного воспитания, а также освещает хозяйственное значение преодоления трудностей по искусственному превращению пола. Автор совершенно не уделил внимания в столь ответственной книге активному антирелигиозному воспитанию.

Проф. Натали в главе «Материальные основы наследственности» не указал на механистичность теории Моргана и его школы о строении хромосомы [1]).

Не касаясь ряда других существенных недостатков книги проф. Натали, отметим еще, что по существу генетика кур, мышей и др. исходит в очень сильной степени из теоретических установок «присутствия — отсутствия». Гипотеза Нильсона-Эле также носит механический характер, но критика их не нашла места в книге проф. Натали.

В задании № 8 (стр. 146—152) в главе о применении законов наследственности в сельском хозяйстве проф. Натали недостаточно вскрывает причины невозможности широкого применения данных генетики в сельском хозяйстве в условиях капитализма. Он пишет: «пока еще данные генетики недостаточно используются в этой области хозяйственной работы человека» (стр. 154). В другом месте он пишет: «... Генетика еще недостаточно близко подошла к работе практиков» (стр. 155) и дальше об'ясняет это тем, что ценные в хозяйственном отношении животные неудобны для исследования, поэтому больше всех разработана генетика грызунов и др. лабораторных животных и однолетних растений. Конечно причины кроются далеко не в этом. Ниже сам проф. Натали пишет, что капиталистический строй тормозит развитие генетики, и приводит для доказательства этого даже цитаты из книги Кру о том, что анархия капиталистического производства не дает возможности широко развернуть изучение генетики с.-х. животных. Однако проф. Натали не вскрыл (как это следовало бы) причину кризиса буржуазной генетики, не указал на невиданные в истории человечества величайшие перспективы

[1]) Школа Моргана имеет наряду с ошибками (механицизм, метафизичность) громаднейшие заслуги в деле разработки теоретической генетики; по существу Морган и его школа создали второй этап в истории генетики (Н. В.).

развития генетики и селекции (как и всей науки и техники) в условиях Советского союза на базе совхозов, колхозов, МТС и т. д., на основе политики ликвидации кулачества как класса. В качестве иллюстративного примера могут служить достижения советских ученых (Милованов, Нейман и др.) в области искусственного осеменения коров, овец, лошадей и т. д. Капиталистические страны эти данные не использовывают и не могут широко использовать в практике, а в СССР в короткий срок они проверены на сотнях тысяч сел.-хоз. животных.

Большим недостатком книги проф. Натали является и то, что автор не подчеркнул со всей силой вопроса о задачах и перспективах генетики и селекции в связи с политическими задачами партии и правительства о поднятии урожайности, о разрешении в кратчайший срок мясо-молочной проблемы и т. д.[1]). Между тем метизация, селекция и межвидовое скрещивание в данный момент являются одним из основных путей в деле улучшения и создания новых, наиболее продуктивных сел.-хоз. животных и птиц.

Достижения искусственного осеменения дают могучий рычаг для быстрейшей реализации данных генетики и селекции в практике социалистического животноводства и растениеводства. Проф. Натали ни слова не сказал об искусственном осеменении в главе о применении генетики на практике.

В связи с последними данными НКЗ СССР обратил большое внимание на развертывание межвидовой гибридизации, между тем автор в главе о гибридизации не касается вопроса о хозяйственно полезных межвидовых гибридах (например мул и др.). В последнее время выяснилось, что гибриды от яков и коров местной породы (Якутия) увеличивают живой вес на 40—50 проц. по сравнению с родителями и т. д. (см. журнал «Проблемы животноводства» № 1, 1932 г.).

Проф. Натали правильно обращает внимание на то, что наряду с отрицанием теории адэкватного наследования приобретенных признаков не следует недооценивать и значения условий для развития особенностей данного организма и, наоборот, остерегает читателей от противоположной ошибки — недооценивания роли и значения наследственных задатков того или иного организма (стр. 156).

Однако автор не вскрывает того, что воззрения меньшевиствующих идеалистов-генетиков на сому как на «футляр» для наследственной плазмы организма ведут имено к недооценке таких агро- и зоотехнических мероприятий, как кормление, удобрение, содержание, борьба с болезнями, сорняками и т. д., в деле создания новых видов с.-х. животных и растений. Поэтому эта теория реакционна, вредна для соцживотноводства и растениеводства.

С другой стороны, автор не вскрывает до конца и того, что воззрения механо-ламаркистов (проф. Богданов и др.), недооценивающих или даже не признающих (проф. Ковалевский) роли и значения изучения наследственных свойств организма, разоружают социалистическое животноводство и растениеводство в деле создания новых сортов растений и пород сел.-хоз. животных в наикратчайший срок.

Механо-ламаркизм вреден, реакционен и является главной опасностью на данном этапе в деле создания новых видов сел.-хоз. животных и растений тем более, что весьма широко к сожалению распространен среди масс агрономов и зоотехников. Следовательно непримиримую борьбу необходимо вести на два фронта: против механицизма как главной опасности на данном этапе и против меньшевиствующего идеализма.

---

[1]) Первая всесоюзная конференция по планированию генетико-селекционных исследований, состоявшаяся в Ленинграде (25—30 июня 1932 г.), впервые наметила канву узловых проблем научно-исследовательских работ в области генетики и селекции в связи с историческими решениями XVII партконференции **(Н. В.).**

Таким образом учебник генетики проф. Натали нуждается в существенной переделке на основе марксистско-ленинской теории. Необходимо устранить ряд крупнейших недостатков, указанных далеко неполно в нашей рецензии. Основные из них следующие:

1. Достижения формальной буржуазной генетики изложены в книге проф. Натали без их критического анализа за исключением отдельных попыток преодоления механицизма теории «присутствия—отсутствия» и т. д.

2. Отсутствует анализ причин кризиса формальной буржуазной генетики в данный момент и анализ путей, по которым ряд генетиков (А. Серебровский, Агол, Левит, Дубинин и др.) на советской почве пришли к меньшевиствующему идеализму. Между тем из биологических наук именно в генетике меньшевиствующий идеализм наиболее прочно свил себе «гнездо».

3. В книге проф. Натали «Генетика» нет ни слова о задачах перестройки и переработки формальной буржуазной генетики в связи с соцстроительством.

Между тем только в тесной связи с задачами социалистического строительства на основе критической переработки формальной буржуазной генетики, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, и возможно правильное намечение путей реконструкции буржуазной генетики.

4. Автор ни слова не уделил вопросу антирелигиозного воспитания в столь ответственной, рассчитанной на широкие массы, книге.

5. Наконец в книге проф. Натали совершенно недостаточна увязка теоретических основ генетики с задачами создания новых, наиболее продуктивных сельскохозяйственных животных и растений.

Все эти основные недостатки книги проф. Натали демобилизуют широкие массы педагогов, учащихся и т. д. в деле критической переработки буржуазной генетики, в деле использования генетики в развитии социалистического животноводства и растениеводства.

Н. Веселов

Редакционная коллегия журнала „ПМЗ“

В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман, А. А. Максимов, М. Б. Митин, М. Н. Покровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин.

Уполномоченный Главлита № В-51112. Набор сдан 15/I—33 г., подписан к печати 20/II—33 г. Зак. № 2940. Изд. № 1126. Тираж 35 300.

Набрано в типографии газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48.
Отпечатано в 1-й типографии Огиза РСФСР «Образцовая». Москва, Валовая, 28. Зак. 842.

Тематический указатель статей, помещенных в журнале „Под знаменем марксизма" за 1932 год

Маркс, Энгельс, марксизм

Адоратский В. О «Немецкой идеологии», № 9—10, стр. 137.
Леонтьев А. К новому русскому изданию «Капитала» Маркса, № 9—10, стр. 144.
Его же. Предисловие к рукописям Маркса «К критике политической экономии», № 11—12, стр. 41.
Мушперт Я. Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма (ст. 1-я), № 3—4, стр. 163.
Его же. Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма (ст. 2-я), № 7—8, стр. 77.
Его же. О предмете «Капитала», № 11—12, стр. 63.
Передовая. К 65-летию «Капитала» Маркса, № 7—8, стр. 1.
То же. К 50-летию со дня смерти Маркса, № 11—12, стр. 1.

Из материалов Института Маркса—Энгельса—Ленина

Маркс К. Неопубликованные рукописи «К критике политической экономии», № 11—12, стр. 8.
Каменев Л. Письмо А. А. Богданову с предисловием П. Юдина, № 9—10, стр. 202.

Ленин, ленинизм, ленинский этап в развитии марксистской философии истории и естествознания

Биленкин Д. О шести исторических условиях т. Сталина, № 3—4, стр. 112.
Каммари М. Разработка т. Сталиным национального вопроса и материалистическая диалектика, № 3—4, стр. 76.
Каммари М. и Юдин П. Тов. Сталин о разработке Лениным материалистической диалектики, № 11—12, стр. 95.
Кольман Э. На текущие темы, № 9—10, стр. 163.
Митин М. О философском наследстве В. И. Ленина, № 3—4, стр. 13.
Передовая. К 10-летию статьи Ленина «О значении воинствующего материализма», № 3—4, стр. 1.
То же. Диалектический материализм, естествознание и борьба с упрощенчеством, № 5—6, стр. 1.
Перельман Ф. Механицизм на современном этапе, № 7—8, стр. 52.
Покровский М. Речь на десятилетии ИКП, № 3—4, стр. 151.
От редакции. М. Н. Покровский (очерк жизни и деятельности, № 3—4, стр. 139).
Путинцев Ф. Ленин и борьба с религией, № 3—4, стр. 39.
Разумовский И. Октябрь и исторический материализм, № 9—10, стр. 51.
Таксер А. Об общественно-экономической формации, № 1—2, стр. 165.
Ситковский Е. К вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания, № 11—12, стр. 190.
Юдин П. Год работы, № 1—2, стр. 115.

Вопросы социалистического строительства, теории советского хозяйства и международного рабочего движения

Бобровников. Преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, № 11—12, стр. 118.
Дониях Д. Аграрный кризис в Индии, № 5—6, стр. 220.
Исаков В. Против меньшевизма в рационализации, № 7—8, стр. 130.
Корнеев М. Вторая пятилетка и уничтожение классов, № 1—2, стр. 121.
Кузьмин И. Проблема распределения средств потребления во второй пятилетке, № 1—2, стр. 42.
Мадьяр Л. Конец капиталистической стабилизации, № 9—10, стр. 33.
Передовая. Вторая пятилетка и задача укрепления диктатуры пролетариата, № 1—2, стр. 1.
То же. 15 лет диктатуры пролетариата, № 9—10, стр. 1.

Критика буржуазных, фашистских, социал-фашистских теорий

Ангаров И. К вопросу о меновой концепции социал-фашизма, № 5—6, стр. 48.

Арисьян Л. Каутский и теория факторов, № 5—6, стр. 172.
Дворкин И. Троцкистская теория кризисов и империализма (окончание), № 1—2, стр. 55.
Его же. Экономическая концепция Троцкого, № 7—8, стр. 99.
Дынник М. Неогегельянское обоснование фашизма Р. Кронером, № 5—6, стр. 199.
Молчадский Т. Против каутскианско-плехановской апологетики и «марксизирования» Родбертуса, № 1—2, стр. 72.
Разумовский И. Против извращения ленинской оценки Каутского, № 1—2, стр. 99.
Фигурнов П. Критика антимарксистской «теории» кризисов Каутского, № 3—4, стр. 186.
Шмидт К. Теоретические маневры теоретика «левого» социал-фашизма, № 5—6, стр. 276.

Вопросы естествознания

Бауэр Э., Брандгендлер В., Гринберг Г Жизнь, № 7—8, стр. 179.
Гальперин Ф. и Марков М. Соотношение неточностей в квантовой механике, № 9—10, стр. 171.
Дарвин Ч. Основы происхождения видов (первоначальный набросок теории, впервые выходящий на русском языке, с предисловием проф. А. Д. Некрасова), № 5—6, стр. 39.
Коштоянц Х. Физиология и теория развития, № 5—6, стр. 54.
Максимов А. Об отражении классовой борьбы в современном естествознании, № 5—6, стр. 16.
Его же. Рецензия на книгу Ми, № 3—4, стр. 249.
Его же. К итогам успехов естествознания в СССР за 15 лет, № 9—10, стр. 70.
Яффе Г. Философские основы неодарвинизма, № 7—8, стр. 196.
Сахалтуев А. О развитии и значении работ Мичурина, № 9—10, стр. 230.
Его же. О разработке и популяризации «Диалектики природы» Энгельса (по поводу книги Горнштейн), № 7—8, стр. 251.
Хайкин С. Достижения в области физики за 15 лет, № 9—10, стр. 221.

Вопросы культуры и антирелигиозной пропаганды

Кирпотин В. 15 лет советской литературы, № 9—10, стр. 84.
Его же. Горький — великий пролетарский писатель, № 9—10, стр. 157.
Путинцев Ф. Ленин и борьба с религией, № 3—4, стр. 39.
Таболов К. О национальной культуре, № 9—10, стр. 113.
Юдин П. Предисловие к письму Л. Каменева А. Богданову, № 9—10, стр. 197.
Чернцов П. За большевистскую партийность теории пролетарского атеизма (по вопросу о работах проф. Фаворского), № 5—6, стр. 301.
Шейнман М. Социальная демагогия церкви в связи с мировым экономическим кризисом, № 9—10, стр. 203.

История философии

Быховский Б. Принцип философии Генрика де-Руа, № 5—6, стр. 236.
Вандек В. и Тимоско В. Критика оценки механистами и меньшевиствующими идеалистами философии Спинозы, № 1—2, стр. 128.
Винокуров А. К вопросу о материалистическом изучении Гегеля, № 7—8, стр. 67.
Луппол К. Мировоззрение Гете, № 5—6, стр. 117.
Его же. Историческое значение философии Спинозы, № 11—12, стр. 180.
Митин М. Спиноза и диалектический материализм, № 11—12, стр. 153.
Розанов Я. К характеристике философско-социологических взглядов Франца Меринга, № 7—8, стр. 16.
Савельев М. К юбилею Спинозы, № 11—12, стр. 146.
Таганский Г. О вульгарном материализме третьей четверти XIX века, № 3—4, стр. 210.

С теоретического фронта

Сахалтуев А. О развитии и значении работ Мичурина, № 9—10, стр. 230.
Хайкин С. Достижения в области физики за 15 лет, № 9—10, стр. 221.
Штейн О. О массовой работе ОВМД, № 1—2, стр. 211.

Обзор работы международных научных конгрессов

Дунаевский Л. Международный конгресс по психологии религии, № 9—10, стр. 250.

Коштоянц Х. XIV международный конгресс физиологов в Риме, № 9 — 10, стр. 238.

Список рецензированных книг

D-r Otto Bauer. Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkrieg, 1 Band «Rationalisierung und Fehlrationalisierung», Iena, 1931 (Шмидт К., № 5—6, стр. 276).

Горнштейн. «Диалектика природы» Энгельса (А. Сахалтуев, № 7 — 8, стр. 261).

Дунин-Борковский. «Спиноза по прошествии трехсот лет» (В. Брушлинский, № 11 — 12, стр. 227).

«Erkenntnis» за 1931 г. (В. Брушлинский, № 9 — 10, стр. 256).

«Заочный университет искусств» (Степанов, № 3 — 4, стр. 246).

Ми Г. «Естествознание и теология» (А. Максимов, № 3 — 4, стр. 249).

Натали В. «Научные основы селекции и эволюционное учение» (Н. Веселов, № 11 — 12, стр. 230).

Ральцевич В. Учебник по историческому материализму (Бригада ИКПФ, № 7 — 8, стр. 238).

РАПП №№ 1, 2, 3 и «Пролетарская литература» № 4 за 1931 г. (Лебедев Г., Степанов К., № 1 — 2, стр. 200).

«Sozialistische Monatshefte» (Вендровский В., № 5 — 6, стр. 294).

Фаворский. «Что такое религия», «Состояние и перспективы научно-исследовательской антирелигиозной работы на Украине», «Программа-конспект» и др. статьи (Чернцов П., № 5 — 6, стр. 301).

Письма в редакцию

Агол И. Письмо в редакцию «ПЗМ», № 3 — 4, стр. 255.

Баммель Гр. Письмо в редакцию «ПЗМ», № 1 — 2, стр. 217.

Кеворкьян. Письмо в редакцию «ПЗМ», № 3 — 4, стр. 257.

Раковский А. Письмо в редакцию «ПЗМ», № 3 — 4, стр. 256.

Сообщения и заметки

О приеме в ИКП философии, № 1 — 2, стр. 226.

Резолюция АЗОВМД о рецензии на книгу Кеворкьяна, № 3 — 4, стр. 258.

Алфавитный указатель статей, помещенных в журнале „Под знаменем марксизма“ за 1932 год

Адоратский В. О «Немецкой идеологии», № 9 — 10, стр. 137.

Ангаров И. К вопросу о меновой концепции социал-фашизма, № 5 — 6, стр. 148.

Арисьян Л. Каутский и теория факторов, № 5 — 6, стр. 172.

Бауэр Э., Брандгендлер В., Гринберг Г. Жизнь, № 7 — 8, стр. 179.

Биленкин Д. О шести исторических условиях т. Сталина, № 3 — 4, стр. 112.

Бобровников Н. Преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, № 11 — 12, стр. 118.

Быховский Б. Принципы философии Генрика де-Руа, № 5 — 6, стр. 236.

Вандек В. и Тимоско В. Критика оценки механистами и меньшевиствующими идеалистами философии Спинозы, № 1 — 2, стр. 128.

Винокуров А. К вопросу о материалистическом изучении Гегеля, № 7 — 8, стр. 67.

Гальперин А. и Марков М. Соотношение неточностей в квантовой механике, № 9 — 10, стр. 171.

Дарвин Ч. Основы происхождения видов (первоначальный набросок теории, впервые выходящий на русском языке, с предисловием проф. А. Д. Некрасова), № 5 — 6, стр. 39.

Дворкин И. Троцкистская теория кризисов империализма (окончание), № 1 — 2, стр. 55.

Его же. Экономическая концепция Троцкого, № 7 — 8, стр. 99.

Дониях Б. Аграрный кризис в Индии, № 5 — 6, стр. 220.

Дынник М. Неогегельянское обоснование фашизма Р. Кронером, № 5 — 6, стр. 199.

Исаков Г. Против меньшевизма в рационализации, № 7 — 8, стр. 130.

Каменев Л. Письмо А. А. Богданову, с предисловием П. Юдина, № 9 — 10, стр. 202.

Каммари М. Разработка т. Сталиным национального вопроса и материалистическая диалектика, № 3 — 4, стр. 76.

Его же и Юдин П. Тов. Сталин о разработке Лениным материалистической диалектики, № 11 — 12, стр. 95.

Кирпотин В. 15 лет советской литературы, № 9—10, стр. 84.
Его же. Горький — великий пролетарский писатель, № 9—10, стр. 157.
Кольман Э. На текущие темы, № 9—10, стр. 163.
Корнеев М. Вторая пятилетка и уничтожение классов, № 1—2, стр. 121.
Коштоянц Х. Физиология и теория развития, № 5—6, стр. 54.
Кузьмин И. Проблема распределения средств потребления во второй пятилетке, № 1—2, стр. 42.
Леонтьев А. К новому русскому изданию «Капитала» Маркса, № 9—10, стр. 144.
Его же. Предисловие к рукописи Маркса «К критике политической экономии», № 11—12, стр. 41.
Липендин П., Митин М. и др. А. А. Таксер (очерк жизни и деятельности), № 1—2.
Луппол И. Мировоззрение Гете, № 5—6, стр. 117.
Его же. Историческое значение философии Спинозы, № 11—12, стр. 180.
Мадьяр Л. Конец относительной стабилизации капитализма, № 9—10, стр. 33.
Максимов А. Об отражении классовой борьбы в современном естествознании, № 5—6, стр. 16.
Его же. К итогам успехов естествознания в СССР за 15 лет, № 9—10, стр. 70.
Марков М. См. Гальперин Ф. и Марков М.
Маркс К. Неопубликованные рукописи «К критике политической экономии», № 11—12, стр. 8.
Митин М. О философском наследстве В. И. Ленина, № 3—4, стр. 13.
Его же. Спиноза и диалектический материализм, № 11—12, стр. 153.
Молчадский, Т. Против каутскианско-плехановской апологетики и «марксизирование» Родбертуса, № 1—2, стр. 72.
Мушперт Я. Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма (ст. 1-я), № 3—4, стр. 163.
Его же. Марксистско-ленинский анализ производственных отношений капитализма (ст. 2-я), № 7—8, стр. 77.
Его же О предмете «Капитала» „№ 11—12, стр. 63.
От редакции. М. Н. Покровский Очерк жизни и деятельности), № 3—4, стр. 139.
Передовая. Вторая пятилетка и задача укрепления диктатуры пролетариата, № 1—2, стр. 1.
То же. К 10-летию статьи Ленина «О значении воинствующего материализма», № 3—4, стр. 1.
То же. Диалектический материализм, естествознание и борьба с упрощенчеством, № 5—6, стр. 1.
То же. К 65-летию «Капитала» Маркса, № 7—8, стр. 1.
То же. 15 лет диктатуры пролетариата, № 9—10, стр. 1.
То же. К 50-летию со дня смерти Маркса, № 11—12, стр. 1.
Перельман Ф. Механицизм на современном этапе, № 7—8, стр. 52.
Покровский М. Речь на десятилетии ИКП, № 3—4, стр. 151.
Путинцев Ф. Ленин и борьба с религией, № 3—4, стр. 39.
Разумовский И. Против извращения ленинской оценки Каутского, № 1—2, стр. 99.
Его же. Октябрь и исторический материализм, № 9—10, стр. 51.
Розанов Я. К характеристике философско-социологических взглядов Франца Меринга, № 7—8, стр. 16.
Савельев М. К юбилею Спинозы, № 11—12, стр. 146.
Ситковский Е. К вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания, № 11—12, стр. 190.
Таболов К. О национальной культуре, № 9—10, стр. 113.
Таганский Г. О вульгарном материализме третьей четверти XIX века, № 3—4, стр. 210.
Таксер А. Об общественно-экономической формации, № 1—2, стр. 165.
Тимоско В. См. Вандек В. и Тимоско В.
Фигурнов П. Критика антимарксистской «теории» кризисов Каутского, № 3—4, стр. 186.
Шейнман М. Социальная демагогия церкви в связи с мировым экономическим кризисом, № 9—10, стр. 203.
Юдин П. Год работы, № 1—2, стр. 115.
Его же. Предисловие к письму Л. Каменева А. Богданову, № 9—10, стр. 197.
Яффе Г. Философские основы неодарвинизма, № 7—8, стр. 196.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД

НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ — 14-й ГОД ИЗДАНИЯ

ВЫХОДИТ 3 РАЗА В МЕСЯЦ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИККИ, **«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»** поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого **«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»** привлекает в 1933 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секции Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый **ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ,** желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, **ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1933 год:

на 1 мес.— 1 руб. 20 коп.
на 3 мес.— 3 руб. 60 коп.
на 6 мес.— 7 руб. 20 коп.
на 12 мес.—14 руб. 40 коп.

а отдельного номера 40 коп.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати при партячейках

Цена 3 руб.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД

НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

12-й год издания

Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В., Митина М. В., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевиствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» об'единяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма; отдел теоретической экономии и теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1933 ГОД:

на 1 год — 18 руб.
на ½ года — 9 руб.
на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки — 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами Союзпечати, всеми письмоносцами, книжными магазинами Книгоцентра, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.